

Г.С. ФИЛАТОВ

ФАШИЗМ,
НЕОФАШИЗМ
И
АНТИФАШИСТСКАЯ
БОРЬБА
В ИТАЛИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ПРИ ЦК КПСС

Г. С. ФИЛАТОВ

ФАШИЗМ,
НЕОФАШИЗМ
И
АНТИФАШИСТСКАЯ
БОРЬБА
В ИТАЛИИ

Ответственные редакторы
Ю. А. КРАСИН, Н. П. КОМОЛОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1984

В книге освещаются вопросы истории итальянского фашизма, характерные черты фашистских методов правления и манипулирования массами. Выявляются закономерности разложения фашистского режима и неизбежный его крах. Специальные очерки посвящены разоблачению заправил фашистского режима Муссолини, Чиано и др. Показан огромный вклад СССР в разгром итальянского фашизма в годы второй мировой войны. Широко освещается массовая борьба итальянского народа против фашизма и ведущая роль компартии в этой борьбе. В специальной главе дается характеристика неофашизма, методов и перспектив борьбы с ним.

Редколлегия:

доктор философских наук
Ю. А. КРАСИН,

доктор исторических наук
Н. П. КОМОЛОВА,

доктор исторических наук
Б. Р. ЛОПУХОВ,

доктор исторических наук
М. Т. МЕЩЕРЯКОВ,

доктор исторических наук
А. О. ЧУБАРЬЯН

Составитель Н. Г. ФИЛАТОВА

Ф $\frac{0504040000-157}{042(02)-84}$ 23—84(кат. II)

© Издательство «Наука», 1984 г.

О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ

Г. С. ФИЛАТОВА

Георгий Семенович Филатов (1923—1982) был видным советским ученым в области новейшей истории Италии, истории международного рабочего и коммунистического движения, истории фашизма и второй мировой войны. Он руководил работой крупных научных коллективов. В течение ряда лет Г. С. Филатов заведовал сектором новейшей истории капиталистических стран Западной Европы¹ Института истории АН СССР, а в последние годы жизни руководил кафедрой международного коммунистического движения Академии общественных наук при ЦК КПСС. Г. С. Филатов внес большой вклад в работу журнала «Новая и новейшая история», членом редколлегии которого он был и где напечатал многие из своих блестящих статей и очерков. Будучи вице-президентом Общества «СССР — Италия», Георгий Семенович много сил отдал укреплению советско-итальянской дружбы.

Научное наследие Г. С. Филатова — около 100 научных работ — включает пять крупных монографий по актуальным проблемам новейшей истории Италии² и множество научных статей, очерков, разделов в коллективных трудах, учебниках, историографических обзоров, рецензий. Под его руководством и с его участием вышли в свет коллективные научные труды по проблемам современного революционного процесса³, а также по истории фашизма

¹ См.: *Филатов Г. С.* Основные направления работы сектора новейшей истории капиталистических стран Западной Европы. — *Новая и новейшая история*, 1979, № 6.

² *Филатов Г. С.* Итальянские коммунисты в движении Сопротивления. М., 1964; *Он же.* Восточный поход Муссолини. М., 1968; *Он же.* Крах итальянского фашизма. М., 1973; *Он же.* Демократические силы Италии против нефашизма. М., 1977; *Комолова Н. П., Филатов Г. С.* Пальмиро Тольятти: Очерк жизни и деятельности. М., 1983.

³ *Борьба коммунистической партии за демократию и социализм* / Под ред. В. В. Лезина, Г. С. Филатова. М., 1968; *Коммунисты и проблемы современного молодежного движения* / Отв. ред. Г. С. Филатов. М., 1976. Г. С. Филатов — член редколлегии в сборниках: *Проблемы мирового революционного процесса*. М., 1981; *Великая Октябрьская социалистическая революция и*

в странах Западной Европы*. В течение ряда лет Г. С. Филатов был ответственным редактором периодических выпусков «Проблем итальянской истории», издаваемых Институтом всеобщей истории АН СССР⁵.

Особое место в научном наследии Г. С. Филатова занимает тема истории фашизма и антифашистского движения. Делу борьбы с фашизмом он служил всю жизнь и как солдат, и как публицист, и как ученый. Весьма символично, что в музее 110-й московской школы, выпускником которой был Г. С. Филатов, рядом с книгой ученого «Крах итальянского фашизма» лежит принадлежавшая ему военно-полевая сумка. Здесь же можно видеть фотографию Г. С. Филатова, снятого в форме офицера Советской Армии. Находясь в 1944—1947 гг. в Риме, где он работал в Союзной комиссии по Италии, Г. С. Филатов был очевидцем агонии фашизма и борьбы за новую, демократическую Италию.

Таким образом, Г. С. Филатов подходил к теме истории итальянского фашизма и антифашизма как свидетель эпохи, остро ощущавший драматизм событий, горячо сочувствовавший мечтам партизан о свободной демократической Италии. Вместе с тем Георгий Семенович своими трудами дал образец строго научного исследования сложнейших проблем нашей эпохи.

Уже первая крупная монография Г. С. Филатова «Итальянские коммунисты в движении Сопротивления»⁶ обратила на себя внимание как советских, так и итальянских историков⁷ высоким уровнем научного исследования. Опираясь на широкий круг источников, автор раскрывает характер и движущие силы итальянского движения Сопротивления, показывает огромный вклад рабо-

страны Западной Европы. М., 1978. Филатов принимал участие в написании коллективных монографий: Против реформизма, за единство рабочего движения / Отв. ред. Е. М. Жуков. М., 1966; Основные этапы развития мирового революционного процесса после Октября. М., 1968.

⁴ История фашизма в Западной Европе / Отв. ред. Г. С. Филатов. М., 1981.

⁵ Проблемы итальянской истории, 1975 / Отв. ред. Г. С. Филатов. М., 1975; Проблемы итальянской истории, 1978 / Отв. ред. Г. С. Филатов. М., 1978; Проблемы итальянской истории, 1982 / Отв. ред. Г. С. Филатов. М., 1983.

⁶ Филатов Г. С. Итальянские коммунисты в движении Сопротивления. М., 1964.

⁷ См. рец.: Новая и новейшая история, 1965, № 1, с. 155—156; Realtà sovietica, 1965, N 145.

И. С. Фомин.

чего класса в развитие вооруженной партизанской борьбы, антифашистского забастовочного движения на фабриках, в подготовку и проведение национального антифашистского восстания. В книге выявлена также огромная роль коммунистов в движении Сопротивления на всех решающих этапах его развития. Серьезное внимание уделено Г. С. Филатовым международной обстановке, в которой развивалось Сопротивление. Решающие вехи антифашистской борьбы, делает вывод автор, были связаны с победами СССР на Восточном фронте.

Участие фашистской Италии в войне против СССР и разгром ее армии на советско-германском фронте стали темой второй монографии Г. С. Филатова «Восточный поход Муссолини»⁸. Создавая эту книгу, Георгий Семенович изучил многочисленные мемуары бывших офицеров итальянской армии и рассказы солдат, вернувшихся в Италию с Восточного фронта, мемуары заправил фашистского режима, донесения итальянского генштаба, показания итальянских военнопленных, хранящиеся в архивах генштаба Советской Армии.

«Поход на Восток» показан в книге Филатова как бесславная и в то же время трагическая страница в истории Италии, как трагедия без героя. Ее действующие лица, несущие в той или иной мере личную долю ответственности за содеянное преступление,— и «вожди» итальянского фашизма, и простые «винтики» военной фашистской машины: генералы и офицеры, обманутые солдатские массы.

Автор размышляет о том, почему никто из окружения Муссолини, понимая обреченность восточной авантюры, не выступил, однако, тогда же против линии дуче. Причину этого он видит в тех методах управления, которые господствовали при фашистском режиме, в его внутренних законах, наконец, в тех психологических критериях, которые определяли подбор кадров в различных звеньях фашистской государственной машины. Он показывает, что дуче были нужны «пешки», послушные исполнители. Тот, кто имел неосторожность высказывать собственное мнение, обычно не долго удерживался на посту и заменялся другим, менее строптивым исполнителем.

Итальянская армия в России, состоявшая из рабочих, крестьян, представителей средних городских слоев, интеллигенции, показана в книге как своеобразный микромир,

⁸ Филатов Г. С. Восточный поход Муссолини. М., 1968.

в котором в силу исторических обстоятельств раньше всего выявились те процессы, которые затем разовьются в итальянском обществе в целом. Соприкосновение итальянских солдат и офицеров с советской действительностью — с мощью Советской Армии, с достижениями мирного строительства советского народа — побуждало их к размышлениям, подрывало в них веру в фашистскую пропаганду, способствовало становлению нового антифашистского сознания.

Книга «Восточный поход Муссолини» была с большим интересом встречена научной общественностью в нашей стране⁹. К. М. Симонов в статье «Не забыто и не будет забыто», опубликованной в «Правде» 28 февраля 1969 г., писал, что исследование Г. С. Филатова открывает много новых страниц войны, что автор «оперирует огромным фактическим материалом». Подчеркивая научное и политическое значение рецензируемой книги, К. М. Симонов отмечал, что в ней показано, как очень многие итальянцы, посланные Муссолини на Восток, «в результате испытаний этого похода и в результате встреч с советскими людьми стали убежденными антифашистами и приняли участие в вооруженной борьбе и против итальянского, и против немецкого фашизма». Большая научная значимость и актуальность книги «Восточный поход Муссолини» отмечались и на страницах итальянской печати¹⁰.

Рецензенты отмечали, что книга Г. С. Филатова является большим вкладом в разработку истории Италии периода второй мировой войны, что его исследование основано на многочисленных итальянских источниках и «на советском, до сих пор неизвестном материале»¹¹. Подчеркивалось, что книга советского историка — это «прежде всего осуждение безумия Муссолини»¹², бросившего итальянские войска на Восточный фронт. Говорилось и о том, что «подкупает стиль книги Филатова», написанной «легко и остроумно». Автор книги, читаем в одной из рецензий, проявил себя «не только как специалист по итальянским проблемам, умеющий работать

⁹ См. рец.: Новая и новейшая история, 1965, № 1; История СССР, 1970, № 1; Воен.-ист. журн., 1970, № 2.

¹⁰ L'Unità, 1969, 7 mar; Corriere della sera, 1969, 1 mar.; Giorno, 1969, 1 mar.

¹¹ Roma, 1979, 3 ott.

¹² Corriere della sera, 1979, 14 ott.

с книгами и документами... Филатов — это также писатель, который умеет приковать к своей книге внимание читателя»¹³.

Итоги глубокого исследования кризиса и крушения муссолиниевского режима были обобщены Г. С. Филатовым в его главном труде — монографии «Крах итальянского фашизма»¹⁴. Эта книга вошла в золотой фонд советских работ, посвященных новейшей истории Италии, а также истории второй мировой войны. Г. С. Филатов опирался на обширный круг источников: многочисленные издания опубликованных документов, периодическую печать различных направлений, мемуары, переписку, изучал архивы Министерства иностранных дел СССР и Министерства обороны СССР. Автор имел также возможность работать в библиотеках Италии и Франции, использовал коллекцию итальянской печати, хранящуюся в Национальной библиотеке в Париже, документы и периодику из Института Грамши при ЦК ИКП в Риме.

Исследуя крушение фашистской системы, Г. С. Филатов не ограничивался только историей военных лет. Он вводит в круг своего исследования и период второй половины 30-х годов. Автор сумел всесторонне раскрыть процесс загнивания, разложения и краха фашистского режима в Италии. Он прослеживает, как постепенно этот процесс затрагивал все сферы государственной и общественной жизни: экономику, политику, дипломатию, идеологию — и привел к краху военной стратегии, к разложению армии и военному разгрому.

Центральное место в монографии занимает тема участия Италии во второй мировой войне и ее поражения. Вступление Италии в войну показано как логическое завершение всей предшествующей империалистической политики фашистской клики, тесно связанной с монополиями. Автор разоблачает апологетов фашизма, которые пытаются свалить всю вину за военную авантюру Италии на одного Муссолини, и показывает коллективную ответственность фашистской иерархии и монополистических кругов.

В книге Г. С. Филатова большое место отводится показу определяющего вклада советского народа в разгром фашизма. «Решающее значение, — пишет автор, — имел тот факт, что миру капитализма и его порожде-

¹³ *Giorno*, 1979, 11 ott.

¹⁴ *Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма. М., 1973.*

нию — фашизму противостояла страна социализма — Советский Союз»¹⁵.

На материале книги очевидно, что победы в войне Советского Союза не только явились мощным катализатором, ускорившим процесс разложения фашистского режима, но и стимулировали активность антифашистских сил, развитие народного антифашистского движения, придавая ему черты классовой борьбы.

Большим достоинством работы является то, что автор сумел выявить общие закономерности развития фашистского режима в Италии и его национальную специфику, отличающую его, например, от германского фашизма. Труд Г. С. Филатова является, таким образом, важным научным вкладом в разработку общей истории фашизма как одной из исторических форм буржуазной диктатуры.

Книга Г. С. Филатова «Крах итальянского фашизма» получила высокую оценку в советской научной печати¹⁶. Доктор исторических наук Н. А. Ковальский отмечал, например, что «книга Г. С. Филатова — единственная работа, в которой столь полно показано всестороннее влияние борьбы советского народа на крах итальянского фашизма». Он обращал внимание и на высокие литературные достоинства книги, написанной живо и ясно. «В этом отношении,— заключал рецензент,— автор следует лучшим традициям русской и советской исторической литературы»¹⁷.

С большим интересом книга «Крах итальянского фашизма» была встречена также итальянской критикой. В журнале «Рассенья советика» был напечатан обстоятельный разбор книги, сделанный историком-марксистом Р. Ризалити. Высоко оценивая новую книгу Г. С. Филатова, он писал, что это «одно из самых глубоких и, может быть, самых блестящих исследований, изданных до сих пор по этому вопросу»¹⁸. В заключение рецензент делал вывод, что исследование советского историка «представляет значительный вклад в разработку новейшей истории Италии»¹⁹.

¹⁵ Там же, с. 81.

¹⁶ См. рец.: Ковальский Н. А.— Новая и новейшая история, 1974, № 1; Бочаров И. Н.— Вопр. истории, 1973, № 9; Амбарцумов Е.— Лит. газ., 1973, 26 дек.

¹⁷ Новая и новейшая история, 1974, № 1, с. 195.

¹⁸ *Risaliti R.*— *Rassegna sovietica*, 1973, N 3, p. 162.

¹⁹ *Ibid.*, p. 163.

В 1977 г. монография «Крах итальянского фашизма» выходит в Польше²⁰, где на нее появилось около 10 рецензий в польских газетах и журналах. А в 1980 г. в переработанном для итальянского читателя виде книга Г. С. Филатова выпускается миланским издательством «Тети»²¹.

Главная книга Г. С. Филатова и поныне сохраняет свое научное значение. Через десять лет после ее выхода в свет журнал «Новая и новейшая история» отмечал, что «Крах итальянского фашизма» «по праву можно считать вкладом фундаментального значения в исследование не только итальянского, но и фашизма в других странах. Ее появление выдвинуло Г. С. Филатова на одно из первых мест среди советских ученых, занимающихся проблемами истории фашизма»²².

Особенность научного творчества Г. С. Филатова — его умение откликаться на наиболее острые проблемы дня. В начале 70-х годов большую озабоченность прогрессивной общественной мысли за рубежом вызывала активизация неофашизма в Западной Европе. К итальянскому аспекту этой темы обращается и Г. С. Филатов. Результаты нового исследования были обобщены им в монографии «Демократические силы Италии против неофашизма»²³. Причину возрождения неофашизма автор справедливо видит в незавершенности антифашистской демократической революции, начавшейся в период Сопротивления, и намеченных ею социально-политических преобразований. Классовую поддержку, как видно из книги, неофашистские партии находят у монополий, руководящие кадры организации формируют из бывших приспешников Муссолини, а социальную базу ищут в наименее политически зрелой среде — в мелкобуржуазных массах Юга, в рядах студенчества, школьников, а также среди люмпен-пролетариев и отсталой в политическом отношении части рабочего класса.

Г. С. Филатов вскрывает связь между кризисными процессами в политической системе капиталистической Италии и возникновением той социальной почвы, которую использует фашизм в своих целях. «В начале 70-х го-

²⁰ *Filatov G. S. Upadok włoskiego fascizmu. Ksiaska i Wiedza. S. 1, 1977.*

²¹ *Filatov Jurij. La caduta del fascismo. Milano: Teti, 1980, p. 378.*

²² Новая и новейшая история, 1982, № 3, с. 223.

²³ *Филатов Г. С. Демократические силы Италии против неофашизма. М., 1977.*

дов,— делает вывод автор,— неофашизм выглядел довольно серьезной угрозой итальянской демократии»²⁴.

Впервые в советской исторической науке Г. С. Филатов воссоздает развитие борьбы итальянских демократических сил против фашистской опасности в послевоенный период, выделяет ряд этапов этой борьбы, различных по целям и масштабам действий, анализирует их тактику. Выявляя сильные и слабые стороны борьбы итальянских коммунистов в защиту демократии, автор справедливо заключает, что главным условием окончательной ликвидации в Италии угрозы справа «остается глубокая перестройка экономической и социальной структуры страны»²⁵.

Новое исследование Г. С. Филатова приобрело актуальное звучание, ибо рассмотрение неофашизма в отдельных странах обогащает международный опыт борьбы рабочего класса против фашизма²⁶. Известный советский специалист доктор исторических наук А. А. Галкин оценил книгу Г. С. Филатова как «серьезное исследование, значительно продвигающее вперед изучение крайне важной проблематики борьбы с неофашизмом»²⁷.

В значительной мере с антифашистской тематикой связана и последняя книга Г. С. Филатова, написанная в соавторстве с Н. П. Комоловой. Книга посвящена руководителю итальянской компартии, выдающемуся деятелю международного коммунистического движения Пальмиро Тольятти²⁸. В основе этой работы — анализ всех основных трудов П. Тольятти, изданных как на русском, так и на итальянском языке. Широко использованы публикации воспоминаний современников. В книге ярко раскрыта антифашистская деятельность Тольятти, его неустанные, полные риска усилия, направленные на сохранение компартии в глубоком подполье в условиях режима Муссолини, на развертывание движения Сопротивления.

²⁴ Филатов Г. С. Там же, с. 126.

²⁵ Там же, с. 173.

²⁶ Рец. на кн.: Дорозеев С. И.— Новая и новейшая история, 1978, № 1; Галкин А. А.— Вопр. истории, 1978, № 7; Гинцберг Л. И.— Рабочий класс и соврем. мир, 1978, № 2; Rivista di storia contemporanea, 1978, genн.

²⁷ Вопр. истории, 1978, № 7, с. 181.

²⁸ Комолова Н. П., Филатов Г. С. Пальмиро Тольятти: Очерк жизни и деятельности. М., 1983.

Исследуя ту или иную тему, Г. С. Филатов обычно еще до написания монографии публиковал серию статей и очерков, посвященных различным ее аспектам и сюжетам. Далеко не все материалы этих статей вошли потом в монографии автора и потому они имеют самостоятельное значение. Кроме того, ряд статей написаны и опубликованы Г. С. Филатовым уже после издания той или иной его книги и представляют собой дальнейшее теоретическое углубление изучаемых им проблем.

Большой научный вклад представляют работы Г. С. Филатова по общим вопросам изучения истории фашизма и антифашистской борьбы. Во «Введении», написанном Г. С. Филатовым к коллективному труду «История фашизма в Западной Европе», подготовленному под его руководством в Институте всеобщей истории АН СССР²⁹, автор подчеркивал: «Марксисты учитывают всю совокупность факторов, как способствующих, так и противодействующих реализации фашистского потенциала, таящегося в недрах капиталистического общества. Изменения в соотношении сил между двумя противоборствующими системами, рост влияния рабочего класса на важнейшие социально-экономические и политические процессы современности, его растущая способность объединять вокруг себя широкие антифашистские силы, наконец, накопленный народами исторический опыт — все это резко ограничивает возможности реакции»³⁰. Опыт истории фашизма рассматривается, таким образом, с позиции активной борьбы и исторического оптимизма. Г. С. Филатов формулирует также весьма важный тезис о многогранности феномена фашизма, имеющего политические, экономические и социально-психологические аспекты. «В политической и социально-экономической сферах, — пишет автор, — раскрывается его сущность как специфического метода отстаивания классового господства наиболее реакционных элементов монополистического капитала, как своеобразного варианта государственно-монополистических порядков»³¹.

Важным вкладом в разработку общих проблем истории фашизма явилась написанная ранее статья Г. С. Фила-

²⁹ Труд этот был по достоинству оценен научной критикой. См. рец.: Галкин А. А. — Новая и новейшая история, 1979, № 1; Галкин И. С. — Вопр. истории, 1979, № 10, с. 140—143. Рецензии появились также в Болгарии, Венгрии, ГДР.

³⁰ История фашизма в Западной Европе, с. 4.

³¹ Там же, с. 5.

това «Вопросы истории фашизма и современность»³². Подчеркивая общие черты, присущие фашизму в различных странах, — опору на монополистический капитал, террор как основной метод управления, попытки создать массовые фашистские организации, активное государственное вмешательство в экономику, реваншизм во внешней политике, Г. С. Филатов напоминает указание Г. Димитрова о необходимости «конкретного изучения и учета своеобразия развития фашизма и различных форм фашистской диктатуры в отдельных странах и на различных этапах»³³. Следуя этому методологическому указанию, автор сопоставляет германский, итальянский и испанский фашизм, выясняя их специфику³⁴.

Показывая историческую несостоятельность фашизма, оказавшегося неспособным решить внутренние противоречия капиталистических стран, Г. С. Филатов вместе с тем подчеркивает, что после второй мировой войны буржуазное общество не было застраховано от угрозы возобновления черной опасности, и выявляет причины и условия появления неофашизма.

С методологической точки зрения обращает на себя внимание работа Г. С. Филатова «Типология фашистских режимов и особенности итальянского фашизма»³⁵. В основу этой работы был положен доклад, с которым Георгий Семенович выступил на совместном научном симпозиуме советских и польских историков, состоявшемся в 1978 г. в Москве. Г. С. Филатов обращается здесь к вопросу о главном критерии для типологии государственно оформившегося фашизма. «Таким критерием, — поясняет он, — считается степень концентрации власти в руках фашистской верхушки и сросшихся с ней экстремистских фракций монополистического капитала. Этот вывод вытекает из известного определения фашизма, выработанного Коминтерном. На первый план здесь ставится отношение между фашистской верхушкой и стоящими за ее спиной фракциями монополистического капитала, с одной стороны, и государством и гражданским обществом — с другой»³⁶.

³² Филатов Г. С. Вопросы истории фашизма и современность. — Коммунист, 1967, № 18.

³³ Димитров Г. Избр. произведения. М., 1957, т. 1, с. 456.

³⁴ См. также статью: Филатов Г. С. Итальянский фашизм и его крах. — Новая и новейшая история, 1972, № 3, с. 125—127.

³⁵ Филатов Г. С. Типология фашистских режимов и особенности итальянского фашизма. — В кн.: Фашизм и антидемократические режимы в Европе. М., 1981.

³⁶ Там же, с. 10.

Г. С. Филатов подчеркнул далее, что историки-марксисты, учитывая национальную специфику тоталитарных режимов в различных странах, особо выделяют их общие черты и рассматривают фашизм как явление международное, порожденное общим кризисом капитализма. «Важное методологическое требование, которого следует придерживаться при изучении фашизма,— отметил дальше автор,— это рассмотрение его в комплексе с антифашистской борьбой». При этом, отмечает он, «не остается места для попыток поставить на одну доску пассивный моральный протест против фашизма и решительную героическую борьбу коммунистов с фашизмом»³⁷.

Общие проблемы истории фашизма рассматриваются и в статье Г. С. Филатова «Историческое значение разгрома фашизма в Европе в ходе второй мировой войны»³⁸. Здесь автор ставит своей задачей ответить на вопрос, «чем был фашизм, какие политические и социальные силы вызвали его к жизни и что он принес народам Европы».

Г. С. Филатов решительно выступает против попыток буржуазных историков реабилитировать фашистские режимы, существовавшие в Европе между двумя мировыми войнами, что осуществляется ими под маской «исторической объективности». Равным образом принципиальная критика автора направлена и против концепции левозэкстремистских «теоретиков», стирающих грань между буржуазно-демократическим и фашистским государством. Выявление характерных черт фашизма как террористической диктатуры наиболее реакционных кругов монополистического капитала позволяет правильно оценить историческое значение ликвидации фашистских режимов во время второй мировой войны.

Значительная часть работ Г. С. Филатова посвящена проблемам истории итальянского фашизма и его краха. Обращает на себя внимание серия статей, опубликованных в 1972 г.³⁹, в которых дается глубокий анализ социально-экономической политики и идеологии итальянского фашизма, прослеживается процесс разложения режима, начавшийся в 30-е годы, и его разгром в годы второй мировой войны. Специальный раздел посвящен

³⁷ Там же, с. 15.

³⁸ Статья впервые публикуется в настоящем издании.

³⁹ Филатов Г. С. Итальянский фашизм и его крах.— Новая и новейшая история, 1972, № 1, с. 102—120; № 2, с. 109—125; № 3, с. 114—127.

автором исследованию корпоративного государства и политики автаркии. Автор аргументированно разоблачает демагогический характер фашистской пропаганды, целью которой было убедить в «надклассовом» характере корпораций, представить их «арбитром» между трудом и капиталом, «новым типом» руководства экономикой в интересах «всей нации». В действительности, как это показано автором, корпорации использовались монополиями для своих целей: извлечения высоких прибылей, подавления более слабых конкурентов на внутреннем рынке, подготовки империалистических захватов, не имевших ничего общего с подлинными интересами нации.

Г. С. Филатов приходит к выводу, что корпорации не сумели выполнить те функции, которые возлагала на них фашистская верхушка: корпоративная система не только не привела к созданию мощного военного потенциала, но, напротив, обнаружила свое банкротство уже накануне войны и породила недовольство и сомнения внутри самого фашистского блока, способствовала выявлению оппозиции в рядах фашистской партии и особенно среди фашистской молодежи.

Автор показывает, что, несмотря на террористический характер фашистской диктатуры и стремление растлить народные массы посредством националистической пропаганды и социальной демагогии, Муссолини не удалось до конца подчинить народные массы реакционному правящему блоку, не удалось, выражаясь современным языком, полностью «интегрировать» их в фашистскую государственную систему. Г. С. Филатов прослеживает процесс назревания в Италии 30-х годов «кризиса низов», показывает активизацию подпольной деятельности коммунистов, социалистов и других антифашистских групп и течений. Большое внимание уделено и относительно мало исследованному процессу развития оппозиционных настроений и течений внутри самих фашистских организаций, главным образом молодежных и студенческих.

Исследуя кризис фашистской верхушки в Италии, Г. С. Филатов пишет яркие документальные очерки: «Последние дни Муссолини»⁴⁰, «Взлет и падение Галеаццо Чиано»⁴¹. В этих очерках автору удалось показать ат-

⁴⁰ Филатов Г. С. Последние дни Муссолини.— Новая и новейшая история, 1965, № 2, 3.

⁴¹ Филатов Г. С. Взлет и падение Галеаццо Чиано (Кризис фашистской верхушки в Италии).— Новая и новейшая история, 1968, № 4, 5.

мосферу, которая царила в правящих кругах Италии в годы войны, создать беспощадные по своей разоблачительности портреты заправил фашистского режима, вскрыть связь фашистских иерархов с различными империалистическими группами. Автор прослеживает карьеру и бесславный конец ближайшего сподвижника дуче — его зятя и министра иностранных дел Г. Чиано, используя для этого критически изученный им «Дневник Г. Чиано» и дополняя его другими мемуарами и исследованиями. Судьба Чиано, считает автор, несомненно, интересна. И дело здесь не только в необычности жизненного пути этого персонажа, который долго считался наиболее близким человеком из окружения Муссолини, затем стал его заклятым врагом и был расстрелян чернорубашечниками. «Чиано, — пишет автор, — был типичным представителем той части итальянской крупной буржуазии, которая привела фашизм к власти и долгое время отождествляла с ним свою судьбу. Переход от непрерывного обожания Муссолини к внутреннему протесту и наконец к открытому бунту против бывшего кумира с необычной четкостью иллюстрирует отрыв итальянских правящих групп от Муссолини на последнем этапе существования фашистского режима, когда выяснилась неизбежность его крушения и краха «оси» Берлин — Рим»⁴².

С интересом читается очерк о последних днях Муссолини, написанный как живой исторический репортаж. В атмосферу описываемых Г. С. Филатовым событий хорошо вводят личные воспоминания автора, которыми он делится в другой своей статье, посвященной этому же сюжету, и которые здесь было бы уместно привести. «Автор этих строк, — писал Г. С. Филатов, — в то время офицер Советской Армии, весной 1945 года, когда вся Италия праздновала окончание войны, оказался в городе Донго. Почти ничто не говорило о том, что лишь несколько дней назад в окрестностях этого городка итальянские партизаны свели счеты с Муссолини и его приспешниками. О том, как это произошло, я узнал от участников тех событий...»⁴³. В очерке о последних днях Муссолини Г. С. Филатов приводит многочисленные воспоминания

⁴² Филатов Г. С. Взлет и падение Галеаццо Чиано: (Кризис фашистской верхушки в Италии). — Новая и новейшая история, 1968, № 4, с. 69—70.

⁴³ Филатов Г. С. Начинали они так... а вот как кончили. — Неделя, 1965, № 19, 2—8 мая, с. 22.

современников — свидетелей краха фашистского режима и бесславного конца дуче⁴⁴.

Важное место в творческом наследии Г. С. Филатова занимают работы по истории антифашистского движения в Италии, которое завершилось национально-освободительной партизанской войной и привело к окончательному краху режима. Эпопея антифашистской борьбы итальянского народа стоила многих жертв, выдвинула на передовые рубежи итальянскую компартию, породила блестящую плеяду героев-антифашистов, среди которых — имена руководителей ИКП: А. Грамши, П. Тольятти, Л. Лонго, а также имена многих рядовых коммунистов. Яркие очерки посвящает Г. С. Филатов мужественным борцам против фашизма — выдающимся деятелям итальянской компартии Антонио Грамши⁴⁵ и Пальмиро Тольятти⁴⁶.

Значительный интерес представляют доклады и сообщения Г. С. Филатова и на научных, в том числе международных, конференциях: «Вклад Антонио Грамши в изучение итальянского фашизма» (ГДР, Берлин, 1977), «П. Тольятти и Г. Димитров» (София, 1980)⁴⁷, «П. Тольятти — организатор борьбы против итальянского фашизма» (Москва, 1981)⁴⁸. Из этих докладов ранее был опубликован только один — «Вклад Антонио Грамши в изучение итальянского фашизма». Он вошел в изданный на немецком языке в ГДР сборник «Антонио Грамши —

⁴⁴ Филатов Г. С. Последние дни Муссолини.

⁴⁵ Филатов Г. С. Антонио Грамши: (К 75-летию со дня рождения). — *Вопр. истории КПСС*, 1966, № 1.

⁴⁶ Филатов Г. С. Пальмиро Тольятти. — В кн.: *Книга для чтения по новейшей истории (1945—1978): Пособие для учащихся старших классов / Под ред. Н. Н. Яковлева*. М., 1979; *Комолова Н. П., Филатов Г. С.* Пальмиро Тольятти: выдающийся деятель итальянского и международного коммунистического движения. — *Новая и новейшая история*, 1980, № 4, 5, 6.

⁴⁷ Доклад Г. С. Филатова на международном коллоквиуме «Ленинизм — символ социального и духовного обновления мира», состоявшемся в Софии 3—4 октября 1980 г. См. интервью Г. С. Филатова: *Антени*, 1980, 15 окт. На болгар. яз. Впервые публикуется в настоящем издании.

⁴⁸ Доклад Г. С. Филатова на научной конференции в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (16 марта 1981 г.), посвященной 60-летию ИКП и организованной совместно с АОН при ЦК КПСС и Институтом международного рабочего движения. См.: *Адимов В. А., Черкасов Р. Ф.* В честь юбилеев коммунистических партий. — *Вопр. истории КПСС*, 1981, № 6, с. 147. Впервые публикуется в настоящем издании.

революционер и интернационалист»⁴⁹ и до сих пор большинству советских историков оставался неизвестным. В этой примечательной работе содержится глубокий анализ взглядов А. Грамши по вопросам классовой сущности итальянского фашизма и характера его массовой базы, которые Грамши отстаивал в острой полемике с буржуазными концепциями. Работа эта интересна также и тем, что в ней прослеживается развитие мысли А. Грамши о путях антифашистской борьбы в Италии, о задачах антифашистского фронта, о возможности промежуточного этапа между свержением фашизма и борьбой рабочего класса за власть.

Привлекают внимание и многочисленные работы Г. С. Филатова о движении Сопротивления в Италии. И это прежде всего потому, что на них во многом лежит печать личных впечатлений автора, работавшего тогда в Риме. «Ветер с Севера» — где шла антифашистская освободительная война — веял и над итальянской столицей. Здесь в кругах политических партий обсуждались проблемы антифашистской борьбы, шли переговоры посланцев партизан с представителями англо-американского военного командования, обсуждались пути политического развития страны, освобождавшейся от ярма фашизма и гитлеровской оккупации. После национального восстания 25 апреля 1945 г. в Риме находились многие бывшие руководители Сопротивления и партизанские командиры, с которыми Георгий Семенович надолго связала большая личная дружба. Впоследствии Г. С. Филатов, как историк Сопротивления, не раз бывал в Италии на конференциях, проводимых Национальной ассоциацией итальянских партизан (АНПИ), участвовал во встречах в Москве с бывшими итальянскими партизанами. Георгий Семенович тщательно исследовал документы партизанской борьбы и сумел дать глубокое научное исследование внутренней истории итальянского движения Сопротивления в его целостности и вместе с тем сложности и противоречивости.

Широкая панорама движения Сопротивления, «охватившего различные партии и народные массы Италии», воссоздается Г. С. Филатовым в главе, опубликованной в коллективном труде по Сопротивлению в странах Ев-

⁴⁹ См.: *Filatov G. S. Die Bedeutung der Arbeiten Antonio Gramsci für die Historiographie des italienischen Faschismus.* — In: *Antonio Gramsci — Revolutionär und Internationalist.* В., 1978. На русском языке публикуется впервые в настоящем издании.

ропы⁵⁰. Эта работа написана в живой манере, изобилует яркими историческими фактами. В ней вместе с тем дан четкий анализ расстановки классовых сил в стране, позиций различных классов и партий, ход военных и политических событий движения Сопротивления. Раскрывая решающую роль итальянских коммунистов в борьбе за национальное освобождение страны, Г. С. Филатов отдает должное вкладу в движение Сопротивления других антифашистских партий левого крыла — Партии действия и социалистической партии. Выявляя руководящую роль в Сопротивлении итальянского рабочего класса, автор не ограничивается словесной формулой, а очень удачно раскрывает эту идею на примере мартовской всеобщей забастовки 1944 г. Он показывает, что именно успехи в Сопротивлении рабочего класса стали решающим фактором активизации антифашистской борьбы крестьян.

В статье «Руководящая роль ИКП в движении Сопротивления» Г. С. Филатов⁵¹ убедительно раскрывает огромные усилия коммунистов, руководимых П. Тольятти и Л. Лонго, по организации Сопротивления, их инициативу в создании вооруженных партизанских сил, их наибольший вклад в боевые действия партизан. Но этим, по его мнению, не исчерпывается роль ИКП в Сопротивлении. «Вся деятельность компартии по созданию вооруженных сил и сплочению антифашистских партий, — пишет автор, — была подчинена одной задаче — придать борьбе массовый, всенародный характер. Сделать это было значительно труднее, чем создать партизанские отряды, так как большинство партий КНО не поддерживало идею массовой борьбы, а либералы и демохристиане всячески ей противились. Однако компартия сумела выполнить эту задачу, и это ей удалось сделать благодаря той безусловной поддержке, которой пользовалась ее политика со стороны итальянского рабочего класса»⁵². Отметим также, что автор статьи избегает соблазна представить движение Сопротивления делом одной партии — ИКП. Он понимает, что поступать таким образом значит «не только обеднять общенациональное значение Сопротивления, но

⁵⁰ Филатов Г. С. Италия. — В кн.: Антифашистское движение Сопротивления в годы второй мировой войны. М., 1962, с. 591—645. В настоящее издание она включена под названием «Итальянское движение Сопротивления».

⁵¹ Филатов Г. С. Руководящая роль ИКП в движении Сопротивления (1943—1945 гг.) — В кн.: 40 лет Итальянской коммунистической партии. М., 1961.

⁵² Там же, с. 130.

и не иметь возможности показать значение инициативы Коммунистической партии в развертывании общих усилий»⁵³.

Г. С. Филатова живо интересуют судьбы участников движения Сопротивления, и он создает великолепные портреты его героев: Джованни Пеше, Эудженио Куриэля, Данте Ди Нанни, братьев Черви⁵⁴. Эти очерки раскрывают не только талант Г. С. Филатова-историка, но и его литературный дар. Стиль очерков отличается ясностью и простотой. Описание мужественных поступков борцов лишено ложного пафоса, но исполнено правды жизни и подлинного драматизма. Автор вместе со своими героями переживает их трагическую судьбу и создает атмосферу личной сопричастности к описываемым событиям. Это ощущение усиливается и авторскими размышлениями. В очерке о Данте Ди Нанни Г. С. Филатов вспоминает, например, как в 1950 г., когда он работал в советском павильоне на Международной выставке в Турине, в один из воскресных дней итальянские товарищи повезли его к месту гибели Ди Нанни. «Вскоре вокруг нас,— пишет Г. С. Филатов,— остановилось несколько человек из соседних домов. Никто из них сам не присутствовал при подвиге молодого героя, однако каждый по-своему рассказывал подробности этого боя, услышанные со слов других. И я подумал, что уже сложились народные сказания, которые будут передаваться из поколения в поколение»⁵⁵.

Особое место в проблематике антифашистской борьбы занимает доклад Г. С. Филатова «Внешняя политика СССР по отношению к Италии в конце второй мировой войны», с которым он выступал 28 марта 1976 г. на международной конференции в Милане, изданный затем в Италии⁵⁶. В этой работе Г. С. Филатов, опираясь на опубликованные в нашей стране документы, убедительно показывает важную роль советской внешней политики для борьбы прогрессивных сил Италии за национальное освобождение и демократическое развитие своей страны.

Г. С. Филатов много сил отдал изучению нефашистских тенденций в Италии в послевоенный период. В ста-

⁵³ Там же, с. 127.

⁵⁴ Герои Сопротивления. М., 1970 (2-е изд.: М., 1977).

⁵⁵ Там же, с. 215.

⁵⁶ В кн.: *L'Italia dalla liberazione alla Repubblica*. Milano, 1977, p. 133—144. На русском языке впервые публикуется в настоящем издании.

тье «Неофашизм в Италии»⁵⁷ рассмотрены социальные корни и социальная база неофашизма, его организационные формы и методы борьбы, прослеживается его эволюция. Привлекает внимание проделанный Г. С. Филатовым анализ программы и идеологии неофашистского движения. В этой работе, а также в специальной статье, посвященной идеологии неофашизма⁵⁸, дан анализ программы и идейных установок неофашистской партии «Итальянское социальное движение» (ИСД), ее политической терминологии и символики. Автор показывает, что неофашисты в силу официального запрета бывших организаций Муссолини не могли открыто апеллировать к его идейному наследию. Тем не менее осторожно и закамуфлированно они черпали свои «идеи» именно из багажа времен «Республики Сало». Характерными лозунгами неофашистов автор считает призывы к возврату территорий, потерянных Италией в результате второй мировой войны, «идею» покончить со всеми последствиями «революций прошлых веков», пропаганду реабилитации режима Муссолини.

Вторая часть статьи «Итальянский неофашизм»⁵⁹ посвящена борьбе итальянских трудящихся против черной опасности. Эта борьба рассматривается Г. С. Филатовым в контексте сложной обстановки в Италии, сложившейся в 60—70-е годы, и в рамках общеполитической борьбы трудящихся масс и их политических партий.

Г. С. Филатов пристально следил за развитием итальянской исторической науки, всегда стремился быть в курсе новых вышедших в Италии книг и судебных итальянских коллег. Он оставил множество опубликованных рецензий на крупные работы итальянских историков, писал историографические обзоры и статьи, стремился выявить школы и определить тенденции развития итальянской исторической науки. Некоторые итоги этой работы были обобщены Г. С. Филатовым в главах по итальянской историографии для учебника «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки»⁶⁰, подготов-

⁵⁷ Филатов Г. С. Неофашизм в Италии.— Новая и новейшая история, 1977, № 1, 2.

⁵⁸ Филатов Г. С. Идеология итальянского неофашизма.— В кн.: Критика идеологии неофашизма. М., 1976.

⁵⁹ В настоящее издание она вошла под названием «Итальянские демократы против неофашистской стратегии напряженности».

⁶⁰ Филатов Г. С. Итальянская историография (1918—1945). (В соавторстве с И. В. Григорьевой).— В кн.: Историография новой

ленного Московским университетом. Значительная часть историографических статей и рецензий Г. С. Филатова посвящена проблемам итальянского фашизма и антифашизма.

Георгию Семеновичу всегда был присущ интерес к человеку, к его внутреннему миру, его собственным суждениям. Эта черта исследователя проявилась и в подходе к историографии. Он внимательно относился к разбору взглядов и концепций итальянских историков. Многие из них были сами активными участниками Сопротивления — Р. Батталья, К. Павоне, П. Секкья, Ч. Москателли, Ф. Фрассати, Л. Вальяни и др. Георгий Семенович был с ними знаком лично и относился к ним с большой симпатией. Это не помешало ему, однако, при бережном изложении позиций этих историков, вести с ними принципиальную научную полемику по ряду сложных вопросов истории Сопротивления, по оценке его внутренних и внешнеполитических аспектов.

Одна из ранних опубликованных работ Г. С. Филатова — рецензия на книгу историка итальянского движения Сопротивления Роберто Батталья⁶¹, который первым в Италии разработал марксистскую концепцию итальянского движения Сопротивления.

Г. С. Филатов изучает не только важнейшие зарубежные монографии по теме, но и статьи. Особое внимание уделяет он материалам итальянского журнала по истории освободительного движения в Италии «Мовименто ди либерационе ин Италия», в котором сотрудничали историки коммунисты, социалисты и левые демократы. Разбор этого журнала Г. С. Филатов дает в специальной статье⁶².

Анализу основных концепций истории Сопротивления посвящена и статья Г. С. Филатова «Проблема второго Рисорджименто в историографии итальянского Сопротивления»⁶³. Определяющим моментом в классификации различных историографических школ для Г. С. Филатова является классово-политический принцип. Он справедливо отмечает, что научная полемика по вопросам истории

и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968; *Он же*. Итальянская историография (1945—1964). — Там же.

⁶¹ Филатов Г. С. Роберто Батталья. История итальянского движения Сопротивления. — Вопр. истории, 1955, № 3.

⁶² Филатов Г. С. Журнал по истории итальянского движения Сопротивления. — Новая и новейшая история, 1962, № 4.

⁶³ В кн.: Объединение Италии. М., 1963, с. 208—236.

Сопrotивления является прямым продолжением идейно-политической борьбы, которая развивалась внутри самого антифашистского движения, а по окончании войны — в итальянском обществе.

Идеологическую борьбу между историографическими школами Г. С. Филатов фокусирует вокруг проблемы «второго Рисорджименто», т. е. соотношения между итальянским движением Сопrotивления и национально-освободительной борьбой итальянского народа в середине XIX в. Автор отмечает, что, широко оперируя термином «второе Рисорджименто», буржуазные историки ограничивают свои суждения о двух эпохах областью духа и идей, выдвигая на передний план внешние стороны явлений, а не их конкретное содержание.

«Для историка-марксиста, — пишет он, — очевидно, что вопрос об исторических связях и преемственности между эпохой объединения Италии и национально-освободительной борьбой 1943—1945 гг. и, следовательно, о правомерности термина „второе Рисорджименто“ можно решить лишь на основе анализа внутреннего содержания этих двух исторических эпох, расстановки классовых сил, сравнения их социальных и политических задач и целей»⁶⁴. Подводя итоги историографическому анализу, Г. С. Филатов определяет и свое отношение к проблеме. «Сопrotивление и Рисорджименто, — пишет он, — были великими национальными и социальными переворотами, которые, разбивая оковы реакционных порядков, выдвинули на первый план новые общественные силы и новые идеи»⁶⁵. Автор показывает, что движение Сопrotивления отличалось от Рисорджименто и по своему социальному содержанию, и по тем задачам, которые оно выдвигало. Сопrotивление характеризовалось более активным участием в борьбе народных масс и прежде всего ведущей ролью рабочих. Именно этот класс и его передовая партия предложили программу широких социальных преобразований в интересах всего трудового народа.

Анализ школ и основных концепций итальянского Сопrotивления, данный Г. С. Филатовым в рассматриваемой статье и в других его работах⁶⁶ на основе историографии 40—50-х годов, в целом остается актуальным и

⁶⁴ Там же, с. 210.

⁶⁵ Там же, с. 236.

⁶⁶ Филатов Г. С. Историография фашизма и антифашистского движения Сопrotивления в Италии. — Новая и новейшая история, 1966, № 6.

пониже. На новом витке исторического развития Италии в новом политическом контексте, как показал впоследствии Г. С. Филатов, обсуждаются в сущности те же вопросы о характере Сопротивления и его итогах.

Осуществленные Г. С. Филатовым крупные научные исследования явились важным вкладом в разработку марксистской концепции новейшей истории Италии. Этой же цели отвечают опубликованные им главы по новейшей истории Италии в учебниках для высшей школы⁶⁷. В их числе следует особо выделить соответствующие главы в учебниках, выпущенных Московским университетом⁶⁸. Советская научная печать дала высокую оценку научному наследию Г. С. Филатова. В журнале «Новая и новейшая история» говорилось, что Г. С. Филатов был «видным советским историком — исследователем и организатором науки»⁶⁹. Его вклад в разработку итальянской истории получил широкое признание и за рубежом.

В связи с выходом в Италии книги Г. С. Филатова «Восточный поход Муссолини» многие рецензенты отмечали, что ее автор является крупнейшим советским специалистом по проблемам истории Италии⁷⁰. Видный итальянский ученый Дж. Роша писал в этой связи: «Г. С. Филатов является одним из наиболее авторитетных советских историков и наиболее известным русским специалистом по современной итальянской истории»⁷¹.

* * *

В настоящее посмертное издание трудов Г. С. Филатова включены работы автора, ставшие ныне библиографической редкостью или публикуемые впервые. Некоторые из опубликованных ранее статей даны с небольшими сокращениями. Статьи подобраны тематически, образуя монографический круг проблем по истории фашизма, неофашизма и антифашистской борьбы в Италии.

Редколлегия

⁶⁷ Филатов Г. С. Италия.— В кн.: Новейшая история, 1939—1975: Курс лекций / Под ред. В. В. Александрова: Учебн. пособие. М., 1977, с. 406—433.

⁶⁸ Филатов Г. С. Италия в 1918—1939 гг.— В кн.: Новейшая история, 1918—1939 гг.: Учебник. М., 1974; *Он же*. Италия.— В кн.: Новейшая история, 1939—1973. М., 1975.

⁶⁹ Новая и новейшая история, 1982, № 3, с. 223.

⁷⁰ Repubblica, 1979, 16 sett.; Corriere della sera, 1979, 14 ott.; Mondo oggi, 1979, 1 sett.

⁷¹ Tutti libri, 1979, 15 ott.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ФАШИЗМА И АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЫ

ИСТОРИЯ ФАШИЗМА И СОВРЕМЕННОСТЬ

В ходе второй мировой войны фашизм потерпел сокрушительное поражение, и казалось, навсегда было покончено с возможностью появления в будущем реакционных диктатур, стоивших жизни десяткам миллионов людей. Однако полностью фашизм и его корни в 1945 г. уничтожены не были. Сохранились социально-экономические основы всех форм реакции — империализм, господство монополий.

Годы «холодной войны» с присущим им разгулом антикоммунизма создали благоприятную почву для оживления реакционных и откровенно фашистских течений. Неофашистские партии и группы действуют примерно в 60 капиталистических странах. Они располагают обширными финансовыми средствами, имеют влиятельных опекунов в государственном аппарате, армии, полиции, в органах разведки. Империалистические круги видят в фашизме крайний резерв для борьбы против сил мира, демократии и социализма.

Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, опыт революционного движения последних лет наглядно показал: если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников, империализм идет на все, отбрасывая всякую видимость какой бы то ни было демократии. Он готов пожать и суверенитет государств, и любую законность, не говоря уже о гуманности. В арсенале современной контрреволюции — клевета, одурманивание общественности, экономическая блокада, саботаж, организация голода и разрухи, подкуп и угрозы, террор, организация убийств политических деятелей, погромы в фашистском

стиле. Контрреволюция всегда действует в союзе с международной империалистической реакцией.

Самыми решительными и последовательными борцами против фашизма выступают коммунисты. В современную эпоху силы мира, демократии и социализма могут нанести новые поражения фашизму, добиться новых успехов в выполнении исторической задачи — его полного искоренения. Падение самого старого фашистского режима в Европе — португальского — и последовавший вскоре крах военно-фашистской диктатуры в Греции явились важным знаменем времени. Впервые за многие десятилетия реально обозначилась перспектива того, что Европа сможет полностью очиститься от фашистских режимов.

Полемика по проблемам фашизма ведется уже на протяжении полувека. За последние годы она приобрела большой размах и злободневность. В ней участвуют ученые, политические и военные деятели, представители различных общественных кругов. Борьба идет как по общим методологическим проблемам, так и по отдельным аспектам истории, политики, идеологии фашизма.

Даже в наши дни, когда народы на горьком опыте убедились в изуверской сущности фашизма, многие из буржуазных историков создают грубо искаженное представление о роли и месте фашистских диктатур в истории. Призывая отойти от «чисто негативной» оценки фашизма, настаивая на необходимости «исторической объективности», они обеляют фашизм, а его главарей изображают государственными деятелями крупного масштаба и даже «пророками». Именно так оценивает «историческую роль» Гитлера И. Фест, автор одной из многочисленных биографий нацистского фюрера¹, буквально наводнивших в последние годы книжный рынок западных стран.

Заявления одиозные. В памяти народов имена фашистских главарей навсегда останутся связанными с ужасами Освенцима и Майданека, с миллионами убитых и искалеченных людей. Реабилитация фашизма означает извращение подлинного хода истории и сочетается с попытками очернить идеалы социального прогресса и социализма.

«Историческая» роль фашистских диктатур в Европе заключалась лишь в том, что они создали серьезные препятствия поступательному развитию человеческого общества и нанесли ему огромный урон. При этом фашизм

¹ *Fest I. Hitler. Eine Biografie. Frankfurt / M. u. a. 1974.*

оказался бессильным преградить путь социальному прогрессу, предотвратить социалистическую перспективу развития общества. Определяющим фактором мировой истории стала не реакция, а могучее освободительное воздействие Великой Октябрьской революции и укрепление первого в мире социалистического государства. Победа народов над фашизмом, решающий вклад в которую внес Советский Союз, явилась отправной точкой новых грандиозных сдвигов, происшедших в мире за три послевоенных десятилетия.

Попытки нынешней реакционной буржуазной историографии приписать фашизму роль «движущей силы» исторического процесса отражают ту многолетнюю борьбу, которую она ведет против определения фашизма, основанного на последовательно классовом анализе социальных процессов.

За последние годы буржуазные авторы предприняли попытки видоизменить трактовку фашизма. Они вызваны в первую очередь дальнейшим изменением соотношения сил на мировой арене в пользу социализма и происшедшим в этой связи пересмотром стратегии и тактики империализма. Буржуазная историография вынуждена также считаться с успехами марксистско-ленинской науки в исследовании проблем фашизма. В связи с этим многие буржуазные авторы пытались выдвинуть такие идеи, которые в какой-то мере учитывали бы социально-политические факторы и могли бы противостоять марксистско-ленинской концепции. Однако они по-прежнему категорически отказываются признать, что фашизм является продуктом капиталистической системы.

Буржуазная историография фашизма отличается разнообразием точек зрения. Но если отсеять частные вопросы, то на поверку окажется, что одни буржуазные историки, как и 40—50 лет назад, пытаются представить фашизм «бунтом средних слоев» или даже «низов», а другие переносят его объяснение в сферу социальной психологии и объявляют внезапным отклонением от естественного хода истории.

К первой из этих концепций мы вернемся ниже. Что касается второй, то историки социально-психологического направления являются эпигонами, активно возрождающими идеи немецкого политического деятеля Г. Раушнинга и итальянского философа Б. Кроче, которые были сформулированы еще несколько десятилетий назад. Расходясь по многим вопросам, они в то же время изображали

фашизм как прорыв на историческую арену групп авантюристов, которые использовали забвение духовных ценностей и «психологическую дезориентацию» населения во время первой мировой войны и после нее. Подобные теории научно несостоятельны уже потому, что в них рассмотрение проблем фашизма отрывается от реальной социально-экономической действительности, а вина за «пренебрежение к моральным ценностям» возлагается на революционные события последних двух веков.

За последние годы получила распространение еще одна «теория», согласно которой вообще якобы невозможно сформулировать определение фашизма. Так, авторы двух обширных коллективных работ «Международный фашизм. 1920—1945» и «Европейский фашизм»² по сути дела отказываются от попытки дать общую характеристику фашизму, и в некоторых позднейших работах, вышедших в буржуазных издательствах, проводится мысль о том, будто каждая страна имела-де свой собственный фашизм, причем различий между ними было больше, чем сходства. А западногерманский историк В. Шидер даже открыто заявил: «Будущая теория фашизма должна быть теорией фашизмов». По его мнению, основной недостаток прежних интерпретаций заключался в том, что различные формы проявления фашизма рассматривались «всегда как один и тот же фашизм»³.

Между тем, чем дальше продвигается изучение проблем фашизма и чем обширнее объем документов, поступающих в руки историков, тем все больше подтверждается, что подлинное научное определение фашизма возможно только на основе принципиальных положений, выдвигаемых марксистами. Они рассматривают фашизм как чудовищное порождение монополистической буржуазии, которая в период общего кризиса капитализма прибегает к крайним средствам сохранения своего господства.

Еще до появления фашизма В. И. Ленин писал, что монополистическая буржуазия «готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство»⁴, что империализму в области политики свойственна реакция по всей линии. Основы-

² International Fascism, 1920—1945. N. Y., 1966; European Fascism. L., 1968.

³ См.: Лоцек Г. О концепциях фашизма в буржуазной историографии ФРГ.— В кн.: Ежегодник германской истории, 1972. М., 1972, с. 382.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 166.

ваясь на ленинском анализе империализма, марксисты подчеркивали, что фашизм — это смена одной формы власти буржуазии — буржуазной демократии — другой ее формой — открытой террористической диктатурой. VII конгресс Коминтерна в 1935 г. подтвердил выработанное в рядах международного коммунистического движения определение классовой сущности фашизма, захватившего власть, как открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее повинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала. Это определение вскрывало классовый характер и реакционные цели фашистских режимов, их идеологии и политики.

Социально-политическая основа фашизма была единой во всех капиталистических странах. Это, однако, не исключает того, что в различных странах он обладал определенными особенностями. Марксистские исследователи помнят слова Г. Димитрова о «необходимости конкретного изучения и учета своеобразия развития фашизма и различных форм фашистской диктатуры в отдельных странах и на различных этапах»⁵. Эти различия выражались в первую очередь в неодинаковой степени подчинения жизни наций террористической диктатуре и зависели прежде всего от уровня их экономического развития и исторических традиций, социальной структуры населения и соотношения классовых сил, способности авангарда рабочего класса организовать сопротивление, масштаба империалистических притязаний господствующего класса.

Наиболее полно все стороны фашизма проявились в гитлеровской Германии. В страхе перед массовым рабочим движением и исходя из своих империалистических целей крупная буржуазия всемерно поддерживала фашистскую партию, способствовала внедрению фашизма во все области национальной жизни. Становление фашистского режима в этой стране протекало чрезвычайно интенсивно и в короткие сроки, чему содействовали давние традиции преклонения перед властью централизованного государства. Рабочее движение в Германии было подавлено с невиданной жестокостью, террор обрушился и на противников фашизма из других общественных слоев. По некоторым подсчетам, через лагеря смерти, созданные гитлеровцами, прошло примерно 18 млн. человек всех нацио-

⁵ Димитров Г. Избр. произведения. М., 1957, т. 1, с. 456.

нальностей Европы, из которых 11 млн. были зверски умерщвлены.

Хотя итальянский фашизм захватил власть намного раньше германского, воздействие диктатуры на гражданское общество было здесь меньшим, чем в Германии.

При определенном отличии отдельных сторон фашистских диктатур в странах Европы их основные признаки совпадали, поскольку повсюду речь шла об особой форме господства наиболее реакционных кругов крупной буржуазии. Этими признаками были прежде всего изуверские террористические методы подавления коммунистического и рабочего движения и расправы со всеми оппозиционными силами, антикоммунистическая, антидемократическая и националистическая идеология, разнузданная социальная демагогия, сплочение вокруг фашистских режимов наиболее реакционных сил, быстрое развитие государственно-монополистического капитализма, ставка на открытую агрессию и территориальную экспансию.

В наши дни, когда неофашисты в ряде стран вновь подняли голову, весьма актуален вопрос о том, каким образом фашистам удавалось в прошлом захватить власть. Изучение этой проблемы необходимо для своевременного распознавания угрозы, разоблачения методов действий неофашистов и ликвидации фашистской опасности в самом начале. Ссылки буржуазных историков либерального толка на «особый психологический климат» не дают ответа на вопрос. Между двумя мировыми войнами фашистские движения возникали во многих странах. Однако во Франции, например, попытки фашистских путчистов выйти на улицу встретили решительный отпор рабочего класса, а в Англии фашисты так и не сумели добиться каких-либо успехов.

В период между двумя мировыми войнами наиболее благоприятными для развития фашизма оказались условия в тех странах, которые вступили на путь капиталистического развития позднее и где острее противоречия буржуазного строя осложнялись пережитками докапиталистических отношений. В Германии и Италии быстрое развитие капитализма, создание современной индустрии не сочетались с полной ликвидацией отсталых форм хозяйства и отживших социальных отношений. Это осложняло положение широких слоев населения, в том числе мелкой буржуазии, и создавало почву для социальной демагогии реакционных сил. Господствующие классы Германии и Италии не обладали достаточным опытом

гибкой рабочей политики, который накопила буржуазия таких стран, как Англия и Франция, где буржуазные революции совершились значительно раньше. Буржуазия Германии и Италии поздно вступила в борьбу за раздел мира и при помощи бешеной шовинистической пропаганды не без успеха выдавала свои неутоленные империалистические аппетиты за «национальные чаяния».

Однако эти исторические особенности никоим образом не могли сами по себе обусловить приход фашизма к власти. Марксисты-ленинцы никогда не считали и не считают фашистские диктатуры неизбежным явлением в истории. Фашизм захватил власть в результате острой социальной и политической борьбы, исход которой зависел от многих объективных и субъективных факторов.

После Великой Октябрьской социалистической революции мировое рабочее движение вступило в новую эпоху победоносной борьбы. В этих условиях крупная буржуазия ряда европейских стран все больше стала поддерживать фашистские движения, сделавшие своим знаменем яростный антикоммунизм, а основным методом своих действий — беспощадный вооруженный террор против политических противников. Фашистские группы создавали вооруженные отряды, которые совершали налеты на рабочие организации. Однако одним террором фашисты не смогли бы достичь своих целей.

Еще в 20—30-х годах коммунисты указывали на способность фашизма путем чудовищного обмана вводить в заблуждение определенные слои населения и использовать их в своих целях. В прочитанных в 1935 г. лекциях о фашизме П. Тольятти уделил особое внимание этой стороне вопроса. Он подчеркнул, что одна из характерных особенностей фашистских движений заключалась в том, что борьбу против рабочего класса они вели на «массовой базе мелкобуржуазного характера»⁶.

Главным методом своей пропаганды фашисты сделали бесстыдную социальную демагогию, которую они ловко приспособляли к требованиям момента, к интересам тех или иных социальных групп, в первую очередь средних слоев. Провозглашая себя крестоносцами антикоммунизма и обещая всем собственникам защиту от революционных потрясений, они в то же время выдвигали на первый взгляд радикальные лозунги... Импонировала обывателю беззастенчивая игра фашистов на национальных чувст-

⁶ Тольятти П. Лекции о фашизме. М., 1974, с. 11.

вах, являвшаяся одной из основ фашистской пропаганды. Нацисты ловко спекулировали на последствиях поражения Германии в первой мировой войне, направляя широко распространенное недовольство условиями Версальского договора в русло крайнего национализма и реваншизма. Итальянские фашисты громко кричали, что Италия в итоге войны оказалась «обделенной». Добиваясь забвения трудящимися своих классовых интересов и всячески пропагандируя «единство нации», а себе приписывая роль «выразителей ее нужд», фашисты неустанно разжигали вражду к другим народам, распространяли расистские идеи.

Однако фашистам никогда не удалось бы достичь успеха, если бы мощные группировки правящего класса не расчищали им активно путь к власти. Фашистские движения с самого начала пользовались поддержкой наиболее реакционных сил общества, вдохновителем которых являлся крупный капитал. В Германии на первых порах существования нацистской партии ее непосредственным опекуном была военщина, которая, в свою очередь, выступала в качестве орудия тех социальных сил, которые были заинтересованы в беспощадном подавлении рабочего движения и с этой целью создавали многочисленные реакционные организации.

В период экономического кризиса 1929—1933 гг., когда классовая борьба в Германии резко обострилась, выступили на сцену и сами крупнейшие немецкие промышленники. Они обратились непосредственно к главе государства с настойчивыми требованиями представить гитлеровской партии «руководящее участие в правительстве». Прямую поддержку фашистам в захвате власти оказали также представители государственного аппарата.

Велика ответственность за приход к власти фашистов руководителей тех партий буржуазии, которые, не разделяя фашистских идей, но ослепленные антикоммунизмом, оказались не в состоянии понять опасность наступления фашистов для судеб самой буржуазной демократии. Деятели буржуазно-либерального толка не верили в долговременность фашизма. Они рассчитывали, что после разгрома революционного движения фашизм сойдет с политической арены и вновь освободит им место. Как известно, эти расчеты окончились полным провалом. Расправившись со своими прямыми противниками, фашистские главари разогнали все другие буржуазные партии.

Таким образом, почти все фракции буржуазии, хотя и в различной степени, способствовали приходу гитлеровцев к власти.

Решительное сопротивление фашистам оказал лишь рабочий класс. Однако социал-демократические вожди отказались от единства действий с коммунистами, проявили склонность к капитуляции. Коммунистические партии с самого начала решительно выступили против фашизма. Не обладая еще достаточным опытом борьбы против фашистов, они не всегда были способны вовремя оценить масштабы фашистской угрозы и воплотить в жизнь тактику единого антифашистского фронта. Все это привело к тому, что в странах, где фашистам удалось захватить власть, они жесточайшим образом расправились с организованным рабочим движением.

В меньшей степени изучен в настоящее время социально-политический механизм фашистских режимов, что объясняется, в частности, огромным объемом относящихся к этой теме еще не исследованных документов. Между тем более детальное проникновение во внутреннюю структуру фашизма необходимо и в связи с тем, что по вопросу о социальной сущности фашистских режимов ведется острая идеологическая борьба.

Это относится в первую очередь к взаимоотношениям монополистического капитала и фашизма в период пребывания последнего у власти. В настоящее время все реже раздаются голоса тех, кто отрицает связь между фашизмом и крупным капиталом. Проведенные марксистскими историками исследования сужают возможности для такого маневра. Гораздо более распространенной является концепция «независимости» политической власти в фашистских государствах, согласно которой капиталисты якобы наряду со всеми другими испытывали гнет диктатуры фашизма и находились в подчиненном положении⁷. Полемизуя с марксистскими историками, Э. Нольте утверждает, будто при фашизме промышленники были полностью исключены как важный политический фактор. Другие авторы пытаются убедить читателя, что капиталисты являлись равными партнерами с фашистами или же ограничивались подачей «советов».

Все это грубо противоречит известным фактам. Конечно, фашистский вариант предполагал относительно боль-

⁷ *Schoenbaum D. Hitler's Social Revolution. Class and Status in Nazi Germany 1933—1939. N. Y., 1966.*

шую самостоятельность политической власти. Тем не менее роли «партнеров» были предопределены: с одной стороны, монополистическая буржуазия, господствующая в экономике и благодаря этому определяющая основные направления политического курса, а с другой — фашистская верхушка, которая приспособливалась к этому курсу программу своих действий. При фашизме роль ведущих групп капитала в системе государственно-монополистического капитализма колоссально возросла. Исследования историков из Германской Демократической Республики и документальные источники, опубликованные ими в последние годы, свидетельствуют о тесном взаимодействии монополистов с гитлеровской администрацией⁸.

Реальными результатами фашистского государственного регулирования были ускорение концентрации капитала, быстрый рост государственно-монополистического капитализма и безудержное развитие отраслей, связанных с военным производством. Эти процессы подчас сопровождались трениями и разногласиями между отдельными группировками крупной буржуазии. Реорганизация экономической структуры вела к ущемлению интересов некоторых представителей крупного капитала в пользу государственно-монополистических комплексов. Однако в целом экономическая политика фашизма полностью соответствовала интересам основных групп монополистического капитала, предоставляла им новые возможности усиления своего могущества, гарантировала огромные прибыли, особенно в результате территориальной экспансии. Это обеспечивало фашистам прочную поддержку финансового и промышленного капитала вплоть до того времени, когда военные неудачи стали угрожать его существованию.

Что касается решения фашистскими режимами «рабочего вопроса», то созданные ими корпоративные органы и профсоюзы, объединявшие в своих рядах и рабочих, и промышленников, на деле были только бюрократическими придатками фашистского государства. Рабочий класс был лишен возможности вести массовую борьбу, поскольку его самостоятельные организации были разгромлены фашизмом и мощный репрессивный аппарат жестоко подавлял всякие признаки оппозиции. Обще-

⁸ См., например: *Анатомия агрессии: Новые документы о роли германского монополистического капитала во второй мировой войне*. М.: Прогресс, 1975.

признано, что рабочие оказались наименее восприимчивыми к фашистской демагогии по сравнению с другими социальными слоями населения.

Коммунистические партии были самыми последовательными, непримиримыми борцами против фашизма, организаторами и вдохновителями массового движения Сопротивления в годы войны. Выработанные ими программы антифашистской борьбы способствовали объединению всех антифашистских сил. Когда создавались условия для открытых выступлений против фашизма, как это было в Италии в 1943 г., коммунисты шли в первых рядах. Ведущую роль рабочего класса, коммунистических партий в борьбе против фашизма важно подчеркнуть в связи с тем, что буржуазные историки искажают историю антифашистской борьбы, утверждая, что в ней в одинаковой степени участвовали представители всех классов, и отождествляя моральное неприятие фашизма с активным сопротивлением ему. Между тем известно, что именно рабочий класс, коммунисты внесли решающий вклад в вооруженную борьбу с фашизмом и понесли в этой борьбе наибольшие жертвы.

Как говорилось выше, в буржуазной литературе не прекращаются попытки выдать фашизм за мелкобуржуазное движение. Некоторые из авторов даже утверждают, будто опора на мелкую буржуазию давала фашистам возможность диктовать свою волю монополиям. Но между социальным составом сторонников какой-либо буржуазной партии и ее классовой сущностью имеется значительный разрыв. Все эти партии пытаются вербовать своих последователей прежде всего в средних слоях, а также среди определенных категорий трудящихся. Так поступали и фашисты, но они добились гораздо большего, так как использовали коварные и непривычные средства воздействия на массы.

Свое влияние на мелкую буржуазию фашисты использовали для подчинения ее интересам крупного капитала. Об истинном положении мелкой буржуазии при фашизме свидетельствуют тенденции к разложению этой базы фашистских режимов. После «консолидации» фашистских режимов их руководители постепенно отказывались от радикальных лозунгов, которыми привлекали средние слои. Повседневная практика, авантюры фашизма, его злодеяния рассеивали иллюзии многих из тех, кто поверил демагогической пропаганде и попал под влияние фашистской идеологии.

О несостоятельности теории мелкобуржуазного характера фашизма недвусмысленно свидетельствует социальный и политический курс фашистских режимов. Ни в одной фашистской стране не проводилась политика, направленная на защиту интересов мелкой буржуазии и тем более на противопоставление их интересам монополий. Упорное возвращение буржуазных историков к этой концепции имеет целью завуалировать зависимость фашизма от крупного капитала.

Для понимания внутреннего механизма фашизма важное значение имеет выяснение его роли как выразителя наиболее агрессивных устремлений реакции. Это отрицают многие буржуазные авторы и особенно бывшие гитлеровские генералы и неофашистские идеологи.

Однако общеизвестные факты свидетельствуют о том, что крайний шовинизм и пропаганда экспансии составляли основу идеологии фашизма. Именно поэтому он пользовался активной поддержкой военной верхушки, милитаристов. Дело заключалось не только в идеологических установках. Государственное регулирование экономики при фашизме придавало ее развитию односторонний и непропорциональный характер, что вело к росту неразрешимых противоречий. Искусственный подъем производства, прежде всего военного, за счет отраслей, недостаточно обеспеченных сырьем, дорогостоящие автаркические программы, рассчитанные на кратковременный эффект, закрывали перспективу возвращения к конъюнктуре мирного времени. Война становилась для фашистских режимов не только программой, но и своего рода неизбежностью. Об этом весной 1939 г. недвусмысленно заявил Гитлер: «Необходимо теперь решить экономические проблемы... Это невозможно сделать без вторжения в иностранные государства или без овладения чужой собственностью».

Итоги второй мировой войны убедительно показали, что фашизм как попытка сил крайней реакции приостановить террористическими методами и путем войны прогрессивное развитие человечества, вычеркнуть социалистическую перспективу из жизни общества исторически несостоятелен. Хотя в области внутренней политики фашистам и удалось на время подавить рабочее движение и дезориентировать некоторые слои населения, их господство вело к накоплению социально-политического напряжения, чреватого взрывом. Экспансионистский курс фашистских государств обострил также межимпериалисти-

ческие противоречия и побудил ряд капиталистических государств выступить против фашистской «оси». Разгром фашизма при решающей роли Советского Союза и активном участии народных масс Европы, поднявшихся на героическую борьбу за свою свободу и независимость, был закономерен и привел к изменению соотношения сил в мире в пользу социализма.

Фашизм не имеет будущего. Однако в условиях дальнейшего углубления общего кризиса капитализма сохраняются социальные и политические условия для деятельности неофашистов. Ухудшение положения мелкой буржуазии и некоторых других промежуточных слоев делает их в определенной обстановке подверженными фашистской демагогии. Она поражает институты власти, буржуазные политические партии, расшатывает элементарные нравственные устои. Коррупция становится все более явной даже в высших звеньях государственной машины. Продолжается упадок духовной культуры, растет преступность. Неспособность правящих кругов капиталистических государств решить острые жизненные проблемы, устранить экономический хаос, ликвидировать преступность не только расшатывает обычные условия жизни. Пороки капиталистического общества используются реакционными кругами буржуазной пропаганды для подталкивания масс в объятия демагогов, обещающих «навести порядок» и установить «сильную власть». Весьма живучими являются также определенные националистические предрассудки, на которых всегда играли фашисты.

Пребывание у власти в течение ряда лет «черных полковников» в Греции и реакционный переворот в Чили свидетельствуют, что международная и внутренняя реакция еще располагает силами, чтобы в период обострения социально-экономической ситуации ликвидировать демократические свободы и установить временно террористическую диктатуру в отдельных странах.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. со всей решительностью заявило о необходимости «усилить борьбу против фашистской угрозы, давать беспощадный отпор профашистским вылазкам»⁹.

Конференция коммунистических и рабочих партий Европы 1976 г. вновь обратила самое пристальное вни-

⁹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 322.

мание на борьбу против фашистской опасности. В документе конференции отмечена необходимость усиления борьбы в защиту и за развитие демократических прав для того, чтобы пресечь растущую тенденцию монополистического капитала прибегать к репрессивным и авторитарным методам господства. Конференция заявила: «Для демократии и социального прогресса, для сохранения мира и международных отношений, основывающихся на взаимном доверии и дружественном сотрудничестве, необходимо искоренить фашизм, предотвратить его возрождение в открытой или завуалированной форме, бороться против организации и деятельности фашистских и неофашистских террористических организаций и групп, а также против расистской пропаганды и действий, преследующих цель расколоть рабочий класс и другие прогрессивные силы»¹⁰.

Программа борьбы против неофашизма не может осуществиться автоматически. Ее реализация требует постоянных усилий всех антифашистов, в первую очередь международного коммунистического движения.

История показывает, что взрыву фашистской опасности предшествует относительно длительный период подспудного развития. В связи с этим следует отметить, что в буржуазной литературе встречается тезис о несовместимости фашизма с «индустриальным обществом», иными словами, современным капитализмом, якобы ввиду того, что в идеологии и практике фашизма были отдельные черты, воспринятые от абсолютистской реакции. Но отнюдь не эти черты определяли его сущность, а те признаки, которые были сформированы эпохой общего кризиса капитализма и вытекали из контрреволюционных социальных функций фашизма. Версия о несовместимости фашизма с «индустриальным обществом», игнорирующая тот факт, что фашизм дал мощный толчок развитию государственно-монополистического капитализма, призвана усыпить бдительность сторонников демократии в их борьбе с неофашистскими происками.

С другой стороны, недопустимо переоценивать опасность неофашизма, как это делают, например, различные левоэкстремистские группки в странах Западной Европы. Подходя к социальным явлениям со свойственным им жестким схематизмом, они стирают принципиальную раз-

¹⁰ Конференция коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М., 1977, с. 28.

пицу между буржуазно-демократическими и фашистскими режимами. Подобный подход не выдерживает критики и наносит большой вред, поскольку препятствует выявлению действительных размеров фашистской угрозы, мешает выработке точных и обоснованных задач антифашистской борьбы.

Для определения линии этой борьбы важно понять, что представляет собой нынешний неофашизм, отличающийся значительным разнообразием. Наряду с правоэкстремистскими и праворадикальными течениями в ряде стран существуют военно-фашистские движения и режимы, отличающиеся преобладанием военных элементов над политическими. Неофашизм проникает в бывшие колониальные и полуколониальные страны, где его носителями являются прислужники империализма и колониализма. При этом военно-террористические режимы здесь насаждаются правящими кругами капиталистических держав, сохраняющих у себя институты буржуазной демократии.

Видоизменились и неофашистские движения в европейских странах. Их представители не прочь отмежеваться от наиболее скомпрометировавших себя атрибутов фашизма 20—40-х годов. Они приспособляются к изменившимся условиям, структурным переменам в буржуазном обществе. Большие надежды неофашисты возлагают на новую технократию, на представителей государственной бюрократии и военно-промышленного комплекса, все более противопоставляющих себя буржуазно-демократическим институтам.

Однако и в идеологии, и в политической практике нынешние фашисты являются лишь эпигонами прошлого. Как и раньше, их главная «идея» сводится к запугиванию всех и вся «коммунистической угрозой». Прежний шовинизм и национализм стали лишь более дифференцированными: в одних случаях неофашисты объявляют себя носителями «духа европеизма», в других — играют на предрассудках национальных меньшинств и т. д. Набор быстро сменяемых лозунгов, эклектизм и беспринципность, обращение не к разуму, а к темным инстинктам, примитивизация политических понятий и проповедь мистического начала — все это явно заимствовано из арсенала Гитлера и Муссолини.

В известном смысле это облегчает борьбу с нынешней фашистской идеологией — составной, наиболее реакционной частью идеологии империализма. Однако разоблачение неофашизма становится более эффективным, если оно

сопровождается практическими шагами, направленными на пресечение опасности.

Борьбу против фашизма сегодня, как и вчера, возглавляют международный рабочий класс и его передовые отряды — коммунистические партии. В настоящее время коммунисты располагают значительно большими средствами для отпора фашизму, чем в прошлом. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду, возросли сила и авторитет рабочего класса, поднялась его роль как авангарда в борьбе за интересы трудящихся, подлинные интересы нации. Коммунисты приобрели богатейший опыт борьбы против опасности справа. Они мобилизуют трудящиеся массы против любых проявлений активности неофашистов в своих странах, организуют массовые демонстрации и выступления против их вылазок. Там, где коммунисты располагают сильным парламентским представительством, они с успехом используют институты буржуазной демократии для законодательного пресечения деятельности неофашистов.

Коммунисты добиваются не только единства отрядов рабочего класса, но и создания широкой системы антифашистских блоков, включающих организации трудящихся, а также той части буржуазии, которая поддерживает парламентские методы правления. Коммунистические партии учитывают в своих программах жизненные интересы широких слоев и добиваются втягивания пассивной части населения в политическую жизнь на стороне сил прогресса.

Борьба против неофашизма органически переплетается с задачей создания и укрепления антимонаполистического фронта. Выступления против господства монополий, их стремлений урезать демократические права, завоеванные в ходе классовых битв, за жизненные интересы трудящихся, противодействие росту влияния милитаризма и реакционной военщины, агрессивной политике подрывают власть империализма, социальные корни фашизма. В этой борьбе рабочий класс сплачивает вокруг себя самые широкие слои народа.

1976 г.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАЗГРОМА ФАШИЗМА В ЕВРОПЕ В ХОДЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Для того чтобы правильно оценить историческое значение ликвидации фашистских режимов во время второй мировой войны, нужно ответить на вопрос, чем был фашизм, какие политические и социальные силы вызвали его к жизни и что он принес народам Европы.

Хотя значительная часть буржуазных историков и продолжает выступать с позиций «морального осуждения» фашизма, все чаще мы наблюдали попытки так или иначе реабилитировать фашистские режимы, существовавшие в Европе между двумя мировыми войнами.

Наиболее одиозные тенденции к фальсификации истории фашизма проявились в многочисленных работах, вышедших в начале 70-х годов и посвященных Гитлеру и Муссолини. Злодеяния, совершенные фашизмом, как правило, в такого рода работах замалчиваются, а фашистские главари наделяются титулами «вершителей судеб Европы» и «пророков». Так, И. Фест утверждает, что глава германского фашизма не только перекроил карту Европы, но и «вызвал революции, положившие конец веку колониализма»¹¹.

Существование фашистских режимов в Европе в межвоенный период создало серьезное препятствие прогрессивному развитию истории, угрожая отбросить народы к самым мрачным страницам прошлого. Однако совершенно очевидно, что определяющим фактором развития истории в этот период были отнюдь не бредовые идеи фашистских главарей. Европа, так же как и весь мир, переживала великий поворот, вызванный могучим воздействием Октябрьской революции, появлением и укреплением первого в мире социалистического государства. Именно борьба народов против фашизма, решающий вклад в которую внесло социалистическое государство, обусловила грандиозные прогрессивные сдвиги в расстановке политических сил на мировой арене после второй мировой войны. Всякие попытки приписать фашизму роль своего рода «катализатора» исторического процесса не только прикрывают его реакционную и человеконенавистническую сущность, но и принижают историческую роль

¹¹ *Fest I. Hitler. Eine Biografie*, S. 1029.

революционного движения и социализма. Определение сущности фашизма и его места в истории — это вклад не только в историческую науку, но и в борьбу народов против современного империализма и реакции.

* * *

Социальная и политическая актуальность темы порождает резкие противоречия в определении сущности фашизма. Буржуазные политики и историки сегодня, как и прежде, отвергают объяснение фашизма, основанное на классовом анализе общества. Однако за последние годы в трактовке этого феномена произошли заметные сдвиги, обусловленные как изменением расстановки сил на международной арене, так и успехами научной марксистской мысли.

В период «холодной войны» на острие буржуазной историографии была выдвинута концепция «тоталитаризма», носившая утилитарный характер и служившая интересам оголтелого антикоммунизма тех лет. Жонглируя понятием «диктатура», буржуазные идеологи типа Э. Бжезинского пытались поставить на одну доску фашизм и социализм как «одинаково враждебные западной демократии». Лживость этой концепции и ее пропагандистская направленность столь очевидны, что перед лицом неумолимых фактов торжества социалистической демократии она стала терять свою действенность.

С конца 60-х годов в буржуазной историографии усилилось влияние теорий, дающих менее схематическую трактовку фашизма. Однако при всем разнообразии концепций их авторы упорно отказываются видеть в фашизме продукт эволюции буржуазного общества в период его упадка.

Социально-психологическая трактовка фашизма снимает вопрос о роли определенных социальных и политических сил в крушении фашизма: его ликвидация рассматривается как возврат к «естественному состоянию» общества в результате освобождения людей от «коллективного психоза».

Обращают на себя внимание и другие трактовки фашизма, направленные против марксистской точки зрения. Одной из них является чрезмерное выпячивание национального характера различных фашистских режимов¹². При этом «классической моделью» объявляется германский или

¹² См. подробнее на с. 27 настоящего издания.

Итальянский фашизм, а поиски его социальных и политических корней подменяются рассуждениями об особенностях национального характера немцев или итальянцев. Очевидно, что сведение фашизма к его национальным вариантам ограничивает итоги второй мировой войны поражением ряда государств, имевших между собой мало общего. Из причин, приведших фашистские государства к военному краху, начисто исключается единая антигуманистическая идеология, на основе которой фашистские руководители вели агрессивные захватнические войны.

Наряду с попыткой свести понятие фашизм к его одной-двум разновидностям встречаются и работы, в которых возрождаются и видоизменяются концепции «тоталитаризма» применительно к новым событиям в мире. Неблагодарная задача авторов такого рода остается прежней — не только уйти от конкретного определения фашизма, но и очернить, извратить суть прогрессивных народных движений. Так, американский социолог А. Грегор ставит в один ряд с фашизмом идеологию и политическую практику стран третьего мира, вставших после второй мировой войны на путь некапиталистического развития¹³. По его словам, слаборазвитые страны в своих попытках добиться удовлетворения «национальных чаяний» и преодолеть экономическую отсталость будто бы следуют по пути, по которому шла Италия во времена Муссолини. Столь нелепые попытки дискредитировать национально-революционные режимы, проводящие антиимпериалистическую политику, возможны только при полном забвении положения, которое занимали фашистские государства в мире, и методов империалистической экспансии, с помощью которых их руководители решали задачи, выдаваемые ими за «национальные».

В стремлении опровергнуть научно обоснованное марксистское определение фашизма с буржуазными идеологами смыкаются «теоретики» левоэкстремистских групп в Западной Европе. Подходя к историческим явлениям со свойственным им примитивным схематизмом, левацкие «вожди» стирают грань между буржуазно-демократическими и фашистскими государствами. По их словам, в каждом буржуазном государстве, достигшем высокой стадии государственно-монополистического развития, автоматически вызревают элементы фашизма. Подобные взгляды

¹³ *Gregor A. J. The Fascist Persuasion in Radical Politics. Princeton, 1974.*

еще в начале 20-х годов были отвергнуты международным рабочим движением. При оценке итогов второй мировой войны такие рассуждения запутывают вопрос о создании антигитлеровской коалиции и о значении деятельности компартий по организации единого антифашистского фронта в период движения Сопротивления.

Оценить во всей полноте значение разгрома фашизма можно, только опираясь на научные критерии в понимании фашизма, выработанные марксистской мыслью и охватывающие его наиболее существенные стороны. Марксисты рассматривают фашизм как порождение империалистической стадии капитализма, который в условиях общего кризиса вынужден искать новые формы сохранения своего господства. Основываясь на ленинском анализе империализма, марксисты подчеркивают, что фашизм — это смена одной формы государственного господства буржуазии другой ее формой — открытой террористической диктатурой.

Непосредственным толчком к появлению фашистских режимов в Европе послужила реакция буржуазии капиталистических стран на подъем освободительной борьбы трудящихся, вызванный воздействием Октябрьской революции, прорвавшей единый фронт империализма. С самого начала фашисты сделали символом своей веры яростный антикоммунизм и национализм, что свидетельствовало об их главной цели — воспрепятствовать успехам мирового революционного движения, родившегося под знаменем интернационализма.

Указывая на непосредственные связи монополистического капитала с фашистскими режимами, марксисты были далеки от упрощенного представления о монополиях как непосредственных организаторах фашистских движений. Документально доказано, что отдельные промышленники и крупные банки финансировали фашистские группы с момента их зарождения. Однако союз основных групп промышленного и финансового капитала с фашизмом сложился не сразу. Решающую поддержку фашистам эти круги стали оказывать лишь тогда, когда они убедились, что в новых условиях фашисты способны лучше других служить их целям. Характерно, что в Германии, монополистические круги которой имели перед глазами опыт фашистской Италии, этот процесс протекал значительно быстрее. Уже в ноябре 1932 г. крупнейшие немецкие промышленники обратились непосредственно к главе правительства с посланием, в котором требовали предостав-

ления гитлеровской партии «руководящего участия в правительстве»¹⁴.

Непосредственную поддержку фашистам при захвате ими власти оказывали представители государственного аппарата, полиции и армии. Поддержка армейской верхушки была для фашистов особенно важной, и тесное переплетение с милитаристическими кругами характеризовало всю историю фашистских режимов. Таким образом, все наиболее реакционные и шовинистические силы правящего класса сплотились вокруг фашистских режимов в тщетной надежде предотвратить опасность революционных взрывов.

После прихода фашистов к власти «капитаны индустрии» редко занимали видные посты в фашистских партиях и государственных органах. Наиболее дальновидные представители крупного капитала отнюдь не исключали перспективы ухода фашизма с исторической сцены и на всех этапах его существования предпочитали держаться за кулисами. Для воздействия на выбор решающих направлений политики фашистских государств у них всегда было достаточно средств.

Эти возможности обеспечивались в первую очередь позицией крупного капитала в экономике фашистских стран. Государственное вмешательство фашистских диктатур в экономику проводилось под широковещательными лозунгами «социальных преобразований». Гитлер кощунственно спекулировал словом «социализм», а Муссолини свою марионеточную «республику», созданную в 1943 г., назвал «социальной». Фальшивость лозунгов фашизма полностью разоблачена в исторической литературе. Достаточно сказать, что прообразом «германского социализма» гитлеровцы считали прусское феодальное государство, а идеальную модель своей социальной системы итальянские фашисты видели в средневековых корпорациях.

Истинной целью фашистского регулирования было создание милитаризованной экономики, нацеленной на подготовку к войне и застрахованной от выступлений пролетариата. Главенствующая роль в преобразованиях отводилась при этом государству, которое на словах наделялось неограниченными правами ради жизни всей нации. Для руководства экономикой и государственными институтами создавался громоздкий бюрократический

¹⁴ Гинцберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию. М., 1972, с. 370.

аппарат, причем видную роль в нем играли представители того самого монополистического капитала, который был призван контролировать этот аппарат.

Реальными результатами государственного вмешательства было ускорение концентрации капитала, расширение государственно-монополистического сектора и рост отраслей, связанных с военной промышленностью. Эти процессы проходили отнюдь не гладко и сопровождались трениями и разногласиями между правящими группировками. Реорганизация экономической структуры вела к ущемлению прав некоторых концернов за счет автаркических комплексов, получавших субсидии от государства. Эта борьба переплеталась с грызней между промышленниками и фашистскими иерархами за ключевые посты в корпоративных органах.

Однако в целом экономическая политика фашизма соответствовала интересам основных групп монополистического капитала, предоставляя им новые возможности для развития и обещая в будущем увеличение прибылей в результате территориальной экспансии. Это обеспечивало фашизму прочную поддержку крупных финансистов и промышленников вплоть до того времени, когда военные неудачи потрясли европейский фашизм.

Что касается решения фашистскими режимами «рабочего вопроса», то ни один серьезный историк не возьмется утверждать, что отсутствие выступлений пролетариата можно объяснить примирительной функцией различных корпоративных организаций и фашистских профсоюзов. Эти органы, которые, по утверждениям фашистских идеологов, были призваны ликвидировать классовую борьбу путем объединения в своих рядах промышленников и рабочих, на деле служили бюрократическим придатком фашистского государства. Рабочий класс был лишен возможности вести массовую борьбу, поскольку его организации были разгромлены и репрессивный аппарат жестоко подавлял всякие признаки оппозиции.

Террор и насилие были основным оружием фашистов всегда и во всех странах. Однако их режимы существенно отличались от реакционных и террористических диктатур прошлого. Еще на VII конгрессе Коминтерна было обращено внимание на способность фашизма путем чудовищного обмана вводить в заблуждение определенные слои населения и использовать массовое движение в антинародных целях.

Провозглашая себя авангардом антикоммунизма и

обещая всем собственникам защиту от революционных потрясений, фашисты при захвате власти выдвигали демагогические радикальные лозунги. Спекулируя на ненависти народных масс к капитализму, они объявляли себя защитниками интересов трудящихся от «плутократов». Фашисты громко критиковали старые буржуазные партии за неспособность руководить государством и обещали «обновить» и «оздоровить» национальную жизнь. Приписывая себе роль «выразителей интересов всей нации» они требовали «высоко поднять знамя национального достоинства» и развивали бешеную шовинистическую пропаганду. Одной из основ их идеологии было утверждение расового превосходства своей нации над другими.

Время убедительно показало, чего стоили все эти лживые лозунги. Однако руководители фашистских режимов гораздо энергичнее и эффективнее использовали социальную демагогию для воздействия на массы, чем это делали «старые» буржуазные партии. Для защиты интересов крупного капитала им удалось создать партии, отличные от существовавших ранее. Это не были обычные партии «общественного мнения», занятые главным образом сбором голосов на выборах. Фашисты заботились о создании разветвленного организационного аппарата и военных отрядов. Партийная дисциплина сочеталась в этих партиях с созданием иллюзий у части рядовых членов участия в «обновлении общества». В отличие от старых партий, лидеры которых происходили из высших слоев общества, фашистские «вожди» были выходцами из низов и при каждом удобном случае кричали о своей «близости к народу».

При всем этом еще до второй мировой войны в массовой базе фашизма в ряде стран начали обнаруживаться тенденции к разложению. Повседневная практика фашизма рассеивала иллюзии той части населения, которая вначале всерьез поверила демагогической пропаганде. Фашистским главарям приходилось постоянно прибегать к чисткам своих партий от недовольных элементов и сталкиваться с внутренней фрондой. Наиболее верной опорой фашистских режимов постепенно становились представители низших и средних ступеней колоссально раздутого государственно-административного и партийного аппарата. Однако лишь мировая война окончательно показала истинную цену «национального единства», установленного фашизмом, и его так называемой заботы о «национальных интересах».

В отличие от буржуазных политических деятелей, которые долгое время видели в фашизме чисто националистический феномен, марксисты уже в 20-е годы утверждали, что фашизм, будучи следствием общего кризиса капитализма, — явление международное¹⁵. Когда фашистская чума стала расползаться по Европе, это утверждение получило силу исторического предвидения. Однако абсолютно лишены основания упреки буржуазных историков в том, что марксисты повсюду видели «один-единственный фашизм». Социально-политическая основа фашизма была единой для всех стран. Это, однако, не исключает того, что в различных странах он обладал специфическими особенностями.

Наиболее крайнее развитие фашизм получил в гитлеровской Германии¹⁶. По сравнению с другими фашистскими государствами там имелись наиболее благоприятные условия для превращения национальной экономики в материально-техническую основу экспансионистской внешней политики. Фашистский террор и политика геноцида получили в Германии чрезвычайно широкий размах и чудовищные формы.

В Италии монополистические объединения были гораздо слабее германских и предоставляли меньше возможностей для создания мощной военной машины. Фашистская партия не сумела полностью подчинить себе милитаристскую верхушку и ликвидировать монархию: руководителем государства в Италии номинально всегда оставался король. Степень влияния диктатуры на гражданское общество в Италии была также меньшей.

Все это сказалось на судьбе режимов в двух главных фашистских странах. В июле 1943 г. итальянские монархические круги с помощью армейской верхушки и части фашистских иерархов сравнительно легко совершили дворцовый переворот и убрали Муссолини, надеясь выйти из войны и отделить свою судьбу от фашизма. Между тем верхушечный заговор июля 1944 г. в Германии, преследовавший те же цели, потерпел полную неудачу.

В Испании, где фашизм пришел к власти с помощью Гитлера и Муссолини, его позиции по отношению к тра-

¹⁵ См.: *Zetkin K. Ausgewählte Reden und Schriften*. В., 1960, S. 72.

¹⁶ См. подробнее на с. 28 настоящего издания.

диционным реакционным силам были значительно слабее. Отсталая экономика, большая роль военной верхушки, преобладание крестьянского населения привели к тому, что франкистский режим не достиг даже той силы, которой обладала диктатура в Италии. Он был вынужден делить свою власть с армией и католической церковью. Относительная долговременность диктатуры Франко привела к затяжному процессу разложения испанского фашизма после второй мировой войны.

При всем отличии отдельных сторон фашистской диктатуры в главных странах Европы ее основные признаки совпадали, поскольку повсюду речь шла об особой форме проявления господства империалистических кругов крупной буржуазии. Типологическая классификация фашизма отнюдь не может служить основанием для растворения понятия фашизма в ряде других реакционных диктатур.

Известно, что буржуазные идеологи прилагают немало сил для того, чтобы приуменьшить решающий вклад Советского Союза в разгром стран гитлеровского блока. Точно так же в работах буржуазных историков принижается роль рабочего класса и коммунистических партий стран Европы в антифашистской борьбе. Между тем партии рабочего класса с самого начала оказали фашизму наибольшее сопротивление. В Италии и Германии фашисты переходили в наступление и одерживали успехи лишь после того, как революционный порыв пролетариата оканчивался и сменялся спадом, а его силы оказывались расколотыми и ослабленными. Именно в этом значении для характеристики фашистских переворотов применяют термин «превентивная контрреволюция». В условиях спада революционного движения молодые коммунистические партии не имели сил, чтобы преградить путь фашизму, однако те, кто стоял за спиной фашистских банд, продолжали видеть в коммунистах своего главного врага.

Неопровержимые данные свидетельствуют о том, что в странах, где власть захватили фашисты, наименее восприимчивым к фашистской демагогии оказался рабочий класс. Коммунистические партии, представлявшие авангард пролетариата, были наиболее непримиримыми борцами против фашизма; они продолжали сопротивление в то время, когда другие политические группировки не выдержали трудностей и капитулировали. Именно поэтому, когда создавались условия для открытых выступлений против фашизма, инициаторами массовой борьбы трудящихся оказывались коммунисты.

В рядах международного рабочего движения была выработана тактика Народного фронта, которая показала себя наиболее действенным оружием в борьбе с фашистской угрозой. В годы второй мировой войны она послужила основой для создания единых антифашистских фронтов. Инициаторами объединения антифашистских сил были рабочие партии, вдохновляемые примером борьбы Страны Советов. «Сопrotивление, оказанное армией и народами Советского Союза гитлеровской агрессии,— писал руководитель итальянских коммунистов П. Тольятти,— первая победа при обороне Москвы, последующая зимняя кампания, провал второго гитлеровского наступления, а затем великая победоносная Сталинградская битва — поставили по-новому вопрос о Советском государстве, его международной роли, его мощи, а следовательно, и вопрос о коммунизме»¹⁷.

Ведущая роль коммунистических партий в движениях Сопrotивления настолько бесспорна, что ее широко признают наиболее объективные буржуазные историки. «Коммунисты делали все, что было в их силах, для превращения Сопrotивления в „динамичное“ и „активное“ движение левого типа,— писал известный публицист А. Верт о французских коммунистах.— Де Голль знал так же хорошо, как и Виши, что коммунисты скорее, чем какие-либо другие элементы в Сопrotивлении, смогут превратить его в массовое движение и, возможно, в ударную силу известного военного значения. Многие некоммунисты невольно восхищались преданностью делу и мужеством коммунистов — участников Сопrotивления»¹⁸.

Однако историки-антикоммунисты применяют самые хитроумные приемы фальсификации для того, чтобы умалить значение деятельности компартий. Признавая, что коммунисты проявляли наибольшую активность в вооруженной борьбе, они идентифицируют активную борьбу против фашизма с его «моральным осуждением». Католические историки и политические деятели утверждают на этом основании, что истинными «духовными вождами» Сопrotивления были те, кто противопоставлял фашистской идеологии христианскую мораль, либералы же пишут, что именно они были носителями идеи «истинной свободы».

¹⁷ Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953, с. 370.

¹⁸ Верт А. Франция, 1940—1945. М., 1959, с. 155—156.

Сотни тысяч коммунистов всех стран Европы, погибших в борьбе, являют собой свидетельство того, что фашизм видел в них своего главного врага и направлял против компартий свои главные удары. Одно это уже не дает права ставить на одну доску активную антифашистскую деятельность и пассивную «тактику выжидания», проповедовавшуюся буржуазными партиями. Однако и в области идеологии не приходится говорить о буржуазных деятелях как «духовных вождях» движения Сопротивления. Наоборот, программные документы многопартийных органов по руководству этим движением говорят о том, что подавляющее число его участников взялось за оружие вовсе не для того, чтобы вернуться к порядкам, существовавшим в этих странах до фашизма.

«В Италии будущего, — говорилось в программном заявлении высшего органа политического руководства итальянским движением Сопротивления, — не будет места для режима замаскированной реакции или урезанной демократии. Новой политической, социальной и экономической системой может быть только глубокая и действенная демократия... В этом правительстве рабочие, крестьяне, ремесленники — все трудящиеся классы будут иметь решающее влияние и партии, представляющие их, займут в нем место, соответствующее их весу»¹⁹. Такое определение целей движения свидетельствует о решающем влиянии в нем сил, идеалами которых было коренное обновление общества и установление прогрессивной демократии.

Вся деятельность фашистских государств была нацелена на подготовку грабительских войн. Об этом говорили форсированное развитие военных отраслей, автаркические мероприятия и военизация воспитания молодых поколений, империалистическая пропаганда и культ насилия. Особенно ярко это демонстрировал германский фашизм, главарь которого, Адольф Гитлер, задолго до прихода к власти проповедовал войну как естественное состояние «здоровых народов». Даже понятие «мировое господство» означало для него не установление мира, а состояние постоянной войны при перевесе сил Германии и ее союзников. Своей «главной войной» фашистские руководители всегда считали поход против Советского Союза. Развязанная против СССР война была самым крупным выступлением ударных сил мирового империализма против социализма.

¹⁹ Per la liberta e l'indipendenza d'Italia. Roma, 1946, p. 91.

Однако попытка сгруппировать силы мировой реакции вокруг фашизма для наступления на социализм потерпела полный крах. Война закончилась победой коалиции, решающую роль в которой сыграло государство, рожденное Октябрьской революцией. Само создание подобной коалиции свидетельствовало о том, что политика фашистских государств, притязавших на мировое господство, предельно обострила межимпериалистические противоречия. Попытка решить эти противоречия путем войны нанесла глубокий урон капиталистической системе в целом.

В области внутренней политики попытка фашизма решить противоречия капиталистического общества террористическими методами также оказалась исторически несостоятельной. Фашистам лишь на время удалось ввести в заблуждение определенные слои населения и подавить рабочее движение. Социальная база фашистов размывалась, и в стране происходило постоянное накопление социально-политического напряжения, которое грозило взрывом. В ходе сопротивления фашизму партии рабочего класса приобрели авторитет, который намного усилил их роль во всех сферах национальной жизни.

В то же время поражение фашизма привело к его дискредитации и подорвало его престиж в глазах крупной буржуазии. На протяжении 30 лет, прошедших после войны, правящие классы главных стран Западной Европы ориентировались на буржуазно-реформистскую политику. Падение режима Кастану в Португалии и крах военно-фашистской диктатуры в Греции означали полную ликвидацию фашистских государств в Европе.

Однако для дальнейшей демократизации требуются дополнительные усилия всех антифашистов, и в первую очередь международного рабочего класса. В условиях дальнейшего углубления общего кризиса капитализма сохраняется социальная среда для деятельности неофашистов. Происходит ослабление позиций и ухудшение условий жизни мелкой буржуазии и части крестьянства — категорий населения, которые при определенных условиях оказываются подверженными фашистской демагогии. Неспособность капиталистических государств решить жизненные национальные проблемы, устранить экономический хаос, ликвидировать преступность и воспрепятствовать росту аморальных явлений способствует тяге обывателя к «сильной власти». Весьма живучими оказываются также национальные предрассудки, которые всегда использовались фашизмом.

Исторический опыт показывает, что взрыву фашистской опасности предшествует длительный период подспудного развития. «Фашизм не приходит в одну ночь» — под этим девизом проходил международный научный симпозиум в Эссене. Его участники подчеркивали, что ни изменение ситуации в пользу социализма, ни определенное ослабление международной напряженности за последние годы не должны привести к самоуспокоенности²⁰.

Неофашисты проявляют значительную ловкость, приспособляясь к изменившимся условиям. Его представители не прочь отмежеваться от наиболее скомпрометировавших себя атрибутов межвоенного фашизма и громко заявляют о своем «полном обновлении». Они учитывают структурные изменения в буржуазном обществе и особую ставку делают на захват государственной машины изнутри. Большие надежды неофашисты возлагают на новую технократию, на представителей государственной бюрократии и особенно военно-промышленного комплекса.

При всем этом как в идеологии, так и в области политической практики неофашисты являются лишь эпигонами прошлого. Как и раньше, их главная «идея» сводится к оголтелому антикоммунизму и антисоветизму. Прежний национализм принимает форму реваншизма или этноцентризма. В одних случаях неофашисты объявляют себя носителями «духа европеизма», в других — играют на национальных предрассудках населения той или иной страны. Неофашисты критикуют буржуазную демократию и нагло присваивают себе право выступать от имени «молчаливого большинства», т. е. политически пассивной части населения. Набор быстро сменяемых лозунгов вместо идеологической платформы, эклектизм и беспринципность, обращение не к разуму, а к темным инстинктам, примитивизация политических понятий и проповедь мистического начала, беспредельная самоуверенность «вождей» — все это, как и в прежние времена, характеризует нынешних последователей Гитлера и Муссолини.

В известном смысле это облегчает разоблачение неофашистской идеологии, поскольку народы достаточно хорошо помнят, к чему приводит на практике следование фашистским лозунгам. Однако разоблачение фашистской идеологии может быть эффективным только в том случае, если оно сопровождается практическими шагами для пресечения фашистской опасности.

1974 г.

²⁰ См.: Пробл. мира и социализма, 1973, № 4, 5.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ФАШИЗМ И ЕГО КРАХ

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМАГОГИЯ И МЕТОДЫ ГОСПОДСТВА ФАШИЗМА

Долгое время наибольшее внимание в советской и зарубежной исторической и политической литературе уделялось германскому фашизму, поскольку гитлеровская Германия играла главную роль в фашистском блоке¹. История фашизма в Италии освещена гораздо меньше, между тем фашизм впервые возник и пришел к власти в Италии. Методы подавления народных масс, которые применял Муссолини, вызывали восхищение виднейших представителей международного империализма. Гитлер не отрицал приоритета Муссолини и многое заимствовал из его опыта. Правда, из учителя Муссолини в дальнейшем превратился в ученика, так как именно Германия возглавила фашистский блок, а ее правящий класс последовательно осуществлял империалистическую политику. Однако до конца своих дней итальянский фашизм сохранял много своеобразных черт. Это проявлялось прежде всего в попытке решать социальный вопрос путем построения «корпоративного государства» и в осуществлении крайних форм экономической автаркии. В Италии сохранялся монархический строй и юридическим главой государства всегда оставался король, что, безусловно, несколько ограничивало диктатуру Муссолини. Итальянскому фашизму никогда не удавалось полностью подчинить всю жизнь нации, ликвидировать оппозицию и привить народным массам Италии воинственность. Италия оказалась слабым звеном в системе фашистских государств. Режим Муссолини сгорел в огне второй мировой войны за два года до ее окончания.

¹ См.: Рахмисир П. Ю. Современные тенденции буржуазной историографии фашизма.— Новая и новейшая история, 1971, № 6.

Официальной датой рождения фашистского движения в Италии считается 23 марта 1919 г., когда в Милане под руководством Муссолини состоялось учредительное собрание «Фаши ди комбаттименто» («Боевые союзы»), откуда и произошло слово фашист. Однако само движение возникло несколько ранее и связано в первую очередь с проявлением общего кризиса капитализма в Италии, обострением капиталистических противоречий и классовой борьбы в стране после первой мировой войны. Уже в 1918 г. выступления трудящихся приобрели огромный размах, а социалистическая партия стала наиболее влиятельной политической силой. На очередном съезде социалистов было принято решение о борьбе за власть революционным путем. Наибольшего накала классовая борьба достигла в 1920 г. В стране беспрерывно происходили забастовки на предприятиях и волнения в деревне, на заводах Северной Италии стали создаваться фабрично-заводские комитеты. Однако политический кризис в Италии не перерос в борьбу за свержение власти буржуазии. Движение трудящихся после 1920 г. пошло на спад. В январе 1921 г. представители революционного крыла вышли из социалистической партии и основали Итальянскую коммунистическую партию.

Крупная буржуазия, испуганная накалом борьбы, стала искать эффективные средства для предотвращения всякой возможности повторения революционного кризиса. До первой мировой войны у итальянской буржуазии не было сильной политической партии. Существовавшие организации представляли собой немногочисленные группы политических деятелей, преимущественно либералов, которые проявляли себя лишь во время парламентских выборов. Одним из претендентов на роль защитника масс от влияния социалистических идеалов была созданная в 1919 г. католическая Народная партия. Пользуясь поддержкой Ватикана, она выдвинула широкую программу радикальных реформ и стала весьма популярной среди религиозно настроенного населения, особенно в деревне.

Однако более надежную гарантию крупная буржуазия увидела в лице фашистского движения. Руководитель фашистов Муссолини был ловким демагогом, умевшим воздействовать на массы; в то же время он всегда был готов прибегнуть к крайним средствам. Репегат социалистической партии, он был полон животной ненависти к социализму и коммунизму.

Фашистское движение не возникло с готовой идеологической платформой. У его руководителей имелся набор идей и лозунгов, манипулируя которыми они приспособивались к настроениям толпы. Большая часть внешнеполитических лозунгов, в частности требование добиться силой удовлетворения территориальных претензий Италии, была заимствована ими у итальянских националистов. В области внутренней политики фашисты прибегали к самой широкой социальной демагогии. Так, стремясь обеспечить себе поддержку трудящихся масс, они требовали созыва учредительного собрания, всеобщих выборов, восьмичасового рабочего дня, национализации военной промышленности.

Однако главный смысл своего движения Муссолини видел в жесткой борьбе против социализма. Уже весной 1919 г. созданные им вооруженные отряды стали вступать в столкновения с рабочими-социалистами. Кадры для этих отрядов вербовались в первую очередь из офицеров-фронтовиков, шовинистически настроенных представителей мелкой буржуазии и буржуазного студенчества. Готовность с оружием в руках подавлять движение трудящихся обеспечила фашистам расположение и поддержку крупной буржуазии.

В 1920—1921 гг. в движение влились многочисленные группы собственников, испуганных выступлениями рабочего класса и стремящихся к восстановлению «порядка». Пользуясь попустительством полиции, фашистские отряды нападали на помещения коммунистической и социалистической партий, профсоюзов, громили редакции демократических газет. Столкновения часто принимали форму кровопролитных стычек. В отличие от рабочих дружин отряды фашистов были хорошо вооружены и постоянно наращивали силу своих ударов.

Осенью 1922 г. стало ясно, что влиятельные группы итальянского правящего класса все более склоняются к мысли об установлении террористического режима. Муссолини решил, что наступило время для непосредственной борьбы за власть. Он призвал фашистов всей Италии организовать 28 октября 1922 г. «поход на Рим». В этот день к столице Италии двинулись вооруженные колонны, одетые в черные рубашки. Они не встретили сопротивления: король Виктор-Эммануил отказался объявить осадное положение и бросить войска против чернорубашечников. Вместо этого он предложил Муссолини занять пост премьер-министра и сформировать правительство.

Во время голосования в парламенте 306 депутатов буржуазных партий отдали свои голоса за доверие правительству; против голосовало 102 депутата — коммунисты, социалисты, республиканцы². Таким образом представители старых правящих групп добровольно уступили власть фашистам. На первых порах, не имея достаточно сил, Муссолини мирился с существованием демократических партий, профсоюзов и оппозиционной печати. Его правительство было коалиционным: до апреля 1923 г. в него входили представители Народной партии и до конца 1924 г. — либералы.

Вместе с тем Муссолини сразу же принял меры для укрепления личной власти. В обход конституции он создал так называемый Большой фашистский совет из членов руководства партии, министров-фашистов и местных партийных главарей. Этот орган фактически контролировал все проекты декретов и законов перед внесением их в парламент, а через своих членов, состоявших в правительстве, — деятельность самого правительства. Еще большее значение имело юридическое признание в начале 1923 г. фашистских отрядов в качестве добровольной милиции национальной безопасности, которая была поставлена под непосредственный контроль главы правительства. Тем самым отряды головорезов-чернорубашечников включались в систему государства и их действиям была придана видимость законности.

Фашистские отряды усилили террор против демократических организаций. Иногда эти расправы носили характер индивидуальных нападений, в других случаях — широких массовых налетов. Фашисты все менее церемонились с представителями буржуазных партий; в этот период были совершены нападения на некоторых видных либералов. Неприкрытое насилие вызывало недовольство в стране, против фашистов стал складываться единый фронт оппозиции.

Его возникновение было связано с «кризисом Маттеоти», происшедшим летом 1924 г. Во время выборов в парламент фашистам, которые выступали в блоке с правыми либералами, удалось собрать 4,5 млн. голосов, в то время как блок оппозиционных партий получил около 3,5 млн. голосов³.

² Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968, с. 169.

³ Там же, с. 220.

На заседании нового парламента популярный лидер социалистов Дж. Маттеотти выступил с разоблачением фашистских бесчинств в период предвыборной кампании. Через несколько дней после этого он был схвачен на улице среди бела дня и зверски убит. Труп Маттеотти через две недели был обнаружен недалеко от Рима. Причастность фашистов к убийству была ясна для всех с самого начала, возмущение охватило всю Италию. Создалось положение, когда давно назревавшее недовольство могло привести к свержению правительства Муссолини. Большинство депутатов оппозиционных партий вышли из правительства и образовали так называемый Авентинский блок. Они решили бойкотировать парламент и требовать отставки Муссолини. Однако руководители блока боялись призвать к действию народные массы, что предлагали сделать коммунисты. Это позволило фашистам прийти в себя, а затем и перейти в наступление. В конце 1924 г. «Авентинский блок» распался. Вскоре Муссолини заявил в парламенте, что отныне он не намерен ни с кем делить власть и готов подавить силой оппозицию.

Окончательно оформление фашистско-тоталитарного режима произошло в 1926 г., который Муссолини назвал своим «наполеоновским годом». Согласно изданным чрезвычайным законам все политические партии и организации, кроме фашистских, были распущены и объявлены вне закона, депутаты оппозиции изгнаны из парламента. Для расправы над противниками фашистского режима был учрежден Особый фашистский трибунал и введена смертная казнь. Принятие чрезвычайных законов знаменовало переход фашизма к неограниченной террористической диктатуре.

Победа наиболее реакционных и шовинистических групп правящего класса объясняется рядом причин. Фашисты начали свое наступление в момент, когда послевоенный подъем рабочего движения был уже на исходе, и воспользовались растерянностью трудящихся после ряда неудачных выступлений. Реформистские лидеры социалистов проводили политику отказа от вооруженного сопротивления фашистам и пытались осуществлять политику «умиротворения». Это внесло дезорганизацию в рабочий класс. Молодая коммунистическая партия была в то время слишком малочисленной и не имела сил для того, чтобы встать во главе антифашистского движения.

Позорной была роль буржуазных партий, которые продолжали сотрудничать с фашистами в то время, когда те

еще не были в силах управлять страной единолично. Фашистам никогда не удалось бы прийти и удержаться у власти без помощи государственного аппарата, армии, полиции и монархии, вмешательство которых в такие критические моменты, как «поход на Рим» или «кризис Маттеотти», могло привести к падению Муссолини.

Особого внимания заслуживает позиция крупной монополистической буржуазии. С момента зарождения фашизм пытался выставлять себя защитником интересов трудящихся перед лицом «плутократов» — и это понятно, учитывая стремление фашистов превратить свое движение в массовое. Истинные причины словесных выпадов Муссолини хорошо понимали представители крупной буржуазии. Фашизм был нужен им в качестве надежного барьера против революционного пролетариата; более того, крупные аграрии и промышленники поддерживали борьбу, которую вел фашизм против слабого и дискредитировавшего себя в их глазах либерального государства.

Фашизм как политическое течение еще только складывался, а крупные компании, в первую очередь металлургический трест «Ансальдо», уже финансировали деятельность Муссолини. В 1921 г., когда из-под словесной шелухи первых программных установок ясно выявилось истинное лицо фашизма как ударного отряда реакции, крупные промышленники и аграрии стали на путь активной и откровенной поддержки Муссолини. Они финансировали предвыборные кампании фашистов, давали деньги для организации карательных экспедиций и погромов. Процесс превращения фашизма в орудие монополистических кругов шел по нарастающей линии. Разумеется, нельзя его схематизировать. В определенные моменты интересы политической власти вступали в противоречие с интересами некоторых промышленных групп. Кроме того, элементы цезаризма, стремление стать единоличным диктатором были в высшей мере присущи Муссолини уже в начале его политической карьеры. Однако в целом поддержка фашизма монополистическими кругами становилась все более энергичной, и это не только было одной из решающих причин его успехов, но и служило ориентиром для отношения к нему самых широких слоев буржуазии.

Фашистам удалось подчинить своему влиянию значительную часть мелкой буржуазии, которая боялась лишиться собственности в результате революционных потрясений. Кроме того, в этих слоях особым успехом

пользовались националистические и шовинистические лозунги. После первой мировой войны Италия, походячему в то время выражению, чувствовала себя «побежденной среди победителей», обделенной союзниками при дележе добычи. Фашистская пропаганда беззастенчиво спекулировала на национальных чувствах итальянцев, выдавая себя за наиболее решительных и последовательных защитников интересов всей страны.

Наконец, определенную роль в успехах фашизма сыграли личные качества диктатора. «Муссолини был человеком толпы, который обладал чутьем масс, политической интуицией, организационной споривкой...— пишет советский исследователь Б. Р. Лопухов.— Это был „великий артист действия“, подстрекаемый личным самолюбием...»⁴. Все эти качества, которыми обладал Муссолини в начале политической карьеры, соединенные с умением скрывать истинные чувства, цели и намерения, создавали ему популярность у определенной части населения.

После принятия чрезвычайных законов в Италии были подавлены всякие признаки легальной оппозиции, а активные антифашисты брошены в тюрьмы или сосланы на принудительное поселение. Особенно жестоко фашисты постарались расправиться с коммунистами: руководители партии во главе с Грамши были приговорены к максимальным срокам тюремного заключения. Итальянскому фашизму понадобилось еще несколько лет для окончательного искоренения оппозиции и достижения внутренней стабилизации. Этот процесс закончился в 1929 г. и ознаменовался подписанием Латеранских соглашений между Италией и Ватиканом, которые обеспечивали Муссолини признание и поддержку католической церкви. Заключение пакта с Ватиканом было последним крупным внешнеполитическим успехом, достигнутым итальянским фашизмом мирным путем. В начале 30-х годов итальянские империалисты начали подготовку к осуществлению своей экспансионистской программы с помощью силы. Первым и наиболее благополучным для итальянского фашизма военным походом была агрессия против Эфиопии в 1935—1936 гг.

Захват Эфиопии и основание империи знаменовали собой высшую точку успехов итальянского фашизма на внешнеполитическом фронте. 5 мая 1936 г. главные площади итальянских городов заполнили толпы людей. Их

⁴ Лопухов Б. Р. Указ. соч., с. 108—109.

собрали для того, чтобы прослушать речь Муссолини с балкона палаццо Венеция в Риме, которая транслировалась по радио. Дуче торжественно возвестил о взятии итальянскими войсками Аддис-Абебы и окончании войны в Эфиопии. Через день король Виктор-Эммануил удостоил Муссолини высшей военной награды — Большого ордена Савойи за то, что он в качестве военного министра «подготовил и выиграл самую крупную колониальную войну, которую знает история»⁵.

9 мая состоялось заседание высшего органа фашистского режима — Большого фашистского совета. После его окончания Муссолини вышел на балкон дворца и зачитал декрет, согласно которому Италия объявлялась империей, а к титулу итальянского короля добавлялся титул императора Эфиопии. Выступление дуче закончил театральным обращением: «Подымите ввысь, о легионеры, ваше оружие и ваши знамена, чтобы приветствовать через 15 веков восстановление империи на отмеченных судьбою холмах Рима!» Итальянский фашизм пышно праздновал одержанную победу. В упоении от успехов ни король, ни Муссолини не замечали абсурдности своих утверждений и исторических аналогий.

Некоторые итальянские историки склонны считать захват Эфиопии рубежом, достигнув которого фашистский режим очутился на развилке дорог, одна из которых вела к миру, а другая — к войне. В действительности кратковременный период «мирных» настроений итальянского фашизма вслед за захватом Эфиопии объяснялся чисто тактическими соображениями — необходимостью освоить захваченную африканскую территорию, привести в порядок финансы и экономику, расстроеными военными действиями.

Столбовая дорога итальянского фашизма по-прежнему вела к новым авантюрам, и удачная колониальная война лишь придавала силы экспансионистским настроениям. Муссолини откровенно говорил об этом: «Сейчас, когда мы добились империи, надо стать империалистами. Итальянцы должны рассматривать империю как достояние, которое следует не только отстаивать и усиливать, но и расширять. Надо всегда быть готовым духовно и материально к тому, чтобы использовать все возможности для ее увеличения»⁶. После эфиопской кампании фашистская

⁵ *Salvatorelli L., Mira G. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1962, p. 849.*

⁶ *Giudice G. Mussolini. Torino, 1969, p. 541.*

Италия стремительно двинулась по пути военных авантур, которые сделали ее участницей второй мировой войны и привели к закономерному краху.

После 1936 г. особенно широко развернулись фашизация и милитаризация всей жизни в стране, имевшие целью превратить итальянцев в дисциплинированную воинственную нацию, готовую выступить по первому приказу дуче. Во внешней политике эти годы характеризовались все более тесным сближением и союзом с фашистской Германией, громко заявлявшей о своем намерении силой перекроить карту Европы.

В июне 1936 г., вскоре после окончания войны в Эфиопии, в специальном постановлении руководства фашистской партии говорилось о том, что «возросшая историческая ответственность фашизма» требует строгого соблюдения всей страной «фашистского стиля». Выступая на ту же тему, Муссолини требовал «поднять всю жизнь нации на имперский уровень»⁷. Эти напыщенные формулировки скрывали за собой новое усилие идеологической пропаганды итальянского фашизма. Цель ее — подвести идеологическую базу под политику территориальных захватов и притязаний Италии на Средиземном море.

Однако в начале 30-х годов, когда итальянский фашизм еще не имел четкого плана территориальной экспансии, Муссолини неоднократно демагогически заявлял, что империализм совершенно не обязательно подразумевает расширение колониальной империи. В «Доктрине фашизма», появившейся в 1932 г., он писал о нации, которая непосредственно или косвенно руководит другими нациями и не нуждается «в захвате хотя бы одного квадратного километра чужой территории»⁸. В том же году, беседуя с немецким публицистом Э. Людвигом, Муссолини заявлял, что империя не является необходимостью и даже опасна. «Чем больше империя расширяется, — говорил он, — тем больше она теряет свою органическую силу. Но тенденция к империализму — это элемент силы человеческой природы... до тех пор пока человек живет, он империалист»⁹.

После захвата Эфиопии из лексикона дуче исчезли фразы об «опасности» создания империи. Появился устойчивый лейтмотив «маре нострум». «Если для дру-

⁷ Salvatorelli L., Mira G. Op. cit., p. 849.

⁸ Opera omnia di B. Mussolini. Firenze, 1961, vol. 34, p. 131.

⁹ Ludwig E. Colloqui con Mussolini. Milano, s. d., p. 61.

гих, — говорил Муссолини в Милане в ноябре 1936 г., — Средиземное море является дорогой, то для нас это сама жизнь...»¹⁰.

Многочисленные фашистские пропагандисты шли еще дальше. Так, один из самых рьяных, П. Орано, писал: «Были правы те, кто 18 лет назад утверждал, что „поход на Рим“ должен иметь естественным продолжением „поход из Рима“. Фашизм нес в себе дыхание колониальной экспансии. Вот почему при первых известиях о движении вперед, от старых границ Эритреи и Сомали, итальянский народ облегченно вздохнул. Каждое слово дуче соответствовало вековым чаяниям миллионов. Итальянское оружие, закаленное в пламени фашистской веры, наконец было пущено в ход»¹¹.

Идеологи фашизма не ставили перед собой задачу создать цельную концепцию колониализма: речь шла о возрождении старых националистических лозунгов и мифов в более широких масштабах. Первое место среди них занимал миф о воссоздании «священной Римской империи». Это была любимая параллель Муссолини. Фашистская пропаганда спекулировала также на идеях деятелей Рисорджименто о цивилизаторской миссии Италии в Африке. Однако блеск и величие древнего Рима гораздо более импонировали замыслам Муссолини и его приближенных. Упомянувшийся выше Орано писал: «Италия Муссолини подобна Риму времен Цезарей и может быть его преемницей в Европе и во всем мире»¹².

Другое направление идеологической кампании касалось роли фашизма в современном мире. Здесь итальянские фашисты, не ограничиваясь рамками Средиземноморья, начинали мыслить глобальными масштабами. В высказываниях Муссолини все чаще стала звучать мысль об «исторической неизбежности» распространения фашизма на весь мир. Так, в газете «Пополо д'Италия» в октябре 1937 г. он писал, упоминая о себе в третьем лице: «Многие государства в Европе идут по пути фашизма... Дело идет к такой организации нации, которую Муссолини много лет назад определил как „организованный централизм“, „авторитарную демократию на национальной базе“. Каждая нация будет иметь „свой“ фашизм, т. е.

¹⁰ *Catalano F.* L'Italia dalla dittatura alla democrazia. Milano, 1962, p. 232.

¹¹ *Orano P.* Mussolini, fondatore dell' Impero Fascista. Roma, 1940, p. 33.

¹² *Ibid.*, p. 34.

фашизм, приспособленный к особым условиям определенной нации. Не будет фашизма, который можно экспортировать в готовой форме, но будет комплекс учений, методов и особенно достижений, которые постепенно охватят все государства Европы и явятся новым фактом в истории цивилизации»¹³.

Поначалу это был план относительно «мирной» экспансии фашизма в Европе. Направляя в то время свою энергию на Средиземное море, итальянский фашизм придерживался внешне мирной стратегии на континенте. Однако постепенно требование «универсализации» фашизма в выступлениях Муссолини начало звучать все более настойчиво.

Его примеру следовали идеологи итальянского фашизма и их признанный глава философ Дж. Джентиле. Выступая осенью 1936 г. по случаю 15-летнего юбилея Института фашистской культуры, он рассматривал отношения фашизма с внешним миром: «Демократия? — Как указал нам Муссолини, с этой ложью давно пора покончить»: «Европа? — Вся Европа нуждается в лечении». Главной проблемой оратор старался представить большевизм, в прямую схватку с которым фашистские державы вступили в Испании. «Большевизм, — заявил Джентиле, — это отрицание семьи и следовательно — индивидуализм; это отрицание религии... и следовательно — изоляция личности, оставленной на произвол судьбы и обреченной на самое безысходное отчаяние... Фашизм есть и должен быть знаменем борьбы против мрачных замыслов азиатского варварства»¹⁴.

Дж. Джентиле не слишком утруждал себя поисками аргументов. Однако он довольно точно определил схему для обоснования «исторической миссии» итальянского фашизма в мире. Фашизм призван оздоровить большую Европу, «испорченную» демократией, и повести ее на борьбу с «азиатским большевизмом» — это была та идеологическая установка, которой следовала вся официозная пропаганда.

Главный редактор журнала «Политика» Ф. Коппола писал, что основным врагом Италии является «большевизм». Однако «большевизму» противостоит итальянский фашизм. Отсюда необходимость для Запада возвратиться

¹³ *Spinelli E. Sintesi di Mussolini. Rocca San Casciano, 1950, p. 355.*

¹⁴ *Santarelli E. Storia del movimento e del regime fascista. Roma, 1967, vol. 2, p. 231.*

к идеям и идеалам древнего Рима, носителями которых объявлялся фашизм: «прежде всего к порядку, к истинному боевому духу, к иерархии не только наций и людей, но и идей». И как вывод: фашизм представляет собой «великую идею сохранения и возрождения западной цивилизации»¹⁵. В рассуждениях Копполы, у которого идеи национализма и требования внешнеполитической конъюнктуры переплетались самым причудливым образом, вновь повторялся мотив мировой экспансии фашизма.

Таковы были некоторые черты той идеологии, на основе которой итальянский фашизм намеревался милитаризовать итальянский народ, организовать его и вдохнуть в него «фашистский энтузиазм». Эти два элемента — организацию и слепую веру — Муссолини считал главными рычагами, при помощи которых следует управлять массами. «Масса для меня не что иное, как стадо овец, пока она не организована, — цинично заявлял он в интервью Э. Людвигу. — Я вовсе не против нее. Я только отрицаю, что масса может собой управлять. Массы не должны знать, а должны верить, ибо только вера сдвигает горы... Разум может быть оружием, а не движущей силой масс»¹⁶.

Важнейшую роль в формировании слепой веры должен был играть миф о человеке, «ниспосланном Италии провидением». Восхваление Муссолини в предвоенные годы достигло своего апогея. Далеко в прошлое ушли те времена, когда он был только главой правительства, игравшим в «демократию». И хотя официально Муссолини продолжал возглавлять совет министров и руководил несколькими министерствами, массе граждан он должен был представляться чем-то неизмеримо большим. Сам титул дуче (военный вождь), заимствованный из истории Римской империи, говорил о той роли, которую предназначал себе Муссолини в будущем. Муссолини любил выступать с балкона дворца на площади Венеции в Риме. Он появлялся перед толпой в пышной военной форме, выпятив грудь и задрав подбородок, что должно было служить признаком «железной воли и негибаемого характера». Повсюду его сопровождала свита из «мушкетеров дуче» в черной форме; охранники Муссолини располагались вокруг своего патрона, сжимая в руках кинжалы. Газетам было запрещено упоминать о возрасте диктатора,

¹⁵ Ibid., p. 235—236.

¹⁶ *Ludwig E.* Op. cit., p. 120.

поскольку он должен был служить символом «неувядаемой молодости фашистского режима». Наоборот, в прессе постоянно подчеркивалась невероятная энергия дуче. Так, в одном из указаний министерства культуры органам печати говорилось: «В сообщении о том, что дуче участвовал в полевых работах, подчеркнуть, что он четыре часа работал на жатке и совсем не устал».

Особенно часто упоминалось о том, что в разъездах по стране Муссолини лично пилотировал свой самолет. Стремительность полета самолета также должна была служить символом динамизма фашистского режима, и Муссолини присвоил себе звание «первый пилот Италии». Цитаты из высказываний дуче стали обязательной принадлежностью всех писаний фашистских пропагандистов. Лозунги вроде «Муссолини всегда прав» настойчиво повторялись газетами. Как говорилось в инструкции министерства культуры, «итальянцы должны были хорошо помнить, что все, что делается в настоящее время в Италии, происходит от дуче и несет на себе отпечаток его личности»¹⁷. Вера в непогрешимость и всемогущество дуче должна была подкрепляться соответствующими организационными и воспитательными мерами. Главная роль в «привитии нации дисциплины» отводилась фашистской партии. А. Стараче, который был секретарем партии с начала 30-х годов, вошел в историю как один из наиболее ревностных сторонников превращения итальянцев в безропотных исполнителей воли Муссолини. Его личное положение, так же как юридический статус партийных организаций, было закреплено законом, принятым в январе 1937 г.: в соответствии с ним секретарь фашистской партии наделялся полномочиями министра.

Стараче добивался того, чтобы в фашистскую партию и контролируемые ею организации вступило максимальное число итальянцев. Были изданы специальные постановления, которые обязывали государственных служащих становиться членами фашистской партии; подобные же административные меры принимались и по отношению к другим категориям населения. В результате резко увеличилось число фашистской партии. В октябре 1937 г. в ней насчитывалось более 2 млн. членов, а вместе с подчиненными ей организациями (не считая профсоюзных) она контролировала более 10 млн. итальянцев¹⁸. Чтобы

¹⁷ *Salvatorelli L., Mira G. Op. cit., p. 854.*

¹⁸ *Santarelli E. Op. cit., p. 299.*

привить итальянцам «фашистский стиль жизни» — «быстроту, решительность и динамизм», властями проводились различные мероприятия, среди которых особое место занимали «фашистские субботы». В соответствии со специальным постановлением совета министров все итальянцы должны были посвящать этот день военной, политической и спортивной подготовке. Газеты печатали фотографии Муссолини и его приближенных, которые совершали заплывы в море или соревновались в барьерном беге. По замыслу организаторов этих пропагандистских зрелищ это должно было вдохновлять итальянцев, побуждая следовать примеру руководителей.

Военная и физическая подготовка нации стали излюбленными темами фашистской пропаганды. Один из специалистов того времени по вопросам воспитания, Р. Маццетти, «глубокомысленно» писал: «Для человека фашистской эры спорт не развлечение, а насущная необходимость... Спорт — важное связующее звено нации с армией, с казарменной жизнью»¹⁹.

Особое внимание обращалось на подрастающее поколение, из которого должен был формироваться «человек эпохи Муссолини». «Когда Вождь сказал, что жизнь нации должна быть поднята на имперский уровень,— писал по этому поводу Маццетти,— то лучшие люди сразу же подумали о школе, так как она в высшей степени способствует духовному формированию людей и внедряет в сознание высокие мысли интеллектуальной аристократии. Эта новая задача, поставленная перед школой, нелегка и очень важна».

«Лучшие люди», о которых писал Маццетти,— это его непосредственный начальник, министр национального образования и одновременно консул фашистской милиции Д. Боттаи; «новые задачи школы» — это циркуляр Боттаи, изданный в 1936 г. «Фашистская школа,— говорилось в нем,— это прежде всего школа жизни как таковой и фашистской жизни... Наша школа должна быть инкубатором имперской державы. Молодые люди должны быть морально и интеллектуально готовыми свободно перемещаться по артериям нашей империи до африканских берегов»²⁰.

Для подготовки молодых людей, готовых следовать имперским планам, особое значение приобретал основной

¹⁹ *Mazzetti R. Scuola e nazione sul piano dell' Impero. Bologna, 1938, p. 196.*

²⁰ *Mazzetti R. Op. cit., p. 193.*

принцип Муссолини о приоритете веры над знаниями. П. Орано в статье «Дух и методы культуры в имперской политике», обрушиваясь на «всезнайство» и «излишнюю эрудицию», сковывающую волю к действию, приводил в пример гитлеровскую Германию, где число студентов сокращалось. «Италии нужна не школа как самоцель, а школа, повинующаяся Нации — Государству», — заключал Орано ²¹.

Фашистские власти считали, что для идеального солдата будущей войны, решительного, убежденного, способного действовать, а не рассуждать, недостаточно усилий одних только школьных педагогов. Существовавшие до этого массовые молодежные и детские организации, носившие названия «Дети волчицы», «Балилла» ²², «Авангардисты», «Молодые фашисты», в 1937 г. были объединены в единую организацию — ДЖИЛ — Итальянскую дикторскую молодежь, главнокомандующим был назначен Стараче. Это была организация военного типа, задачей которой было обучать молодежь «жизни в фашистском коллективе» и давать ей военную подготовку. Лозунг ДЖИЛ, так же как и фашистской партии, гласил: «верить, повиноваться, сражаться». В 6 лет маленькие итальянцы давали клятву служить фашизму, «не жалея собственной крови», и становились «Сыновьями волчицы», с 8 до 11 они принадлежали к организации «Балилла», с 11 до 15 они были «Балилла-мушкетерами» и ходили с деревянными карабинами. «Сейчас наша школа, — писал Орано, — это одновременно гимнастика мускулов и ума, она насыщена духом дисциплины и военной подготовки, и нет подростка, мальчика или девочки, который жил бы вне влияния партии и армии!» ²³

Школа и ДЖИЛ формировали молодое поколение. Работа о душах взрослого населения была возложена на министерство народной культуры, созданное в 1937 г. Возглавляли этот важный идеологический орган фашистского государства сначала Д. Альфьери, а затем А. Паволини. Перед новым министерством ставились широкие задачи. Речь шла не только о контроле над печатью и пропагандистской деятельностью, преследовалась цель добиться подчинения фашизму всей культурной жизни

²¹ *Orano P. Op. cit.*, p. 159.

²² По фамилии итальянского мальчика, который, по преданию, первым бросил камень в австрийских оккупантов во время народного восстания 1746 г. в Генуе.

²³ *Orano P. Op. cit.*, p. 168.

страны. Характерным порождением института фашистской культуры была «Школа фашистской мистики». Школа ставила задачей распространять среди молодых людей мистическую веру в фашизм, превращать их в фанатиков, «готовых отдавать все, не требуя взамен ничего». Одной из основных форм работы среди молодежи было чтение вслух и комментирование речей Муссолини. Само создание «Школы мистики» характеризовало атмосферу, которую стремился создать в стране фашистский режим.

Особое внимание министерство народной культуры уделяло органам печати. Для того чтобы обеспечить необходимую направленность информации, оно регулярно рассылало всем газетам подробные указания относительно содержания каждого номера. Характер этих указаний иллюстрирует подборка, которую приводят в своей книге Л. Сальваторелли и Дж. Мира. Вот некоторые из них: «Не публиковать фотографии Примо Карнера (итальянского чемпиона по боксу), сбитого в нокауте»; «По поводу смерти Максима Горького никаких статей, комментариев или биографических сведений; сообщение опубликовать в конце номера»; «Ничего не писать об Эйнштейне»; «Речь дуче, произнесенную в Форли, следует дать с заголовком на восемь строк: „Мы пойдем напролом в вопросах расы“. Не приводить в заголовке второй фразы: „Мы никого в этом не копируем“»; «Посвятить только несколько строк высадке русских на Северном полюсе»; «Говоря о Муссолини, называть его не главой, а дуче».

В области культуры и образа жизни мероприятия фашизма носили название «культурной мелиорации»; с особой силой она развернулась в 1938 г. Эта кампания развивалась по многим направлениям, важнейшим из которых была борьба против «иностранный» влияния и «буржуазных привычек». Один из активнейших апологетов всех мероприятий фашистского режима, Де Стефани, писал в то время: «Многое еще можно сделать в области нематериального импорта: образа мышления и жизни, чуждых привычек, которые мы усваиваем... Фашистский режим должен контролировать не только импорт товаров, но и импорт идей и образа жизни»²⁴.

Борьба с «иностранными привычками» зачастую принимала смехотворные формы: так, пропаганда велась против обычая пить чай, и находились писаки, которые

²⁴ De Stefani A. *Travaglio economico*. Bologna, 1938, p. 202—203.

всерьез доказывали, что эта привычка «ослабляет нацию». Более серьезные мероприятия проводились в области литературы. В 1939 г. была создана специальная комиссия, которая составляла списки запрещенных писателей. В них попали Гоголь, Тургенев, Толстой, поскольку их имена были связаны с «большевистской Россией». По менее понятным причинам оказались негодными произведения Овидия, Теренция, Рабле, По и многих других авторов²⁵.

Итальянцам надолго запомнилась яростная и нелепая кампания, которая началась в 1938 г. против употребления личного местоимения третьего лица в качестве вежливой формы обращения, принятой в итальянском языке²⁶. Идея этой кампании исходила непосредственно от Муссолини, и поэтому в печати незамедлительно появились статьи, в которых доказывалось, что эта «женственная» форма обращения чужда «мужественному» стилю фашистского режима. Предписывалось ограничиваться обращением на «ты» для равных по положению (как указывалось, подобное обращение более соответствовало «римскому характеру») и на «вы» для старших в звании в качестве выражения «иерархического принципа». Хотя никаких законодательных решений по этому поводу принято не было, руководители различных учреждений поторопились внедрить «новый» стиль среди своих подчиненных. Отступление от него считалось признаком антифашистских настроений.

После начала сближения Италии с Германией в стране стали появляться нововведения, которые являлись непосредственным заимствованием методов Гитлера. Так, увидев на военных парадах в Германии «пруссский шаг», Муссолини предписал ввести его в Италии под названием «римского шага». Захлебываясь от восторга, фашистские газеты описывали эту новую манеру маршировать как «неотвратимый шаг легионов, для которых каждый поход — завоевание». В печати была опубликована фотография Муссолини, который демонстрировал, каким именно должен был быть этот «римский шаг», в речах он подчеркивал, что это нововведение имеет «исключительную важность», всерьез заявлял, что оно «вызвало огромный отклик во всем мире». «Последуют новые меро-

²⁵ Bocca G. Storia d'Italia nella guerra fascista. Bari, 1960, p. 80.

²⁶ Так, если раньше, например, писали: «Сообщаем Ей» — и подразумевалось — Вашей милости, то теперь нужно было сказать: «Сообщаем Вам».

приятия,— предвещал Муссолини,— будет преодолен скептицизм отечественных и зарубежных дегенератов, которые хотели бы видеть Италию легкомысленной, развлекающейся, беспорядочной, мандолинной, а не дисциплинированной, собранной, молчаливой и могучей Италией фашистской эры»²⁷.

В действительности же гораздо более широкий отклик и далеко идущие последствия вызвало заимствование у гитлеровцев расистской идеологии и антисемитского законодательства. Еще весной 1938 г. специальное коммюнике органа итальянского министерства иностранных дел утверждало, что правительство «никогда не думало и не думает принимать политических, экономических или моральных мер против евреев». Однако сближение с Германией побудило Муссолини круто изменить курс. В июле того же года был опубликован манифест, подготовленный группой «фашистских ученых» и официально определявший отношение итальянского фашизма к проблемам расы. Важнейшие положения этого манифеста, состоявшего из десяти пунктов, гласили, что итальянцы «в своем большинстве» относятся к арийской расе, что ее следует всячески оберегать от евреев и других элементов²⁸.

В сентябре Муссолини, выступая в Триесте, поставил расовый вопрос в центр внимания итальянского фашизма: «Во внутренней политике наиболее злободневной проблемой является проблема расы»²⁹.

Вскоре последовали первые антисемитские законы: людям еврейской национальности запрещалось преподавать в школах, а члены академий, институтов, различных научных и культурных организаций лишались своих постов. В ноябре совет министров Италии, по представлению Большого фашистского совета, одобрил новую серию законов, которые по сути дела исключали евреев из национальной жизни: им запрещалось служить в государственных и полугосударственных учреждениях, евреи не подлежали призыву на военную службу, и их права на недвижимую собственность существенно ограничивались. Для детей евреев в школах организовывались отдельные классы, а браки между итальянцами и всеми «неарийцами» запрещались³⁰.

²⁷ Scritti e discorsi di B. Mussolini. Milano, 1939, vol. 12, p. 25.

²⁸ Santarelli E. Op. cit., p. 326.

²⁹ Scritti e discorsi..., p. 47.

³⁰ Bocca G. Op. cit., p. 19.

Гонения против евреев в Италии до войны не приняли характера физической расправы, как это было в гитлеровской Германии, они не носили столь же тотального характера, как у нацистов. По официальной статистике, дискриминации подверглось около 3,5 тыс. еврейских семей, проживавших в Италии. Однако антисемитские законы вызвали волну эмиграции — среди покинувших страну в этот период был один из основателей атомной физики — Энрико Ферми. Естественным следствием гонений были также рост вражды к фашизму лиц еврейской национальности и включение в активный антифашизм многих из них, особенно из среды университетской молодежи.

Если в национальной политике итальянский фашизм стремился убедить итальянцев в том, что они принадлежат к арийской расе, и внушить им чувство превосходства над другими национальностями, то в плане социальном предвоенные годы характеризовались нарастанием «антибуржуазной» демагогии. В своих выступлениях Муссолини все чаще упрекал «буржуазию» в непонимании национальных задач. В октябре 1938 г. в национальном совете фашистской партии он сообщил, что наконец обнаружил врага фашистского режима и этот враг называется буржуазией. «Буржуазия, — уточнял он, — это прежде всего моральная категория, это особое настроение, своего рода темперамент, это образ мышления, прямо противоположный фашизму». Муссолини напомнил, что «буржуазия уже получила мощные пинки в живот: первым из них был „римский шаг“, другим пинком была отмена обращения в третьем лице. Следующим колоссальным пинком будет расовый вопрос»³¹.

Само перечисление «антибуржуазных» мер показывает, что не могло быть и разговора о каком-либо повороте в социальной политике фашизма. Речь шла не об определенном социальном классе или категории, а все о тех же ненавистных привычках и обычаях, мешавших Муссолини превратить итальянца в «аскетического, сурового и молчаливого бойца». По инициативе секретаря фашистской партии Стараче осенью 1938 г. была организована «антибуржуазная» выставка карикатур. Художникам предлагалось высмеять такие «буржуазные пережитки», как рукопожатие, цилиндр и вечерний туалет, настольные игры, привычку пить чай в пять часов. Этим

³¹ *Bianchi G.* 25 luglio — Crollo di un regime. Milano, 1963, p. 64—65.

практически и ограничилось «выступление» против буржуазии.

Путем усиленной идеологической обработки и принудительной организации фашистскому режиму удалось подчинить своему влиянию некоторую часть населения, в первую очередь мелкую буржуазию. Перед второй мировой войной в Италии существовало до 20 видов полицейских организаций. Наряду с обычными полицейскими органами, министр внутренних дел Буффарини-Гуйди завел собственную сеть осведомителей. Секретарь фашистской партии Стараче создал «специальный отдел» фашистской милиции, который конкурировал с органами министерства внутренних дел. Наибольший след в памяти итальянцев оставила специальная политическая полиция, детище фашистского режима, подчиняющаяся непосредственно Муссолини. «Мы должны преобразовать специальную инспекцию полиции в таинственную, могущественную и всеохватывающую организацию,— инструктировал Муссолини начальника полиции А. Боккини в 1930 г.— Все итальянцы должны будут ежеминутно чувствовать, что они находятся под контролем, что за ними наблюдает и изучает глаз, который никто не сможет обнаружить. Каждый итальянец будет находиться как бы перед жерлом орудия, перед двумя руками, готовыми схватить его в каждый момент. Новая организация будет обладать неограниченной властью и возможностями. Она должна охватить всю страну, как чудовищный дракон, как гигантский спрут. Именно так, как гигантский спрут»³². Так появилась на свет тайная полиция фашистского режима, названная четырьмя таинственными буквами — ОВРА³³.

Первоначально ОВРА занималась почти исключительно борьбой против антифашистов. Она выслеживала противников режима в стране, предавая их суду или расправляясь с итальянскими патриотами без суда и след-

³² *Martinelli F.* OVRA. Milano, 1967, p. 7.

³³ Обычно расшифровывают эти буквы как сокращенное название «Организация по наблюдению и подавлению антифашизма». Однако Боккини в мемуарах утверждает, что эти четыре буквы являются окончанием слова «спрут» (по-итальянски — пьовра). По его словам, Муссолини хотел, чтобы название организации и ее функции были покрыты налетом тайны. «Я достаточно знаю итальянцев,— говорил Муссолини,— и убежден в том, что, чем больше будет таинственности, тем больше итальянцы будут бояться... А чем больше они будут бояться, тем тише они будут себя вести».

ствия, засылала своих агентов к провокаторов в эмигрантские антифашистские организации. Постепенно по заданию Муссолини была установлена тщательная слежка за всеми видными руководителями фашистского режима, включая ближайших сотрудников дуче. Особое внимание в предвоенные годы обращалось на общественное мнение. Как писал Г. Лето, который в качестве заместителя Боккини непосредственно руководил деятельностью ОВРА, «синтезом всей этой информации были еженедельные отчеты, которые регулярно представлялись дуче. Он действительно знал все, и благодаря степени совершенства, достигнутого полицией, ничто важное не ускользало от его внимания»³⁴.

Списки осведомителей ОВРА, опубликованные после войны, показали, что итальянское общество действительно было охвачено разветвленной системой слежки. Это давало возможность фашистской полиции не только контролировать настроения общественного мнения, но и выявлять малейшие признаки оппозиционных настроений. Полиция узнавала не только о возникавших в различных городах антифашистских группах, но и о неосторожных высказываниях отдельных лиц.

ОВРА передавала дела арестованных ею людей в особый трибунал, учрежденный фашистами в 1926 г. в качестве «чрезвычайного органа», который сохранялся до конца диктатуры Муссолини. Рассмотрение дел в этом трибунале, как правило, заканчивалось самыми суровыми приговорами, предусмотренными фашистским законодательством. «Процессы были пустой формальностью и проводились наспех, — вспоминает член итальянской компартии А. Чикалини. — Зал суда заполняли чины фашистской милиции и полицейские. Присутствовали также постоянно аккредитованные журналисты... Адвокаты назначались всегда одни и те же; в своих коротких и глупых защитительных речах они копировали обвинительную речь прокурора»³⁵. Если же полиция не располагала достаточными данными для предания арестованных суду, то она отправляла их в ссылку на острова Устика, Понца, Вентотене, Лампедуза. Часто туда же попадали лица, оправданные особым трибуналом за полным отсутствием улик, однако оставшиеся на подозрении у полиции.

³⁴ *Leto G. OVRA. Rocca San Casciano, 1952, p. 190.*

³⁵ *Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953, с. 280.*

Полицейские органы, организации фашистской партии, школа и другие учреждения играли свою роль в привитии «дисциплины» итальянской нации. Однако наиболее широкие задачи в области усиления фашистского государства должна была выполнять «корпоративная система», охватывавшая социальную и экономическую жизнь страны. Главные принципы этой системы были изложены еще в 1927 г. в так называемой «Хартии труда», принятой Большим фашистским советом³⁶. Но реализация провозглашенных в ней лозунгов шла крайне медленно. Имелось министерство корпораций, в 1930 г. специальный закон расширил полномочия прозябавшего в бездействии национального совета корпораций, но самих корпораций не существовало. Лишь в 1934 г. они стали создаваться и формально охватили почти все активное население страны. Речь шла о том, чтобы преобразовать существовавшие профессиональные союзы в отраслевые корпорации, которые объединили бы «на паритетных началах» предпринимателей и лиц наемного труда. Были созданы 22 корпорации, соответствовавшие различным отраслям народного хозяйства: промышленности, сельскому хозяйству, торговле, банкам, транспорту и т. д. Имелись также особые корпорации для лиц свободных профессий и даже для домашних хозяек.

Во главе всей этой громоздкой организации стоял национальный совет корпораций, в который, кроме представителей работодателей и трудящихся, входили делегаты фашистской партии, министры и их заместители, различные эксперты и специалисты; таким образом, как в самих корпорациях, так и в национальном совете непосредственные представители производства оказывались в меньшинстве. Более того, все члены совета назначались правительственным декретом, что превращало его в бюрократический орган без всяких признаков выборной демократии.

Создание корпоративной системы было закончено в 1939 г. реорганизацией высших законодательных органов страны. Еще в 1933 г. Муссолини заявлял, что сохранение палаты депутатов в фашистском государстве является анахронизмом, поскольку этот институт подразумевает множественность политических партий. Вскоре после этого была создана комиссия для разработки реформы государственного управления. Однако лишь в 1938 г.

³⁶ Текст «Хартии труда» см.: Конституция буржуазных стран. М.; Л., 1935, т. 1, с. 160—165.

Большой фашистский совет одобрил основные положения реформы, которые были окончательно утверждены в январе 1939 г. Законодательная власть вручалась двум органам — национальному совету фашистской партии и национальному совету корпораций, которые вместе составляли новую палату, названную палатой фашизма и корпораций. Фашизм окончательно покончил с той видимостью выборности, которая сохранялась им при формировании высших законодательных органов. Новое устройство отвергало «предрассудок», согласно которому представительство обязательно должно основываться на выборности. Вместо этого утверждался принцип «прямого, органического и последовательного выражения ценностей, сил и интересов фашистского режима: с одной стороны, всего народа, охваченного и дисциплинированного фашистской партией, а с другой — производительных союзов, организованных в синдикально-корпоративную систему»³⁷.

Таким образом, реальное осуществление корпоративной системы было далеко от синдикалистских идей раннего периода фашистского движения и даже от «равноправного сотрудничества производительных сил», которые провозглашала «Хартия труда». Сказался процесс бюрократизации и усиления государственного начала в жизни страны, который переживал итальянский фашизм в 30-е годы. Однако было бы ошибочным рассматривать корпоративное переустройство исключительно как элемент тотального огосударствления общественной жизни Италии. Не случайно после многих лет проволочек итальянский фашизм приступил к осуществлению корпоративистской политики в тот период, когда мировой экономический кризис наглядно показал органические пороки «классического» капитализма.

С другой стороны успехи планируемой экономики и гигантский рост промышленности в Советском Союзе в годы первой пятилетки безусловно находили отклик в общественном мнении за рубежом. Все это заставляло правящие группы капиталистических стран выискивать новые методы социально-экономической политики. Итальянский фашизм делал это с присущим ему демагогическим размахом. Корпоративная система была призвана решить две задачи, которые имели важнейшее значение: доказать способность фашизма «обновить» старую схему капиталистических отношений, сделав ее более привлекательной, и

³⁷ *Salvatorelli L., Mira G. Op. cit., p. 957.*

в то же время противопоставить эту новую схему социалистической системе, успехи которой в Советском Союзе были очевидны.

Корпорации изображались как подклассовые организации, призванные осуществить «социальную справедливость», уменьшить разрыв в уровне жизни различных социальных слоев. По словам фашистских экономистов корпоративная система знаменовала собой коренной переворот в производственных отношениях, наступление эры гармонии труда и капитала, преобразование классовых отношений в «постоянное и гармоническое сотрудничество». «В корпоративной системе,— писал Э. Тозарелли в 1940 г. в учебнике политэкономии для итальянских университетов,— классовая борьба, знаменитый „социальный вопрос“, который занимал народы и экономистов, сменяется сотрудничеством классов, осуществляемым посредством трудовых коллективных договоров, мирным разрешением классовых конфликтов»³⁸. Другой апологет корпоративной системы, А. Пальяро, шел еще дальше, приписывая корпорациям способность не только преодолеть классовые противоречия, но и ликвидировать классы как таковые: «Фашизм мощной воспитательной работой ликвидировал всякую оппозицию и разделение между различными категориями труда. Сейчас в Италии понятия „буржуазия“, „пролетариат“, „мелкая буржуазия“ и тому подобные являются словами, которые не содержат ничего другого, кроме исторической реминисценции»³⁹.

Однако так называемым классовым миром, т. е. отсутствием массовых выступлений трудящихся, фашистский режим был обязан в первую очередь полицейскому аппарату, тотальному подавлению всякой оппозиции. Что касается «сотрудничества труда и капитала» внутри корпоративной системы, то здесь дело свелось к подчинению интересов трудящихся интересам частного капитала и использованию представителями монополий корпоративных органов для своих целей. Промышленники имели полную возможность решать в свою пользу вопросы условий труда и экономических отношений между работодателями и трудящимися. Паритетное начало, формально принятое в корпоративных органах, было сплошной фикцией: в то время как промышленники представляли в

³⁸ *Tosarelli E.* Sintesi di politica economica corporativa. Roma, 1940, p. 9.

³⁹ *Pagliari A.* Il fascismo contro il comunismo. Firenze, 1938, p. 38.

них реальную силу, от имени трудящихся в них выступали чиновники, назначенные фашистскими властями (в соответствии с фашистскими синдикалистскими принципами профсоюзные руководители не «выбирались», а «отбирались»).

Однако, по заявлениям фашистской пропаганды, корпоративное устройство должно было знаменовать собой не только «социальную революцию», но и «новый тип руководства экономической жизнью». По словам фашистских экономистов, он заключался якобы в преодолении антитезы между либеральной свободой и социалистической централизацией. «Основной принцип, — писал Э. Тозарелли, — заключается в том, что государство, не занимаясь непосредственно производительной деятельностью, направляет ее и регулирует экономическое развитие нации. Государственная власть приобретает характер государственной диктатуры в противоположность классовой диктатуре, присущей социалистической системе»⁴⁰.

Итальянский фашизм не только не покушался на принцип частной собственности на средства и орудия производства, но и постоянно подчеркивал его неизбежность. Характерным в корпоративной системе было явное расхождение между фашистскими декларациями и действительностью. В то время как в официальных выступлениях корпорации объявлялись «основой государства», на практике они были лишены возможности как-либо воздействовать на экономическую и социальную жизнь страны, ограничиваясь выработкой различного рода рекомендаций и проектов. Положение было столь неудовлетворительным, что фашисты-корпоративисты часто признавали неэффективность отдельных элементов системы, а иногда и всего корпоративного сооружения в целом. Так, Дж. Пала в журнале «Экономика фашиста» за 1942 г. писал: «Все согласны с тем, что корпорациям не удалось получить того развития, которое давало бы им право занять достойное место среди основных институтов режима, приобретя реальные и практические функции, которые превратили бы их в руководящий орган национальной экономики, функции, которые фашизм придал им в теории и необходимость которых неоднократно и торжественно подтверждал... Корпорации живут отрешенной от действительности жизнью, обсуждая какой-либо вопрос только в том случае, если инициативу в этом нап-

⁴⁰ Tosarelli E. Op. cit., p. 10.

равлении проявляли иные органы, и не имеют никакой возможности для практической, серьезной и полезной деятельности»⁴¹.

Трудно переоценить значение подобных признаний, даже учитывая разочарование, которое охватило некоторых деятелей фашистского режима в 1942 г. Однако после войны бывшие корпоративисты делали еще более знаменательные заявления. Так, один из теоретиков этой системы, Дж. Паломба, писал в 1950 г.: «Совершенно очевидно, что корпоративная экономика существовала только в умах некоторых из нас — теоретиков, которые пытались, исходя из более или менее фантастических постулатов, основать то, что называлось новым строем. В действительности существовала лишь корпоративная политика и изменения касались лишь законодательных норм, ибо „гомо корпоративус“ оставался обычным „гомо экономикус“, который под воздействием обстановки лишь надел черную рубашку и принял прочие внешние атрибуты фашизма»⁴². Иными словами, это значило, что крупный капитал использовал корпоративную систему только в той степени, которая способствовала его экономическим и социальным интересам. Капиталист, надевший черную рубашку, продолжал заботиться только о собственных доходах, и фашистский режим не думал о том, чтобы как-либо ограничивать его волю. В этом и заключалась главная причина того, что огромный корпоративистский аппарат работал по сути дела вхолостую.

Основные процессы итальянской экономической жизни происходили вне сферы корпоративных организаций и были связаны в первую очередь с «битвой за автаркию». Сам этот термин получил распространение в середине 30-х годов, однако усилия фашистского правительства для сокращения зависимости Италии от ввоза стратегического сырья стали предприниматься значительно раньше. Они начались еще в 1926 г., когда были предоставлены различные льготы и субсидии землевладельцам, занимавшимся разведением пшеницы, повышены цены на хлеб и введены высокие таможенные тарифы на ввоз зерна.

Главное развитие «автаркическая битва» получила в промышленности. Толчком для нее послужила итальянская агрессия против Эфиопии, которая показала сла-

⁴¹ *Gualerni G.* La politica industriale fascista. Milano, 1956, p. 112.

⁴² *Cento anni di vita italiana.* Roma, 1951, vol. 2, p. 271.

бость военной подготовки Италии. Велся поиск новых решений в области экономической политики. Эти решения, как всегда, исходили от Муссолини. Выступая 23 марта 1936 г. на генеральной ассамблее корпораций, он заявил: «18 ноября 1935 г. (день принятия Лигой наций решения об экономических санкциях против Италии в связи с нападением ее на Эфиопию.— Г. Ф.) означает начало новой фазы в истории Италии... В новой фазе будет доминировать постулат: добиться в самые короткие сроки максимальной экономической независимости нации, особенно в области обороны»⁴³.

Автаркическая кампания предусматривала три основных направления: 1) создать «автаркический образ мышления»; 2) усовершенствовать экономику, научную и техническую инициативу, направленную на достижение экономической независимости; 3) сократить импорт и увеличить экспорт.

Создание «автаркического образа мышления» оказалось чрезвычайно трудным делом, несмотря на все усилия фашизма. Особенно сложным было «перевоспитание» в духе «национальных задач» хозяев итальянской экономики — крупных промышленников и финансовых заправил. Время от времени на страницах итальянских газет и экономических журналов появлялись гневные обвинения в адрес крупных промышленников. Так, в сентябре 1938 г. в журнале «Экономия национале» сообщалось, что деятельность подобных людей «превращает автаркические проекты, часто требующие больших жертв со стороны нации, в спекулятивные сделки в интересах монополий»⁴⁴. Однако дальше демагогических выступлений в печати дело не шло, а «автаркический образ мышления» так и остался одним из многочисленных мифов фашистского режима. Что касается практических мероприятий в области автаркии, то они должны были включать в себя полное использование всех ресурсов для достижения экономической независимости, в том числе максимальное развитие производства заменителей из национального сырья, а также контроль и ограничение потребления.

Весной 1937 г. Муссолини объявил, что «корпорации мобилизованы для борьбы за автаркию, а национальный совет корпораций должен рассматриваться как генеральный штаб, возглавляющий борьбу»⁴⁵. С этой целью в си-

⁴³ *Franck L.* Les étapes de l'économie fasciste italienne. P., 1940, p. 30.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 81.

⁴⁵ *Слободской С. М.* Итальянский фашизм и его крах. М., 1946, с. 96.

стеме корпораций в том же году была создана верховная комиссия по автаркии, решения и рекомендации которой передавались непосредственно в государственные органы. В нее вошли представители всех крупнейших монополистических групп финансового и промышленного капитала, именовавшиеся «специалистами по отраслям». Государственный контроль над производством осуществляли сами воротилы финансового и промышленного капитала.

Главной целью экономической политики фашизма была подготовка Италии к войне, однако достигнуть своей цели ему не удалось. Бывший руководитель итальянской военной промышленности Фавагросса сравнивал автаркическую политику с дорогостоящим и чрезвычайно сильным лекарством, которое предложили в неумеренных дозах несостоятельному больному. «У Италии не было достаточно средств, — писал он, — для того чтобы позволить себе подобного рода роскошества, которые не разрешали проблемы, а иногда лишь были выгодны определенным финансовым группам, видным деятелям и их друзьям»⁴⁶. Дело, конечно, не исчерпывалось объективными причинами — бедностью Италии естественными богатствами и слабостью ее финансов. Бюрократические органы фашистского государства не в силах были как-либо повлиять на крупную буржуазию, которая видела в этой кампании лишь средство для получения новых прибылей за счет государства.

Реальным результатом экономической политики фашизма явился рост государственно-монополистического капитализма, что было новым для итальянской экономики. Однако это несколько не ущемляло позиций частного капитала. Вмешательство государства в экономическую жизнь не приняло характера национализации каких-либо отраслей или создания собственных предприятий, способных конкурировать с монополиями. Огосударствление итальянской промышленности сопровождалось концентрацией производства и укреплением позиций монополистического капитала.

Председатель Итальянского коммерческого банка Э. Конти писал осенью 1939 г. в своем дневнике: «В наше время, когда каждый день твердят о необходимости приблизиться к народу, создается финансовая олигархия, которая напоминает в области промышленности средневе-

⁴⁶ *Favagrossa C. Perché perdemmo la guerra. Milano; Roma, 1947, p. 99.*

ковый феодализм. Большая часть производства контролируется несколькими группами, во главе каждой из которых стоит один человек. Аньелли, Чини, Вольпи, Пирелли, Донегани, Фальк и немногие другие буквально господствуют в различных отраслях производства»⁴⁷.

Эти слова, принадлежащие видному финансовому деятелю фашистского периода, показывают, насколько далека была действительность от того широковещательного плана корпоративных и автаркических программ, провозглашавших «установление государственного контроля над производством в интересах коллектива».

Один из наиболее крупных представителей монополистической верхушки, Вольпи ди Мизурато, управлял почти 40 акционерными обществами с общим капиталом в 3—4 млрд. лир. Он был в числе руководителей Коммерческого банка и ряда крупных электрических, судоходных и судостроительных компаний, а также машиностроительных и металлургических предприятий. Неудивительно, что Вольпи относился к числу самых горячих поборников экспансии итальянского империализма в Африке и на Балканах.

Сенатор В. Чини, один из совладельцев треста «Ильва», одновременно распоряжался несколькими судовладельческими, страховыми и электрическими компаниями с общим капиталом около 3 млрд. лир. Так же как Вольпи ди Мизурато, Чини был связан самыми тесными отношениями со многими представителями фашистской верхушки, и во время кризиса фашистского режима в 1943 г. Муссолини ввел его в состав своего последнего министерства.

Дж. Аньелли, единоличный владелец заводов ФИАТ, руководил рядом акционерных обществ с общим капиталом более 2 млрд. лир и распоряжался банком «Итальянский кредит».

А. Донегани, который долгое время стоял во главе треста «Монтекатини», был председателем многих автаркических обществ, производивших синтетические материалы, нефтепродукты и алюминий. Он был одним из заправил Коммерческого банка и других финансовых объединений.

К крупнейшим итальянским капиталистам относились также председатель треста «Трени» А. Боччардо,

⁴⁷ *Romeo R. Breve storia della grande industria in Italia. Rocca San Casciano, 1963, p. 191—192.*

владелец предприятий «Фальк» Э. Фальк, хозяин крупнейших судовой верфей А. Козулич, бывший глава «Сниа-Вискоза» Д. Борлетти и некоторые другие.

Это были наиболее видные представители монополистических кругов, которые не только владели экономикой страны, но и оказывали решающее влияние на основные направления политики фашистского государства.

В число сенаторов и депутатов входили такие представители монополистической верхушки, как Чини, Вольпи, Пирелли и им подобные. Монополистические круги брали на свое содержание фашистскую верхушку. Уже в начале 30-х годов 112 сенаторов, 175 депутатов и многие члены Большого фашистского совета и руководства фашистской партии занимали оплачиваемые посты в крупных акционерных обществах. При этом некоторые из них получали деньги иногда от целого десятка компаний, обеспечивая защиту их интересов в государственных и партийных органах фашистского режима. «В 1940—1941 гг., — пишут авторы исследования о структуре итальянских монополий, изданного Всеобщей итальянской конфедерацией труда, — эти связи стали еще более многочисленными и глубокими. Можно утверждать, что не было сколько-нибудь значительного акционерного общества или группы обществ, которые не имели бы на своем содержании одного или двух представителей политической власти»⁴⁸.

«Фашистская Италия становится все более фашистской» — так озаглавил в 1940 г. последний раздел своей книги историк Дж. Вольпе⁴⁹. Казалось, внешняя сторона жизни свидетельствовала в пользу этого тезиса: фашистская партия охватывала своими организациями почти все активное население страны; строительство «корпоративного государства» и автаркическая кампания, как об этом писали газеты, шли наилучшим образом⁵⁰. Муссолини громко заявлял, что итальянская армия является чуть ли не самой сильной в мире, и военные действия в Эфиопии, Испании и Албании будто бы подтверждали его хвастливые слова. Союз с непобедимой Германией должен

⁴⁸ Промышленные монополии Италии. М., 1951, с. 21—22.

⁴⁹ *Volpe G. Histoire de mouvement fasciste. Rome, 1940.*

⁵⁰ Как пишет в воспоминаниях главный редактор газеты «Пополо д'Италия» Д. Пини, в начале 1940 г. он сообщил дуче: в статье одного из специалистов по автаркии говорится, что Италия на 97% выполнила автаркические планы в области продовольствия. Муссолини приказал вычеркнуть эту цифру, заметив, что итальянцы будут спрашивать, почему же в этом случае в магазинах нет продуктов.

был вселять уверенность в будущем и служить залогом новых успехов фашизма в Европе и во всем мире. Пропаганда настойчиво вдалбливала в головы итальянцев, что фашизм полностью восторжествовал, преобразовав само существование нации. Однако мемуары руководителей итальянской тайной полиции, опубликованные после войны, рисуют картину, весьма далекую от той, которую пыталась изобразить фашистская пропаганда.

В конце 1938 г. итальянская полиция провела обследование общественного мнения. Для всех агентов была разработана специальная инструкция, в которой обращалось особое внимание на необходимость получения «быстрых и своевременных донесений, способность немедленно схватывать и оценивать комментарии и настроения, сведения и факты, разговоры и события». Результаты этой работы были малоутешительны для фашистского режима. «Общественное мнение,— пишет в мемуарах начальник политической полиции Лето,— которое часто неосознанно хорошо ощущает приближение великих исторических кризисов, начало выражать определенное беспокойство... Несомненно, итальянский народ, после того как прошел период подъема, вызванный завоеванием империи, и улетучились надежды на внутренние реформы... стал все более отходить от фашистской идеологии, начал высмеивать ее высших представителей. Вокруг фашистского режима стала образовываться пустота»⁵¹.

Демагогические лозунги «обновления», которые обеспечивали поступательное движение итальянского фашизма в 20-х годах, окончательно выродились в риторику. Отсутствие внутреннего содержания фашизм пытался заменить потоком пустых слов, надеясь, что их непрерывное повторение способно повлиять на ход дел. Искусственное насаждение невежества, проповедь мистического начала, раздувание культа грубой силы вызывали все больший протест в душах итальянцев.

До сих пор в итальянской исторической литературе очень мало сказано о борьбе трудящихся против фашизма в предвоенной Италии. В предвоенные годы сопротивление не выливалось в массовые фронтальные действия, для организации которых у антифашистов не было сил. Скорее это было капиллярное распространение антифашистских идей, которые постепенно все глубже проникали в массовую базу фашизма, подтачивали и размывали

⁵¹ *Leto G.* Op. cit., p. 181—186.

ее изнутри. Стремление критически переосмыслить происходящее вокруг охватывало в первую очередь молодое поколение. Именно среди той части населения, на которую фашизм пытался оказать наибольшее идеологическое воздействие, дисциплинировать и превратить в свой резерв, стали раздаваться протесты против навязываемых сверху догматов.

«Может быть, ни одно поколение не было так несчастно, как то, которое родилось в годы первой мировой войны,— писал Б. Кроче.— Деятельность фашизма не была и не могла быть истинным интеллектуальным и моральным воспитанием, а была давлением, растлением, коррупцией, в общем, приручением, которое применяет человек по отношению к животным, стремясь подчинить их своим нуждам... она не могла дать духовного эффекта, внутреннего убеждения, искренней веры, глубокого энтузиазма, а лишь создавала в душах вакуум»⁵².

Неверно утверждать, что идеологический выбор для молодых итальянцев ограничивался лишь альтернативой фашизм или коммунизм. Сам Кроче делал все возможное, чтобы противопоставить фашизму либеральные идеалы. Говоря о том, что и при фашизме «были писатели, избегавшие лжи», он пишет о самом себе: «Один из них специально для молодежи написал историю Италии либерального века и ряд других работ, чтобы углубить и обновить теорию свободы... и эти его книги не остались неизвестными молодежи»⁵³. Действительно, произведения Кроче, которые свободно печатались в Италии, легче было получить, чем нелегальные издания компартии. Тем не менее не только многочисленные группы молодежи всех слоев тянулись к марксизму-ленинизму, но и некоторые из ближайших учеников Кроче отходили от его позиции «морального неприятия» и вставали на путь активной антифашистской борьбы. Вопреки предсказаниям Кроче, именно коммунистические идеалы стали самой серьезной движущей силой молодого поколения антифашистов.

Яркой иллюстрацией к этому служит история группы «молодых коммунистов» Рима, наиболее широкой подпольной молодежной организации в предвоенные годы: многие члены этой группы в последующем стали руко-

⁵² *Croce B. Scritti varii. Scritti e discorsi politici. Bari, 1963, vol. 1, p. 39—40.*

⁵³ *Ibid.*, p. 41—42.

водителями коммунистической партии. Она образовалась в 1936 г. из числа молодых людей, преимущественно студентов, посещавших семьи известных либеральных деятелей дофашистской Италии — Дж. Амендолы, Г. Де Руджеро и др.⁵⁴

Решающим толчком послужило появление в этом кружке коммунистов старшего поколения М. Росси Дория и Б. Сангвинетти, один из которых вышел из тюрьмы, а другой приехал из Франции, где находился заграничный центр партии. Весной 1937 г. под их влиянием из антифашистской молодежной организации выделилась группа «молодых коммунистов». Участники организации активно занимались сбором средств в пользу республиканской Испании. В октябре 1938 г. они провели подпольную конференцию, на которой присутствовали около 20 делегатов. «Молодые коммунисты» стремились установить связи с коммунистическими группами в других городах и объединиться в своей работе с борьбой рабочего класса. В 1939 г. ОВРА напала на следы организации. Последовали аресты и процесс в Особом трибунале. Весной 1940 г. на скамье подсудимых вместе с представителями старшего поколения оказались руководители римских «молодых коммунистов» — все они были приговорены к длительным срокам заключения.

Однако полиции не удалось ликвидировать основную часть организации. Потеря более опытных руководителей не прервала ее деятельности. Под руководством П. Буффалини, М. Аликаты, А. Тромбадори она с еще большей решительностью связала свою борьбу с коммунистическими ячейками, которые существовали на предприятиях Рима и его окрестностей. Хотя в 1940, 1941 и особенно в 1942 г. организация «молодых коммунистов» понесла новый урон, ее деятельность не прекращалась до падения фашистского режима.

История группы «молодых коммунистов» из Рима была одним из наиболее значительных примеров того, как антифашизм представителей молодого поколения привел их сначала к идеологическому сближению, а затем к организационному слиянию с коммунистической партией. «Некоторые поражаются тому, — писал после

⁵⁴ Данные о группе «молодых коммунистов» взяты из: *Zangrandi R. Il lungo viaggio attraverso il fascismo. Milano, 1964, p. 468—490; Dal Pont A., Leonetti A., Maiello P., Zocchi L. Aula IV. Tutti i processi del tribunale speciale fascista. Roma, 1961, p. 407*

войны один из руководителей группы «молодых коммунистов», — что после падения фашизма из подполья вышло столь сильное молодежное коммунистическое движение; есть люди, которые до сих пор не могут понять, как случилось, что дети многих выдающихся деятелей либерального антифашизма борются сейчас в рядах коммунистической партии... Этот окончательный выбор произошел не в результате внезапного мистического обращения, а потому, что эта молодежь на практике увидела в рабочем классе и его авангарде единственно живую, объединенную национальную силу»⁵⁵.

Приход молодого поколения в ряды коммунистической партии позволял ей продолжать трудную борьбу в условиях подполья. Более того, за годы нелегальной деятельности произошли значительные изменения внутри антифашистского лагеря. В 1926 г. коммунистическая партия была одной из партий меньшинства антифашистского фронта, она значительно уступала социалистам по влиянию на рабочий класс. Накануне войны она объединяла наиболее активные силы антифашизма и была единственной партией, которая сохраняла свою организацию внутри страны. В тяжелые для антифашистского движения годы перед началом второй мировой войны, когда многие деятели других партий сложили оружие и отказались от борьбы, коммунисты продолжали утверждать неизбежность падения фашистского режима и призывать рабочий класс к борьбе. Политический авангард антифашистских сил вносил ощутимый вклад, распатывая диктатуру Муссолини.

А между тем вторая мировая война неотвратимо приближалась.

Итальянский фашизм оказался к ней плохо подготовленным. Корпоративная система и автаркия дезорганизовали ее экономику, запасы стратегического сырья оказались незначительными, вооружение армии — низкого качества, все большее число итальянцев разочаровывалось в фашизме и выражало свое недовольство. Тем не менее Муссолини вел страну к новым военным авантюрам. Разразившаяся вскоре мировая война вскрыла внутреннюю слабость и гнилость итальянского фашизма и привела его к бесславному концу.

1972 г.

⁵⁵ Тридцать лет жизни и борьбы..., с. 335.

РАЗГРОМ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ АРМИИ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ

Когда Муссолини получил известие о том, что Германия начала войну против Советского Союза, первой его мыслью было послать итальянские войска для участия в этом походе⁵⁶. В послевоенные годы это решение Муссолини осуждали даже те, кто принадлежал к партийной и государственной верхушке фашистской Италии. Однако в июне 1941 г. не нашлось никого, кто предостерег бы Муссолини от рокового шага. Тогда министр по делам военной промышленности Фавагросса подсчитывал, как скоро нефть Баку и уголь Донбасса смогут удовлетворить нужды итальянской военной машины, начальник генерального штаба Каваллеро предлагал использовать на принудительных работах в Италии русских военнопленных, а маршал Мессе, возглавивший экспедиционный корпус, призывал своих солдат смелее биться за Украину — «будущую житницу победителей». Экономические органы фашистского государства изучали возможности эксплуатации «восточных территорий» в послевоенное время, а король Виктор-Эммануил благославлял отходившие на Восток эшелоны.

Стремление Муссолини послать свои войска на Восток не вызывало сначала особого энтузиазма у Гитлера. Сообщая о начале войны против Советского Союза, он писал, что если Муссолини намеревается направить свои войска на новый фронт, то у него будет достаточно времени для этого. Однако главную помощь Италия может оказать, увеличивая силы в Северной Африке⁵⁷. Было ясно, что Гитлер охотно обошелся бы в этой кампании без участия итальянской армии, о которой он был весьма невысокого мнения. Было также ясно, что он рассчитывает закончить войну до того, как итальянцы прибудут на советско-германский фронт.

Муссолини сделал вид, что не понял намеков Гитлера. По его поручению итальянское посольство в Берлине настойчиво добивалось согласия на посылку экспедиционного корпуса. Как только это согласие было

⁵⁶ *Gorla G.* L'Italia nella seconda guerra mondiale. Milano. 1959, p. 216—217.

⁵⁷ *Valori A.* La campagna di Russia. Roma, 1950, vol. 1, p. 36—37.

получено, началась лихорадочная подготовка. Муссолини лично следил за ходом дел и требовал послать на Восток все лучшее, чем располагает итальянская армия. В состав экспедиционного корпуса вошли механизированные дивизии «Пасубио» и «Торино» и подвижная дивизия «Челере». Все они принадлежали к армии «По», созданной в 1938 г. в качестве «ударной силы немедленного использования». Фашистская печать, не колеблясь, называла ее «жемчужиной итальянской армии», созданной в соответствии с «концепцией молниеносной войны Муссолини». На деле дивизии двухполкового состава скорее напоминали пехотные бригады, усиленные артиллерийским полком и другими частями.

В июле 1941 г. 225 эшелонов направились через Австрию и Венгрию в Советский Союз. Они везли 3 тыс. итальянских офицеров и 59 тыс. рядовых на Восток. Вначале корпус был включен в 11-ю немецкую армию, но вскоре передан 1-й танковой группе фон Клейста. В то время, когда итальянские дивизии, догоняя группу фон Клейста, направлялись к Днепру, на советско-германский фронт прибыл Муссолини. Вначале он посетил Брест, где осмотрел остатки крепости. Это первое свидетельство героизма советских людей произвело на него сильное впечатление. Затем Муссолини направился в Умань. Здесь вместе с Гитлером он принял парад итальянских частей. Муссолини надеялся показать своему партнеру блестящие войска, полные боевого духа. Однако спектакль явно не удался. На бортах реквизированных грузовиков виднелись наспех покрашенные номера их бывших владельцев, мотоциклисты-берсальеры с петушиными перьями на стальных шлемах ехали по скользкой дороге, широко расставив ноги, что придавало им комичный вид. Немцы мрачно взирали на все это.

Со своей стороны Муссолини после посещения фронта понял, что план «покончить с Россией в четыре недели» явно терпит провал и Германии предстоит длительная война. Это вызвало у него чувство успокоения. «Тяжелая для Германии война отвлечет большую часть ее сил и восстановит при заключении мира то равновесие между Италией и Германией, которое сейчас нарушено», — так он суммировал свои впечатления, возвращаясь домой⁵⁸.

⁵⁸ Anfuso F. Da Palazzo Venezia al Lago di Garda. Rocca San Casciano, 1957, p. 206.

К середине сентября итальянский корпус закончил сосредоточение у днепропетровского плацдарма и нес пока охрану тылов. В октябре он получил задачу прикрывать левый фланг группы Клейста, двигаясь по Донбассу в направлении Павлоград, Сталино. Темпы продвижения, намеченные немецким командованием, оказались непосильными для итальянского корпуса, и он далеко отстал от немецких дивизий. В начале ноября в Никитовке и Горловке итальянские дивизии столкнулись с арьегардами Советской Армии. Один полк даже попал в окружение, потеряв на несколько дней связь с основными силами. Итальянский корпус понес первые боевые потери — около 150 человек убитыми и 700 ранеными. Период беспрепятственного движения вперед подходил к концу. Очередной приказ немецкого командования — продвинуться до Городища для восстановления контакта с выдвинувшимся вперед 17-м немецким корпусом — выполнен не был.

Командующий экспедиционным корпусом Мессе в мемуарах пишет, что он сделал это сознательно, учитывая плохое состояние своих войск⁵⁹. Военный историк Вальори сообщает другую версию. Он пишет, что Мессе отдал приказ о наступлении, но попытка выполнить его успеха не имела⁶⁰. Так или иначе 14 ноября итальянский корпус окончательно остановился, и все усилия Клейста заставить Мессе продвинуться вперед ни к чему не привели.

Упрямство Мессе в известной мере было вызвано объективными трудностями, о которых он так много пишет в мемуарах. К этому времени дивизии корпуса прошли в среднем по 1300 км. Корпус еще не участвовал в крупных боях, но выглядел потрепанным. Материальная часть явно не выдерживала трудных условий Восточного фронта. Снабжение продовольствием зависело от воли немецкого командования, стремившегося давать союзникам как можно меньше. В конце октября Мессе послал в Рим длинную зашифрованную телеграмму, в которой сообщал о критическом положении корпуса «главным образом из-за нарушения немцами договоренности, выразившегося в отказе от доставки даже минимального количества эшелонов и полном пренебрежении к снабжению продуктами питания»⁶¹.

⁵⁹ *Messe G.* La guerra al fronte russo. Roma, 1947, vol. 1, p. 117.

⁶⁰ *Valori A.* Op. cit., vol. 1, p. 219.

⁶¹ *Ibid.*, p. 178.

В донесениях в Рим и в перепалке с немецким командованием Мессе несколько сгущал краски. Он достаточно хорошо понял, чего именно Муссолини ждет от экспедиционного корпуса. За всеми действиями командующего угадывалось стремление сохранить корпус для участия в «финальных сражениях», которые, как уверяло немецкое командование, недалеки. К концу летней кампании итальянский корпус хоть и не добыл лавров на полях сражений, но и понес сравнительно небольшие потери.

Зимние месяцы 1941—1942 г. заставили итальянского командующего коренным образом изменить взгляд на положение вещей. Поражения, понесенные в этот период вермахтом, убедили его, что гитлеровцам не удастся разбить Советскую Армию. Когда весной 1942 г. он был вызван для доклада в Рим и нанес визит министру иностранных дел Чиано, тот записал в дневнике: «Как и все, кто имел дело с немцами, Мессе их ненавидит и считает, что единственный способ разговаривать с ними — это дать пинок ногой в живот. Он говорит, что русская армия сильна и хорошо вооружена и абсолютной утопией является надежда на полный крах Советов. Немцы одержат летом успехи, и, может быть, серьезные, но решить ничего не смогут»⁶².

В подробной докладной записке, которую Мессе направил в генеральный штаб, он писал: «Зимнее наступление русских показало неугасимую материальную и духовную жизненность армии, которую немцы считали окончательно подорванной в ходе летне-осенней кампании. Секрет этой чудесной способности к возрождению следует искать в несомненных организационных способностях командования, которое осуществляло руководство войной энергично, последовательно и строго реалистично во всех ситуациях, всегда оценивая ее ход с большой широтой взглядов; в решительности, с которой руководство оказалось способным вести сражения, пресекать все признаки слабости и контролировать самые трагические события; в огромных материальных и людских ресурсах страны; в превосходной способности людей переносить самые тяжелые бедствия, не теряя веры и дисциплины. Эта последняя характерная черта, кроме особого физического и духовного склада русского народа, явилась плодом постоянной заботы и пропаганды в русской армии»⁶³.

⁶² *Ciano G. Diario. Roma, 1950, vol. 2, p. 169.*

⁶³ *Messe G. Op. cit., vol. 1, p. 160.*

Мессе теперь отрицательно относится к пребыванию итальянских войск на советско-германском фронте. В единственном оборонительном бою, который корпус провел зимой у деревни Новая Орловка, его части показали недостаточную стойкость. «После окончания летне-осенней кампании,— писал он в докладной записке,— дивизии экспедиционного корпуса, по моему мнению, должны быть отозваны на родину. Считаю, что они или, во всяком случае, масса ветеранов, которые их составляют, не в силах перенести вторую зимнюю кампанию»⁶⁴.

Мысли Муссолини шли совсем в другом направлении. Он продолжал верить в победу Гитлера и думал о расширении участия в войне против Советского Союза. Еще в августе 1941 г., в то время как первый итальянский корпус только двигался к фронту, он думал послать ему вдогонку еще три дивизии. Тогда этот план встретил сопротивление немцев. Теперь немецкий генеральный штаб не только соглашался на присылку новых контингентов из Италии, но и торопил с их прибытием. Муссолини решил послать дополнительно шесть-семь дивизий. «За столом мирной конференции,— говорил он,— 200 тыс. солдат будут много весить. Намного больше, чем 60 тыс. человек экспедиционного корпуса»⁶⁵.

Ядром новых контингентов, посылаемых на фронт, служили три дивизии альпийского корпуса: «Тридинтина», «Юлия» и «Кунеенсе». Альпийские войска всегда считались в Италии наиболее надежными. Их личный состав набирался в северной части страны, преимущественно из горцев, переносивших лучше южан тяготы военной жизни. Вместе с альпийцами на Восточный фронт был направлен 2-й армейский корпус в составе дивизий «Равенна», «Коссерия» и «Сфорцеска». Они были полностью укомплектованы личным составом, а для их вооружения собрали все, что еще имелось на армейских складах. К этим дивизиям для несения тыловой службы была добавлена дивизия неполного состава «Винченца», лишенная тяжелого вооружения.

В целом новые дивизии уступали по боеспособности экспедиционному корпусу. Нехватку вооружения и снаряжения Муссолини решил восполнить увеличением в составе армии формирований чернорубашечников — на Восточный фронт направлялись четыре бригады так на-

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid., p. 178.

зываемой Добровольной милиции национальной безопасности. Включая экспедиционный корпус, уже находившийся на советско-германском фронте, итальянская армия, получившая порядковый номер 8, насчитывала в своем составе 7 тыс. офицеров и 220 тыс. солдат. Ее вооружение состояло из 2850 ручных и 144 станковых пулеметов, 860 минометов, 400 пушек и самоходных орудий калибра 47 мм, 220 20-мм пушек и приблизительно 1 тыс. орудий и гаубиц более крупного калибра. Армия имела 55 танков. Транспортные средства армии составляли 25 тыс. лошадей и мулов, 16 700 автомашин и 1130 тракторов⁶⁶.

Командующим новой армией был назначен один из самых старых генералов итальянской армии Гарибольди, не отличавшийся военными талантами, но обладавший менее строптивым характером, чем Мессе. Это вполне устраивало немецкое командование. Новые итальянские соединения не смогли прибыть на фронт к началу летней кампании, как просил Гитлер. Лишь в июне 1942 г. началась их переброска. В это время немецкие армии двигались от Донца к Дону, нацелившись на Сталинград. «Я ни на минуту не сомневаюсь, что... Сталинград попадет в наши руки...» — писал Гитлер Муссолини в августе 1942 г.⁶⁷

К началу наступления на фронте находились три дивизии экспедиционного корпуса и вновь прибывшая дивизия «Сфорцеска». Когда они двинулись вперед, выяснилось, что стоявшие перед ними советские войска уже отошли. «Единственный бой, который нашим войскам пришлось выдержать, — пишет Дж. Толлои, бывший начальником организационного отдела штаба итальянской экспедиционной армии, — произошел в Ивановке, где немецкие пикирующие бомбардировщики по ошибке разбомбили колонну наших берсальеров... Русские войска, находившиеся в излучине Дона, отошли, и в котел, который немцы считали закрытым, попали лишь части итальянской 8-й армии»⁶⁸.

Итальянская армия должна была занять оборонительные позиции на Дону, в его среднем течении, прикрывая левый фланг 6-й немецкой армии, устремившейся к Сталинграду. За исключением дивизии «Челере», которая была временно изъята из состава 8-й армии и в боях за Се-

⁶⁶ Valori A. Op. cit., vol. 1, p. 420.

⁶⁷ Messe G. Op. cit., vol. 1, p. 199.

⁶⁸ Tolloy G. Con l'armata italiana in Russia. Torino, 1947, p. 44.

рафимович потеряла около трети своего состава и всю артиллерию, остальные соединения практически прибыли на Дон, не побывав еще в боях. Сюда же был направлен альпийский корпус, который первоначально предполагалось использовать на Кавказе.

Едва итальянские дивизии начали занимать оборону, как 20 августа на дивизию «Сфорцеска» обрушился удар советских войск. Она не выдержала его и обратилась в бегство. 24 августа советские войска заняли станицу Чеботаревскую, что, по словам итальянского историка Валори, «поставило под угрозу судьбу всей армии»⁶⁹. Положение было с трудом восстановлено, но за дивизией «Сфорцеска» закрепилось прозвище «дивизия Тикай». Украинское слово «тикай» к тому времени в переводе на итальянский не нуждалось.

После августовских событий в полосе итальянской армии наступило длительное затишье. Армия растянулась вдоль Дона вверх по течению от станицы Вешенской. Ее левым соседом была венгерская армия, правым — румынская. Учитывая оборонительный характер поставленных перед ней задач, командование армии начало деятельно готовиться к долговременной обороне. Холмистый правый берег реки позволял создать разветвленную сеть инженерных сооружений. Таккодоступные районы перерезались противотанковыми рвами, закладывались минные поля, берега Дона покрывались проволочными заграждениями. Беспокорство у итальянского командования вызывало отсутствие оперативных резервов: находившиеся у нее в тылу немецкие дивизии вскоре были перебросены под Сталинград.

Хотя отзвуки битвы на Волге все более явственно доносились до Среднего Дона, в штабе итальянской армии мало что знали о действительных масштабах происшедших событий. Генерал Типпельскирх, бывший представителем немецкого командования при итальянском штабе, добился запрещения слушать советские сводки и сообщал только то, что считало нужным немецкое командование⁷⁰, которое и само имело мало сведений о готовящемся наступлении советских войск на Среднем Дону.

«Советское командование, — говорится в отчете исторического отдела итальянского генерального штаба, — совершало сосредоточение своих войск быстро и скрытно,

⁶⁹ Valori A. Op. cit., vol. 1, p. 417.

⁷⁰ Tolloy G. Op. cit., p. 116.

Ему удалось до последнего момента скрыть часть вновь прибывших войск. Разведывательные органы немецкой армии считали, что некоторые русские дивизии, прибытие которых отмечалось в полосе итальянской армии, находятся на других участках»⁷¹.

Наступление советских войск началось утром 16 декабря. Гул 5 тыс. орудий и минометов, участвовавших в артиллерийской подготовке, разносился по берегам Дона, покрытым густым туманом. На итальянские войска обрушился удар 1-й гвардейской армии под командованием генерала В. И. Кузнецова и 6-й армии генерала Ф. М. Харитонов. Соединения 6-й армии на участке Новая Капитва — Дерезовка в первый же день разгромили дивизию «Коссерия», отрезав основную массу итальянской армии от альпийского корпуса. В прорыв был введен 17-й танковый корпус, который быстро продвинулся к Кантемировке. Дивизии 1-й гвардейской армии, наступая против Осетровской излучины Дона, разгромили дивизию «Равенна» и брошенные ей на подмогу части. За первые три дня советского наступления оборона итальянцев была прорвана. Развернувшись, они начали движение параллельно линии фронта, нарушая коммуникации и внося сумятицу в тылы. Даже не затронутые боями дивизии под угрозой окружения начали отход, перешедший вскоре в беспорядочное бегство.

К 20 декабря линии организованного фронта противника на Среднем Дону не существовало. Длинные колонны итальянских и немецких дивизий, перемешиваясь между собой, беспорядочно отступали. Штабы полностью потеряли управление войсками. В первые же дни итальянские дивизии бросили свою артиллерию. Недостаток горючего и мороз вынуждали их также оставлять автомашины и двигаться пешком.

Обстановку, в которой протекало отступление итальянских дивизий, ярко рисуют воспоминания участников «похода на Восток». «Русские танки вызвали бегство всех тылов,— пишет лейтенант Корти из дивизии «Коссерия».— Мы были еще на передовой, а далеко позади нас все бежали, охваченные невообразимой паникой. Люди висли на бортах грузовиков и, потеряв силы, падали под колеса. Солдаты старались остановить автомашины, преградив дорогу, но машины сбивали их, не сбрасывая газ,

⁷¹ Ministero della guerra. Stato Maggiore Esercito. L'8 armata italiana nella seconda battaglia difensiva del Don. Roma, 1946, p. 13.

потому что лишний груз мог лишить возможности спастись... Наш командир корпуса бежал вместе со штабом до начала окружения, затем вернулся к своим войскам и наконец, когда кольцо стало замыкаться, вновь пытался бежать»⁷².

Майор Дж. Толлои, находившийся в те дни со штабом армии в Старобельске, пишет: «Штабы отступали беспорядочно. Они не получали и не отдавали приказов. Тем не менее в штабе армии продолжали писать приказы и заносили их в журналы боевых действий. Дивизии „Пасубио“, „Торино“, „Сфорцеска“ и „Челере“ так и не получили приказа об отходе, хотя он приведен в журнале боевых действий. Они начали отступление по собственной инициативе. Штабные колонны, как правило, старались двигаться поблизости от немецких частей, у которых было противотанковое оружие и командиры которых продолжали держать своих людей в руках. Итальянские генералы отдавали себя в распоряжение немецких капитанов. Однако их принимали плохо и всячески старались от них отделаться. Во время остановок итальянцам приходилось выставлять часовых, чтобы немцы не бросили их. Через восемь-девять дней даже штабные подполковники шли пешком, и когда они пытались прицепиться к бортам немецких грузовиков, их грубо сбрасывали»⁷³.

Огромная река солдат всех родов войск двигалась через степь. «Холодными ночами,— пишет один из участников отступления,— многие падали без сил, поднимались и снова падали. Некоторые находили в себе силы продолжать путь, другие, стоя на коленях, умоляли не бросать их... Солдаты бросали все: пулеметы, винтовки, гранаты. На смену военной форме приходили шапки, телогрейки, валенки, украденные или отнятые у населения. Колонны постепенно таяли под ударами советских танков. На остановках происходили свалки из-за места в избе...»⁷⁴

К 25 декабря войска Юго-Западного фронта вышли на рубеж Кризское — Миллерово и в основном закончили разгром 8-й итальянской армии. Они получили приказ остановить продвижение. За это время советские войска продвинулись вперед на 150—200 км, освободив более 1200 населенных пунктов. Были разгромлены 6 итальянских и 5 немецких дивизий. Советские войска захватили много боевой техники и пленных. Наши передовые части

⁷² Corti E. I più non ritornato. Milano, 1947, p. 156.

⁷³ Tolloy G. Op. cit., p. 175—183.

⁷⁴ Ministero della guerra..., p. 57.

продвигались так стремительно, что многие итальянские солдаты, попавшие в плен, оставались без охраны и самостоятельно следовали на сборные пункты. В ряде случаев они разбежались, замерзали в степи, гибли в стычках или снова попадали в плен. Характерно, что немало немцев, взятых в плен, выдавали себя за итальянцев.

В результате разгрома сначала румынской, а затем итальянской армии фланг ударной группировки немецких войск, готовившихся к деблокаде сталинградской группировки, оказался обнаженным. Немецкое командование было вынуждено пачать вывод войск из района Нижне-Чирская, Тормосин.

В официальном отчете, составленном в феврале 1943 г., командующий 8-й армией генерал Гарибольди оправдывал поражение своих войск следующими основными причинами: несоответствием протяженности фронта наличию сил, отсутствием резервов, линейным построением обороны, требованием со стороны немецкого командования вести жесткую оборону и превосходством сил противника, особенно в бронетанковых средствах. Кроме того, он обвинял немецкое командование в том, что оно упорствовало в обороне на линии Дона, когда обстановка диктовала широкий отход, и недооценило возможностей советских войск, которые действовали так стремительно, что не дали возможности массированно ввести в бой резервы. Гарибольди отмечал также недостаток вооружения у итальянской пехоты, особенно противотанковых средств, пехотку зимнего обмундирования⁷⁵.

Однако итальянский командующий не упоминал в докладе начальству о том, что итальянские солдаты не желали воевать за чуждые им цели. Кроме того, Гарибольди чрезвычайно скупо говорил о боевых качествах советских войск, разгромивших итальянскую армию. Более широко об этом говорится в работе исторического отдела итальянского генерального штаба, вышедшей после падения фашистского режима.

В отчете отмечалось, что операция была проведена советскими войсками на основе передовых оперативных принципов с широким применением охватывающих маневров и стремительных бросков, срывавших все попытки организовать оборону на промежуточных рубежах. «Русское командование,— пишут авторы отчета,— умело применило новую доктрину, проявляя инициативу, гибкость

⁷⁵ Valori A. Op. cit. Roma, 1951, vol. 2, p. 765—766.

и готовность использовать выгодную ситуацию. Численность русских сил, введенных в действие, быстрота сосредоточения и новые оперативные принципы несомненно явились неожиданностью для немецких штабов»⁷⁶.

Три дивизии итальянского альпийского корпуса и дивизия «Винченца», оставшиеся от итальянской армии на Дону, были разгромлены в январе 1943 г. 14 января войска Воронежского фронта нанесли удары по соседним с альпийским корпусом венгерской армии и 24-му немецкому корпусу. Уже 18 января фланговые группировки сомкнулись в районе Алексеевки. В кольце окружения оказались 4 итальянские, 4 немецкие дивизии и части венгерской армии. Альпийские дивизии сразу же потеряли связь с командованием и начали отступление на собственный страх и риск. В целом альпийцы отступали более организованно, чем итальянские пехотные дивизии. Однако кольцо окружения, в которое они попали, оказалось крепким. Когда в Шебекино, за 300 км от Донца, в конце января собрались остатки альпийского корпуса, то выяснилось, что из 57 тыс. солдат и офицеров из окружения удалось выйти 27 тыс. За время отступления альпийский корпус потерял 90% лошадей и мулов, 99% автосредств, всю артиллерию и большую часть автоматического оружия⁷⁷.

С разгромом альпийского корпуса окончила свое существование итальянская экспедиционная армия на советско-германском фронте. По данным итальянского генерального штаба, с 11 декабря 1942 г. по 31 января 1943 г. итальянская армия потеряла здесь убитыми, пропавшими без вести и пленными 84 830 человек, 29 690 человек ранеными и обмороженными. Это составляло 60% офицерского и 43% рядового состава армии⁷⁸.

Немецкое командование приказало направить остатки итальянской армии для реорганизации в районы Гомеля и Жлобина. Оно отказалось предоставить ей транспорт, и большую часть пути колонны итальянских солдат проделали пешком. Для того чтобы прокормиться, они обменивали у населения на продукты все, что у них оставалось. «Видя нас в таком виде,— вспоминает лейтенант Ревелли,— похожих на нищих, без оружия, русские крестьяне говорили: „Итальянцы капут“»⁷⁹.

⁷⁶ Ministero della guerra..., p. 14.

⁷⁷ Valori A. Op. cit., vol. 2, p. 699.

⁷⁸ Ministero della guerra..., p. 4.

⁷⁹ Revelli N. Mai tardi. Cuneo, 1956, p. 85.

В то время как итальянские солдаты шагали в Белоруссию, между Римом и Берлином шла жестокая перепалка. Гитлер узнал об отступлении итальянской армии в тот момент, когда в его ставку прибыл ничего не подозревавший министр иностранных дел Италии Чиано. Итальянцы никак не ожидали столь резкого приема. «Немцы в ярости,— записал в дневнике маркиз Ланца, входивший в свиту Чиано.— Они обвиняют наши дивизии в том, что те бежали сегодня ночью, поставив тем самым под угрозу немецкие войска под Сталинградом... Сам фюрер просил Чиано позвонить Муссолини, чтобы тот обратился к итальянским войскам с торжественным призывом прекратить отступление»⁸⁰. Когда один из помощников Чиано осмелился спросить немецкого генерала, велики ли потери итальянских войск, тот ответил с нескрываемым презрением: «Совсем наоборот. Они просто бегут»⁸¹.

Со своей стороны представители итальянской военной и политической верхушки во всем винули немцев. Начальник итальянского генерального штаба Кавалеро занес в дневник в конце декабря 1942 г.: «Совершенно ясно, что вина за то, что случилось в России... целиком лежит на немецком командовании. Хотя наступление русских можно было предвидеть, оно не подготовило ни тактических, ни стратегических резервов. На протяжении шести дней ожесточенного сражения, которое вели наши войска, не прибыло никаких сколько-нибудь значительных подкреплений, как это было обещано. Кроме того, это результаты превосходства русских сил и использования ими новых средств, таких, как реактивная артиллерия»⁸².

Примерно то же говорил Муссолини, выступая 23 января на заседании совета министров. Он сказал, что итальянский фронт оказался смят, «несмотря на упорное сопротивление частей», причем «важной причиной» этого была слишком большая протяженность фронта, установленная немецким командованием, а «решающей причиной» — отход немецких дивизий на флангах. При этом Муссолини признал, что «менее крепкие дивизии целиком развалились» и лишь три альпийские дивизии сохранили свое единство⁸³.

⁸⁰ *Simoni L.* Berlin, ambassade d'Italie. P., 1947, p. 346.

⁸¹ *Ciano G.* Op. cit., vol. 2, p. 230.

⁸² *Cavallero U.* Comando supremo. Rocca San Casciano, 1948, p. 294.

⁸³ *Corla G.* Op. cit., p. 392.

Взаимным недовольством были проникнуты письма, которыми в этот период обменивались Гитлер и Муссолини. 16 февраля Гитлер направил своему партнеру необычно резкое послание. Пытаясь взвалить всю вину за поражение на итальянцев, венгров и румын, он писал, что брешь, открытая войсками союзников Германии на Дону, не только полностью сорвала планы наступления в этом направлении, но и заставила отвести назад все войска с Кавказа⁸⁴.

Предложение послать для несения тыловой службы армию, которой, как еще совсем недавно надеялся Муссолини, надлежало прославить фашистскую Италию, было большим унижением. В ответном послании Муссолини настаивал на сохранении на фронте хотя бы одного корпуса. При этом, отвечая на обидные намеки, которыми было полно письмо Гитлера, он замечал: «Если этот корпус примет линейное построение, как это было с 8-й армией на Дону, без резервов и с устаревшим вооружением, то нельзя рассчитывать, что дела пойдут иначе»⁸⁵.

Старания Муссолини были напрасны. Еще за несколько дней до отправки этого письма Гитлер во время совещания в ставке прервал Йодля, докладывавшего план реорганизации итальянских дивизий на Восточном фронте: «Это не имеет смысла. Давать им оружие — значит обманывать самих себя... Нет никакого смысла давать итальянцам вооружение для организации „армии“, которая побросает его перед лицом врага при первом же случае. Точно так же ни к чему вооружать армию, если нет уверенности в ее внутренней прочности... Я не дам себя обмануть еще раз»⁸⁶.

Но даже если бы Гитлер согласился оставить итальянские контингенты на фронте, это было бы невозможно сделать. В Рим поступало все больше тревожных сведений о состоянии дивизий и настроениях, которые царили в них. В начале апреля Муссолини было передано частное письмо полковника, командовавшего дивизией «Торино». «Солдаты оборваны, изнурены и полны неверия, — писал этот личный информатор дуче. — Моральное состояние войск невероятно низкое и то же самое следует сказать про младших офицеров. Нужно побыть в частях, для того чтобы дать себе отчет в истинном состоянии людей:

⁸⁴ Les lettres secrètes échangées par Hitler et Mussolini. P., 1946, p. 156.

⁸⁵ Ibid., p. 170.

⁸⁶ Deakin F. Storia della Repubblica di Salò. Torino, 1963, p. 206.

все они перенесли психическую травму, которая повергла их в глубокий фатализм: боевой дух отсутствует... После милосердного отношения к ним местных жителей во время отступления (которое часто оттеняло нетоварищеское поведение союзников) наши солдаты в России, включая, как я уже говорил, большинство младших офицеров, инстинктивно не считают более русских главным противником. Доказательства этому мы находим в письмах, отправляемых родным. Кроме того, среди офицеров, как старших, так и младших, господствуют настроения вражды и недоверия к режиму, который обвиняют за все ошибки. Зреет, распространяется опасный дух антифашизма. Даже сам дуче, более или менее замаскированно, подвергается нападкам...»⁸⁷

Муссолини пришлось согласиться на полную эвакуацию итальянских войск с советско-германского фронта. Бесславным было их возвращение на родину. Истощенные и оборванные итальянские солдаты подвергались всяческим унижениям. Их везли в запертых вагонах, чтобы население не видело, в каком виде они возвращаются домой. Офицеров по одному вызывали на «беседу» руководители фашистских организаций и внушали, что «говорить с энтузиазмом о русском населении и с ненавистью о немцах — значит ставить под сомнение собственный патриотизм». Несмотря на все эти меры, сведения о том, что произошло с итальянской армией, широко распространились в Италии, усиливая антифашистские настроения в стране.

* * *

При описании судьбы 8-й итальянской армии на советско-германском фронте часто проводят аналогию с участью итальянских войск в походе Наполеона. Действительно, с военной точки зрения здесь много общего. Оба раза итальянские войска выступали в качестве вассальных войск, и оба раза походы оканчивались их сокрушительным разгромом. Оба похода, в которых участвовали отборные войска, приводили к ослаблению страны в военном отношении.

Однако война фашистской Германии против Советского Союза была не просто захватническим, грабительским походом. Посылая войска на помощь германским фашистам, Муссолини подчеркивал идеологический ха-

⁸⁷ Ibid., p. 218—219.

рактер этой войны. Разгром итальянской экспедиционной армии был не только военным, но и политическим поражением итальянского фашизма. Солдаты возвращались из Советского Союза полными ненависти к фашизму и гитлеровцам. Они убедились в лживости фашистской пропаганды, рисовавшей «большевистскую Россию» варварским государством, от которого они должны были защищать «европейскую цивилизацию». Они увидели могущество Вооруженных Сил Страны Советов, патриотизм советских людей и прониклись симпатиями к ним.

Итальянский генеральный консул в Инсбруке, через который проходили эшелоны из России, доносил в Рим: «Многие восхищены боевыми качествами Советской Армии... Многие были особенно поражены достижениями советского режима»⁸⁸. Большинство возвратившихся из России солдат и офицеров стали представителями того «военного антифашизма», который рождался на полях сражений второй мировой войны. Многие из тех, кто весной 1943 г. вернулся в Италию с советско-германского фронта, осенью того же года стали бойцами и командирами партизанской армии, начавшей войну против фашистских войск в Италии.

На советско-германском фронте итальянские солдаты не хотели воевать за чуждые им интересы, против советского народа. Но в рядах бойцов партизанской армии, боровшейся за освобождение Италии от итальянских и немецких фашистов, они проявили массовый героизм. Лейтенант Советской Армии Анатолий Тарасов, бежавший из гитлеровского плена и ставший командиром партизанского отряда в Италии, писал в воспоминаниях: «Говорят об итальянских солдатах, что они не выдерживают долгого боя. Думаю, что это не так. Думаю, что солдат любой национальности станет воевать плохо, если он не будет убежден, что воюет за правое дело. Мне не раз приходилось встречаться с итальянскими солдатами, вернувшимися с советско-германского и африканского фронтов. Они сами признавались в том, что „воевали отвратительно“. Но эти же бывшие солдаты, став партизанами, проявляли чудеса храбрости в схватках с нацистскими оккупантами»⁸⁹.

Участие в войне против Советского Союза — самой непопулярной из всех военных авантур итальянского фа-

⁸⁸ Ibid., p. 206.

⁸⁹ Тарасов А. В горах Италии. Л., 1960, с. 109—110.

шизма — существенно ослабило позиции диктатуры Муссолини внутри страны и содействовало ее последующему краху. Оно подорвало также итало-германское военное сотрудничество. Гитлеровское командование перестало считать Италию надежным союзником и стало с подозрением относиться к итальянской правящей верхушке. Со своей стороны итальянцы справедливо видели в авантюристической стратегии гитлеровцев, недооценивших роковым образом могущество Советского государства и его Вооруженных Сил, одну из решающих причин гибели их армии на Дону. Таким образом, разгром итальянской армии на советско-германском фронте явился серьезным морально-политическим ударом для фашистского блока.

1968 г.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ГАЛЕАЦЦО ЧИАНО

Вечером 5 февраля 1943 г. на площади Венеции в Риме было пустынно и сумрачно. Одинокое прохожие, сопровождаемые внимательными взглядами полицейских агентов в гражданском, старались не задерживаться вблизи дворца Муссолини. Ничто не напоминало здесь о тех днях, когда по приказу фашистских организаций толпы народа собирались для того, чтобы выслушать очередную речь дуче с балкона. Налеты англо-американской авиации еще не наносили городу серьезного ущерба, но уже отошло в прошлое то время, когда Муссолини приказывал для психологической «закалки» римлян включать сирены каждый раз, когда самолеты союзников приближались к Неаполю. В Северной Африке итальянские и немецкие войска за последние два месяца откатились на 2 тыс. км. В далекой России немецко-фашистские войска потерпели тяжкое поражение под Сталинградом, и ходили тревожные слухи, что итальянская экспедиционная армия сильно пострадала при отступлении от Дона.

Около 5 часов вечера с улицы Корсо на площадь въехала автомашина и, развернувшись, остановилась у подъезда палаццо Венеция. «Мухкетеры дуче», несшие охрану у входа, взяли на караул: они узнали министра иностранных дел Италии, зятя Муссолини графа Чиано. Поднявшись на второй этаж, Чиано вошел в огромный кабинет диктатора, поднял руку в фашистском приветствии и застыл в позе, выражавшей недоумение по поводу срочного вызова. «Что ты собираешься теперь делать?» —

внезапно спросил его Муссолини. На лице Чиано отразилась растерянность. «Да, так что же ты собираешься делать?» — повторил Муссолини. На этот раз Чиано понял. Ему предстояло расстаться с министерским постом, который он занимал семь лет. Это означало конец блестящей карьеры и окончательный разрыв с человеком, которому он много лет безропотно служил.

Чиано не принадлежал к числу выдающихся дипломатов и политических деятелей. Карьерой он был во многом обязан женитьбе на старшей дочери Муссолини Эдде и тому, что большую часть жизни слепо исполнял волю тестя. Несмотря на это, судьба Чиано, несомненно, интересна. Недаром «баловню фашистского режима» посвящено на Западе немало книг, статей, публикаций.

И дело здесь не только в необычности жизненного пути Чиано, который долго считался наиболее близким к Муссолини человеком, затем стал его заклятым врагом и испустил последний вздох под пулями взвода чернорубашечников. Чиано был типичным представителем той части итальянской крупной буржуазии, которая привела фашизм к власти и долгое время отождествляла с ним свою судьбу. Переход от беспредельного обожания Муссолини к внутреннему протесту и наконец к открытому бунту против бывшего кумира с необычайной четкостью иллюстрирует отрыв итальянских правящих групп от Муссолини на последнем этапе существования фашистского режима, когда выяснилась неизбежность его крушения и краха «оси» Берлин — Рим.

Дневники Чиано, которые он вел на протяжении ряда лет, свидетельствуют о разложении и упадке диктатуры Муссолини. В предисловии, написанном в тюремной камере за несколько дней до казни, Чиано клялся, что ни одно слово в дневниках «не подделано, не преувеличено и не подчинено личным чувствам». Безусловно, это не так. Дневники написаны пером далеко не объективного наблюдателя: каждая их страница дышит пристрастиями автора. Доказано также, что уже после смерти Чиано некоторые страницы были подчищены или вовсе выкинуты. Тем не менее, благодаря откровенности хорошо осведомленного автора, его записки представляют собой важный документ для исследователя той эпохи.

Они разоблачают потрясающую фальшь официальных тезисов фашистского режима, разрушают остатки мифа о дружбе между Муссолини и Гитлером и лишают руководителей фашистских государств всякого намека на «ве-

личие». Записи Чиано рисуют Муссолини в истинном свете: человеком жестоким, малокультурным, презиравшим своих соотечественников и равнодушным к их судьбе. Стремясь отомстить личным врагам, Чиано показал картину политического и морального упадка итальянских правящих кругов, их беспредельный эгоизм и корыстные интересы. Чиано начал вести записки в январе 1939 г., когда его антинемецкие настроения уже достаточно определились. Все неодобрительные мысли по адресу гитлеровского союзника, которые он еще не решался высказать вслух, он поверял по вечерам дневнику. Точно так же он тщательно записывал все гневные тирады Муссолини насчет его старшего партнера. Судя по записям Чиано, Муссолини не испытывал ни капли приязни к Гитлеру, а только страх и черную зависть. Вместе с тем он воспринимал все действия Гитлера с нарастающей покорностью: считая Германию непобедимой, он был уверен в том, что Гитлер долгое время останется властелином Европы. Чиано много лет разделял убеждение своего тестя. 26 ноября 1941 г. он сделал запись, кратко, но выразительно объяснявшую положение Италии в фашистском блоке: «Теперь немецкая гегемония в Европе окончательно установлена... Плохо ли, хорошо ли, но это так. Следовательно, лучше сидеть по правую руку от хозяина дома. Мы как раз и сидим по правую руку»⁹⁰.

Галеаццо Чиано родился в 1903 г. в богатой ливорнской семье. Его отец, Констанцо, был близким другом Муссолини и одним из видных участников фашистского движения с самого начала. Министр, а потом председатель фашистской палаты депутатов, он был в 1926 г. официально намечен преемником Муссолини в случае смерти дуче. Кроме преданности фашистскому режиму, граф Констанцо отличался тем, что умело использовал пребывание на государственных постах для увеличения своего и без того значительного состояния.

Галеаццо закончил в 1925 г. юридический факультет Римского университета. В студенческие годы он сотрудничал как театральный и литературный критик в газетах, пытался писать пьесы и помышлял об артистической карьере. В своих статьях он даже выступал с критикой, весьма, впрочем, умеренной, фашистской партии. После окончания университета взгляды и намерения Галеаццо

⁹⁰ *Ciano G. Diario, 1939—1943. Milano, 1963, vol. 2, p. 98.*

внезапно переменялись: он решил, что его честолюбие сможет найти удовлетворение на дипломатическом поприще. Выдержав соответствующий экзамен, он служил сначала в Бразилии, а затем в Китае. В 1929 г. Чиано вернулся в Рим на должность секретаря итальянского посольства при Ватикане.

В том же году он познакомился с дочерью Муссолини Эддой, не отличавшейся привлекательной наружностью, но пользовавшейся особым расположением дуче. Этого было достаточно для того, чтобы Чиано обратил на нее внимание, и в 1930 г., несмотря на сопротивление жены Муссолини, он женился на Эдде. Теперь карьера Чиано круто пошла в гору. В 1933 г. он уже заведующий отделом печати премьер-министра, а год спустя — заместитель министра печати и пропаганды. В 1936 г. Муссолини доверил ему пост министра иностранных дел, который до тех пор занимал сам.

Чиано, которому едва исполнилось 33 года, стал третьим, после Муссолини и короля, человеком в Италии. Фат и позер, он старательно копировал дуче, перед которым тогда преклонялся: также выпячивал подбородок, надувался, вращал глазами. В неофициальной обстановке это был весельчак и жуир, во всю вкушавший блага жизни, не слишком прислушиваясь к голосу морали. Его высокий пост в сочетании с жаждой светских успехов помог ему создать вокруг себя обширный кружок прожигателей жизни из среды аристократического римского общества.

В исполнение обязанностей министра Чиано внес тот же легкомысленный стиль баловня судьбы, который характеризовал все его поведение. «Между Чиано и его послами за границей,— пишет итальянский историк Ф. Бандини,— существовала непроницаемая стена... Чиано совершенно не представлял себе, что значит быть министром иностранных дел. Тщательному анализу источников информации, изучению докладов и донесений он предпочитал дипломатию светских салонов и площадок для гольфа, будуарные сплетни и личный успех, который заключался в подражании позам и ораторским приемам тестя.

Он никогда не читал донесений длиннее полстраницы, всегда отказывался от советов экспертов и выказывал полное презрение к дипломатам-профессионалам. За два года (1938—1939) он не дал ни одного политического указания Гуарилье, который, между прочим, был нашим

послом во Франции. Единственный раз он с ним связался лично и то лишь для того, чтобы попросить Гуарилью подыскать учительницу французского языка для своих детей. Три года кряду Руссо, наш посол в Москве, не читал ничего, написанного министром иностранных дел, и не слышал его голоса. Эту привычку Чиано также позаимствовал у Муссолини, большой стол которого всегда был пуст и находился в идеальном порядке не потому, что он разделялся с делами быстро и неумолимо, а потому, что их у него обычно не было»⁹¹.

Чиано стал министром иностранных дел через месяц после захвата Эфиопии и провозглашения Италии империей. Его назначение знаменовало собой определенный поворот во внешней политике Италии. С 1922 г. и до начала эфиопской авантюры Муссолини не порывал окончательно с традиционными линиями итальянской внешней политики. Пользуясь каждым случаем, для того чтобы громогласно заявить об империалистических притязаниях Италии, Муссолини вместе с тем сознавал ее недостаточную готовность к большой войне.

Успех в Эфиопии вскружил дуче голову. Он всерьез уверовал в свой военный гений, считая, что кампания была завершена благодаря тому руководству, которое он осуществлял из своего кабинета в Риме. Назначение Чиано отражало решительный разрыв фашистского режима со старой дипломатической кастой. Диктатура встала на путь открытых военных авантур, на путь подготовки мировой войны, и к руководству внешней политикой должны были прийти новые люди, способные фанатически следовать предначертаниям дуче. С этой точки зрения Чиано, по мнению Муссолини, был несомненно удачной кандидатурой.

Чиано был типичной фигурой фашистского режима: для него в вопросах внешней (как, впрочем, и внутренней) политики не существовало каких-либо моральных принципов. Вульгарный прагматик, переносивший на человеческое общество законы джунглей, он признавал единственное право — право сильного. Еще в период приготовлений к захвату Эфиопии Чиано, тогда еще заместитель министра печати и пропаганды, руководил неслыханной по бесстыдству кампанией против этой страны. Итальянские газеты, нисколько не заботясь о правдоподобии, называли Эфиопию «пистолетом, нацеленным

⁹¹ *Bandini F. Tecnica della sconfitta. Milano, 1963, p. 208.*

в сердце Италии», и изображали ее вооруженным до зубов агрессором, готовым будто бы захватить всю Северную Африку.

Поддержка франкистского мятежа в Испании явилась первой совместной акцией фашистских государств на пути к «большой войне». Чиано был горячим сторонником интервенции. Для достижения своих целей он не гнушался самых подлых методов. Один из видных руководителей итальянской антифашистской эмиграции во Франции, Карло Росселли, выступил с разоблачениями Муссолини и фашистского режима. 11 июня 1937 г., он и его брат Нелло были найдены мертвыми на обочине провинциальной дороги в Нормандии, куда их заманили обманом. «Они лежали на каменистой почве, Карло с головой, откинутой назад, Нелло с лицом, залитым кровью. Карло был убит, когда он стоял около автомобиля; Нелло, который отличался невероятной физической силой, сопротивлялся; под ногтями у него была земля и нитки от одежды убийц»⁹².

Убийство братьев Росселли всколыхнуло демократическое общественное мнение; тем не менее следствие велось чрезвычайно медленно: только через год французская полиция обвинила в этом преступлении организацию кагуляров. После второй мировой войны подтвердилось то, о чем писали итальянские антифашистские газеты еще в 1937 г. — пистолетные убийства вели в Рим. На процессе офицеров итальянской военной разведки Эммануэли и Навале вскрылось, что они сговорились с кагулярами об этом террористическом акте; в качестве платы французские фашисты получили из Италии 100 винтовок. Задание «убрать» братьев Росселли руководителям итальянской разведки, видимо с ведома Муссолини, дал Чиано⁹³.

Интервенция в Испании ускорила сближение двух фашистских государств. Во время визита гитлеровского министра Франка в Рим (сентябрь 1936 г.) были намечены общие контуры целей Италии и Германии. Месяц спустя в Берлине Чиано их конкретизировал. Чиано с триумфом докладывал Муссолини о результатах своей первой ответственной миссии: Германия официально признала захват Италией Эфиопии. Еще более важное значение имел строго секретный протокол, устанавливавший

⁹² *Salvatorelli L., Mira G. Op. cit., p. 918—919.*

⁹³ *Salvemini G. Affare Rosselli.—Il Mondo, 1951, 30 giugno.*

необходимость «нового статуса» для Европы и определявший Средиземное море сферой интересов Италии. Особый пункт касался мер по «антибольшевистской борьбе» — предусматривалось сотрудничество в этой области не только правительств, но и правящих партий⁹⁴.

Чиано рассказал, что Гитлер, принимая его в Берхтесгадене, показал далекую церковь на горизонте и заметил: «Вы видите, я вынужден смотреть на свою немецкую родину, Зальцбург, в бинокль». «Он говорил об Австрии», — пояснил Чиано. «На это трудно закрывать глаза», — ответил дуче. Он не хотел, чтобы Австрия стала на пути создаваемого союза, и уже готовился пожертвовать ею ради сближения с Гитлером.

Название союзу двух фашистских государств придумал Муссолини. Выступая на Соборной площади в Милане, он сказал, что «вертикаль Рим — Берлин следует рассматривать как ось», вокруг которой должны сотрудничать европейские государства. Он назвал переговоры о разоружении «пустой иллюзией» и заявил, что «Лига наций может спокойно скончаться».

В сентябре 1937 г. Чиано сопровождал Муссолини в поездке по Германии. Во время митинга на Олимпийском стадионе в Берлине, на котором присутствовала громадная толпа, диктаторы обменялись программными речами. Они говорили о близости национал-социалистского и фашистского движений, о причинах, которые делают «исторически необходимым» их союз. Поездка Муссолини в Германию знаменовала собой идеологическое и политическое закрепление «оси» Берлин — Рим. Вскоре Италия примкнула к «антикоминтерновскому пакту» — тем самым был окончательно оформлен союз фашистских агрессоров, которые под прикрытием «борьбы с коммунизмом» взяли на себя инициативу подготовки новой мировой войны.

Чиано принимал живейшее участие во всех этих мероприятиях — в то время у него не было никаких сомнений в правильности действий Муссолини. Пожалуй, впервые он начал задумываться о будущем после захвата Гитлером Австрии в марте 1938 г. Аншлюс существенно менял соотношение сил в Европе. Рушился треугольник Вена — Будапешт — Белград, на союзе с которым Италия долгое время основывала свое влияние в этой части Европы. Но Муссолини пассивно наблюдал, как его партнер

⁹⁴ Santarelli E. Op. cit., vol. 2, p. 250—251.

усиливает свои позиции за счет Италии: «Когда событие становится фатально неизбежным, лучше, чтобы оно проходило с нами, чем против нас», — оправдывался он.

Чиано, может быть, яснее, чем его тесть, видел опасность, связанную с появлением Германии на северо-восточной границе Италии. Однако он воздержался от малейшего протеста, не сделал ни единой попытки изменить курс внешней политики. Когда весной 1938 г. Гитлер прибыл в Рим, где его ждали императорские почести, Чиано находился в числе главных режиссеров этого спектакля. В дни Мюнхена, когда Муссолини мнил себя вершителем судеб Европы, Чиано с упоением купался в лучах славы, исходивших от могущественного тестя.

Очень скоро эти лучи несколько померкли: Гитлер занял Прагу и окончательно ликвидировал независимую Чехословакию, не удосужившись заблаговременно уведомить об этом дуче. Муссолини узнал о случившемся со слов принца Филиппа, зятя итальянского короля. На этот раз нацистская Германия начала уже перекраивать не версальскую систему, а мюнхенскую, одним из творцов которой Муссолини себя почитал. Муссолини даже запретил сообщать о способе, которым Гитлер уведомил его о своем решении: «Итальянцы осмеют меня. Каждый раз, когда Гитлер захватывает страну, он просто присылает мне гонца».

Чиано решил воспользоваться настроением дуче. В его голове давно зрел план реванша, весьма характерный для стиля фашистской дипломатии: в качестве компенсации за Австрию Италия должна была захватить Албанию. Он придавал аннексии Албании огромное значение, считая, что это настолько усилит позиции итальянского фашизма, что даст ему возможность решительно поднять свой удельный вес в агрессивном блоке. «По моему мнению, — писал Чиано, — поход в Албанию поднимет моральное состояние в стране, явится реальным положительным плодом политики „оси“, подобрав который, мы смогли бы пересмотреть нашу политику. Этот пересмотр должен также коснуться наших отношений с Германией, гегемония которой начинает принимать угрожающие очертания»⁹⁵.

Разумеется, расчеты Чиано на возможность изменения соотношения сил внутри «оси» с помощью захвата

⁹⁵ *Ciano G. Diario, 1939—1943. Milano, 1963, vol. 1, p. 61—62.*

Албании были пустой мечтой. Тем не менее министр иностранных дел настойчиво доказывал Муссолини, что это — единственное средство достойно ответить на действия Гитлера в Чехословакии. «Я высказал дуче свое убеждение, что сейчас мы не встретим ни сопротивления в стране, ни серьезных международных осложнений»⁹⁶, — писал он в дневнике. В апреле 1939 г. итальянские войска, напав на безоружную страну, быстро достигли своих целей. Однако в ходе операции вскрылись многочисленные недостатки итальянской армии. В то время как Чиано был в восторге от того, что ему удалось успешно провести «свою собственную войну», Муссолини выражал недовольство действиями итальянских дивизий.

Тем не менее, отмечая личные заслуги Чиано в подготовке захвата Албании, он поддержал намерение короля наградить министра иностранных дел лентой рыцарского ордена Савойской династии с бриллиантами, что давало его владельцу право называть себя «кузеном короля». «Графу Чиано мы обязаны тем проникновением изнутри, которое позволило нам практически почти без выстрела аннексировать Албанию», — писал дуче в представлении. Действительно, Чиано в этот период развил широкую и разнообразную деятельность. Он запугивал албанских дипломатов, оказывал давление на правительства соседних стран и даже организовывал террористические и диверсионные акты. Так, он послал аса фашистской авиации Мути с бандой головорезов в Тирану. «Я предоставил им полную свободу действий с единственным условием сохранить королеву и ее дитя», — замечает он⁹⁷.

Фашистские государства полным ходом двигались к мировой войне. В мае 1939 г. Чиано встретился с Риббентропом в Милане. Он надеялся разузнать что-либо о планах Гитлера в Польше, а главное доказать посланцу фюрера необходимость оттянуть начало «большой войны» для того, чтобы дать время Италии подготовиться. В обмен на отсрочку Муссолини предлагал Гитлеру заключение военного союза. Риббентроп взял на себя подготовку проекта договора, и 22 мая в Берлине был подписан «стальной пакт», по которому подписавшие его стороны обязывались в случае начала одной из них военных действий немедленно выступить на ее стороне.

⁹⁶ Ibid., p. 64.

⁹⁷ Ibid., p. 155.

Впервые в дипломатической практике XX в. в договоре не был даже формально обусловлен оборонительный характер союза. Пакт был открыто агрессивным. Нигде в договоре не упоминалось о необходимости отсрочки, на которую надеялись Муссолини и Чиано; поскольку главную инициативу в подготовке агрессии проявляла Германия, фашистской Италии оставалось лишь послушно следовать курсу старшего партнера, с которым ее отныне связывали точные и категорические обязательства.

В предсмертной записке Чиано писал, что якобы всегда был противником этого пакта и всячески старался сделать его неэффективным. Находясь в камере Веронской тюрьмы, он точно указал момент, когда для него выяснилась вся губительность союза Италии с гитлеровской Германией. «Итальянская трагедия началась по-моему, в августе 1939 г., когда, отправившись в Зальцбург, я столкнулся с холодной и циничной решимостью немцев начать войну... В то время как мы готовились сесть за обеденный стол, Риббентроп сообщил мне потрясающую новость так, как будто речь шла о самой обычной вещи. „Итак, Риббентроп, что же вы хотите? — спросил я, когда мы с ним прогуливались по саду.— Польский коридор или Данциг?“ „Теперь уже ни того, ни другого,— ответил он и уставился на меня своими холодными глазами восковой фигуры из музея Гревен,— мы хотим войны!“»⁹⁸.

Риббентроп, находясь в дни Нюрнбергского процесса примерно в таком же положении, как Чиано в Веронской тюрьме, категорически отрицал эту фразу. Тем не менее он признал, что его целью в Зальцбурге было внушать Чиано мысль о готовности Германии к решительным действиям: «Учитывая известную неспособность итальянских придворных и правительственных кругов хранить тайну,— писал Риббентроп,— в наших интересах было абсолютно необходимо, чтобы граф Чиано убедился в твердой решимости фюрера и сообщил об этом Муссолини. Впечатление о нерешительности фюрера в польском вопросе было бы немедленно передано из Рима в Лондон, а оттуда в Варшаву»⁹⁹.

Если Риббентроп говорит правду, то гитлеровская откровенность достигла цели с поразительной быстротой. Едва итальянский посол в Берлине узнал о результатах переговоров в Зальцбурге, первое, что он сделал, это сооб-

⁹⁸ Ibid., p. 6.

⁹⁹ Bandini F. Op. cit., p. 222.

щил своему английскому коллеге, что «война неизбежна». Сам Чиано по возвращении в Рим вызвал английского посла и заявил ему с подчеркнутой серьезностью, что «положение очень тяжелое».

Конечно, наивно доверять словам Чиано, будто он догадался, что Германия идет к мировой войне, лишь в августе 1939 г. Сюрпризом для него в Зальцбурге было только то, что это произойдет так скоро. Чиано долго изощрялся в сарказмах по адресу итальянского посла в Берлине Аттолико, который сообщал об ускоренной подготовке Германии к войне. «Аттолико совсем потерял голову или поддался на удочку немцев»,— писал он. Подтвержденное Гитлером заявление Риббентропа, что Германия намерена напасть на Польшу не позднее августа, показало, что сведения посла были правильнее «интуиции» Чиано.

После подписания «стального пакта» Муссолини послал к Гитлеру будущего начальника генерального штаба Каваллеро со специальным посланием, в котором он еще раз сетовал на плохую подготовку Италии к войне. «Две европейские державы „оси“,— писал Муссолини,— нуждаются в мирном периоде сроком не менее трех лет. Только после 1943 г. военные усилия могут иметь большие перспективы победы... Фашистская Италия не хочет ускорять европейской войны, хотя она уверена в ее неизбежности... Италия может мобилизовать большее число людей, чем Германия. Но избыток людского материала не соответствует наличие технических средств»¹⁰⁰. Таким образом, дело было не в принципиально различном подходе к вопросу о войне. Речь шла о разногласиях между двумя разбойниками насчет того, когда выгоднее напасть на свою жертву.

Сообщение, сделанное Риббентропом в Зальцбурге, говорило о том, что Гитлер не собирается считаться с мнением своего партнера. А между тем это ставило Италию, намного слабее вооруженную, в невыгодное положение. Это отлично понимал Чиано, не менее хорошо это знал Муссолини. И все же, когда военные приготовления Гитлера не оставляли уже никаких сомнений по поводу его намерений, Муссолини приказал 25 августа подготовить приказ о всеобщей мобилизации. «Муссолини решил вступить в войну немедленно. Я покоряюсь»,—

¹⁰⁰ *Toscano M.* Le origini diplomatiche del Patto d'Acciaio. Roma, 1956, p. 362—365.

записал Чиано¹⁰¹. Италия готовилась выступить вместе со своим союзником.

Внезапно все изменилось, и произошло это по инициативе Гитлера. В ночь на 26 августа 1939 г. в Рим прибыло из Берлина послание. В нем Гитлер давал понять, что нападение на Польшу произойдет в ближайшее время, и просил «понимания» с итальянской стороны. Можно по-разному толковать эту формулировку, но было ясно, что Гитлер не требует немедленного вступления в войну в соответствии с условиями «стального пакта». В тот же день Муссолини отправил ответ, в котором предлагал Германии всевозможную политическую и экономическую поддержку и помощь, однако выказывал стремление не вступать в войну немедленно. «Мы можем выступить немедленно,— продолжал он,— если Германия срочно предоставит нам вооружение и сырье для того, чтобы мы смогли выдержать удар, который англо-французы обратят в первую очередь против нас»¹⁰². По указанию Муссолини итальянский генеральный штаб срочно подготовил список материалов, остро необходимых Италии. Чиано позаботился о том, чтобы этот список был раздут до невероятных размеров. В нем перечислялись различные виды вооружения и сырья общим весом в 170 млн. т; для их доставки потребовалось бы 17 тыс. эшелонов! «Этот список был бы способен убить быка, если бы тот умел читать»,— с удовлетворением отмечал в дневнике Чиано.

Гитлер, достаточно хорошо информированный о плохой военной подготовке итальянской армии, не очень рассчитывал на ее помощь. Самое большее, на что он надеялся,— это нейтрализация французских и английских сил на Средиземном море в случае, если Германия окажется в состоянии войны с западными державами. Однако поведение Муссолини в эти решающие дни его крайне возмутило. «Итальянцы поступают совершенно так же, как они действовали в 1914 г.»,— говорил он в кругу своих близких. Не без оснований он значительную часть вины за это приписывал интригам Чиано.

1 сентября Рим опубликовал сообщение о том, что Италия намерена соблюдать нейтралитет. Муссолини согласился на это скрепя сердце, под давлением обстоя-

¹⁰¹ *Ciano G. Diario, 1939—1943, vol. 1, p. 168.*

¹⁰² *Santarelli E. Op. cit., p. 370.*

тельств, твердо надеясь, что в скором времени и он сможет принять участие в грабительских походах.

Начиная с 1939 г. убеждения Чиано все более отдалялись от взглядов Муссолини. Оставаясь верным исполнителем его воли, он все чаще позволял себе в кругу близких и особенно наедине с дневником критические замечания по адресу тестя и его политики.

Эта эволюция министра иностранных дел отражала в известной мере сомнения итальянского правящего класса и некоторых представителей фашистской верхушки, которые с недоверием относились к безоговорочному сближению с Берлином и с беспокойством раздумывали над теми последствиями, которые оно вызывало во внутренней политике Муссолини. Эти группы представляли консервативно-буржуазное течение итальянского фашизма, противившееся более смелым программам его «экстремистского» крыла. В области внешней политики они, так же как и Муссолини, были империалистами, но их программа была более скромной. Опасаясь «большой войны», они выдвигали ограниченные цели. Чиано и его друзья не любили и боялись немцев и были не прочь позондировать почву для налаживания более дружественных отношений с англосаксонскими державами. Представители этого течения были связаны с группами крупного капитала, недоверчиво относившегося к отдельным мероприятиям фашистского режима в хозяйственно-экономической жизни, таким, как политика автаркии и введение корпоративного строя.

На первых порах они воздерживались от каких-либо активных действий. Но после того как определилось военное бессилие Италии и зримо обрисовалась неотвратимость краха гитлеровской Германии, эти круги, оставаясь верными фашизму, начали борьбу за власть, надеясь, сбросив Муссолини, добиться приемлемого соглашения с Англией и США.

Все они были противниками «нового курса» Муссолини, который в предвоенные годы вернулся к псевдореволюционной демагогии начала 20-х годов. В своих речах он возобновил нападки на буржуазию, которая, по его словам, «всегда была врагом фашизма» и теперь препятствовала превращению Италии в «военный лагерь».

Важной частью подготовки нации к войне были милитаризация молодежи начиная с шести лет, борьба с «буржуазной» пацифистской литературой. Мероприятий по «военной закалке» не избежали даже фашистские иерархи: все партийные сборища сопровождалась теперь заня-

тиями по спортивной гимнастике и руководители обязаны были сдавать спортивные нормы. Муссолини лично присутствовал на соревнованиях, воздавая должное отличившимся и порицая нерадивых.

Под влиянием фашистской Германии в Италии началась борьба за «чистоту расы». Раздражение значительной части буржуазии вызывала кампания за ограничение потребления и исчезновение ряда предметов широкого пользования в связи с усилением «автаркической битвы». Если одни группы крупной буржуазии наживались на военных поставках и производстве различного рода заменителей, то многие предприятия, особенно работавшие на привозном сырье, испытывали затруднения.

Оппозиция в фашистской верхушке отражала недовольство отдельных иерархов, обусловленное теми или иными личными причинами, прежде всего грызней за власть и теплые местечки. Муссолини никогда не стремился создать вокруг себя постоянную группу сотрудников. Характерной чертой его метода была постоянная смена людей на ведущих постах. Он всегда держал в резерве значительную группу приспешников, которые, ожидая своего часа, старательно подсиживали друг друга, так что не были способны к установлению длительных союзов. Муссолини не допускал, чтобы около него появилась фигура, которая, хотя бы отдаленно, угрожала ему соперничеством. Единственный представитель «старой гвардии», продолжавший называть его на «ты» и осмеливавшийся публично ему противоречить, Итало Бальбо, был послан губернатором в Северную Африку, где погиб при довольно странных обстоятельствах.

Одной из наиболее характерных фигур в фашистской верхушке был Дино Гранди. Ближайший сподвижник Муссолини, он был министром иностранных дел, затем долгое время послом в Лондоне. В 1939 г. Муссолини назначил его министром юстиции, а после смерти Констанцо Чиано — председателем фашистской палаты депутатов. «Кем бы я был, если бы не встретил вас,— писал Гранди в личном письме Муссолини.— Самое большое — безвестным провинциальным адвокатом». «Созданием фашистского государства,— говорил с беспримечной по лживости лестью Гранди, обращаясь к Муссолини по случаю вступления в должность министра юстиции,— Вы установили господство справедливости для всех итальянцев; созданием корпоративного государства Вы обеспечили справедливость в экономической и социальной жизни нации; Вашей

титанической деятельностью Вы указали всему миру, что без справедливости не может быть мира между народами. На всем этом лежит отпечаток Вашего гения и Вашего духа»¹⁰³.

Все это не помешало Гранди в 1943 г. возглавить заговор против своего благодетеля и «гения справедливости». В период перед войной Гранди, сторонник сближения с Англией, был против «оси» Берлин—Рим и на этой почве сблизился с Чиано, которого, кстати сказать, очень не любил. Однако стоило Гитлеру одержать ряд побед на Западе, как Гранди мигом превратился в противника Великобритании и Франции. После речи Гранди в фашистской палате, в которой он обрушился на «коварный Альбион», Чиано с насмешливым удовольствием отметил в дневнике, что на этот раз Гранди получил всего три поздравительные телеграммы, причем одна из них была от сумасшедшего из Катании, который предлагал за 100 лир переложить его речь на стихи¹⁰⁴.

Вместе с Гранди противниками сближения с Германией в предвоенные годы были министр народной культуры Боттаи и бывший председатель сената президент Академии наук Федерцони. Первый из них известен как представитель умеренного крыла фашизма и теоретик «корпоративного строя». Одна из его главных идей заключалась в попытке добиться существования «легальной» оппозиции в фашистской партии. Федерцони был одним из немногих оставшихся в живых ветеранов фашистского движения, которые пришли в него из рядов националистической партии. Он занимал видные посты в фашистском государстве, однако никогда полностью не солидаризировался со взглядами ближайшего окружения Муссолини.

Внутреннее беспокойство в связи с политикой Муссолини испытывали также некоторые группы военной верхушки, лучше других знавшие о плохой подготовке Италии к войне. Генералы по традиции были монархистами, а осторожный и нерешительный король Виктор-Эммануил опасался слишком рискованных авантюр.

Все сомнения и тревоги в значительной мере улеглись после заявления о нейтралитете Италии в сентябре 1939 г. Казалось, единство фашистской верхушки и монархических кругов полностью восстановилось. Для Чиано период неучастия в войне был временем наивысшего взлета.

¹⁰³ *Bianchi G. Op. cit., p. 849.*

¹⁰⁴ *Ciano G. Diario, 1939—1943, vol. 1, p. 258.*

В ноябре 1939 г. Муссолини произвел реорганизацию правительства, в результате которой ведущие посты заняли друзья Чиано или люди, от него зависящие. Особенное удовольствие доставила Чиано смена секретаря фашистской партии, происшедшая в это время. На место Стараче, долгое время считавшегося врагом номер один министра иностранных дел, по рекомендации Чиано был назначен бывший летчик и флибустьер Этторе Мути. Влияние зятя Муссолини в этот период достигло апогея. Каждый из министров считал своим долгом информировать его о всех важнейших событиях, а министр внутренних дел передавал ему сводку полицейских донесений почти в том же объеме, что и Муссолини. Жена Муссолини, Рашель, которая никогда не благоволила к зятю, как-то вечером заявила своему мужу со свойственной ей прямотой простой крестьянки: «Этот тип метит на твое место».

В действительности влияние Чиано всегда полностью зависело от Муссолини. Он никогда не пользовался поддержкой верхушки фашистской партии, где ему не могли простить молниеносной карьеры и недостаток фашистской ортодоксальности. Что касается более широких сфер общественного мнения, то в стране не было менее популярной фигуры, чем молодой зять Муссолини. Таким образом, если Чиано и помышлял когда-либо сменить своего тестя, то он хорошо сознавал малую вероятность достичь этого обычными путями. В связи с этим заслуживает внимания сообщение бывшего начальника полиции Лето о том, что в этот период Чиано замышлял отравить своего тестя¹⁰⁵. Действительно, в это время Чиано был раздираем крайне противоречивыми чувствами: с одной стороны, он продолжал все больше убеждаться в том, что Германия, а вместе с ней и Италия в конечном счете проиграют войну, а с другой — сознавал свое бессилие помешать военному выступлению Италии и все более покорно следовал указаниям дуче. Весьма возможно, что в подобном состоянии духа Чиано в самом деле задумал столь отчаянный шаг и что об этом стало известно главе полиции, окружившему зятя Муссолини своими осведомителями.

Чувствуя себя в известной мере инородным телом в фашистской верхушке, Чиано развлекался ироническими замечаниями по адресу людей, которые его окружали: секретарь фашистской партии Видуссони, сменивший Мути, «беспредельно глуп и невежествен»; министр внутренних

¹⁰⁵ *Salvatorelli L., Mira G. Op. cit., p. 992.*

дел Буффарини за крупные взятки «аризировал» богатых евреев. Любовница Муссолини — Петацчи широко (и не бескорыстно) пользовалась своим влиянием на Муссолини. Благодаря ее поддержке адмирал Рикарди стал командующим флотом, маршал Каваллеро присвоил в Албании много тысяч га плодородной земли. Все это Чиано заносил в дневник, не замечая, что он сам составлял неотъемлемую часть той среды, над которой втихомолку потешался.

В этот период произошла попытка сближения Чиано с королевским двором, где антинемецкие настроения были весьма сильными. Сам король держался в тени и предпочитал избегать личных контактов. Его посредником служил герцог Акварон. Этот бывший кавалерийский офицер, женившись на дочери богатейшего промышленника, стал владельцем огромного состояния. Его ловкость в делах, скрытность и изобретательность были оценены королем. В 1939 г. Виктор-Эммануил сделал Акварона распорядителем королевского имущества. Хитроумный генуэзец вскоре стал главным и единственным доверенным лицом престарелого монарха. С его появлением при дворе интриги против Муссолини приобрели деятельного организатора.

Встретившись с Чиано в гольф-клубе в марте 1940 г., Акварон неожиданно повел с ним крайне серьезный разговор. Он заявил, что король хорошо понимает трудности момента, который переживает страна, и чувствует, что может возникнуть необходимость прямого вмешательства. Король, по словам Акварона, питал к Чиано не просто благожелательность, а «самую настоящую любовь и огромное доверие». Столь прямые намеки ввергли Чиано в смущение. Действовал ли Акварон от имени короля или же только прикрывался его именем? Насколько реальны были намерения короля? Все эти вопросы заставляли Чиано быть осторожным, он предпочел уклониться от продолжения беседы, которая могла завести его слишком далеко.

Все же Чиано делает в это время ряд шагов для того, чтобы закрепить симпатии королевского окружения. «Вчера продвинул по службе сына Бадольо, — пишет он в дневнике. — Он далеко не орел, но отец его обожает, а он будет нужным союзником»¹⁰⁸. Чиано правильно увидел в начальнике генерального штаба Бадольо человека, пользующегося доверием короля, но, как показали дальнейшие события, не совсем правильно оценил способности Бадольо к благодарности.

¹⁰⁸ *Ciano G. Diario, 1939—1943, vol. 2, p. 236.*

Весна 1940 г. не была подходящим моментом для решительных мер против Муссолини. Дуче в то время готовился вступить в войну на стороне Гитлера, а Германия казалась тогда выигрывающей стороной. 18 марта Муссолини встретился с Гитлером в Бреннере и узнал от него о готовящемся на Западном фронте решительном наступлении германских войск. Это заставило Муссолини принять окончательное решение. 31 числа того же месяца он послал королю совершенно секретный меморандум, в котором рассматривал политическое и стратегическое положение Италии и доказывал необходимость вступления в войну, прибегая к откровенно империалистической аргументации. «Италия,— писал он,— не может оставаться нейтральной в течение всей войны: иначе она потеряет свое ведущее положение, деградирует и дойдет до положения увеличенной в 10 раз Швейцарии»¹⁰⁷. Когда 10 июня Муссолини с балкона палаццо Венеция возвестил, что Италия объявила войну Франции и Англии, никто из представителей правящих групп не выразил протеста. Правда, Чиано без энтузиазма отнесся к началу военных действий против Франции. Он мечтал о блицкриге против Греции, который затруднил бы немецкое проникновение на Юго-Восток Европы и послужил бы выигрышем важной партии в его личной игре против Риббентропа.

Муссолини заявлял о том, что целью вступления Италии в войну является получение «свободного доступа к океанам». Множественное число в этом случае означало, что речь шла об Атлантическом и Индийском океанах. Одновременно он объяснял своим сотрудникам, что Италия намерена вести «параллельную войну», т. е., пользуясь тем, что Германия наносит удар противнику на главных направлениях, обрести себе лавры и добычу на периферии. Как можно совместить задачи «океанской стратегии» с подобным методом, оставалось загадкой. Фактом остается то, что Муссолини поддерживал идеи Чиано о захватнических походах против Греции и Югославии. Подготовка к войне на Балканах была с подозрением встречена Гитлером. В августе 1940 г. Риббентроп сделал итальянскому послу в Берлине специальное заявление о том, что «Италии не следует распылять силы» и отвлекаться от своих целей в Африке¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Santarelli E. Op. cit., p. 399.

¹⁰⁸ Salvatorelli L., Mira G. Op. cit., p. 1005.

В тот момент Муссолини отступил, к великому огорчению Чиано. Однако 12 октября Гитлер, как обычно без всякой консультации с Муссолини, начал оккупацию Румынии. «На этот раз я отплачу ему той же монетой,— заявил взбешенный дуче. — Он узнает из газет о том, что я занял Грецию». Занося эти слова в дневник, Чиано добавил: «Я нахожу эту операцию полезной и легкой»¹⁰⁹.

13 октября Муссолини приказал генеральному штабу быть готовым в ближайшие недели «сломать ребра грекам». На совещании, состоявшемся накануне нападения, Чиано, руководивший дипломатической подготовкой агрессии, многозначительно заявил, что у него есть средства взорвать греческое сопротивление изнутри, как это было с Албанией. Руководители армии, за небольшим исключением, были не менее оптимистичны: главнокомандующий греческим фронтом генерал Висконти Праска уверял, что «наступление приведет к потрясающему и мгновенному разгрому греческой армии». На деле плохо подготовленное наступление было вскоре остановлено, и инициатива перешла к грекам. Положение стало столь угрожающим, что Гитлер сначала обратился к Муссолини с письмом-отповедью за несвоевременную инициативу, а затем двинул войска на помощь незадачливому союзнику.

Никогда акции фашистского режима в Италии не падали столь низко, как в начале 1941 г. Поражение в Греции совпало с переходом в контрнаступление англичан в Северной Африке, и мечты о громких победах малой кровью сменились всеобщим унынием.

При известии о поражении Муссолини был удручен: он три дня не брился и не появлялся в кабинете. Затем он стал искать виновных: «Надо признать,— говорил он Чиано,— что итальянцы 1914 г. были лучше нынешних. Это неутешительный итог для фашистского режима, но это так»¹¹⁰. Козлами отпущения послужили начальник генерального штаба Бадольо и еще несколько генералов, лишившихся своих постов. Не избежали гнева диктатора и фашистские иерархи. В начале 1941 г. было объявлено о «гражданской мобилизации»: высшие чины фашистской партии были обязаны направиться в действующую армию, показывая другим пример.

¹⁰⁹ Ibid., p. 350.

¹¹⁰ *Ciano G. Diario, 1939—1943, vol. 2, p. 20.*

Чиано также был вынужден покинуть столицу и отправиться в свою эскадрилью «Ла Дисперата», расположенную в Бари, сохраняя при этом пост министра иностранных дел. Провал агрессии против Греции был для него большим личным поражением. Его отношения с Муссолини в это время также стали охлаждаться. Уходило в прошлое преклонение Чиано перед тестем. Со своей стороны Муссолини все реже жаловал его откровенностью.

Эти внешние проявления взаимного недовольства отражали нарастание критического отношения к Муссолини фашистской верхушки. Иллюзии, связанные с победами Германии, казалось, сплотили их — теперь наступало отрезвление. Сомнения, которые обуревали некоторых перед началом войны, возрождались теперь на более широкой и реальной основе. Даже первые успехи гитлеровских армий после нападения на Советский Союз не вдохнули в «друзей Дино Гранди», как называли эту группу фашистов, былой бодрости. Чиано встретил присоединение Муссолини к гитлеровскому «походу против большевизма» с откровенным скептицизмом.

Его запись в дневнике точно передает образ мышления тех кругов фашистской верхушки, у которых империалистические вождедения и антикоммунизм сочетались с более здравым представлением о реальной обстановке. «Идея войны с Россией,— писал он,— сама по себе полезна, ибо дата краха большевизма будет одной из выдающихся вех в истории цивилизации. Но мне это не нравится как симптом. Поскольку не хватает ясной и убедительной мотивировки, то обычно объяснение сводится к тому, что речь идет о попытке найти выход из ситуации, которая развивается в неблагоприятную сторону. Каков будет ход войны? Немцы думают, что через восемь недель все будет кончено, и это возможно, поскольку военные расчеты Берлина всегда были более точными, чем политические. Но если этого не случится? Если Советская Армия окажет сопротивление более стойкое, чем буржуазные государства? Как поведут себя пролетарские массы всего мира?»¹¹¹

Бесперспективность участия Италии в войне на стороне Германии убеждала Чиано и его единомышленников в том, что и в маловероятном случае победы «оси» Италии достанется всего лишь роль европейской провинции «ве-

¹¹¹ Ibid., p. 46—47.

ликого рейха». Вот как описывает один из итальянских дипломатов в Берлине, барон Ланца, встречу Риббентропа с участниками антикоммунистического пакта в ноябре 1941 г.: «Церемония была очень пышной. Риббентроп произнес длинную речь, которая должна была служить призывом к европейскому сотрудничеству, но в действительности звучала, как приказ своим холопам. Чиано пришел в ярость. „Я хотел ответить ему в том же тоне“, — кипятился он. Неясно только, почему он этого не сделал»¹¹².

Постепенно главной заботой итальянской правящей верхушки стал Восточный фронт и Северная Африка. Битва на Волге, сразу же после которой была наголову разгромлена итальянская экспедиционная армия, произвела сильнейшее впечатление на тех, кто в силу своего служебного положения мог оценить ее истинное значение. Надо сказать, что Муссолини раньше Гитлера понял: военное счастье на Востоке окончательно изменило войскам «оси». Выступая перед своими министрами вскоре после завершения Сталинградской битвы, он говорил о том, что положение вермахта крайне тяжелое не только из-за потери целой армии, но и «главным образом потому, что русские твердо взяли в свои руки инициативу и германское командование ничего не в силах поделать»¹¹³.

В связи с этим Муссолини в начале 1943 г. высказал Гитлеру мысль, которая давно его занимала: заключить сепаратный мир с Россией, «повторить Брест-Литовск». Но если Гитлер, может быть, заблуждался больше Муссолини насчет хода дел на советско-германском фронте, то он гораздо яснее своего партнера видел полную неосуществимость подобного проекта. Поэтому на все повторные предложения Муссолини он отвечал или молчанием, или намеками на то, что «вопрос не созрел для обсуждения».

Платонические пожелания Муссолини насчет сепаратного мира с Советским Союзом объяснялись его надеждой, что таким образом страны «оси» смогут сконцентрировать свои силы на Средиземном море, откуда исходила непосредственная угроза территории Италии. Действительно, к 1943 г. итало-немецкие войска в Северной Африке потерпели решительное поражение и угроза высадки войск противника на Апеннинском полуострове начала принимать реальные очертания.

¹¹² *Simoni L.* Berlino. Ambasciata d'Italia. Roma, 1946, p. 306.

¹¹³ *Gorla G.* Op. cit., 1959, p. 392.

В октябре 1942 г. итальянский фашизм отмечал 20-летие своего пребывания у власти. Программа празднеств была разработана заблаговременно и предусматривала пышные торжества. Теперь ее пришлось свернуть: слишком очевидны были плачевные итоги, с которыми подходил итальянский фашизм к своему юбилею. Именно в это время англо-американская авиация начала систематические бомбардировки итальянских городов, донося дыхание войны до мирного населения. Правящие круги Италии — двор, аристократия, крупная буржуазия, даже часть фашистской верхушки — все чаще и тревожнее стали задумываться над неотвратимым и безрадостным грядущим. Главными действующими лицами в фашистской оппозиции были Гранди, Боттаи, Федерцони и Чиано, но у них не было никакого определенного плана, и они ограничивались сплетнями и бранью по адресу Муссолини.

Муссолини знал, что в его ближайшем окружении не все благополучно. Полицейские осведомители, ежедневно докладывавшие дуче о поведении фашистских заправил, сообщали о непочтительных высказываниях по его адресу, о подозрительных встречах, в которых участвовал и Чиано. До поры до времени Муссолини это мало беспокоило. «Стоит мне свистнуть, и они мигом мне заплодируют», — говаривал он.

Однако затем Муссолини решил, что настало время произвести «большую чистку». 4 апреля 1943 г. совершенно неожиданно были уволены почти все министры. Наибольший шум вызвало удаление Чиано, назначенного послом при Ватикане. Общее значение перемен было ясным: Муссолини лишал видных постов «группу Чиано» — тех фашистов, которые не скрывали своего пессимизма и позволяли себе критику дуче. Муссолини понимал, что Чиано не только служит символом пораженчества, но и пользуется крайней нелюбовью Гитлера и его приближенных. Таким образом, удаление Чиано должно было служить доказательством верности Германии и возвращения к политике «сильной руки».

С оппозицией королевского двора дело обстояло много сложнее. Правда, Муссолини никогда и не думал, что король осмелится предпринять какие-либо решительные шаги. Все 20 лет фашистской диктатуры король не позволял себе ничего, кроме ворчливых замечаний. Однако времена изменились, и приближение катастрофы заставило Виктора-Эммануила вспомнить о том, что Италия остается монархией, а он — король — главой государства. И если

раньше он отзывался о Муссолини не иначе, как о «великой голове», то теперь при случае стал замечать, что «дуче сильно деградировал».

Наиболее остро для итальянских правящих кругов в начале 1943 г. стоял вопрос о войне. Если Муссолини видел выход в попытке склонить Гитлера к мирным переговорам с Советским Союзом, то король и его окружение вынашивали более радикальные планы «перемены фронта»: отрыв от Германии и сепаратный мир с англо-американцами. Среди фашистов-оппозиционеров было меньше определенности по этому вопросу — все сходились на необходимости выхода из войны, но были не прочь предоставить инициативу монархии. Хотя всем было ясно, что промедление только все более осложняет положение, фашисты, разуверившиеся в Муссолини, и королевский двор продолжали бездействовать. Их заставили выйти из апатии события внутренней жизни — стремительное нарастание антифашистских настроений в стране вылилось в марте 1943 г. в широкую забастовку рабочего класса Северной Италии. Он доказал этим свою готовность к открытой борьбе. Тем временем англо-американские войска закончили операции в Северной Африке и 9 июля начали высадку на Сицилии.

Подобный ход дел вызвал панику в правящей верхушке. Последние надежды королевский двор возлагал на свидание Муссолини с Гитлером в Фельтре 19 июля, во время которого дуче намеревался заявить, что Италия не в силах продолжать войну. Однако дуче не решился на столь дерзкий шаг, и тогда король через Акварона дал указание начальнику генерального штаба Амброзио разработать план устранения Муссолини от власти. В 1944 г. король, стараясь возможно более полно отмежеваться от фашизма, писал, что решение о смещении дуче он принял еще в январе 1943 г., однако доказано, что до июня никто об этом королевском умысле не знал.

Точно так же фашисты-заговорщики, твердившие друг другу, что необходимо что-то предпринять, до последнего момента не имели определенного плана действий. Первым осмелился публично выступить против Муссолини промышленный магнат Чини, назначенный в феврале 1943 г. министром транспорта. На заседании совета министров 19 июня 1943 г., после того как Муссолини сделал обзор общего положения и предложил перейти к текущим делам, Чини неожиданно попросил слова. Он сказал, что уверения Муссолини в конечной победе его не удовлет-

воряют и следует начать широкое обсуждение создавшейся обстановки. «Пришло время,—заявил он,—реально посмотреть на вещи и решить, может ли Италия продолжать войну. Если нет, то нужно подумать о заключении мира, не ожидая последнего часа».

При этих словах на лице Муссолини, как и у присутствующих министров, отразилось крайнее изумление: с 1922 г. никто не смел так разговаривать с дуче. Но Чини еще не кончил. Партия разлагается, сказал он, население полно нетерпения и даже восстает, как это произошло на Севере; власть ускользает из рук дуче¹¹⁴.

Придя в себя, Муссолини заявил, что никакой общей дискуссии не допустит, а все, кто сомневается в победе, предстанут перед военным трибуналом. Чини вновь собрался выступить, но Муссолини закрыл заседание и поспешно удалился. Чини, вернувшись домой, написал прошение об отставке и стал ждать ареста. Но Муссолини не посмел тронуть одного из крупнейших промышленных магнатов. Более того, он сообщил Чини, что принимает отставку, но официального сообщения об этом дано не будет. Фактически в лице Чини монополистические круги Италии, стоявшие за кулисами фашизма, давали отставку Муссолини.

Выступление Чини послужило прелюдией того, что произошло через месяц на так называемом Большом фашистском совете. Еще до свидания Муссолини с Гитлером в Фельтре фашисты-заговорщики настояли на том, чтобы дуче собрал 24 июля совещание Большого фашистского совета, и каждый из них готовился выступить на нем с критикой. Инициативу взял на себя Гранди. Приехав 22 июля в Рим, он подготовил проект резолюции, основные пункты которого, по его словам, были задуманы еще в 1941 г. Резолюция предлагала передать королю командование всеми вооруженными силами и предоставить ему «ту высшую инициативу в принятии решений, которую предусматривает наше государственное устройство»¹¹⁵. В резолюции прямо не говорилось об устранении Муссолини, но по ее смыслу фашистская диктатура должна была войти в рамки конституционной монархии.

До сих пор не вполне ясен вопрос о связях между двумя группами заговорщиков. Известно только, что король знал о намерениях фашистов-раскольников гораздо

¹¹⁴ Mourin M. *Ciano contre Mussolini*. P., 1960, p. 60.

¹¹⁵ Salvatorelli L., Mira G. *Op. cit.*, p. 1046.

больше, чем они о намерениях королевского двора. Во всяком случае, в действиях короля заметно больше признаков заранее выработанного плана, чем в поведении членов фашистского совета, напомиравшем импровизацию. Всего за несколько часов до начала заседания Гранди, Федерцони, Чиано и Боттаи отредактировали окончательный текст резолюции. Даже в ходе заседания было еще далеко не ясно, чем кончится голосование, хотя большая часть присутствующих заранее уверила Гранди, что они за его проект.

Бурное заседание Большого фашистского совета, продолжавшееся всю ночь, закончилось только на рассвете. Резолюция, предложенная Гранди, была принята 19 головами против 8, при одном воздержавшемся. «Вы вызвали кризис фашистского режима», — устало заявил Муссолини, закрывая заседание. На самом деле он знал, что мнение Большого фашистского совета имеет только консультативное значение, и не очень страшился своего будущего. Он надеялся, что король, который формально должен был решать вопрос о замене главы правительства, окажет ему полную поддержку.

Действительно, добившись голосования, которое, по сути дела, означало вотум недоверия Муссолини, фашистские заговорщики обнаружили, что целиком зависят от воли короля. Поэтому сразу же после окончания заседания Гранди поспешил к Акварону, чтобы рассказать ему о ходе заседания и выяснить намерения короля. Со своей стороны Чиано также сообщил двору о случившемся. После этого заговорщики стали ждать развития событий, надеясь, что в любом случае им будут обеспечены видные места в новом правительстве.

Король и его советники решили иначе. Когда Муссолини явился в 5 часов 25 июля на доклад к Виктору-Эммануилу, король сообщил, что новым главой правительства будет Бадольо. Расстроенный диктатор при выходе из королевской виллы был окружен полицейскими офицерами: посадив дуче в санитарную машину, они отправили его под арест. В новое военно-монархическое правительство не был включен никто из видных руководителей фашистской верхушки. Воспользовавшись услугами членов Большого фашистского совета, король оставил их на произвол судьбы.

Роль Чиано во всех этих событиях была весьма значительной. После изгнания его с поста министра помещение посольства при папском престоле на улице Флами-

ния стало одним из мест, которое наиболее охотно посещали оппозиционно настроенные фашисты. Сам Чиано, обиженный Муссолини, не стеснялся в критике по адресу своего тестя. Анфузо, бывший начальник кабинета Чиано и его приятель, говорил своим близким: «Чиано по горло в заговоре». Это довольно точно отражало настроения Чиано, но неверно характеризовало сыгранную им роль. Гранди не стремился привлечь Чиано к организации свержения Муссолини и даже не посвящал его целиком в свои планы. В то же время ему было важно иметь Чиано на своей стороне. Положение зятя Муссолини могло помочь побороть сомнения тех членов Большого фашистского совета, которые сомневались в успехе или предпочитали выждать. Сам Чиано был настроен столь решительно, что был готов сделать больше того, чего от него ожидали. Так, Гранди советовал ему, выступив на заседании против внешней политики Муссолини, воздержаться при голосовании. Чиано не послушался этого совета. Он говорил сразу после Гранди, который патетически восклицал, обращаясь к Муссолини: «Сорви с себя маршальские знаки отличия и стань главой правительства его величества короля!» Выступление Чиано было выдержано в гораздо более умеренных тонах. Он избегал прямых нападок на Муссолини и ограничился критикой союза с Германией, доказывая необходимость разрыва этого блока. Муссолини слушал его с напряженным вниманием и после того, как Чиано кончил, перестал следить за речами других ораторов. «Молодой человек, вы можете заплатить за это своей головой!» — сказал Чиано председатель Особого трибунала Трингалли Казанова. Однако свой выбор Чиано уже сделал и, когда началось поименное голосование, на вопрос председателя, одобряет ли он резолюцию Гранди, ответил: «Да».

Король не включил в новое правительство никого из видных фашистов, потому что понимал непопулярность такого шага в стране и малую вероятность того, что англо-американцы захотят вести переговоры о сепаратном мире с Чиано или Гранди. Однако он считал, что Муссолини через некоторое время сможет опять вернуться на политическую арену. Но антифашистские демонстрации, последовавшие вслед за арестом Муссолини, а затем все более и более организованные выступления народных масс ввергли фашистских иерархов в панику и заставили их думать о собственном спасении. За те 45 дней, которые просуществовало правительство Бадольо до начала

немецкой оккупации, из Италии исчезли многие представители старого режима. Те из них, кто остался верен Муссолини, вместо того чтобы попытаться помочь попавшему в беду дуче, направлялись в Германию. Остальные бежали куда глаза глядят. Первым из них был Дино Гранди. Не получив министерского поста и убедившись, что его попытки выехать за границу с официальной миссией не удаются, он сбрил бороду, надел темные очки и улетел в Лиссабон.

Чиано был настроен довольно оптимистически. «Посижу месяц-другой дома, а там посмотрим»,— говорил он. Менее легкомысленно относилась к событиям жена Чиано, потрясенная арестом отца и теми антифашистскими демонстрациями, свидетельницей которых она была. Она настаивала на скорейшем выезде в Испанию. Однако Бадольо заверял Чиано, что ему ничто не угрожает, и не торопился с выдачей заграничного паспорта. Тем временем около квартиры Чиано появились полицейские агенты, и каждый его шаг стал контролироваться. Тогда графиня Чиано связалась с немецким посольством, где был подготовлен план переезда семьи Чиано в Германию, откуда, как думали супруги, им дадут возможность перебраться в Испанию.

27 августа Чиано с семьей вышел из дома и, пользуясь невнимательностью стоявших около подъезда агентов, нырнул в ожидавшую автомашину с дипломатическим номером. Проехав несколько кварталов, он пересел в немецкий военный автомобиль, который направился на аэродром. Через несколько часов Чиано и его семейство были в Мюнхене, откуда надеялись уехать в Испанию. Однако им было сказано, что отправка несколько задерживается. Каждый день находилась новый предлог, пока Чиано не понял, что попал в ловушку и что он только пленник немцев. Через некоторое время ему стало известно, что Муссолини, освобожденный 10 сентября немецкими парашютистами, также находится в Германии. Чиано направился в Хиршберг, где немцы поместили бывшего дуче, с тем чтобы узнать о своей судьбе. Муссолини, положение которого было еще далеко не определенным, не был слишком суров. Он говорил даже, что готов забыть прошлое.

Слова Муссолини вдохнули некоторую надежду в Чиано. Но для этого не было оснований. Мнение Муссолини мало что значило в глазах немцев, а Гитлер и особенно Риббентроп были полны решимости свести счеты с чело-

веком, которого давно считали своим личным врагом. Однажды возвратившись домой, Чиано застал квартиру пустой: его дети были отправлены в Италию. Через некоторое время ему сообщили, что он также будет возвращен на родину и передан властям неофашистской «итальянской социальной республики», созданной под эгидой немцев в Северной Италии. 19 октября несколько немецких полицейских проводили Чиано на аэродром. При выходе из самолета его встретили итальянские полицейские. Под их охраной Чиано привезли в Верону и водворили в одну из камер средневекового монастыря Скальци, превращенного в тюрьму.

Первые дни Чиано считал, что худшее позади, поскольку он вырвался из рук немцев. Тюремный режим был довольно либеральным, и он несколько раз виделся с женой, которая рисовала будущее в розовом цвете. Но как-то утром он обнаружил, что около его камеры вместо сонных итальянских надзирателей появились два немецких охранника в форме СС. Они служили живым доказательством того, что Гитлер и Риббентроп не были намерены упускать свою жертву. С этого момента все изменилось. Прекратились визиты жены, ослабли контакты с внешним миром. Чиано лишили прогулок в тюремном дворе, и число лиц, с которыми он мог общаться, резко сократилось.

Зато в камеру Чиано получила беспрепятственный доступ молодая элегантная немка, говорившая по-итальянски почти без акцента. Эта женщина называла себя фрау Бетц, но настоящее ее имя было Алиса фон Вендель. Дочь тюрингского аристократа, она начала свою деятельность английской разведчицей, но была раскрыта и, по выражению полковника СС Долмана, «попала в твердые руки гестапо». Немецкая разведка знала о существовании «дневников Чиано», способных, по его словам «взорвать Гитлера». Фрау Бетц должна была любой ценой узнать судьбу дневников и завладеть ими. Чиано полностью отдавал себе отчет в ее роли. «Кто эта женщина?» — спросил его товарищ по гимназии Бенини, также оказавшийся в Веронской тюрьме. «Она шпионка, — ответил Чиано. — Но я пользуюсь ею в своих целях».

Постепенно в Веронскую тюрьму стали свозить и других бывших членов Большого фашистского совета, голосовавших против Муссолини и не успевших скрыться. Сидя в одиночных камерах, они задавали себе вопрос, что это означает и какая судьба их ждет. Они еще не

отдавали себе отчета в том, что их жизнь висит на волоске.

Созданная Муссолини в сентябре 1943 г. неофашистская «республика» влачила жалкое существование. Муссолини с трудом удалось подобрать людей для создания «правительства». Германские власти не пустили его в Рим, и министерствам пришлось расположиться на берегах озера Гарда, вокруг небольшого городка Сало. Сам Муссолини, страшно похудевший и мрачный, представлял собой жалкую копию прежнего самоуверенного дуче. Одной из немногих страстей, которые сохранились в его опустошенной душе, была жажда мести. Сразу же после создания «республики Сало» были учреждены особые трибуналы для суда над всеми, кто способствовал государственному перевороту 25 июля.

14 декабря 1943 г. в Веронскую тюрьму явился следователь Червозимо. От него находившиеся там бывшие члены Большого фашистского совета узнали, что их ожидает суд по обвинению в государственной измене. Против Чиано, кроме того, выдвигалось обвинение в том, что, зная о плане заговора против Муссолини, готовившегося в начале 1943 г. начальником генерального штаба Каваллеро, он ничего об этом не сообщил.

История этого так называемого заговора до сих пор осталась невыясненной. Маршал Каваллеро считался сторонником союза с немцами и за это был даже арестован после 25 июля. 15 сентября 1943 г. труп Каваллеро нашли в парке виллы, которую занимал немецкий главнокомандующий Кессельринг. Немецкое сообщение гласило, что итальянский маршал застрелился. Однако Каваллеро был левшой, а пуля пробила ему правый висок. Что именно произошло, остается тайной. Незадолго до веронского процесса гитлеровцы передали Муссолини документ, будто бы найденный ими в кабинете Каваллеро в сентябре 1943 г. Из этого «меморандума», составленного Каваллеро в начале 1943 г., можно было понять, что он готовил план государственного переворота. Однако никаких других подтверждений этому обнаружено не было. В любом случае Чиано, крайне враждебно относившийся к Каваллеро, вряд ли мог быть в курсе его замыслов.

Открытие процесса было назначено на 8 января. Накануне Веккини — председатель трибунала — добился приема у Муссолини. Он сказал, что, учитывая тяжесть обвинений, заключенным грозит смертная казнь. «Никакое вмешательство не может изменить теперь ход собы-

тий, — ответил Муссолини. — Для меня граф Чиано уже умер. Все, кто голосовал за резолюцию Гранди, должны быть осуждены».

Нет сомнения, что Муссолини желал смертной казни для всех своих врагов. Очевидно и другое — он хорошо знал, что того же хочет Гитлер, от которого теперь целиком зависел. Предоставив итальянцам самим расправиться с «предателями», немцы внимательно следили за всем, что происходило в Вероне. Незадолго до визита Веккини Муссолини сказал своему секретарю Дольфину: «Участь графа Чиано была решена в тот самый момент, когда эсэсовцы-часовые стали на стражу у его камеры... Они обращаются с Чиано, как будто он не итальянский, а немецкий гражданин. Если бы меня не было здесь, то я не исключаю, что они покончили бы с ним без всяких процессов»¹¹⁶.

Между тем в гитлеровской верхушке не было полного единодушия насчет судьбы Чиано. В тот самый день, когда председатель особого трибунала понял, что Муссолини не склонен к милосердию, дочь бывшего диктатора поздно вечером исчезла из пансионата Раймолы, где она жила под чужим именем. Она направилась на 10-й километр Веронского шоссе, где должна была встретить немецкого эмиссара. Ей было сказано, что в обмен на дневники Чиано она получит обещание сохранить жизнь мужу. Этого хотели Гиммлер и Кальтенбруннер, которые не без оснований надеялись найти в дневниках материалы, компрометирующие их соперники Риббентропа. Однако Риббентроп в последний момент узнал об интригах Кальтенбруннера и Гиммлера и немедленно доложил об этом Гитлеру. Крайне недовольный, Гитлер сам позвонил начальнику гестапо в Северной Италии генералу Гарстеру, приказав пресечь всякие операции, касавшиеся Чиано. Это было 6 января, и жена Чиано напрасно провела на следующий вечер несколько часов на Веронском шоссе.

8 января в старинном замке Скалигеров в Вероне начался процесс над членами фашистского совета. Главной фигурой среди обвиняемых был Галеаццо Чиано. Из 19 властителей фашистской Италии, подавших голос за резолюцию Гранди, в Веронской тюрьме находилось пятеро; накануне к ним присоединили и престарелого мар-

¹¹⁶ *Vaussard M.* La Conjuratiun du grand Conseil fasciste contre Mussolini. P., 1965, p. 182.

шала Де Боно. Де Боно, которому исполнилось 77, принадлежал к числу самых старых сподвижников Муссолини. По состоянию здоровья его не помещали в тюрьму и до начала процесса он жил в своем поместье. Полагаясь на свои заслуги перед фашистским режимом, он был уверен, что ему ничто не угрожает, и не пытался скрыться.

Де Боно, подобно другим обвиняемым, если не считать Чиано, не имел никакого отношения к подготовке переворота 25 июля и подал свой голос, всего лишь присоединившись к большинству. Парески, бывший министр сельского хозяйства, и Готтарди, председатель конфедерации работников промышленности, не принадлежали к фашистской верхушке и впервые присутствовали на заседании совета. Маринелли, многие годы занимавший пост секретаря фашистской партии по административно-хозяйственной части, к 1943 г. почти совсем оглох и мало что понимал из того, что происходило в палатце Венеция 24—25 июля. Чанетти, заместитель министра корпораций, был единственным, кто, проголосовав за резолюцию Гранди, на следующее утро прислал Муссолини письмо, в котором отказывался от своего голоса и заверял дуче в своей преданности.

Главные участники событий 24—25 июля успели скрыться, и их судили заочно. Обвинительное заключение гласило, что подсудимые, «предав идею, путем преднамеренного устранения вождя фашизма и главы правительства от руководства общественными делами ослабили способность страны и ее вооруженных сил к сопротивлению, а также намеревались посягать на независимость государства»¹¹⁷. Доказательства подобного обвинения отсутствовали. Министр юстиции Пизенти, ознакомившись с обвинительным актом, недвусмысленно заявил об этом Муссолини. «Вы рассматриваете процесс с юридической точки зрения, — ответил Муссолини. — Иначе говоря, рассуждаете как юрист. Я же должен видеть его с политической точки зрения. Государственные соображения выше всего. Теперь мы должны идти до конца»¹¹⁸.

Состав суда не оставлял сомнений в том, каков будет исход. Его члены были назначены секретарем фашистской партии Паволини. Немецкий посол Ранн с удовлетворением доносил в Берлин: «Это люди, которые доказали,

¹¹⁷ *Salvatorelli L., Mira G. Op. cit., p. 1076.*

¹¹⁸ *Deakin F. Op. cit., p. 624.*

что они надежные и фанатичные фашисты: многие из них имеют высшие военные награды и, по уверению Паволини, представляют собой полную гарантию того, что, особенно по отношению к Чиано, будет вынесен смертный приговор»¹¹⁹. Члены суда настолько хорошо понимали поставленную перед ними задачу, что во время перерыва в заседаниях суда, сидя за обеденным столом, обсуждали, где и как лучше организовать расстрел подсудимых, которым они еще не вынесли приговора.

Обвиняемым разрешили иметь адвокатов, по все их попытки вызвать на суд свидетелей не увенчались успехом. В холодный зал старинного замка были допущены только надежные фашисты, несколько немецких офицеров и вездесущая фрау Бетц. После зачтения обвинительного заключения было предоставлено слово подсудимым. Все они выдвигали в разных вариантах один и тот же тезис: закон о Большом фашистском совете давал право его членам высказывать свое мнение по важнейшим вопросам жизни страны и они выполняли свой долг, не имея намерения «предавать идею» и дуче.

Ничто в их показаниях не подтверждало наличия предварительного сговора между членами совета, королевским двором и Бадольо. Единственным документом, который драматическим тоном на второй день суда огласил прокурор, был пресловутый «меморандум Каваллерио». Подлинность его и содержащиеся в нем утверждения вызывали сомнения; кроме того, никого из обвиняемых он прямо не касался.

На третий день вечером 10 января был объявлен приговор. Общая часть этого обширного и поспешно составленного документа повторяла мотивировочную часть обвинительного заключения; каждому из подсудимых предъявлялись также конкретные обвинения. Чиано было уделено наибольшее внимание. Он ничего не предпринял для того, чтобы отвратить опасность от человека, которому был всем обязан, не предупредил Муссолини о готовящемся заговоре. Он будто бы пытался проводить во внешней политике свою собственную линию, «проявляя ничем не оправданное самомнение», и не понимал, что солидарность с Германией должна быть краеугольным камнем этой политики¹²⁰.

¹¹⁹ Ibid., p. 624—625.

¹²⁰ Mourin M. Op. cit., p. 164.

Все обвиняемые (в том числе и судимые заочно), за исключением Чапетти, были приговорены к расстрелу в спину. Единственным, кто был осужден единогласно всеми членами суда, оказался Чиано. Обвиняемые, большинство которых до последнего момента считали этот процесс чем-то вроде фарса, устроенного для немцев, были сражены. Глуховатые Де Боно и Маринелли даже не разобрали приговора, зачитанного скороговоркой, и обратились за разъяснениями к находившемуся рядом Чиано. «Только он уцелел,— сказал Чиано, указывая на Чапетти,— для нас все кончено».

Приговор подлежал немедленному исполнению, и осужденным оставалась одна ночь. Они подали просьбу о помиловании, Чиано сперва отказался, но поддался уговорам остальных. Последние часы жизни осужденные посвятили исповеди и беседе с тюремным священником допом Киотом, который рассказывал им про жизнь Сократа. Наступил рассвет, но никто не приходил за ними. Они уже начали думать, что просьбы о помиловании возымели действие.

Однако задержка была вызвана тем, что Паволини никак не удавалось найти человека, который согласился бы отвергнуть просьбы о помиловании и утвердить приговор. Паволини отправился к министру юстиции, находившемуся в Брешии. Министр Пизенти заявил, что не согласен с решением суда и передает просьбы о помиловании, адресованные Муссолини, по назначению. Тогда Паволини вернулся в Верону, поднял с постели сопротивляющегося командующего местными отрядами чернорубашечников, привез его в префектуру, где, угрожая репрессиями, наконец добился желаемой подписи. Было уже 8 часов утра.

В то время как вокруг Вероны вертелась эта лихорадочная карусель, жена Чиано предпринимала последние попытки обменять мужа на его дневники. Фрау Бетц продолжала играть в этом деле главную и притом двойную роль. Она, с одной стороны, посылала генералу Гарстеру подробные донесения о поведении Чиано, а с другой — служила доверенной связной между заключенным и его женой. По словам Гарстера, именно ей принадлежала идея обмена жизни Чиано на дневники.

Несмотря на безнадежность положения, графиня Чиано решила сделать последнюю попытку. Она скрылась из Вероны, предварительно передав фрау Бетц три письма — немецкому командующему в Италии, Гитлеру

и Муссолини. Она писала дуче: «Если Галеаццо не будет через три дня в Швейцарии на тех условиях, которые я установила с немцами, то все, что я знаю и могу доказать, я использую без всякой жалости. Но если нас оставят в покое... вы никогда о нас ничего не услышите»¹²¹.

Немецкая разведка кинулась на поиски Эдды Чиано. Вдоль всей швейцарской границы была усилена охрана. В своем сообщении Гитлеру о происшедшем Кальтенбруннер писал: «Сейчас имела место попытка графини Чиано бежать из Вероны и ускользнуть из-под нашего наблюдения. Через своего доверенного она подсунула под дверь моего агента [фрау Бетц] три письма». Кальтенбруннер не хотел сразу признаваться в провале, постигшем немецкую секретную службу: Эдда Чиано в ту же ночь перешла швейцарскую границу. Туда же были доставлены дневники Чиано, которыми так жаждали завладеть гестаповцы.

В то время как Эдда делала свои первые шаги по швейцарской территории, в камеру ее мужа вошел веронский префект и сообщил, что прошение о помиловании отклонено. Сопровождавшие префекта полицейские тотчас надели на осужденного наручники. Вскоре в тюремном коридоре образовалась странная и беспорядочная процессия. Впереди шел дон Киот, читавший молитвы, за ним чернорубашечники вели осужденных. Чиано громко проклинал Муссолини, употребляя самые сильные выражения; Маринелли, совершенно потерявший самообладание, отбивался и кричал. Самым спокойным был Де Боно. «Как нарочно, я сегодня прекрасно себя чувствую,— сказал престарелый маршал,— и если бы не это, я, пожалуй, прожил бы еще десяток лет».

Осужденных на автобусе доставили на полигон форта Сан-Проколо, в пригороде Вероны, где приговор был приведен в исполнение¹²².

* * *

Веронским процессом Муссолини хотел показать, что он окончательно разорвал с прошлым. В лице Чиано и других он расправился с теми, на кого хотел свалить ответственность за банкротство фашистского режима и их собственные неудачи. Это было необходимо ему не

¹²¹ Deakin F. Op. cit., p. 631.

¹²² Ibid., p. 635.

только для удовлетворения чувства мести, но и для того, чтобы сделать последнюю попытку возродить в Италии «обновленный» фашизм. Нужно было доказать свою решимость и поднять свои акции у Гитлера, вера которого в Муссолини была сильно поколеблена. Муссолини с удовлетворением читал отчет посла в Берлине Анфузо: «Как я вам уже говорил в устной беседе, веронский процесс был для немцев пробным камнем для испытания революционных способностей итальянской республики. В последние дни ответственные круги говорили, что веронский процесс — внутреннее дело итальянцев. Однако совершенно очевидно, что политические руководители рейха считали, что процесс может завершиться только смертными приговорами. По их мнению, итальянская капитуляция, которая явилась самым серьезным покушением на существование Германии, была вызвана слабостью некоторых фашистских руководителей... Веронский процесс,— писал в заключение этот бывший приятель Чиано,— показал, что итальянская республика разрушила мосты, связывающие ее с прошлым, и намерена быть с Германией полностью и навсегда»¹²³.

Расправа с «пораженцами» подкрепила веру Гитлера в то, что карта Муссолини еще не бита. Однако уже ничто не могло поднять авторитет фашистского режима в Италии. Мало кто верил в обещания Муссолини «полностью обновить» фашизм и придать ему «революционный и антибуржуазный» характер. «Рабочий контроль», «социализация предприятий» и другие демагогические заигрывания с рабочим классом наткнулись на твердую решимость итальянских трудящихся покончить с остатками фашизма. «Социальная республика» просуществовала менее двух лет и в апрельские дни 1945 г. бесславно развалилась. Муссолини не на много пережил своего зятя.

1968 г.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МУССОЛИНИ

12 сентября 1943 г., через четыре дня после объявления о безоговорочной капитуляции фашистской Италии, передачи немецкого радио были прерваны и слышались повторяющиеся «Ахтунг, ахтунг!», которые обычно пред-

¹²³ Ibid., p. 635—636.

шествовали важным правительственным сообщением. В переданном спустя несколько минут коммюнике главной ставки Гитлера говорилось, что отряды немецких парашютистов успешно завершили операцию по освобождению главы итальянского фашизма Муссолини, который был арестован и содержится в заключении «кликлой монархистов»¹²⁴. Сообщение, переданное в столь торжественной форме, должно было несколько приподнять настроение германского населения в момент, когда капитуляция Италии нанесла еще один удар по надеждам на благоприятный для нацистской Германии исход войны.

На политической арене вновь появилась зловещая фигура итальянского дуче, о судьбе которого не было ничего слышно на протяжении почти двух месяцев.

Итальянский народ думал, что с ненавистным фашистским диктатором навсегда покончено. Он справедливо считал Муссолини главным виновником всех несчастий, которые принес Италии фашизм. Когда итальянские промышленники и латифундисты привели Муссолини к власти, казалось, что они нашли подходящую фигуру для достижения своих классовых целей. Беспринципный и честолюбивый дуче всю свою энергию и демагогические способности направил на подготовку Италии к захватнической войне. Его приводило в ярость миролюбие итальянцев, и он стремился любыми средствами превратить своих соотечественников в «воинствующую нацию».

Когда Гитлер в 1939 г. напал на Польшу, то Муссолини стал торопить итальянский генеральный штаб, требуя ускорить подготовку вооруженных сил к войне. «Нейтралитет отбросит нас во вторую группу европейских держав,— говорил он тому же Чиано.— Унизительно сидеть сложа руки, когда другие творят историю. Для того чтобы сделать народ великим, его надо заставить сражаться, пусть даже пинками в зад. Я так и сделаю»¹²⁵.

Когда танковые колонны гитлеровского вермахта ворвались в 1940 г. на территорию Франции, нетерпение Муссолини перешло в лихорадочную поспешность. 29 мая он собрал совещание начальников штабов вооруженных сил и заявил, что с 5 июня следует со дня на день ожидать приказа о начале военных действий против Франции. 10 июня, когда французское правительство ос-

¹²⁴ *Amicucci E.* 1 600 giorni di Mussolini. Roma, 1948, p. 2.

¹²⁵ *Gambetti F.* 1919—1945. Inchiesta sul fascismo. Milano, 1953, p. 254.

тавилlo Париж, Муссолини приказал собрать народ на площади Венеции в Риме. Он вышел на балкон и объявил, что Италия вступает во вторую мировую войну «для того, чтобы получить свободный доступ к океанам». Своим приближенным он объяснил принятое решение в словах, которые вошли в историю как пример холодного цинизма, поразительного даже в устах главы итальянского фашизма: «Мне необходимо несколько тысяч убитых для того, чтобы обеспечить себе место за столом мирной конференции»¹²⁶.

Самонадеянные заявления диктатора о том, что он способен заставить итальянцев «пинками в зад» создавать «новую римскую империю», вскоре были развеяны в прах. Куда бы Муссолини ни посылал своих солдат — в Грецию в Югославию, в Северную Африку и Советский Союз, — повсюду они терпели позорные поражения. Муссолини считал, что большую долю вины за это можно отнести за счет «мягкотелости» итальянцев, и призывал их быть жестокими и безжалостными — только таким путем итальянцы, по его мнению, могли превратиться в «расу господ». Он восхищался неким генералом, который обратился к своим солдатам в Албании со следующей краткой речью: «Мне говорят, что все вы добропорядочные люди. Это очень хорошо дома, но не здесь. Здесь вы должны быть ворами, бандитами и убийцами»¹²⁷.

Бедствия, которые принесла война населению, ничуть не трогали фашистского диктатора, презиравшего соотечественников. Он много раз повторял своим приближенным, что народу полезно голодать и страдать от холода. «Страдания укрепляют и закаливают народы», — говорил он 24 декабря 1940 г. Радость Муссолини вызывали также бомбардировки англо-американской авиацией итальянских городов. «Забывая» о гибели сотен и тысяч мирных жителей во время налетов, Муссолини восклицал: «Я доволен, что Неаполь переживает тяжелые ночи. Это укрепляет нацию. Война превратит неаполитанцев в нордическую расу!»¹²⁸

Само собой разумеется, что подавляющее большинство итальянцев не разделяло взглядов Муссолини на войну. Итальянские солдаты рассматривали ее как «войну фашистского режима» и отказывались умирать за интересы

¹²⁶ Trent'anni di storia italiana (1915—1945). Torino, 1961, p. 265.

¹²⁷ Gambetti F. Op. cit., p. 283.

¹²⁸ Ibid., p. 282.

правящей клики. В стране нарастали антивоенные и антифашистские настроения. В 1942 г. в Италии активизировали свою деятельность антифашистские партии и организации, в первую очередь коммунистическая партия. В том же году произошли первые массовые антивоенные выступления рабочих.

Победы, одержанные Советской Армией в 1942—1943 гг. на советско-германском фронте, оказали решающее влияние на развитие событий на других театрах военных действий, в частности в бассейне Средиземного моря. Летом 1943 г., когда развернулось великое сражение под Курском и Белгородом и основные силы фашистского блока были оттянуты на советско-германский фронт, англо-американские войска завершали последние приготовления к высадке на территорию Италии. Было ясно, что эта высадка последует со дня на день. 6 июля Муссолини выступил с речью, которая впоследствии получила наименование «речи о ватерлинии». Страсть к произнесению речей была одной из слабостей диктатора; многословные напыщенные выступления по всякому поводу и без повода следовали одно за другим на протяжении его правления. Но упоение собственным красноречием и полное пренебрежение реальными фактами не раз подводили Муссолини: существует специальная литература о том, как на протяжении короткого срока Муссолини высказывал по ряду вопросов совершенно противоположные мнения ¹²⁹.

В отличие от большинства речей Муссолини, его выступление 6 июля осталось в памяти итальянцев. Муссолини с невероятным апломбом утверждал, что не следует бояться высадки союзников, поскольку на близком расстоянии легче расправиться с противником и «все высадившиеся войска будут пригвождены к полосе, которую моряки называют ватерлинией... Таким образом можно будет сказать, что они заняли территорию Италии, но они навсегда останутся на ней в горизонтальном положении» ¹³⁰. То, что Муссолини ошибочно назвал ватерлинией полосу прибоя, вызвало у многих смех. Но не это сделало его речь «знаменитой». Прошло всего несколько дней, и 10 июля англо-американские армии начали высадку на Сицилии. Они не только без труда преодолели

¹²⁹ *Pagnotta I. Viva il capomastro. Cuneo, 1945.*

¹³⁰ *Battaglia R., Ramat R. Un popolo in lotta. Firenze, 1961, p. 285.*

прибрежную полосу, но и заняли в течение нескольких недель весь остров.

Угроза военной катастрофы заставила правящие круги Италии всерьез задуматься о выходе из войны. Кризис итальянской правящей верхушки назревал давно и был связан в первую очередь с поражениями, которые терпели войска гитлеровского блока на советско-германском фронте. «Ужасное рождество 1942 г., — записал в своем дневнике будущий участник заговора против Муссолини итальянский посол в Германии Д. Альфьери. — Драма в России не оставила никаких сомнений в неизбежности поражения Германии и того, что это будет означать для Италии»¹³¹. Однако прошло немало времени, прежде чем представители господствующего класса, тесно связавшего свою судьбу с фашизмом, начали действовать.

В марте 1943 г. по всей Северной Италии прокатилась мощная волна забастовок, не на шутку перепугавших итальянскую буржуазию. Именно в это время окончательно оформились две группы, которые начали готовить свержение Муссолини, действуя, однако, независимо друг от друга. Первую возглавляли приспешники Муссолини — Гранди, Боттаи и Федерцони, занимавшие высшие партийные и государственные посты. Видную роль в ней играл также министр иностранных дел граф Чиано. Вторая группа состояла из высших военных чинов, которыми руководил начальник генерального штаба генерал Амброзио. Она действовала с ведома и одобрения короля, формально являвшегося главой государства, и это давало ей решающие преимущества. Однако первыми выступили фашисты-заговорщики.

24 июля 1943 г. по их требованию Муссолини собрал так называемый Большой фашистский совет, имевший право принимать решения по важнейшим вопросам жизни партии и государства. К 17 часам фашистские главы, надев, как это требовал устав, черные рубашки и сапоги, стали собираться в палаццо Венеция. Господствующими чувствами были взаимная ненависть, страх, подозрения. Гранди, бывший во главе заговора, перед началом заседания исповедовался и составил завещание. Направляясь во дворец, он положил в карман две ручные гранаты.

Заседание открыл Муссолини: в своем докладе он всячески поносил итальянский генеральный штаб и вой-

¹³¹ *Alfieri D. Deux dictateurs face à face. P., 1946, p. 235.*

ска, которые, по его словам, настроены пораженчески. Когда очередь дошла до Гранди, он с необычной для приспешников Муссолини смелостью атаковал главу фашистского режима, заявив, что фашистская диктатура проиграла войну. «Среди твоих многочисленных пустых и смехотворных высказываний,— сказал он в заключение, обращаясь к Муссолини,— которые ты заставлял писать на стенах по всей Италии, имеется одна фраза, произнесенная в 1924 г.: „Пусть погибнут все фракции, в том числе и наша, лишь бы нация продолжала жить“. Сейчас настал момент, когда фракция должна погибнуть»¹³². Затем Гранди предложил передать командование вооруженными силами королю.

Обстановка в зале накалилась до предела. Начальник корпуса чернорубашечников Гальбиати грозился вызвать в зал «мушкетеров дуче». В углу бился в истерике президент сената Суардо — он уже поставил свою подпись под резолюцией Гранди и теперь боялся последствий.

Во всем этом хаосе Муссолини сохранял полную пассивность как человек, уже смирившийся с судьбой. Сгорбившись за председательским столом и прикрыв лицо ладонью, он молча выслушивал сыпавшиеся на него обвинения. Когда Гальбиати прошептал ему на ухо, что он хочет вызвать охрану и здесь же в зале расстрелять «предателей», Муссолини только устало махнул рукой. Около 3 часов утра после почти непрерывного 10-часового заседания Муссолини поставил резолюцию Гранди на голосование. Исход голосования был известен заговорщикам заранее, так как они еще до начала заседания собрали большинство подписей. За резолюцию голосовало 19 человек, против — 8¹³³. Потрясенный развязкой событий, Муссолини был неспособен ни на какие решительные шаги.

С наступлением дня Муссолини несколько пришел в себя. Он знал, что решение фашистского совета должно быть утверждено королем, и твердо надеялся на поддержку престарелого монарха, на протяжении почти 20 лет послушно выполнявшего его волю. Он не подозревал, что Виктор-Эммануил не только был в курсе событий, но уже отдал приказ начальнику генерального штаба и командиру корпуса карабинеров разработать план ареста Муссолини.

¹³² Trent'anni di storia italiana..., p. 303.

¹³³ Bianchi G. Op. cit., p. 608.

Когда в 5 часов вечера 25 июля Муссолини явился на аудиенцию к королю, последний осыпал его градом упреков. Король заявил, что итальянские солдаты не хотят сражаться за дуче, и даже привел слова песенки, которую распевали альпийские стрелки, вернувшиеся с советско-германского фронта. Эта песенка кончалась припевом: «Долой дуче, убийцу альпийских стрелков!». «Вы сейчас самый ненавистный итальянцам человек», — заявил король. В конце беседы, занявшей всего около 20 минут, он сказал, что новым главой правительства будет бывший начальник генерального штаба маршал Бадольо. Муссолини пробормотал: «Что же теперь будет со мной?» В ответ король промолчал; он хорошо знал, что ожидает отставного диктатора в ближайшем будущем¹³⁴.

Когда Муссолини вышел из королевской виллы и направился к своей машине, дорогу ему преградил капитан карабинеров Виньери. «Дуче, — сказал он, — его величество король приказал мне сопровождать вас, чтобы защитить от толпы». «Я не вижу в этом необходимости, — ответил Муссолини. — Впрочем, все равно», — и попытался сесть в машину. «Не в эту, — настаивал капитан, — а в ту». Он указал на большой санитарный автомобиль, стоявший поодаль. Муссолини не стал возражать. Он направился к машине, но, увидев внутри несколько человек, вооруженных автоматами, заколебался. Тогда капитан бесцеремонно взял дуче за локоть и, делая вид, что хочет ему помочь, затолкнул его внутрь. В тот же момент машина рванулась с места и на полной скорости направилась к запасному выезду из королевского парка¹³⁵.

В тот же вечер по радио было передано сообщение, что король принял отставку Муссолини и назначил новым главой правительства маршала Бадольо. Правительство Бадольо, просуществовавшее 45 дней, ставило перед собой две основные задачи: в области внутренней политики — не допустить революционных выступлений масс; в области внешней — выйти из войны.

С самого начала стало ясно, что правительству не удастся сдержать напор масс. Уже в ночь на 26 июля по всей Италии прокатились стихийные манифестации, продолжавшиеся весь следующий день. Население гро-

¹³⁴ Ibid., p. 663—664.

¹³⁵ Battaglia R., *Ramat R. Op. cit.*, p. 291.

милlo помещенiя фашистской партии, срывало фашистские эмблемы. Не успевших переодеться фашистов ловили на улицах, раздевали и отпускали домой в трусах. Портреты и скульптурные изображения бывшего дуче сжигали или разбивали на куски. Через несколько дней на Севере Италии начались массовые забастовки. Несмотря на запрет правительства, из подполья стали выходить антифашистские партии и организации. Под прямым давлением масс правительство было вынуждено распустить фашистскую партию и объявить амнистию политическим заключенным ¹³⁶.

Боязнь революционного взрыва в стране заставила короля и Бадольо торопиться с выходом из войны. Однако представители монархического правительства вели переговоры с англо-американским командованием крайне инертно и неумело и затянули их почти на месяц. Это дало возможность гитлеровцам, которым с самого начала были известны намерения правительства Бадольо, перебросить в Италию дополнительные силы. В результате, когда 8 сентября было объявлено о капитуляции Италии, немецкие войска в течение буквально двух дней разружили итальянскую армию и оккупировали все основные центры страны. Король и Бадольо поспешно бежали на Юг, где начали высадку союзные англо-американские войска.

Что касается Муссолини, то вскоре после ареста его доставили на о-в Понцу, издавна служивший местом ссылки. 7 августа Муссолини был разбужен среди ночи, посажен на военный катер и перевезен на о-в Маддалена. Но и здесь он пробыл недолго. Итальянская разведка узнала, что немцы обнаружили местопребывание Муссолини. На рассвете 28 августа Муссолини, уже привыкшего к ночным путешествиям, вновь отправили на материк. Гидросамолетом, а затем на санитарной машине его доставили в курортную местность Гран-Сассо, находящуюся в самой высокогорной части Апеннин ¹³⁷.

Здесь бывшего диктатора и застало перемирие, о котором он, впрочем, ничего не знал. 12 сентября Муссолини и его охранники услышали гул моторов. Выглянув в окно, они увидели несколько самолетов и планеров, которые приземлялись в окрестностях гостиницы «Кампо императоре», служившей местом заключения Муссолини.

¹³⁶ Trent'anni di storia italiana..., p. 306.

¹³⁷ Roux G. Mussolini. P., 1960, p. 422—428.

Из машин выскочили гитлеровцы. Они развернулись в цепь и бегом двинулись к зданию. Однако пускать в ход оружие не было никакой надобности. Охранявшие Муссолини карабинеры имели указание в случае попыток освобождения бывшего дуче ни в коем случае не открывать огонь и «действовать с максимальной осмотрительностью»¹³⁸. Поэтому вскоре немецкие парашютисты дружески выпивали с карабинерами, в то время как Муссолини спешно укладывал свои чемоданы.

Так называемое «похищение» Муссолини с помощью воздушного десанта в значительной мере носило характер театральной постановки. Немецкая разведка, располагавшая в Италии широкой сетью агентов, отлично знала о всех перемещениях Муссолини. Однако до того времени, пока гитлеровские войска не начали оккупации территории Италии, им не удавалось выполнить приказ Гитлера об освобождении дуче. После 8 сентября место заключения Муссолини сразу же оказалось в зоне, занятой немецкими войсками. Поэтому когда парашютисты во главе со Скорцени приблизились к зданию, где содержался Муссолини, то они заметили группу немецких солдат, двигавшихся в том же направлении. Это были подразделения, прибывшие на грузовиках из Рима. Они беспрепятственно поднялись к гостинице на фуникулере, взяв в качестве проводящих карабинеров, несших охрану у подножия горы. Несмотря на весь шум, поднятый вскоре вокруг «похищения Муссолини», прав был командир корпуса карабинеров Солети, назвавший эту операцию «спортивным трюком»¹³⁹. Солети сопровождал немецких парашютистов и был свидетелем всех этих событий.

14 сентября Муссолини привезли в ставку Гитлера в Восточной Пруссии, где к тому времени уже собрались многие бывшие главари итальянского фашизма, бежавшие в Германию после государственного переворота. Здесь находились известные своим германофильством представители фашистской верхушки Фариначчи и Прециози, сын Муссолини Витторио, бывший министр корпораций Риччи. Там же оказался бывший министр иностранных дел Чиано, принимавший активное участие в заговоре против Муссолини и полагавший, что ему удастся бежать в Испанию. Наибольшую активность проявлял

¹³⁸ *Amicucci E.* Op. cit., p. 9.

¹³⁹ *Ibid.*, p. 13.

бывший министр Паволини, надеявшийся стать с помощью немцев премьер-министром.

После бесславного краха фашистской диктатуры в Италии, измены ближайших приспешников и полуторамесячного пребывания под арестом у Муссолини не осталось и следа былой спеси. Все, кто видел в то время Муссолини, описывают его как постаревшего, сгорбившегося и похудевшего человека, с беспокойным взглядом, абсолютно инертного. Гражданская одежда болталась на нем как на вешалке, а надвинутая на уши шляпа делала смешной его мрачно нахохленную фигуру. «Я считаю себя на три четверти мертвецом», — писал в те дни Муссолини своей сестре и был недалек от истины¹⁴⁰.

Соображения, которые заставили Гитлера «возродить» Муссолини, весьма просты. Открыто объявив об установлении оккупационного режима в Италии, гитлеровцы встретили бы враждебное отношение всего населения, в то время как, поставив во главе фашистов Муссолини и создав под его руководством марионеточное «национальное правительство» Италии, они могли рассчитывать на раскол среди итальянцев или во всяком случае на замешательство, необходимое немцам для укрепления их позиций.

Формирование такого правительства было довольно сложной задачей. Муссолини послал в Италию энергичного Паволини, обещая ему пост секретаря фашистской партии. Этот последний заверил Муссолини, что у него имеется список на 40 человек, которые охотно вошли бы в правительство. Однако после многодневных поисков Паволини удалось отыскать только трех человек из этого списка, которые согласились связать свою судьбу с возрождаемым фашизмом. Остальных или нельзя было обнаружить, или они находили всяческие предлоги для отказа. Поэтому формирование правительства затянулось, и только в ночь на 23 сентября в уединенном замке под Мюнхеном, где немцы содержали Муссолини, был утвержден список членов последнего фашистского правительства. Оно было целиком творением Паволини, который для назначения угодных ему людей использовал свои связи с немцами. Достаточно было сказать, что этого желают немцы, как Муссолини немедленно соглашался. Так, на ключевой пост министра внутренних дел был назначен ненавистный Муссолини Буффарини Гуиди. Для

¹⁴⁰ *Monelli P. Mussolini piccolo borghese. Milano, 1959, p. 322.*

его утверждения главному резиденту гитлеровской разведки в Италии полковнику Дольману стоило лишь заявить Гитлеру: «За Буффарини Гуиди я ручаюсь как за самого себя», — а затем повторить то же самое Гиммлеру. Для Гитлера, так же как и для начальника гитлеровской полиции, было абсолютно все равно, кто будет министром внутренних дел в Италии, так как они были полны решимости править сами. Но это назначение устраивало Паволини и Дольмана. Беспринципный и жадный Дольман хорошо знал, чего хотел: извлекая личные выгоды (Буффарини открыто давал ему взятки и находил всяческие другие способы содействовать его обогащению), он к тому же приставлял к Муссолини надежного информатора¹⁴¹. Точно так же волею немцев видный пост в «республике» был отдан Фариначчи за то, что во время заседания Большого фашистского совета 24 июля 1943 г. он внес резолюцию (собравшую один голос), в которой предлагал полное подчинение итальянской армии немцам.

Все время, пока длились маневры, связанные с формированием правительства, Муссолини находился под Мюнхеном. Он довольно безучастно относился ко всему происходящему. Большую часть времени он посвящал просмотру газетных подшивок за 45 дней, которые провел в заключении. Он старательно подчеркивал все касающиеся его лично места красным и синим карандашами и делал исправления там, где находил фактические неточности. До последнего момента Муссолини надеялся, что немцы позволят ему вернуться в Рим. Гитлер держал его в таком полном неведении относительно своих намерений, что, когда 27 сентября бывший диктатор был посажен в самолет для отправки в Италию, он не знал, куда летит. «Мы летим в Рим?» — спросил он с заискивающей улыбкой сопровождавшего его генерала СС Вольфа. Вольф ответил ему гримасой, которая ясно говорила о том, что по воле Гитлера Муссолини никогда не появится больше в столице Италии¹⁴².

Немцы водворили его в Гарньяно — небольшое местечко на оз. Гарда, неподалеку от курорта Сало, где расположились министерства марионеточной республики, названной по имени этого городка. К резиденции Муссолини вела единственная дорога, находившаяся под неослабным контролем эсэсовцев. Немецкие часовые постоян-

¹⁴¹ *Bellotti F.* La repubblica di Mussolini. Milano, 1947.

¹⁴² *Monelli P.* Op. cit., p. 324.

но находились также перед домом Муссолини и даже у входа в его кабинет. Попытки Муссолини протестовать не имели успеха, и он до конца своих дней был вынужден жить под неусыпным надзором солдат в черных мундирах.

Как отмечают люди, наблюдавшие его в то время, Муссолини вел как бы двойную жизнь. С одной стороны, имелся «домашний» Муссолини, опустившийся, бродивший без дела по дому в старом военном мундире без знаков отличия и заводивший беседы на отвлеченные темы со всеми, кто только встречался ему. Под вечер он по привычке зажигал свет в служебном кабинете — так на протяжении многих лет он делал в палатце Венеция в Риме, чтобы люди думали, что дуче работает денно и нощно, — а сам отправлялся через черный ход к Кларетте Петаччи, которую генерал Вольф заботливо поместил в соседней вилле. «Официальный дуче» находился целиком под влиянием Паволини и выполнял волю немцев. Муссолини-человек знал, что игра проиграна, и выражал это довольно открыто. Муссолини-дуче заявлял, что верит в германскую победу, и пытался внушить всем веру в германское секретное оружие.

Пожалуй, две страсти всерьез владели в этот последний период жизни бывшим диктатором — жажда мести по отношению ко всем, кто был причастен к его падению, и стремление реабилитировать себя перед историей. С этой целью он начал писать мемуары под названием «История одного года», в которых всячески поносил короля, Бадольо и всех «предавших» его фашистов. Мемуары чаще всего пишутся для самооправдания. Но в стремлении превознести себя Муссолини переходил все границы. Он писал о себе в третьем лице, именуя себя «вождем фашизма», «главой итальянской нации», и прибегал в апологетике собственной персоны к самой бесстыдной фальсификации. Вместе с тем следует отметить, что буквально на каждом шагу гитлеровцы давали понять Муссолини, что не допустят никаких действий, которые он захотел бы предпринять в обход немецких соглядатаев. Это полностью соответствовало тем инструкциям, которые немецкие представители получали сверху. Во время свидания Муссолини с Гитлером, 20 июля 1944 г., при расставании фюрер горячо обнял Муссолини, воскликнув: «Вы мой лучший, а может быть, единственный друг в мире!» Это было сказано так прочувствованно, что присутствовавший при этом немецкий посол при «респуб-

лике Сало» Ранн на миг даже поверил в искренность Гитлера. «Однако через две минуты,— пишет Ранн,— когда наступила моя очередь прощаться с Гитлером, он выразительно взглянул на спину Муссолини и шепнул мне: „Ранн, будьте начеку“»¹⁴³.

Далеко не всегда обуревавшая Муссолини жажда мести облекалась в безобидную беллетристическую форму. На первом же заседании совета министров был создан Особый трибунал для расправы над участниками заговора 25 июля 1943 г., оказавшимися на территории Северной Италии. Сурового наказания «предателей» с самого начала требовал Гитлер, и это целиком соответствовало стремлениям Муссолини. Однако сложность положения для него заключалась в том, что среди главарей заговора фигурировал его зять — бывший министр иностранных дел Чиано.

Помимо родственных чувств, связывавших Муссолини с Чиано, имелось еще одно обстоятельство, заставлявшее Муссолини возражать против казни зятя. Дело в том, что его дочь угрожала в случае осуждения мужа опубликовать дневники Чиано, которые она успела переправить в Швейцарию и которые, как справедливо опасался Муссолини, содержали много материалов, компрометировавших его лично. Чиано вел эти дневники на протяжении ряда лет, ежедневно записывая высказывания Муссолини и других видных фашистов, сделанные в интимных беседах.

Однако немцы были непреклонны — Чиано должен был умереть. Того же требовали Паволини, Буффарини Гуиди и некоторые другие фашисты, боявшиеся возвращения Чиано к политической жизни. При этом наибольшую настойчивость проявлял Паволини, хотя своей политической карьерой он был обязан именно Чиано, который сначала объявил посредственного дилетанта Паволини видным писателем, а затем сделал министром.

В январе 1944 г. в Вероне состоялся процесс над членами Большого фашистского совета, выступившими против Муссолини на заседании 25 июля 1943 г. и не успевшими или не захотевшими скрыться за границу. Всем было ясно, что речь идет о политической мести, поскольку заговорщики действовали с ведома и одобрения короля, формально главы государства, и всячески заботились о

¹⁴³ Ibid., p. 345.

соблюдении конституционных норм. Тем не менее главные обвиняемые — престарелый маршал Де Боно, бывшие министры Чиано, Парески, Чанетти и Маринелли — были приговорены к расстрелу и казнены. Муссолини не скрывал, что решающее значение в судьбе Чиано сыграла позиция немцев. Через несколько дней после расстрела он сказал в интервью японскому корреспонденту: «Если бы Чиано предал только меня или фашизм, то он мог бы еще спастись, но он предал немецких союзников и должен был поплатиться»¹⁴⁴. Трудно было яснее признать, что глава «республики Сало» занимает свой пост лишь для того, чтобы выполнять волю гитлеровцев, даже если он с ней не согласен.

Расправа с бывшими приспешниками как бы разожгла жажду крови у Муссолини. «Теперь, когда мы начали рубить головы, мы должны идти в этом до конца», — заявил он одному из своих министров¹⁴⁵. Муссолини лично составил список 200 видных фашистов, которых следовало судить Особым трибуналом, и передал его начальнику полиции.

Фашистские особые трибуналы были созданы во всех провинциях, оккупированных немцами. Разбирая дела фашистов-«предателей», они основное внимание вскоре переключили на борьбу с зарождавшимся партизанским движением. В одном из первых после образования «республики Сало» выступлений по радио Муссолини заявил, что главной задачей нового правительства является возрождение итальянской армии и продолжение войны на стороне Германии. На деле все силы многочисленных военных и полицейских формирований, которые стали создаваться в Северной Италии, сразу же были направлены на борьбу с партизанами.

Однако все эти армейские и полицейские части оказались не в состоянии затормозить развитие партизанского антифашистского движения. Движение возглавили антифашистские партии, которые, объединившись в подпольные комитеты национального освобождения, стали его политическими руководителями. Истинным инициатором и вдохновителем борьбы масс была Итальянская коммунистическая партия, располагавшая наибольшим количеством партизанских отрядов в горах и руководившая

¹⁴⁴ *Bellotti F.* Op. cit., p. 118.

¹⁴⁵ *Monelli P.* Op. cit., p. 339.

рабочими на предприятиях. Уже к весне 1944 г. партизанские вооруженные силы, ядром которых были созданные коммунистами гарибальдийские бригады, насчитывали в горах более 30 тыс. человек; кроме того, многочисленные группы патриотического действия боролись в городах.

Весной и летом 1944 г. партизанская армия численно намного увеличилась. В этот период англо-американские войска, высадившиеся на территории Италии еще в сентябре 1943 г. и протоптавшие всю зиму на полпути между Неаполем и Римом, медленно, но неуклонно двигались на север. В июне они заняли Рим, затем Флоренцию и в октябре подошли к так называемой готской линии обороны немцев, проходившей по Апеннинскому хребту. Это создавало впечатление скорого освобождения от немецкой оккупации всей долины реки По. Ширилось движение Сопротивления. Действия партизанских бригад и дивизий напоминали в то время наступление регулярной армии: патриоты вели сражения крупными силами, вытесняя фашистов из горных долин и селений, освобождая и удерживая в своих руках целые районы. Умножалось число «партизанских республик», в которых вся власть принадлежала комитетам национального освобождения.

Среди главарей «республики Сало» все эти события вызвали настоящую панику. Призванные в армию новобранцы разбегались или уходили к партизанам. Фашистам не могли помочь ни расправы с теми, кто помогал партизанам, ни поголовное зачисление членов партии в «черные бригады». По приказу Паволини все фашисты от 18 до 60 лет должны были одеть черные рубахи и участвовать в действиях против «мятежников», как фашисты называли партизан. На стороне «республики Сало» в то время остались только те, кому немцы разрешали набивать нечестными путями свой чемоданы. Итальянцы потеряли всякое доверие к Муссолини, и он сознавал это. «Если бы я сейчас обещал итальянцам золотые монеты, то никто бы не поверил. Если бы я стал раздавать эти монеты, то их брали бы с глубокой уверенностью, что они фальшивые. А если специалисты сказали бы, что они подлинные, то итальянцы подумали, что теперь золото ничего не стоит. Дело обстоит именно так, и ничто не может этого изменить», — говорил он Валерио Боргезе¹⁴⁶,

¹⁴⁶ *Bellotti F.* Op. cit., p. 130.

в то время командиру 10-й флотилии торпедных катеров особого назначения.

Казалось, конец немецкой оккупации близок и дни «республики Сало» сочтены. Однако неожиданное прекращение англо-американского наступления в октябре 1944 г. дало марионеточной республике передышку и продлило ее существование. Германское командование, которое из обращения английского фельдмаршала Александра по радио узнало о том, что англо-американцы не намерены продолжать наступление зимой, сняло с фронта около трети своих дивизий и бросило их против партизан.

Последние месяцы 1944 г. были самым трудным периодом для движения Сопротивления: партизаны были вынуждены выдерживать атаки регулярных немецких войск, которым помогали осмелевшие итальянские фашисты. Однако судьба войны решалась мощным натиском советских армий, наступавших на Германию. Это хорошо понимали и итальянские фашисты. Поэтому предоставившаяся передышка была ими использована для попыток спастись. Фашистская пресса как по команде запестрела призывами к партизанам «протянуть руку над баррикадой», «вспомнить о национальной солидарности»; на предприятиях в срочном порядке проводилась «социализация», которая, по мысли Муссолини, должна была облегчить соглашение с антифашистским движением.

Особенно настойчиво использовались всякие возможности для контактов с англо-американцами. В январе 1945 г. из Рима в Северную Италию прибыла военная миссия в составе двух союзных и двух итальянских офицеров. Их задача заключалась в выяснении условий сдачи фашистской армии. Командующий войсками «республики Сало» Грациани, который вел эти переговоры, решил доложить о них Муссолини. Последний одобрительно отнесся к идее переговоров, но заявил, что свое мнение он выскажет на следующий день,— видимо, для того, чтобы не показать, что он слишком спешит. Это промедление оказалось роковым для дуче. Как ни скрывали фашисты от немцев прибытие миссии, глава эсэсовцев Вольф узнал об этом в тот же вечер. Но произошло нечто неожиданное. Вместо того чтобы арестовать союзных офицеров, Вольф пригласил их к себе в кабинет и дал ясно понять, что он ничего не имеет против переговоров о капитуляции всех немецких сил в Северной Италии. Вначале союзные офицеры не могли поверить своим ушам: прибыв для заключения соглашения, касающегося итальянской фа-

пийстской армии, которой практически не существовало, и больше всего опасаясь, что об их миссии прослышат немцы, они неожиданно оказались перед перспективой занятия без единого выстрела всей Северной Италии¹⁴⁷.

Эта союзная миссия сыграла важную роль в установлении контактов между главой эсэсовцев в Италии и англо-американцами. Начиная с февраля 1945 г. Вольф наладил постоянную связь с представителями англо-американского командования через миланского кардинала Шустера и непосредственно через главу американской разведки в Европе Аллена Даллеса, находившегося в Швейцарии. Это обстоятельство сыграло важную роль в судьбе Муссолини и его «республики».

Весной 1945 г. Муссолини несколько раз пытался завязать сношения с англо-американцами и правительством Бадольо. При этом он также действовал через кардинала Шустера, служившего посредником генералу Вольфу. Однако англо-американцы предпочитали вести переговоры непосредственно с Вольфом, получившим к тому времени от Гитлера полномочия для ведения переговоров. А итальянское правительство, находившееся в Риме, могло предложить Муссолини только безоговорочную капитуляцию.

Решающее наступление Советской Армии весной 1945 г. вызвало мощный подъем движения Сопротивления во всех странах Европы. Итальянские партизаны также готовились к решающим схваткам. Уже в марте наступление приняло широкие масштабы. Деятельно велась подготовка ко всеобщему восстанию, которое должно было увенчать борьбу. Планы восстания были давно разработаны, партизанские дивизии уже получили задания. Однако час финального сражения откладывался из-за того, что англо-американские армии на итальянском фронте медлили с началом весеннего наступления. В известной мере это объяснялось тем, что их командование ожидало результатов переговоров с представителями немецкого командования. Лишь после того как Советское правительство, узнав о переговорах с Вольфом, выразило против них решительный протест, англичане и американцы перестали надеяться на сепаратную сделку и двинулись вперед¹⁴⁸.

Уже на следующий день, 10 апреля, компартия Италии разослала инструкцию, в которой указывалось, что

¹⁴⁷ Ibid., p. 213.

¹⁴⁸ Розанов Г. Л. Последние дни Гитлера. М., 1962, с. 34—35.

все партизанские силы должны быть готовы к восстанию. Действия армии итальянских патриотов, насчитывавшей в своих рядах более 130 тыс. бойцов, приобрели характер «марша на сближение» — бригады и дивизии спускались с гор и все теснее сжимали кольцо вокруг крупных городов. 19 апреля при подходе англо-американцев к Болонье горные бригады, соединившись с патриотами, действовавшими в городе, завязали открытый бой с немецким гарнизоном в столице Эмилии и после трехдневного боя освободили город. 18 апреля началась всеобщая забастовка в Турине, находившемся в глубоком тылу у немцев; вскоре она переросла в вооруженное восстание. 24 апреля, когда англо-американцы находились за сотни километров от главных городов Северной Италии, Комитет национального освобождения принял решение о начале всеобщего восстания. Практически в этот день бои с фашистами велись уже повсюду.

Муссолини в то время безвыездно находился в Гарньяно. Он еще продолжал по инерции смещать и назначать министров, отдавать распоряжения и приказы, но это была лишь видимость деятельности. Немецкий врач Захарис, приставленный Гитлером к Муссолини, описывает его как человека, «находившегося в состоянии полной физической и моральной депрессии, абсолютно лишённого энергии и способности соображать»¹⁴⁹. С одной стороны, Муссолини давал задание Паволини подготовить «последний редут» в Тироле, где итальянские фашисты смогли бы отсидеться в ожидании, когда Гитлер пустит в ход свое «секретное оружие», а с другой — обсуждал с главой полиции Тамбурини проект побега на подводной лодке в Полинезию или Японию. Немцы тщательно скрывали от него свою связь с англо-американцами. Марчелло Петаччи, брат любовницы Муссолини, долгое время бывший наушником «дуче», прослышал, что немцы ведут тайные переговоры с союзниками о сдаче. Но когда обеспокоенный Муссолини спросил у Вольфа, правда ли это, то Вольф прикинулся оскорбленным и разразился потоком упреков¹⁵⁰.

Тем не менее Муссолини решил покинуть Гарньяно и приехать в Милан, для того чтобы быть ближе к событиям. 17 апреля в сопровождении свиты эсэсовцев он прибыл в миланскую префектуру. Журналист Амикуччи,

¹⁴⁹ *Monelli P.* Op. cit., p. 346.

¹⁵⁰ *Ibid.*, p. 213.

близко знавший Муссолини, пишет, что к этому времени Муссолини окончательно остановился на плане отступления в горную долину Вальтеллину, находящуюся на границе с Австрией и связанную с баварским редутом Гитлера. Автор этого проекта Паволини предполагал сосредоточить в Милане все оставшиеся фашистские силы, которые прикрыли бы отступление правительства в Альпы. Любовь к театральной позе, столь свойственная Муссолини, еще не оставила его в то время. Он включил в программу своего пребывания в Милане прощальное обращение к итальянцам, которое он намеревался зачитать по радио, а также торжественный молебен в миланском соборе по всем погибшим в войне ¹⁵¹.

Однако события стали развиваться столь стремительно, что ему пришлось отказаться как от торжественного молебна, так и от оглашения политического завещания, текст которого был уже написан. В здании городской префектуры, где обосновался Муссолини, один за другим собирались фашистские главари. Об обстановке в эти дни один очевидец писал: «Во дворе префектуры, на лестницах, в комнатах царила страшная неразбериха. Прибытие Муссолини только увеличило беспорядок. Министры, генералы, офицеры и солдаты металась во всех направлениях, что-то говорили возбужденно, спорили, проклинали и жаловались» ¹⁵².

Муссолини в эти дни совсем потерял голову: он отдавал приказ строить в Милане укрепления и заявлял, что превратит этот город в неприступную крепость, то угрожал, что бросит все и уедет обратно в Гарньяно. Но главное для него было узнать, что думают делать немцы. Для этого Муссолини подсылал своих приближенных, сам пытался найти Вольфа, сделавшегося вдруг неуловимым. Однако все было напрасно: гитлеровцы продолжали твердить, что положение не так уж трагично и что они со дня на день ожидают пуска в ход «секретного оружия».

21 апреля Муссолини собрал узкий круг приближенных для обсуждения положения. Паволини доложил, что он отдал приказ всем чернорубашечникам Венето, Эм依лии и Лигурии любой ценой пробиваться к Милану и далее в Комо для отступления в Вальтеллину. По его словам, в ближайшие дни в Комо должно было собраться

¹⁵¹ *Amicucci E.* Op. cit., p. 249.

¹⁵² *Roux G.* Op. cit., p. 460.

30—50 тыс. преданных фашистов, готовых умереть за дуче. Присутствовавший при этом Грациани впал в истерику и начал кричать, что пора покончить с иллюзиями и надо срочно сдаваться. Разъяренный Паволини удалился, а Муссолини, чтобы несколько восстановить свое душевное равновесие, приказал показать фильм о его визите в Милан в декабре 1944 г., когда фашисты инсценировали ему приветственную встречу¹⁵³.

Между тем «республике Сало» осталось жить считанные дни. 23 апреля англо-американцы вступили в Парму. Кремона и Мантуя не отвечали по телефону, так как фашистская администрация этих городов разбежалась. В этот момент в события решили вмешаться представители миланских промышленников, заинтересованных в том, чтобы смена властей в городе произошла по возможности спокойно, без активного выступления народных масс. 24 апреля к Муссолини явился промышленник Челла. Он передал предложение кардинала Шустера встретиться с представителями Комитета национального освобождения Северной Италии для переговоров о возможном перемирии. Муссолини охотно согласился.

Эта встреча состоялась на следующий день в кардинальском дворце. Комитет национального освобождения, собравшись последний раз нелегально рано утром 25 апреля, выделил своих представителей для переговоров — командующего партизанскими силами генерала Кадорну, члена комитета христианского демократа Мараццу, а также представителя комитета по проведению восстания члена Партии действия Рикардо Ломбарди. Им было поручено потребовать безусловной капитуляции фашистских сил, не вступать в обсуждение других вопросов и не затягивать переговоры более чем на один час¹⁵⁴.

Рикардо Ломбарди передает, как протекала эта встреча: «Кардинал попросил уточнить предложения Главного командования Корпуса добровольцев свободы: в ответ Марацца сообщил, что наш мандат ограничивается требованием безоговорочной капитуляции; Муссолини заметил, что он удивлен и „ожидал иного“. Мы вновь подтвердили наши цели и ограниченность полномочий, добавив, что корпус обещает неприкосновенность семьям фашистских руководителей, которые сдадутся без сопротивления, в то время как судьбу руководителей будут

¹⁵³ *Amicucci E.* Op. cit., p. 254.

¹⁵⁴ *Trent' anni di storia italiana...*, p. 385.

решать трибуналы на основании имеющихся законов. На вопрос о том, подразумеваются ли военные законы или законы мирного времени, мы ограничились повторением „действующие законы“. Этим самым мы подтверждали исключительное право Комитета национального освобождения Северной Италии принимать решение о судьбе главных представителей фашизма, что полностью соответствовало требованию безусловной капитуляции. Вмешался Грациани, который заявил, что его глубоко поразил сам факт переговоров о капитуляции, когда немцы со своей стороны уже ведут переговоры с союзниками. Муссолини был изумлен и обескуражен этой новостью, он неопределенно заявил, что намерен „как следует поговорить“ с немцами, для чего ему нужно время. Поэтому он попросил прервать переговоры, обещав в течение часа сообщить кардиналу свой ответ на предложения Комитета национального освобождения»¹⁵⁵.

Муссолини покинул дворец кардинала, проклиная немцев, бросивших его на произвол судьбы. «Они всегда обращались с нами как со слугами, а теперь они меня предали!» — кричал он в запальчивости в адрес немцев и угрожал немедленно объявить по радио об их измене¹⁵⁶. В префектуре Муссолини застал ожидавших его фашистов. Некоторое время он выслушивал самые противоречивые советы. Но вот к Муссолини, запыхавшись, явился префект Милана Пьенго, задержавшийся у кардинала. Он рассказал, что во дворец прибыл решительно настроенный представитель социалистической партии С. Пертини и заявил, что Муссолини будет судить народный трибунал. При рассказе Пьенго Муссолини полностью потерял самообладание. Не оставив никаких распоряжений, он бросился в автомашину, подготовленную ему Паволини, и приказал отправляться в Комо. Пример Муссолини подействовал на всех как сигнал «спасайся кто может». Началось беспорядочное бегство фашистских министров и генералов — в этот момент каждый из них уже думал только о спасении собственной жизни...

Около 9 часов вечера 25 апреля колонна, состоявшая из трех десятков автомашин, во главе которой шел немецкий тапк и несколько броневиков легиона «Мути», прибыла к муниципалитету города Комо. Муссолини рассчитывал найти там тысячи «верных фашистов», так как

¹⁵⁵ Ibid., p. 386.

¹⁵⁶ *Tamaro A.* Due anni di storia. Roma, 1950, vol. 2, p. 598.

миланское радио, несколько раз повторило приказ Паволини о сборе в Комо всех чернорубашечников. Однако во дворе муниципалитета толпилось лишь несколько десятков человек.

Всю ночь и следующий день Муссолини и сопровождавшие его фашистские главари метались по дороге, которая ведет от Комо на север. Они тщетно ожидали прибытия из Милана 5 тыс. фашистов, которых должен был привести Паволини. Надежда на их прибытие постепенно таяла, и Муссолини стали покидать его ближайшие приспешники. Грациани, даже не предупредив Муссолини, откололся от колонны и направился обратно к Милану, надеясь сдать англо-американцам. Буффарини Гуиди и несколько фашистских префектов попытались пробраться в Швейцарию, но были задержаны на границе партизанами. Другая группа фашистских заправил, в том числе командир легиона «Мути» полковник Коломбо и сын Муссолини Витторио, вернулась в Комо.

В этот день, 26 апреля, пламя народного восстания бушевало уже по всей Северной Италии. Радио Милана, перешедшее в руки патриотов, призывало к победоносному завершению борьбы и передавало первые декреты вышедшего из подполья Комитета национального освобождения. Во время одной из остановок колонны Муссолини кто-то включил репродуктор в тот момент, когда из Милана передавался приказ Кадорны всем партизанским соединениям найти и арестовать беглого диктатора. Кольцо вокруг кучки фашистских главарей сжималось все теснее. Поздно ночью появился столь нетерпеливо ожидаемый Паволини. Он прибыл на броневике с группой высших чиновников фашистской партии. Отряд в 5 тыс. фашистов оказался плодом его фантазии.

Было ясно, что помощи ждать неоткуда. Муссолини приказал двигаться по дороге на север. Через несколько километров он остановил свою машину и спросил у случайного прохожего, есть ли здесь поблизости партизаны, на что прохожий ответил, что партизаны повсюду¹⁵⁷. Испуганный Муссолини поспешил оставить автомобиль и пересел в броневик.

Вскоре караван фашистских машин пристроился к колонне немецких грузовых машин, на которых отступала немецкая часть противоздушной обороны. Некоторое

¹⁵⁷ *Monelli P. Op. cit., p. 358.*

время колонна беспрепятственно продолжала свой путь, однако перед местечком Донго была остановлена партизанами.

Это были бойцы 52-й гарибальдийской бригады, действовавшей в районе шоссе, идущего вдоль озера Комо к швейцарской и австрийской границам. В зимних и весенних боях бригада понесла большие потери, ее командир и комиссары были убиты. Накануне апрельского восстания в бригаде насчитывалось 69 человек, однако в своем большинстве это были необстрелянные новобранцы, недавно пришедшие в горы и еще не успевшие как следует вооружиться. Новый командир бригады Педро (граф Беллини делле Стелле), бывший кавалерийский офицер, начал боевой путь рядовым партизаном в июне 1944 г. Он провел в горах всю тяжелую зиму и показал себя мужественным бойцом. Весной 1945 г. Педро организовал «летучий» отряд, который, передвигаясь на автомашинах и действуя на большом удалении от партизанской базы, наносил чувствительные потери фашистским гарнизонам. В конце марта он принял командование бригадой. Комиссар бригады Билл (Урбани Ладзаро) был до войны служащим таможенной полиции. После создания фашистской республики он отказался присягнуть Муссолини и бежал в Швейцарию. В сентябре 1944 г. он вернулся, чтобы с оружием в руках сражаться за свободу своей родины. В 1962 г. боевые друзья опубликовали книгу, в которой, используя записи, сделанные непосредственно после окончания войны, подробно рассказали о боевом пути 52-й бригады и ее последней боевой операции — пленении Муссолини¹⁵⁸.

26 апреля бойцы 52-й бригады спустились с гор и разоружили фашистские гарнизоны нескольких населенных пунктов. На следующее утро они готовились начать наступление на городок Менаджо, где большая группа фашистов продолжала сопротивляться. Однако на рассвете командир и комиссар были разбужены связным, сообщившим, что передовой пост в Донго, освобожденном партизанами накануне, задержал большую колонну грузовиков с немецкими солдатами. После короткой перестрелки немецкий капитан, командовавший колонной, поднял белый флаг и предложил начать переговоры. Педро немедленно отправился на пост, где было всего 18 парти-

¹⁵⁸ *Bellini delle Stelle P. L., Lazzaro U. Dongo, ultima azione. Verona, 1962.*

зан, а Билла послал в Донго, для того чтобы организовать оборону.

«В половине восьмого я встретился с немецким капитаном, представился ему командиром партизанской зоны и спросил, чего он желает,— рассказывает Педро.

— Я получил приказ следовать в Мерано,— ответил капитан,— и намерен прибыть туда со всеми своими людьми. Из Мерано мы направимся в Германию и будем продолжать войну против союзников. Мы не намерены сражаться против итальянцев.

— Я же получил приказ останавливать все колонны противника и не пропускать никого. Поэтому сдавайтесь, и я обещаю сохранить вам жизнь.

Само собой разумеется, что подобный приказ существовал только в моем воображении. Но „приказ сверху“ всегда производит впечатление на солдат, тем более немецких.

— Но между вашим и нашим командованием имеется соглашение о том, что мы, немцы, не должны нападать на партизан, а партизаны должны нас беспрепятственно пропускать.

— Я не получал подобного приказа.

— Однако, как видите, мы добрались сюда из Милана без выстрела. Значит соглашение существует.

— Это только значит, что вы не встретили партизанских отрядов или они были недостаточно сильны для того, чтобы атаковать вас. Здесь положение иное. Мы хозяева всей зоны, мы занимаем выгодные позиции, и в моем распоряжении много бойцов. Вы находитесь под прицелом моих минометов и пулеметов: они в состоянии уничтожить вас в течение 15 минут.

Я заметил, что немецкий командир не жаждет сражения, может быть, потому, что думал, что война кончена и не к чему рисковать. У меня также создалось впечатление, что он блефует, думая заставить меня поверить, что он готов сопротивляться. Поэтому мне следовало блефовать еще больше и высказывать еще больше решительности и уверенности. Кроме всего прочего, он не мог знать, как обстоят дела в действительности, и, конечно, не подозревал, что нас так мало и что большая часть моих сил состоит из людей, собранных в последний момент»¹⁵⁹.

¹⁵⁹ *Bellini delle Stelle P. L., Lazzaro U. Op. cit., p. 133—134.*

Переговоры Педро с немецким капитаном длились 5 часов. Исходя из того, что наиболее ожесточенное сопротивление следовало ожидать от итальянских фашистов, присоединившихся к колонне, Педро решил попытаться разъединить их с немцами. Он заявил немецкому капитану, что может пропустить колонну по отрезку дороги, занимаемому его отрядом, при условии, если сопровождающие ее итальянские фашисты сдадутся в плен. Кроме того, немцы должны будут подвергнуться обыску и проверке документов в Донго. Педро знал, что к этому времени Биллу удалось достать взрывчатку и заминировать один мост в нескольких десятках километров впереди, где можно было снова задержать немцев.

Немецкий офицер долго совещался с членами своего штаба, прежде чем принять предложение Педро. Как стало впоследствии известно, они не сообщили итальянским фашистам условия соглашения, а лишь предложили Муссолини переодеться немцем и пересесть в немецкий грузовик. По словам очевидца, Муссолини ответил: «Я готов. Я доверяю больше немцам, чем итальянцам. Ведь вы обязаны меня охранять?» — добавил он, обращаясь к сопровождавшему его младшему лейтенанту СС. «Яволь, дуче», — ответил немец¹⁶⁰. Надев немецкую шинель, Муссолини забрался на один из грузовиков, и капитан сообщил Педро, что он согласен с условиями.

Педро остался у пропускного пункта, занявшись итальянскими фашистами: большинство из них сдалось без сопротивления, несколько человек пытались вернуться в Комо, но были задержаны предусмотрительно высланными Педро партизанскими патрулями. Броневик, в котором находился Паволини, попытался прорваться вперед, но был подорван партизанской гранатой при въезде в Донго. Покончив с фашистами, Педро направился к главной площади, где проходила проверку немецкая колонна. По дороге он встретил Билла, который сообщил ему, что среди немцев обнаружен Муссолини. «Он сообщил мне об этом как о совершенно обычной вещи. Я тоже довольно холодно встретил его сообщение, не сразу поняв его значение. Сначала я подумал только о том, что это принесет лишь новые неприятности».

По дороге в муниципалитет, куда доставили Муссолини, Билл рассказал о том, как произошло пленение бывшего дуче.

¹⁶⁰ *Monelli P.* Op. cit., p. 360.

«В то время как я проверял документы у немцев на втором грузовике, я услышал, как меня кто-то громко и возбужденно окликает:

— Билл! Билл!

Я быстро спрыгнул с грузовика и пошел навстречу гарибальдийцу, который меня звал. Это был Джузеппе Негри, сапожник из Донго, который во время разгрома штаба 52-й бригады в декабре 1944 г. и расстрела ее командира и комиссара находился в тюрьме, где провел три месяца за помощь партизанам.

— Эй, Билл, отойдем в сторонку,— сказал он мне тихо в крайнем возбуждении.

— Что такое? — спросил я, удивленный его необычным видом.

— Ты знаешь, Билл, там „пузан“ (одно из прозвищ, данных партизанами Муссолини.— Г. Ф.),— тихо, тихо прошептал он мне на ухо.

— Да что ты. Ты наверно ошибся.

— Билл, клянусь тебе, что я его видел, это он!

— Где ты его видел?

— Он здесь, в грузовике, переодетый немцем!

Сообщение было слишком неожиданным и слишком важным, чтобы сразу в него поверить. Я еще не совсем верю, но начинаю волноваться.

— Смотри, если ты ошибся,— настаиваю я, но уже без прежнего убеждения.

— Да нет же, Билл, я его сразу узнал. Клянусь тебе, что это он, это Муссолини!

— Тогда остановись на минутку,— говорю я, потому что он тянул меня к грузовику за рукав,— и объясни, где и как ты его обнаружил.

— Я влез на грузовик, как ты приказал, чтобы проверить документы. У грузовика стоял старшина Ди Паола, который напомнил, чтобы я смотрел хорошенько. Я проверял документы у всех по очереди. Под конец остался он один. Он лежал, прислонившись к кабине водителя и прижавшись плечом к левому борту. Его лица не было видно, так как он поднял воротник шинели, а немецкий шлем опустил на глаза. Я направился к нему, чтобы спросить документы, но немцы, сидевшие в машине, задержали меня, говоря на ломаном итальянском: „Друг пьяный, друг пьяный“. Я их не послушал и приблизился к лежащему человеку. Около него была куча одеял, одним из которых он прикрывался. Я встал рядом с ним и опустил воротник. Человек продолжал лежать неподвижно.

Я увидел его профиль и тотчас же узнал, что это он. Билл, клянусь тебе, это Муссолини! Тогда я сделал вид, что ничего не случилось и слез, чтобы позвать тебя. Старшина спросил меня, что произошло, но я ему не ответил и побежал к тебе.

Теперь я ему верю. Я решаю, что следует действовать без шума и не привлекая внимания. Я говорю Негри:

— Слушай, Негри, не говори никому ничего. Покажи мне грузовик, а я соображу, что делать. Если немцы заметят, что мы обнаружили Муссолини, они смогут оказать сопротивление. Пошли.

Негри, который шел впереди меня, зашел за куст, остановился и сказал: „Мы его прошли. Он позади“, — и показал мне грузовик.

— Этот? — спросил я, указывая рукой.

Он сделал знак, что да.

Тогда я вглядываюсь и вижу фигуру человека, лежащего у кабины, приближаюсь и указываю на него Негри, который утвердительно кивает головой. Потом он вдруг кричит во все горло:

— Берегись, Билл, немцы вооружены!

Я смотрю на грузовик; немцы делают вид, что все это их мало интересует, но я вижу, что они внимательно за мной наблюдают. Смотрю на человека, лежащего ко мне спиной. Он именно таков, каким описал его Негри: на нем немецкая шинель и шлем, воротник шинели поднят. Я похлопываю его по плечу и окликаю:

— Камерата! (Обращение, принятое среди итальянских фашистов. — Г. Ф.).

Никакого движения, никакого ответа. Ко мне приближается старшина Ди Паола и шофер Пирали из Донго, которые с любопытством наблюдают сцену. Я не отстаю и еще раз говорю с насмешкой, похлопывая по плечу:

— Ваше превосходительство!

Он не отвечает и не движется. Обозлившись, я громко кричу:

— Кавалер Бенито Муссолини!

Человек в шинели вздрагивает. Я взглянул на немцев, которые молча наблюдают за происходящим. Кое-кто из них бледнеет. Теперь я знаю, кто этот человек.

Тем временем много гарибальдийцев и местных жителей собралось у грузовика. Я взялся за борт и забрался наверх. Я приблизился к безмолвно и неподвижно лежащему человеку. Его шлем опущен на глаза, и воротник подностью скрывает лицо. Я снял с него шлем и увидел

лысую голову и характерные очертания его черепа. Я снял с него темные очки и опустил воротник: это был он, Муссолини!

Человек, который заставлял дрожать всех, человек, которым я восхищался в ранней молодости и которого я затем проклинал, лежал скорчившись у моих ног, бледный, почти не подавая признаков жизни! Между колен у него был автомат, прислоненный стволом к подбородку. Я взял у него оружие и передал шоферу Пирали, который влез на грузовик.

Я помог Муссолини подняться.

— Есть ли у вас еще оружие? — спросил я его.

Не говоря ни слова, он расстегивает шинель. Откуда-то из глубины брюк он извлекает пистолет. Это глизенти, 9-го калибра, с удлиненным стволом; он мне его передает, и я прячу его в карман.

Теперь мы стоим друг против друга. Я чувствую, что должен сказать что-то, чего он ждет, подняв голову и глядя вверх пустым взглядом. Его лицо мертвенного цвета, а в пристальном, но отсутствующем взгляде я прочел крайнюю усталость, но не страх. Кажется, что у Муссолини уже нет воли, в душе он уже мертв; вот что поражает меня больше всего.

Вокруг грузовика собралась шумящая толпа; немцы отдают местным жителям оружие, чтобы задобрить их: они явно боятся репрессий с нашей стороны за то, что пытались спрятать Муссолини, нарушая заключенное соглашение.

— Именем итальянского народа вы арестованы!

Это все настолько необычно для меня, что я даже не чувствую волнения, и мои слова звучат тихо, мой голос спокоен. Толпа растет с каждой минутой и угрожающие крики становятся все громче.

Муссолини говорит как бы в забытьи: «Я ничего не делаю», — может быть, он хотел этим сказать: «Я не сопротивляюсь». Тогда понимая всю ответственность, которая на меня ложится, я говорю:

— Я ручаюсь, что, пока я за вас отвечаю, с вашей головы не упадет ни один волос.

Это была банальная фраза, кроме того, Муссолини почти абсолютно лыс, но в то время я об этом не подумал и употребил принятое выражение.

— Спасибо, — говорит он¹⁶¹.

¹⁶¹ *Bellini delle Stelle P. L., Lazzaro U. Op. cit., p. 161—165.*

Так неожиданно просто, без единого выстрела и без какого бы то ни было сопротивления Муссолини оказался в руках представителей восставшего народа. Размышляя через несколько часов о происшедшем, Педро писал: «Было просто невероятно, что Муссолини не нашел десяти, двух, пусть даже одной тысячи людей, готовых его защитить! Жалок конец человека, видящего, что его бросают в беде. Он вынужден был искать спасение в бегстве и просить защиту у иностранцев, которые, как оказалось, тоже были рады от него избавиться»¹⁶².

К вечеру в здании муниципалитета Донго под охраной местных партизан собралось необычное для этих мест общество. Помимо Муссолини, здесь находилось несколько министров фашистской республики, партийные чины и командиры фашистских формирований — всего около 50 человек. Сюда же несколько позднее доставили бившего в истерике секретаря партии Паволини. В момент, когда фашистский броневик подорвался на партизанской гранате, он выскочил из него и бросился под обрыв к озеру. Через некоторое время партизаны обнаружили его в скалах по пояс в воде. Паволини держал в руках автомат и не ответил на приказ бросить оружие, тогда один из партизан выстрелил из дробовика, после чего Паволини сдался. По дороге к муниципалитету толпа чуть было не растерзала Паволини — он был один из самых ненавистных фашистов.

В одной из машин, следовавших за немецкой колонной, оказался человек, который назвался испанским консулом. Он путешествовал в компании двух молодых красивых женщин. При осмотре документов паспорт испанского консула показался Биллу подозрительным. Несмотря на протесты консула, который вел себя крайне нагло и утверждал, что спешит в Швейцарию на свидание с видным представителем английской разведки, его вместе со спутницами задержали и поместили под охраной в гостинице.

Как и рассчитывал Педро, немецкая колонна была задержана в нескольких десятках километров от Донго. Потерпев неудачу с Муссолини, немцы довольно быстро согласились сдаться. Однако за ночь, которую колонна провела на дороге, немецкие офицеры сумели уничтожить много важных документов «республики Сало» и архива Муссолини и пытались спрятать ценности, составлявшие

¹⁶² Ibid., p. 199.

часть казны фашистской республики. Об этом партизаны узнали позднее, когда местный рыбак пришел к Педро с тяжелым мешком на плече и вывалил на стол перед изумленным командиром 35 кг золота. Он выловил его в реке Мера, на берегу которой накануне стояла немецкая колонна в ожидании разоружения. Здесь были обручальные кольца, медальоны и другие украшения, отобранные у населения в период итало-абиссинской войны под лозунгом «Золото нужно родине!». Оказалось, что это золото нужно фашистским законам, припрятавшим его на черный день.

Поздним вечером Педро сумел передать по телефону Главному командованию Корпуса добровольцев свободы донесение о поимке Муссолини.

Несколько позже, посоветовавшись с членами своего штаба, Педро принял решение из двух пунктов: «Мы будем избегать расстрелов без суда; мы не выдадим Муссолини союзникам, а передадим его только нашему командованию». Муссолини, по мнению Педро, «нес ответственность в первую очередь перед итальянцами и итальянцы должны были решать его судьбу. Это было для нас вопросом национальной чести: мы в первую очередь страдали от действий Муссолини и мы должны были его судить, тем более что мы его захватили и он находился в наших руках»¹⁶³.

Положение было весьма сложным. В распоряжении Педро было менее 10 старых товарищей по бригаде, которым он мог полностью доверять; кроме того, имелось около 50 местных партизан, которые его почти не знали. В окрестных горах бродило много групп вооруженных фашистов. С другой стороны, поступили сведения, что к Комо уже подходят авангарды англо-американских войск. Поэтому, для того чтобы, как он пишет, «избежать сюрпризов со стороны врагов и друзей», Педро решил переправить часть пленных в более надежное место, а Муссолини изолировать от всех и произвести двойное перемещение: первый раз перевезти Муссолини, создавая видимость секретности, затем еще раз переместить Муссолини в полной тайне в такое место, о котором знало бы не более двух-трех человек.

Осуществление этого плана заняло почти всю ночь. Сначала Муссолини вместе с несколькими фашистами

¹⁶³ Ibid., p. 228.

доставили в соседнее селение в казарму таможенной полиции. Среди ночи Педро разбудил Муссолини и под видом раненого партизана (чтобы его труднее было опознать, Муссолини забинтовали голову) повез его в новое место.

Их путешествие темной дождливой ночью изобиловало различными приключениями. В одном месте их обстрелял партизанский пост, которого они не заметили, в другом их собирались арестовать, и только случайно встреченный Педро знакомый партизан помог получить разрешение следовать дальше. Наконец, они чуть было не попали в тыл фашистам, отступающим из Комо. Машинам пришлось вернуться назад, до местечка Адзано, откуда пассажиры поднялись пешком в деревню Бонцаниго, расположенную выше шоссе, идущего вдоль озера. Они пришли в дом крестьянина Де Мариа, у которого часто прятались партизаны. Не открывая имени пленника хозяевам, Педро оставил Муссолини под охраной двух надежных партизан.

Вместе с Муссолини в дом Де Мариа поместили Кларетту Петаччи. Это была одна из двух женщин, находившихся в машине человека, который упорно выдавал себя за испанского консула.

Оставив Муссолини и Петаччи в доме Де Мариа в 5 часов утра 28 апреля, Педро вернулся в свой штаб. Через несколько часов раздался телефонный звонок из Менаджо, находящегося между Комо и Донго. Местные партизаны сообщали, что по направлению к Донго движутся две автомашины — легковая под номером РМ 001 и крытый грузовик с вооруженными людьми. Машины не останавливались на партизанских постах и шли на предельной скорости. Партизаны предполагали, что это фашисты, и советовали приготовиться к встрече.

Партизаны из Менаджо ошиблись. В крытом грузовике находились 12 партизан под командованием представителя Главного командования полковника Валерио. Они выехали на выполнение специального задания из Милана, и только Валерио знал, что это за задание. Поздней ночью он был вызван во дворец Брера, где разместился штаб Главного командования Корпуса добровольцев свободы. Ему было поручено выполнить приговор народного правосудия, облеченного Комитетом национального освобождения в форму специального декрета, — расстрелять Муссолини и членов его правительства. Приказ необходимо было выполнить в предельно сжатые сроки.

Валерио, еще один представитель Главного командования Гуидо и 12 партизан во главе с лейтенантом Риккардо отправились из Милана на рассвете. Вскоре они прибыли в Комо, где их ожидали члены местного Комитета национального освобождения и представители партизанского командования. С первого же момента Валерио стало ясно, что местные представители стараются всячески затянуть время. Вначале они попросили Валерио и Гуидо удалиться и долго совещались наедине, затем выделили для переговоров с Валерио двух делегатов, а сами разошлись. Поняв, что ему не приходится рассчитывать на помощь, Валерио сообщил этим делегатам, что единственное, что они должны сделать,— это достать большой грузовик, поскольку машина, на которой он прибыл из Милана, вышла из строя. Однако, обещав, что вскоре машина будет предоставлена, эти два человека также скрылись. Лишь через час к Валерио подъехал разболтанный грузовик, явно непригодный для дальнейшей поездки.

В ожидании машины Валерио сумел соединиться с миланским командованием, доложил об обстановке и спросил, должен ли полученный им приказ быть выполнен независимо от решения местных властей. «Ответ был предельно ясным, утвердительным и не допускающим двух толкований,— пишет Валерио.— Тогда я понял, что нужно действовать решительно, и громко заявил: „Пусть ко мне немедленно явится председатель Комитета национального освобождения и командир местного партизанского штаба“. В 12.05 ко мне приблизился председатель КНО Оскар Сфорни и майор Козимо Де Анджелис. Я приказал им сесть в машину и расчищать нам дорогу. „Едем в Донго“,— уточнил я. На моих часах было 12.15. Я реквизировал две легковые автомашины, стоявшие на площади, и рассадил в них своих партизан. Сфорни и Де Анджелис поехали впереди на машине РМ 001»¹⁶⁴.

Как писал Валерио, во время пребывания в Комо у него создалось впечатление, что здесь имеются силы, которые стремятся воспрепятствовать выполнению возложенного на него задания. Как показали опубликованные впоследствии материалы, он был прав. Город переживал период междувластия. С часу на час ожидалось прибытие союзных авангардов, но пока вокруг было полно фашистов, которые чувствовали себя еще довольно уверенно,

¹⁶⁴ L'Unità, 1947, 26 mar.

так как у местных партизан не было сил приступить к очистке города. Еще накануне в город прибыл офицер из американской разведки, вступивший в контакт с представителями некоторых партий в КНО. Там же находилось много англо-американских агентов, пробравшихся из Швейцарии и занимавшихся поисками Муссолини. Идя по его следам, они связались с фашистами, отставшими от колонны Муссолини, и теперь общими усилиями пытались обнаружить бывшего диктатора и передать его в руки союзников.

Один из таких агентов, некто Гуастони, разыскал сына Муссолини Витторио и командира фашистского легиона «Мути» Коломбо. Он убеждал их, что Муссолини необходимо сдать англо-американцам, потому что в этом случае он будет спасен, и доверительно сообщил, что англо-американцы намерены «быстро и радикально ликвидировать коммунистические организации». Однако снаряженная им 27 апреля экспедиция, которой всячески способствовал майор Де Анджелис, потерпела неудачу: партизаны одной из деревень задержали фашистов и самого Гуастони. Тогда была снаряжена вторая экспедиция, с которой поехали доверенное лицо Гуастони Десси и полковник Коломбо. Однако и эта экспедиция была задержана партизанами в Черноббио; Десси чуть было не расстреляли вместе с фашистами, в компании которых он путешествовал ¹⁶⁵.

28 апреля утром, когда Валерио прибыл в префектуру, там же находился и Гуастони, который, по свидетельству очевидцев, продолжал всем доказывать, что англо-американцы «уничтожат всех коммунистов». Едва машина с Валерио тронулась из Комо, как ехавший впереди Де Анджелис остановился и, поговорив с неизвестным человеком, подошел к Валерио и сказал, что этот человек должен ехать с ними в Донго, так как он хорошо знает дорогу. «Не задумываясь, я спросил у человека, стоявшего в ожидании:

— Кто вы?

— Морской офицер, которого знают в разведке,— ответил он.

Поскольку он был лишним, я сразу ответил:

— Спасибо, но мы не нуждаемся в вашей помощи,— и, не тратя времени на бесполезные разговоры, приказал

¹⁶⁵ *Aticucci E.* Op. cit., p. 277—286.

ехать дальше»¹⁶⁶. Этим неизвестным был Десси, которого Де Анджелис пытался обманным путем взять с собой.

Мы уже упоминали о сообщении, переданном в Донго, о том, что следует опасаться пассажиров машины РМ 001. Когда Валерио прибыл в штаб 52-й бригады, ему показали новое сообщение, на этот раз переданное миланским радио. Оно гласило: «Машина РМ 001 подозрительна. Не следует верить тем, кто в ней находится». «Я задал себе вопрос, кто мог передать на миланское радио такое сообщение. Мне сразу же вспомнился человек, который остановил машину в Комо и которого мы оставили на улице»¹⁶⁷.

Как и следовало ожидать, в штабе 52-й бригады Валерио и его группа вначале были приняты более чем холодно. На площади Донго чуть было не произошла стычка между ними и местными партизанами. Когда недоразумение рассеялось, Педро, хотя и без особой охоты, признал полномочия Валерио. С этого момента энергичный полковник стал хозяином положения в Донго. По его приказу Де Анджелис и Сфорни, прибывшие несколько раньше с целью воспрепятствовать выдаче Муссолини, были посажены под арест.

«С этого момента,— пишет Валерио,— я представлял высшую власть на месте, обладавшую полномочиями Главного командования, которое приказало мне применить статью 5 декрета Комитета национального освобождения Северной Италии. Статья 5 гласила: „Члены фашистского правительства и фашистские главарь, виновные в отмене конституционных гарантий, в ликвидации народных свобод, в создании фашизма, в том, что они поставили под угрозу судьбу родины, предали ее и привели ее к катастрофе, наказуются смертной казнью или в менее серьезных случаях — пожизненной каторгой».

В статье 1 того же декрета устанавливалось, что роль судебных органов „во время чрезвычайного положения принадлежит военным трибуналам“. Я тщательно изучил список пленных фашистов, и на его основе были отобраны 17 виднейших главарей. Командование бригады выступило в роли военного трибунала. Было произнесено немного слов: все решения были одобрены, и нам оставалось лишь выполнить эти решения»¹⁶⁸.

¹⁶⁶ L'Unità, 1947, 27 mar.

¹⁶⁷ Ibid.

¹⁶⁸ L'Unità, 1947, 28 mar.

Всех присутствующих поражала целеустремленность и умение быстро разобраться в обстановке, которые отличали все действия Валерио. Всего пять минут понадобилось ему и для того, чтобы разоблачить мнимого испанского консула, долго мистифицировавшего местных партизан. Им оказался Марчелло Петаччи, брат любовницы Муссолини, известный тем, что сделал карьеру, бесстыдно спекулируя на связи своей сестры с диктатором¹⁶⁹.

В 13 часов 15 минут Валерио, Гуидо и Билл отправились в Бонцаниго. Подъезжая к деревне, Валерио наметил место, где должна была произойти казнь,— «крутой поворот узкого шоссе, закрытые железные ворота, ведущие в фруктовый сад, пустынный дом в глубине. Только потом я узнал, что это место называется Джулино ди Медзегра». Посадив с собой в машину Муссолини и Петаччи, Валерио отправился в обратный путь. «Машина медленно катилась вниз. Я один знал место, выбранное для казни, и, как только мы поровнялись с железными воротами, я приказал остановиться. Затем я приказал Муссолини выйти и встать между стеной и столбом от ворот. Он исполнил это с покорностью овцы. Он еще не думал, что должен умереть,— он не отдавал себе отчета в происходящем. Такие люди, как он, всегда боятся действительности и предпочитают не знать ее: им важно до конца обманывать самих себя.

Внезапно я начал читать текст приговора к смертной казни военного преступника Муссолини Бенито: „По приказу Главного командования Корпуса добровольцев свободы мне поручено совершить правосудие во имя итальянского народа». По-моему, Муссолини даже не понял смысла моих слов: он смотрел широко раскрытыми глазами на направленный на него автомат.

Петаччи напыщенно воскликнула: „Муссолини не должен умереть!“ Я сказал ей: „Отойди, если не хочешь того же“. Она сразу поняла меня и быстро отскочила от осужденного. Что касается его, то он не произнес ни слова: ни имени сына, матери или жены. Он дрожал от страха и бормотал трясущимися губами: „Но, господин полковник... но, господин полковник...“. Даже этой женщине, которая металась около него, он не сказал ни слова... Я нажимаю на спусковой крючок, но выстрелов не следует. Автомат заело. Я поворачиваю затвор, пытаюсь стрелять, но автомат не работает. Я передаю его Гуидо,

¹⁶⁹ *Bellini P. L., Lazzaro U. Op. cit., p. 263—264.*

вынимаю пистолет, но он тоже отказывается... Я громко зову комиссара 52-й бригады, который прибегает со своим автоматом. Теперь я опять лицом к лицу с Муссолини: он не двинулся с места и продолжает лепетать, прося о пощаде. Он думает только о своем жирном, дрожащем теле. И в это тело я выпускаю пять пуль.

Преступник упал на колени, прислонившись к стене, голова его свесилась на грудь. Он еще жив, и я выпускаю еще одну очередь из пяти патронов. Было 16 часов 10 минут 28 апреля 1945 г.»¹⁷⁰.

Оставив двух партизан на страже, Валерио вернулся в Донго, куда были собраны остальные осужденные. В здании муниципалитета им был зачитан приговор, затем приговоренные к смертной казни фашистские преступники были выведены на площадь и расстреляны. Через некоторое время их трупы были погружены в автомашину, которая в сопровождении партизан направилась в Милан. Уже в нескольких километрах от Донго партизанский грузовик встретил первый американский броневик: союзные авангарды, заняв Комо, спешили на север. Поздно ночью тела фашистских преступников были привезены в Милан на площадь Лорето. «Выбор места,— пишет Валерио,— не был импровизацией той ночи. Я хорошо помнил угол этой площади вечером 14 августа 1944 г., когда на ней лежали трупы 15 замученных партизан и вокруг них стояли чернорубашечники. Я прошел тогда мимо с надвинутой на глаза шляпой. Эта площадь была символом для всего народа — памятью о 76 тыс. патриотов, павших в войне за освобождение»¹⁷¹. Утром 29 апреля трупы Муссолини и его приспешников были подвешены вниз головой к металлическим опорам навеса бензозаправочной станции. Весь день площадь была заполнена миланцами, изливавшими свой гнев и ненависть к фашистским главарям.

В этот день Комитет национального освобождения опубликовал сообщение о казни Муссолини и фашистских министров, в котором говорилось: «Комитет национального освобождения Северной Италии заявляет, что расстрел Муссолини и его приспешников, произведенный по приказу Комитета, представляет собой необходимое завершение исторического этапа, материальные и моральные следы которого мы повсюду видим; это завершение

¹⁷⁰ L'Unità, 1947, 28 mar.

¹⁷¹ Ibid.

повстанческой борьбы, которая создала предпосылки возрождения и восстановления нашей страны.

Итальянский народ не смог бы начать свободной и нормальной жизни, в которой фашизм отказывал ему 20 лет, если бы Комитет национального освобождения своевременно не продемонстрировал свою железную волю привести в исполнение приговор, уже вынесенный историей.

Только ценой этого полного разрыва с позорным и преступным прошлым итальянский народ смог убедиться, что Комитет национального освобождения Северной Италии полон решимости твердо идти по пути демократического обновления страны.

Только этой ценой необходимая чистка от остатков фашизма сможет и должна будет происходить после завершения восстания в формах строгой законности»¹⁷².

* * *

Обстоятельства ареста и казни Муссолини стали известны далеко не сразу. До сих пор в итальянской исторической литературе и публицистике ведутся споры по отдельным вопросам, относящимся к этим событиям. Осталась невыясненной судьба документов личного архива Муссолини, в котором, в частности, содержалась переписка Муссолини с Черчиллем и Гитлером. Лишь через два года после окончания войны, в марте 1947 г., стало известно подлинное имя полковника Валерио. В специальном коммюнике руководства итальянской компартии говорилось, что полковник Валерио — партизанский псевдоним Вальтера Аудизио, родившегося в Александрии в 1909 г., члена компартии с 1931 г. Казнь Муссолини, говорилось в коммюнике, «была одной из важнейших операций политического и военного характера, которыми гордится партизанское движение. Это задание было осуществлено твердо и мужественно, с сознанием того, что его выполнение необходимо для спасения чести итальянского народа и предотвращения угрозы демократическому режиму»¹⁷³. В связи с этим руководство Итальянской коммунистической партии представило полковника Валерио (В. Аудизио) к высшей воинской награде. Решением итальянского правительства Вальтер Аудизио был награжден высшим боевым орденом — Золотой медалью за военные заслуги.

1965 г.

¹⁷² L'Unità, 1947, 19 mar.

¹⁷³ L'Unità, 1947, 22 mar.

БОРЬБА ПРОТИВ ФАШИЗМА ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ ИТАЛИЮ

ВКЛАД АНТОНИО ГРАМШИ В ИЗУЧЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА

Настоящая статья не ставит перед собой задачи детально осветить взгляды Грамши по проблемам фашизма. обстоятельно будут рассмотрены лишь те положения, в которых наиболее отчетливо и убедительно проявилась его политическая проницательность и которые в наибольшей степени способствовали обоснованию марксистского понимания природы фашизма, а также имели важное значение для борьбы итальянских коммунистов.

Прежде всего необходимо отметить, что Грамши чрезвычайно рано распознал в фашизме опасность для демократического и рабочего движения. В этом проявился его дар исторического предвидения.

Так, в мае 1920 г. в докладе Туринской секции социалистической партии он писал, что за настоящим этапом классовой борьбы в Италии последует «либо завоевание революционным пролетариатом политической власти... либо бешеный разгул реакции со стороны имущих классов и правящей касты. Будут пущены в ход все средства из арсенала насилия, чтобы подчинить промышленный и сельскохозяйственный пролетариат режиму рабского труда, чтобы беспощадно разгромить органы политической борьбы рабочего класса (социалистическая партия) и включить органы экономического сопротивления (профсоюзы и кооперативы) в аппарат буржуазного государства»¹.

Не следует забывать о том, что в то время большинство лидеров рабочего движения и демократических политиков еще не видели в фашизме серьезной силы. Всего за год до этого Муссолини создал свою организацию,

¹ Gramsci A. Antologia degli scritti. Roma, 1963, vol. 1, p. 57 (рус. пер.: Грамши А. Избр. произведения. М., 1980, с. 88).

и осенью 1919 г. по всей Италии насчитывалось примерно 20 тыс. фашистов. На выборах, состоявшихся в это время, они не получили ни одного места в парламенте, в то время как социалисты завоевали почти треть голосов избирателей. Забастовки держали страну в постоянном напряжении. В те дни, когда Грамши писал цитируемые строки, всеобщая стачка туринских рабочих выросла в одно из наиболее мощных движений в Италии послевоенного времени. В момент наибольшего обострения классовой борьбы и успехов революционного пролетариата Грамши смог предвидеть неизбежность контрнаступления реакционных сил и его исключительно зловеющий характер. Заслуживает внимания то обстоятельство, что Грамши не остановился на констатации альтернативы — или победа революции, или развязывание реакции. Подобного рода предсказания не являются редкостью в практике политической борьбы, особенно в период революционных событий. Поэтому важно подчеркнуть, что в период, когда фашизм лишь набирал силу, Грамши смог предвидеть качественно иной характер нового типа буржуазной реакции, какой был фашизм. Именно террористические методы подавления рабочего движения, вовлечение профсоюзов и других массовых организаций в систему государственной власти характеризовали так называемое корпоративное государство, построение которого итальянские фашисты начали после захвата власти.

Политическая прозорливость выделяла Грамши среди антифашистов и руководителей итальянского коммунистического и рабочего движения. То, что Грамши говорил и писал о фашизме, весьма отличалось от оценок Бордига, который в то время руководил партией. Бордига заявлял, что между Муссолини и либералами нет качественного различия. Вполне понятно, что подобный подход не мог быть основой для понимания характера фашизма, а также для изменений в политической линии и практике коммунистической партии, которые были необходимы для успешного сопротивления фашистской опасности. Грамши никогда не довольствовался общими утверждениями. Он начал вдумчиво исследовать политический и социальный характер фашистского движения.

Надо сказать, что именно в это время, к началу 20-х годов, возникли теории — они и поныне в ходу у буржуазных политиков и в буржуазной историографии, — согласно которым фашизм был движением средних слоев. Известный либеральный историк Луиджи Сальваторелли

писал тогда, что фашизм это движение мелкой буржуазии, которая якобы использовала противоречия между пролетариатом и крупной буржуазией. Другие буржуазно-либеральные деятели изображали фашизм как мятеж средних слоев, выбитых из традиционной колеи первой мировой войной.

Грамши, со своей стороны, отмечал, что мелкая буржуазия поставляет кадры фашизму. Отличительная черта фашизма, писал он, «состоит в том, что ему удалось построить массовую организацию мелкой буржуазии. Это произошло впервые в истории»². Однако Грамши не ограничился этим утверждением, а ясно указал на те силы, которые породили фашизм и способствовали его приходу к власти. Это — генеральный штаб, латифундисты, банкиры. Другими словами, за спиной фашистов стояли наиболее реакционные группы, которые всегда были склонны пренебрегать традиционными принципами буржуазной демократии.

Начиная со второй половины 1921 г. Грамши стал подходить к фашистскому движению более дифференцированно; в нем он выделяет два потока, два направления: городской фашизм и сельский фашизм. При этом он особенно выделяет роль капиталистов-аграриев. В это же время, т. е. в 1921 г., для того чтобы объяснить фашизм, Грамши начинает учитывать также и национально-исторические особенности развития капитализма в Италии. Так, уже к началу 20-х годов в подходе Грамши к фашизму определились положения, которые затем легли в основу интерпретации этого феномена итальянскими марксистами.

Движение мысли Грамши — и на это справедливо обращает внимание советский историк И. В. Григорьева — нельзя упрощать³, равно как нельзя их рассматривать в отрыве от конкретно-исторической обстановки. Так, когда Грамши определял пути борьбы против фашизма, он еще только приближался к пониманию того, что защита демократических свобод требует единства антифашистских сил. Подчеркивая, что пролетариат должен защищать все то, что было завоевано буржуазной демократией, он тем не менее еще только нащупывал пути практического осуществления этой задачи. Хотя Грамши поддерживал тактику единого фронта, которая была рекомендо-

² *Gramsci A. Scritti politici. Roma, 1967, p. 581.*

³ *Григорьева И. В. Исторические взгляды Антонио Грамши. — Новая и новейшая история, 1973, № 5, с. 147.*

вана Коминтерном, он, так же как и другие итальянские коммунисты, еще не мог преодолеть крайне враждебного отношения к социал-демократам и либералам и признать их союзниками в борьбе против фашистов. Эти задачи он начал понимать лишь после 1923 г., когда фашисты уже были у власти, а внутри молодой коммунистической партии развернулась борьба против левого сектантства.

В 1922 г. итальянские фашисты пришли к власти. Собственно тогда речь шла лишь о назначении Муссолини премьер-министром, и для полного установления фашистской диктатуры потребовалось еще некоторое время. Тем не менее уже с первого дня стало ясно, что фашисты вынашивали план жестокого подавления революционного движения и полной ликвидации буржуазной демократии. Фашисты начали свое наступление, когда рабочее движение, развернувшееся после первой мировой войны, пережив фазу подъема, уже пошло на убыль, а молодая коммунистическая партия еще не располагала достаточными силами, чтобы взять на себя руководство антифашистским фронтом. Фашисты умело использовали эту ситуацию и создали тем временем, сочетая террор и социальную демагогию, массовую базу для контрреволюционных сил. Решающую поддержку оказали им руководящие группы господствующего класса — монополистические круги, крупные землевладельцы и королевский двор.

Захват власти фашистами вызвал в рядах итальянских антифашистов ожесточенную полемику по вопросу о причинах поражения революционного движения. Эта полемика носила острый политический характер. Она была усилена тем обстоятельством, что сами фашисты, празднуя победу, выдавали себя за «спасителей» Италии от большевистской опасности. Представители старых правящих групп господствующего класса, либералы, со своей стороны, также стремились приписать себе «заслугу» в поражении революции. Они утверждали, что революция в Италии «испустила свой дух», когда она натолкнулась на непоколебимость либерального государства. Так писал бывший премьер-министр Италии Ивано Бономи. То же утверждал и другой бывший премьер-министр Фаусто Нитти. Он полагал, что вообще не было оснований говорить о назревании пролетарской революции в Италии послевоенного времени, так как эта страна переживала лишь «период послевоенных трудностей».

Грамши, напротив, верил в революционные возможности итальянского рабочего класса. Главную причину

того, что его революционный потенциал не был использован до конца и революционное движение потерпело поражение, он видел в неправильной политике лидеров социалистической партии.

Грамши не раз отмечал, что эта партия оказалась неспособной возглавить итальянский пролетариат и повести его по пути революции. Он писал, что социалистическая партия «выступает в качестве простого наблюдателя происходящих событий»⁴.

Наиболее полно точка зрения Грамши по этому вопросу изложена в Лионских тезисах IV съезда Итальянской коммунистической партии, который состоялся в 1926 г. В тезисах говорится, что поражение революционного пролетариата явилось результатом «политических, организационных, тактических и стратегических слабостей партии трудящихся. Из-за этих слабостей пролетариату не удалось возглавить восстание подавляющего большинства населения и завершить его созданием рабочего государства... Поэтому победа, одержанная фашизмом в 1922 г., должна рассматриваться не как победа над революцией, а как последствие поражения, которое потерпели революционные силы в результате своей внутренней слабости»⁵.

В 1924—1926 гг., когда Грамши возглавил руководство Итальянской коммунистической партией, он дальше развил свои взгляды относительно методов антифашистской борьбы. Более решительно, чем раньше, он подчеркивает ангидемократический характер фашизма, одновременно он проводит дифференциацию между фашизированной частью итальянской буржуазии и теми буржуазными силами, которые не совсем перешли на позиции диктатуры Муссолини. В исследованиях массовой базы фашизма Грамши указывает на то, что неизбежно наступит отказ мелкой буржуазии от фашизма, что в свою очередь вызовет распад массовой базы фашистского господства. В целом ряде работ, особенно написанных в период «кризиса Маттеотти», он приходит к мысли, что свержение фашизма не приведет непосредственно к диктатуре пролетариата, а революционный процесс может пройти ряд промежуточных этапов. При этом Грамши считает, что содержанием этих этапов не может быть

⁴ Грамши А. Избр. произведения, с. 88.

⁵ Trent'anni di vita e lotte del P. C. I. Roma, 1951, p. 95.

буржуазная революция, понимаемая в традиционном смысле, и подчеркивает, что пролетариат должен выступить авангардом в предстоящей антифашистской борьбе.

Критика слабостей социалистической партии и определение задач антифашистского единства имели большое значение для выработки молодой коммунистической партией правильной политики в борьбе против фашизма. Известно, что ко времени прихода фашистов к власти коммунисты представляли меньшинство в антифашистском лагере. Социалистическая партия тогда превосходила их как количественно, так и по опыту и влиянию в итальянском и международном общественном мнении. Однако в 1943 г., когда фашизм в Италии потерпел поражение, ведущие позиции в антифашистском лагере принадлежали уже итальянским коммунистам. Они стали пользоваться огромным авторитетом и превосходили социалистов в своем влиянии на рабочий класс. Это было следствием того факта, что итальянские коммунисты даже в тяжелейшие периоды борьбы против фашизма, когда другие политические партии отказались от борьбы, когда казалось, что развязанный фашизмом террор делал бессмысленной и бесплодной любую попытку борьбы против него, не сложили оружия и продолжали сопротивление. Авангардную роль коммунистов в борьбе против фашизма признали наконец не только их друзья, но также и их враги. Это — результат той наступательной боевой тактики и тех усилий к объединению антифашистских сил, которые завещал коммунистам Грамши.

То обстоятельство, что Грамши с конца 1926 г. был вырван из активной политической деятельности, не означало, что он выбыл из борьбы. В то время, когда он находился в суровых условиях фашистской тюрьмы и подвергался тяжелым испытаниям, он не только продолжал исследования темы фашизма, но и значительно расширил и углубил ее анализ.

После прихода Гитлера к власти Грамши изучал также проблему фашизма в Германии. Однако главное внимание он сосредоточил на итальянском фашизме, анализ которого давал в связи с историей страны. В центре внимания его исследований стоял вопрос, который волновал многих антифашистов того времени и который до сих пор вызывает разногласия среди историков. Это был вопрос о корнях фашизма в историческом прошлом Италии, вопрос о том, был ли захват власти итальянскими фашистами случайностью, отступлением от нормального хода

истории, или же он был определенным этапом, корни которого уходят в предшествующую историю страны.

Исходным пунктом этих рассуждений было обращение к периоду итальянского Рисорджименто, периоду объединения Италии прошлого столетия. Фашистская пропаганда, доминировавшая в официальной историографии того времени, представителем которой был историк Джоакино Вольпе, изо всех сил старалась изобразить фашистскую Италию венцом всего предшествующего развития страны. Для этого фашисты произвольно объединили таких разных представителей Рисорджименто, как Мадзини, Кавур и Гарибальди, в одно политическое направление и сделали их всех «предшественниками» фашистского режима. Это был грубый пропагандистский маневр, который, конечно, не выдержал проверки историей.

В лагере антифашистов, напротив, преобладал критический взгляд на период Рисорджименто, и особенно на государство, возникшее в Италии в результате объединения страны. Резко отрицательную позицию относительно итальянского либерального государства заняли антифашисты радикального направления, и прежде всего Гатано Сальвемени и Пьеро Гобетти. По их мнению, государство подобного типа сформировалось в Италии потому, что движение Рисорджименто не было завершено. Пьеро Гобетти даже писал, что нельзя говорить о крушении либерального государства под ударами фашизма, так как либерального государства в собственном смысле этого слова в Италии вообще не было.

Другой точки зрения придерживался лидер консервативного либерального крыла, известный философ Бенедетто Кроче. В своем известном обширном труде «История Италии с 1871 по 1915 г.» он писал, что правительственная деятельность либералов означала постоянное продвижение Италии вперед по пути свободы. Он явно идеализировал либеральное государство, возникшее в Италии после Рисорджименто. Кроче обрывает историю Италии началом первой мировой войны и подводит к мысли о том, что возникновение фашистского режима есть разрыв исторического процесса, необъяснимое отклонение от естественного хода вещей. Причины такого неожиданного развития Кроче видит в предшествовавших революциях в Европе, а также в первой мировой войне, которая потрясла государственные, моральные и правственные основы итальянцев.

Грамши придавал большое значение опровержению концепций и взглядов Кроче. Он рассматривал его деятельность как попытку создать новые формы духовной гегемонии либеральной буржуазии, гегемонии, которая направлена не только против фашизма, но и против революционного движения. Грамши оказался целиком и полностью прав: накануне краха фашистского режима Кроче направил острие своей историографической и политической полемики уже не против фашизма, а против коммунизма, так как именно в нем увидел он тогда главную опасность для тех слоев буржуазии, представителем которых являлся.

В «Тюремных тетрадах» Грамши, как и антифашисты радикального направления, о которых речь шла выше, уделяет много места критике довоенного либерального государства, того государства, которое идеализировал Бенедетто Кроче. Многие из написанного им по этому вопросу совпадает с критикой Сальвемени, Гобетти, Дорсо и других антифашистов-демократов. Однако в отличие от них Грамши неразрывно связывал свою полемику с классовым анализом общества. Главное внимание в заметках по истории дофашистского периода он уделял проблеме взаимоотношений между буржуазией и народными массами. Итальянская либеральная буржуазия оказалась неспособной к руководству массами начиная с эпохи Рисорджименто — так в общей форме Грамши сформулировал в своих «Тюремных тетрадах» ответ на вопрос об исторических корнях фашизма.

В этой связи Грамши поднимает и вопрос о том, каким образом удалось фашистскому движению привлечь на свою сторону определенные слои населения и создать массовую базу среди мелкой буржуазии. Он не ограничивается указанием на использование фашизмом демагогии и наглого обмана, но и отмечает такие признаки мелкобуржуазной психологии, как неустойчивость политической и идеологической ориентации, склонность к бунтарству, ложному героизму и фразерству. Грамши писал о серьезных последствиях, к которым ведет взрыв подобных настроений, если прогрессивные общественные силы не учитывают так называемые стихийные движения.

«Почти всегда, — писал Грамши, — бывает так, что „стихийное“ движение угнетенных классов сопровождается возникающим под воздействием тех же обстоятельств реакционным движением правых элементов господствующего

класса»⁶. Если в этих условиях передовые политические силы откажутся от руководства массами, то путь для реакции будет открыт. Такой вывод сделал Грамши из анализа массовой базы фашизма и анализа тех социальных условий, которые в Италии способствовали захвату фашистами власти.

Заслуживает внимания, что эти рассуждения, равно как и целый ряд других мест из «Тюремных тетрадей», совпадают с анализом роли мелкой буржуазии, который независимо от Грамши провел Пальмиро Тольятти. Находясь в Москве и не имея возможности тесного общения с Грамши, Тольятти в лекциях о фашизме, прочитанных здесь в 1935 г., высказал многие положения, принципиально совпадавшие со взглядами Грамши. Тольятти назвал фашистскую партию «буржуазной партией нового типа». Он основательно изучил методы, с помощью которых фашисты привлекали на свою сторону колеблющиеся элементы. Тольятти не только уделил внимание воздействию фашистской демагогии на массы, но и указал на те реальные интересы, на те слабые моменты в сознании определенных слоев населения, которые фашисты злостно использовали в своей преступной пропаганде.

В условиях тюремного заключения Грамши не мог открыто писать о главном вопросе, который в то время требовал ответа, вопросе о путях и методах борьбы против фашизма. И все-таки многое из того, что мы находим в «Тюремных тетрадях», подтверждает тот факт, что мысль Грамши развивалась в направлении, которое он наметил уже в 1924 г. «Фашизм,— писал Грамши,— только задержал пролетарскую революцию, но не сделал ее невозможной; более того, он способствовал расширению и углублению основы пролетарской революции, которая после фашистского эксперимента будет поистине народной»⁷. В этом высказывании Грамши очень четко выражена идея широкого антифашистского демократического фронта. Впоследствии движение Сопротивления, объединив в борьбе против фашизма широчайшие слои антифашистов, стало великой демократической революцией, которая не только покончила с фашизмом Италии, но и положила начало новому этапу политического развития страны.

Результаты исследований Грамши по проблемам истории фашизма, которые он осуществил во время тюремного

⁶ Gramsci A. Passato e presente. Torino, 1951, p. 15 (рус. пер.: Грамши А. Избр. произведения, с. 268).

⁷ Ibid., p. 85.

заклучения, стали известны итальянской общественности лишь после второй мировой войны. В политической и духовной жизни Италии тогда произошел радикальный перелом. Решающая роль Советского Союза в разгроме фашизма и руководящая роль итальянских коммунистов в движении Сопротивления весьма активно способствовали распространению марксизма в Италии. В этих условиях опубликование «Тюремных тетрадей» Грамши получило огромный резонанс среди итальянской общественности. Его взгляды на проблемы истории фашизма способствовали значительному сдвигу в итальянской историографии. Характерными чертами этого сдвига были кризис либеральной школы Бенедетто Кроче (не говоря уже о закономерном и полном банкротстве фашистской историографии) и усиление позиций левой, особенно марксистской, историографии. Идеалистический взгляд Кроче, согласно которому фашистский период был, так сказать, антиисторией, непредусмотренным черносотенным переворотом, который и исследовать-то не стоит, не помог итальянцам понять их недавнее прошлое и, следовательно, объяснить настоящее. Именно относительно оценки фашизма многие сторонники Бенедетто Кроче разошлись с ним во мнении. Такие ученики Кроче, воспитанные в его духе, как Роберто Батталья и Паоло Алатри, перешли на позиции исторического материализма и стали авторами первых марксистских работ по истории фашизма и антифашистского движения. Они с успехом применили методологию и идеи, которые Антонио Грамши оставил им в наследство.

Можно проследить влияние Грамши на итальянскую историческую науку и в широком смысле слова. При исследовании фашизма ни один итальянский историк не может игнорировать вклад, который внес Грамши в разработку этой проблемы. Более того, можно сказать, что так или иначе в их концепциях ощущается воздействие политического мышления Грамши. В иных случаях это влияние сказывается, например, в том, что историки просто вынуждены учитывать те категории, которые присущи историческому материализму. Характерным тому примером являются труды заслуживающего внимания историка итальянского фашизма Ренцо Де Феличе. Будучи противником марксизма, как он сам заявляет, Де Феличе тем не менее использует в своем исследовании многие элементы классового анализа фашизма. Однако, следуя направлению либеральных историков 20-х годов, он не только рассматривает мелкую буржуазию как социальную базу фашиз-

ма, но и отводит ей роль самостоятельной силы. Подобная концепция не нова, и итальянская история последнего десятилетия представила новое доказательство того, что она не имеет основания.

Фашистская идеология оказалась более живучей, чем можно было предположить во время разгрома фашизма в Европе, т. е. в конце второй мировой войны. Возникновение неофашистского движения в ряде стран и тот факт, что его идеология может распространяться и время от времени создавать определенную массовую базу, свидетельствуют о том, что анализ методов, с которыми фашисты выступают, в настоящее время также политически актуален. В связи с этим вопрос о роли средних слоев, которым постоянно и основательно занимались Грамши и Тольятти, вновь и вновь требует внимания.

В Италии с конца 60-х годов неофашисты заметно усилили активность. Им удалось, преимущественно в Южной Италии, добиться известного влияния, создать довольно сильную парламентскую фракцию и привлечь на свою сторону часть средних слоев. Тем не менее неофашисты не смогли стать центром консолидации всех реакционных сил в Италии и прийти к власти, к чему они открыто стремятся. Они не достигли этого прежде всего потому, что натолкнулись на решительное сопротивление демократических сил, во главе которых шла коммунистическая партия. Коммунисты последовательно выступали за создание широкого антифашистского фронта, в котором объединены все партии, в том числе и буржуазные, которые выражали свою готовность защищать демократическую республику. Коммунисты обратились также и к средним слоям; они внесли в парламент законопроекты в целях защиты интересов этих слоев. Одновременно местные органы власти, руководимые левыми партиями, воплотили эту политическую линию в ряде конкретных мероприятий. В результате антифашистское движение приобрело национальный и патриотический характер, в то время как для неофашистов возможность выступать от имени средних слоев сузилась.

Неофашистам не удалось также получить поддержку крупного капитала, на которую они рассчитывали и которой добивались. Монополистический капитал продолжает рассматривать фашизм в Италии, как и в других странах, лишь как крайний резерв в борьбе против демократии. Даже в тех условиях, какие существовали в Италии в 70-е годы, монополистический капитал не считал нужным

прибегать к этому средству. Но без поддержки правящей группы господствующего класса нефашистам не удастся повторить путь Муссолини, из опыта которого они почерпнули очень многое, хотя и постоянно заявляли, что они «полностью обновили» свой идеологический и политический арсенал. Таким образом, на наших глазах история подтверждает тот факт, что оценка, которую марксисты дали роли средних слоев в общей расстановке классовых сил, правильна. Положения Грамши и ныне являются действенным оружием в идеологической и политической борьбе, которую ведут итальянские коммунисты. В тюрьме Грамши писал: «...если писать историю прошлого, значит творить историю настоящего, то великой исторической книгой будет та, которая сегодня помогает развивающимся силам все больше сознавать самих себя и благодаря этому становиться более активными и действенными»⁸. Можно с уверенностью констатировать, что труды Грамши, равно как и его борьба, внесли и продолжают вносить свой вклад в развитие марксистской мысли в Италии и помогают демократическим силам страны завоевывать дальнейшие позиции.

1978 г.

П. ТОЛЪЯТТИ — ОРГАНИЗАТОР БОРЬБЫ ИТАЛЬЯНСКИХ КОММУНИСТОВ ПРОТИВ ФАШИЗМА

Важнейшим этапом разработки стратегии борьбы с фашизмом в Италии и в Европе был период подготовки и проведения VII конгресса Коминтерна. В числе других деятелей международного коммунистического движения к подготовительной работе по предложению Г. Димитрова был привлечен и П. Тольятти, который принял активное участие в деятельности комиссии по выработке тезисов конгресса. К тому времени Тольятти — ему исполнилось 40 лет — имел уже большой опыт работы в Коминтерне.

Находясь в Москве, Тольятти в 1935 г. прочел для слушателей Ленинской школы цикл лекций о фашизме и задачах антифашистской борьбы. В этих лекциях он об-

⁸ Gramsci A. Risorgimento. Torino, 1949, p. 63 (рус. пер.: Грамши А. Избр. произведения. М., 1959, т. 3, с. 335).

общил анализ фашизма, проделанный им в предыдущие годы. Вскрывая классовую природу фашизма, Тольятти исходил из положения XII пленума ИККИ о том, что фашизм — это террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и агрессивных элементов финансового капитала. Расширяя характеристику фашизма, лектор главное внимание уделил его специфике как реакционного массового режима. Тольятти подчеркивал, что эти две стороны фашизма неотделимы одна от другой. Первая определяет его классовую сущность, вторая — форму, в которой осуществляется диктатура монополистического капитала. Мелкобуржуазная масса, организованная крупным капиталом, объединяется эклектичной идеологией и авторитарным режимом. Ошибочно считать, что падения фашизма можно добиться лишь фронтальной атакой. Задача заключается в том, чтобы вырвать массы из-под его влияния. Для этого следует использовать все виды массовых организаций, которые он создал, смело внедряться в них, разлагая фашистский режим изнутри.

Тольятти читал эти лекции итальянским коммунистам в период, когда фашистский режим в его стране, казалось, все подчинил своему господству. Линия, которую предлагал Тольятти, опиралась на известные указания В. И. Ленина о необходимости для революционеров всегда работать там, где есть массы, не отрываясь от них. Она стала основой действий коммунистов во второй половине 30-х годов в борьбе с фашизмом. ИКП была единственной итальянской партией, которая отважно использовала тактику пропикновения в массовые фашистские организации, что и послужило одной из причин быстрого роста ее сил и влияния в последующие годы.

Разрабатывая пути борьбы с фашизмом, Тольятти обратился к вопросам соотношения рабочего и народного фронтов, роли и содержания «промежуточного периода» и демократических требований. В статье «Проблемы единого фронта» (1935) он отмечал, что главный положительный итог опыта единого рабочего фронта во Франции, Австрии, Испании состоит в том, что коммунистические партии сумели здесь установить контакты не только с небольшими группами рабочих-социалистов, но и со всей массой трудящихся, входящих в ряды социалистических партий или находящихся под их влиянием. Такая политика включает в себе возможность «нового революционного наступления рабочего класса против буржуазии, со-

держит в себе зародыш тех битв, которые будут развиваться в революционном направлении»⁹.

Рассматривая вопрос о расширении единого рабочего фронта и о переходе к Народному фронту, Тольятти развивал мысль о том, что Народный фронт в Италии должен включать и католиков, иметь наступательную стратегию и промежуточные лозунги. По своему характеру им надлежит быть «требованиями переходного характера, которые открывали бы путь к борьбе за власть». Они должны иметь конструктивный характер, быть понятными и приемлемыми, и их содержание должно означать «реальное продвижение борьбы против власти буржуазии за переход власти к рабочему классу».

VII конгресс Коминтерна по-новому поставил вопрос о системе классовых союзов пролетариата, о расширении сферы его гегемонии. Много лет спустя Тольятти в статье, посвященной истории Коминтерна, подчеркнет, что направление, открытое VII конгрессом, было не только тактическим, но и стратегическим.

После VII конгресса Коминтерна борьба за создание единого рабочего и антифашистского Народного фронта в Италии сделалась центральным направлением деятельности ИКП. Руководство партии повело переговоры о единстве действий с заграничным центром мелкобуржуазной антифашистской группы «Справедливость и свобода» и смогло достигнуть с ней взаимопонимания по ряду важных вопросов антифашистской борьбы. Значительным событием в процессе сближения итальянских антифашистов явился созданный по инициативе Тольятти 12—13 октября 1935 г. в Брюсселе конгресс против войны в Эфиопии. В нем приняли участие представители различных итальянских партий, находившихся в эмиграции, а также делегаты, нелегально прибывшие из Италии.

* * *

В 1937 г. Тольятти был направлен в качестве представителя Коминтерна для помощи испанским коммунистам. С конца 1937 г. и до весны 1939 г. больше не стало слышно об Эрколе Эрколи, зато в республиканской Испании появился авторитетный деятель международного коммунистического движения товарищ Альфредо.

⁹ *Togliatti P. Problemi del fronte unico.*— In: *Opere.* Roma, 1973, vol. III (2), p. 716—717.

Тольятти еще до VII конгресса Коминтерна внимательно следил за развитием революционных событий в Испании, которые давали возможность применения новой политической линии.

После начала фашистского мятежа Тольятти суммирует свои размышления о Народном фронте в одной из наиболее важных статей того времени — «Об особенностях испанской революции». Испанская революция, писал он там, является составной частью антифашистской борьбы, развивающейся в международном масштабе¹⁰. Обобщая опыт, рожденный событиями в Испании, Тольятти выдвинул концепцию новой формы власти — демократии нового типа. Эта демократия в случае победы народа не может не быть враждебной любым формам консерватизма и имеет все условия для дальнейшего развития. Таким образом, Тольятти рассматривал демократию нового типа как промежуточную фазу революции, неразрывно связанную со следующей фазой — борьбой за социализм. Выводы Тольятти, сделанные уже через год после VII конгресса Коминтерна, представляли большой интерес для революционной теории, по своему значению выходящий за рамки осмысления опыта Испании.

Возвращаясь к оценке антифашистской борьбы в этой стране, Тольятти писал в 1945 г.: «Если бы этот первый бастион пал без боя, участь мира и нашей страны была бы совершенно иной. На том поле сражений мы познали наших друзей и врагов..., на том поле сражений возникло антифашистское единство как реальность и конкретная школа войны и политики, школа для народов, для классов, для партий... Испания боролась за демократию нового типа, имея в виду такую демократию, которая, подвергшись атакам фашизма, то есть наиболее реакционных сил общества, организуется не только для отражения нападения и защиты собственного существования, но для того, чтобы окончательно разгромить своего врага, не допустить его возрождения и таким образом открыть и держать открытыми перед собой все пути, ведущие к социальному и политическому прогрессу»¹¹.

Проблемы демократии нового типа, от создания единой армии и до решения аграрного вопроса и отношений с католиками, проблемы, над которыми думал и которые

¹⁰ См.: Эрколи М. [Тольятти П.] Об особенностях испанской революции. М., 1936, с. 6.

¹¹ Феррара М. и М. Беседа с Тольятти. М., 1954, с. 198—200.

ой реиал, находясь в Испании, позднее встали перед ним применительно к своей стране, когда в Италии развернулось вооруженное сопротивление фашизму. Однако еще ранее в политике ИКП наметились новые черты, в которых нашел отражение опыт Народного фронта в Испании и других странах. В 1937 г. руководство ИКП подписало пакт о единстве действий с социалистами, намного расширивший рамки сотрудничества итальянских рабочих партий. Вскоре итальянские коммунисты разработали основы нового курса, положившего начало политике «протянутой руки» по отношению к католикам.

В интернациональных бригадах в Испании итальянские коммунисты плечом к плечу сражались с представителями различных политических течений. Л. Лонго, Дж. Ди Витторио, И. Баронтини и многие другие интербригадовцы в последующем возглавили борьбу против фашизма в самой Италии. Итальянские демократы не только получили в Испании опыт непосредственной борьбы с фашизмом, но и сделали решающие шаги на пути антифашистского единства. По словам Л. Лонго, опыт Испании стал для них «генеральной репетицией» итальянского движения Сопротивления¹².

* * *

По решению Коминтерна летом 1940 г. Тольятти через Бельгию направился в СССР. Это произошло за несколько дней до того, как колонны немецких танков вторглись на бельгийскую равнину, двигаясь к столице Франции. Вскоре и Италия, вероломно напав на Францию, присоединилась тем самым к гитлеровской агрессии. В ответ итальянские коммунисты призвали итальянский народ усилить борьбу против фашизма. В принятой декларации, отредактированной Тольятти, говорилось, что только свержение фашистского режима даст возможность Италии обрести мир. Коммунистическая партия заявляла, что она готова сотрудничать со всеми партиями, организациями и группами, которые будут активно бороться за немедленное прекращение военных действий и восстановление демократических свобод. Декларация свидетельствовала не только о решимости коммунистов продолжать борьбу, но и о стремлении расширить антифашистский фронт¹³.

¹² Лонго Л. Народ Италии в борьбе. М., 1951, с. 59.

¹³ Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953, с. 478—481.

Это стремление с еще большей отчетливостью прозвучало в «Призыве к объединению народа против войны и фашизма», опубликованном в мае 1941 г. Если в первом документе в качестве конечной цели еще выдвигалось создание рабоче-крестьянского правительства, то во втором речь шла о восстановлении «высшего права итальянского народа на создание такого правительства, которое отвечает его воле и его интересам»¹⁴. Требование восстановления демократических свобод и конституционных гарантий было сформулировано во втором документе более четко; стремление избежать формулировок, способных оттолкнуть какую-либо из антифашистских групп, ощущалось более явно.

22 июня 1941 г., как только Муссолини узнал о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, он тут же отдал приказ о посылке итальянского экспедиционного корпуса против Советской страны. Через несколько дней после этого по московскому радио начал регулярно обращаться к итальянцам их соотечественник — политический обозреватель, называвший себя Марио Корренти. «Гитлер, этот темный авантюрист, ввергнувший в рабство немецкий народ, мечтающий поработить народы всей Европы, с яростью бешеной собаки набросился на русский народ, — говорил он 27 июня 1941 г. — Коварный предатель Гитлер... бросил немецкую армию в авантюру, которая будет стоять народу Германии рек крови, в авантюру, в которой немецкий фашизм поставил на карту свою голову и потеряет ее»¹⁵. Касаясь участия Муссолини в гитлеровской агрессии, Корренти отметил, что огромное большинство итальянцев с возмущением и тревогой задает себе вопрос: зачем? Зачем эта новая безумная и преступная авантюра? «Союз Советских Социалистических Республик никогда не совершал недружелюбных актов против Италии. Великий русский народ всегда был другом итальянского народа. Могучий экономический, политический и культурный прогресс народов Советского Союза не может угрожать народу Италии. Напротив!.. Союз Советских Социалистических Республик показал всему миру, как великий народ может быть одновременно могучим, свободным и счастливым. Именно эту свободу, это счастье и благосостояние народов России хотелось бы разрушить фашистским варварам»¹⁶. Московский политический обо-

¹⁴ Там же, с. 487.

¹⁵ *Тольятти П.* Избранные статьи и речи. М., 1965, т. 1, с. 229.

¹⁶ Там же, с. 230.

зритель доказывал, что фашизм, вовлекший итальянский народ в войну, неизбежно рухнет под тяжестью военных поражений, рассказывал о героической борьбе советского народа против агрессии. Популярность Марио Корренти непрерывно росла: многие итальянцы удивлялись точности сообщаемых сведений и остроте наблюдений. Однако мало кто знал, что Корренти — новый псевдоним Тольятти.

На протяжении более двух лет выступления Тольятти, адресованные итальянцам, передавались по московскому радио. Собранные вместе «Речи к итальянцам» М. Корренти представляют собой образец глубоких, целенаправленных и в то же время доходчивых политических выступлений руководителя итальянских коммунистов.

8 сентября 1943 г. римское радио объявило, что Италия принимает условия перемирия и выходит из войны. Тотчас гитлеровские войска оккупировали значительную часть страны вплоть до Неаполя. Через два дня англо-американские дивизии начали высадку в Южной Италии. Апеннинский полуостров оказался разделенным линией фронта надвое. На оккупированной территории был восстановлен фашистский режим, и итальянский народ повел вооруженную национально-освободительную борьбу против режима Муссолини и нацистской оккупации. Главными организаторами движения Сопротивления выступили коммунисты, создававшие вооруженные отряды в горах. Главкомандующим отрядами, названными именем национального героя Италии Гарибальди, стал Л. Лонго. Коммунистическая партия боролась за совместные действия гарибальдийских отрядов и партизанских соединений, возникших по инициативе других антифашистских партий. В ходе Сопротивления складывался национальный антифашистский фронт.

Отличительной чертой итальянского движения Сопротивления было переплетение вооруженной борьбы с массовыми выступлениями трудящихся. В условиях оккупации и фашизма участие в забастовках было связано с огромным риском и опасностью репрессий. И если рабочие тем не менее бастовали, они делали это не только в силу материальной нужды, но и из-за ненависти к фашизму. В начале марта 1944 г. под руководством коммунистов прошла мощная всеобщая забастовка — в ней приняло участие около 1 млн. человек. Это было самое крупное выступление в оккупированной Гитлером Европе, и оно привело к новому подъему антифашистской борьбы.

В Южной Италии, освобожденной от гитлеровцев англо-американскими войсками, антифашистские партии вышли из подполья и действовали легально. В их среде шла острая борьба по вопросу о будущем правительстве. Левые партии требовали отречения короля и формирования правительства из представителей антифашистских партий. Центром политических дискуссий был Неаполь. А неподалеку от Неаполя, в городе Салерно, разместился королевский двор. Разрыв между Салерно и Неаполем, между правительством Бадольо и антифашистскими партиями стал тем гордиевым узлом, который мешал политическому развитию Италии.

Выход был найден благодаря инициативе, проявленной итальянскими коммунистами после возвращения на родину Тольятти в конце марта 1944 г. Эта инициатива вызвала столь значительные изменения в расстановке политических сил в стране, что в исторической литературе ее часто называют «Салернским поворотом». На деле же, с полным основанием заявил позднее Тольятти, «политика, осуществленная мною тогда в Неаполе, была не чем иным, как конкретным применением линии, которую наметила и которую проводила ИКП по отношению к монархии задолго до 1944 г... Я даже не понимаю, как от нас могли ждать иного те, кто хоть сколько-нибудь внимательно следил за нашей пропагандой в предыдущие годы»¹⁷. Действительно, выступая по московскому радио еще в годы войны, Тольятти неоднократно останавливался на проблемах объединения всех национальных сил для борьбы с остатками фашизма. Он призывал итальянских антифашистов отложить разногласия с правительством до окончания войны.

Сразу же после возвращения Тольятти был созван Национальный совет ИКП. 31 марта Тольятти выступил перед собравшимися с докладом об обстановке в стране и задачах партии. Он заявил, что речь идет об отсрочке вопроса о государственном устройстве до созыва Учредительного собрания с целью добиться единения всех политических партий и антифашистских течений для участия в войне против Германии и, следовательно, для немедленного создания правительства национального единства. Цель, которую мы предлагаем итальянскому народу осуществить после окончания войны, подчеркивал Тольятти, — создание в Италии прогрессивного и демократическо-

¹⁷ Belfagor, 1950, N 2, p. 233—234.

го строя. Постановка вопроса: «прежде всего выиграть войну» — весьма напоминала определение задач Народного фронта, которые выдвигал Тольятти во время гражданской войны в Испании. Сам термин «прогрессивная демократия» по содержанию был близок к употреблявшемуся им тогда понятию «демократия нового типа». В обоих случаях в основе предлагаемого Тольятти курса лежала политика широких союзов, разработанная VII конгрессом Коминтерна.

Внутреннее и международное положение Италии побуждало Тольятти направлять все силы на достижение той первоочередной цели, которую он сформулировал в Неаполе в апреле 1944 г.: освобождение страны от иноземного нашествия и фашистских предателей. Возможности для мобилизации антифашистских сил значительно расширились после освобождения Рима союзниками в июне 1944 г. Итальянское правительство было реорганизовано; политические партии сохранили занимаемые позиции. Главой правительства стал старый антифашист И. Бономи. Вскоре Тольятти выступил в театре Бранкаччо. Он вновь призывал к национальному единству во имя освобождения страны от фашизма, говорил о необходимости широких союзов для рабочего класса в целях борьбы за демократическую республику. Однако сейчас он обращался из столицы Италии, и это придавало выступлению широкое звучание. Призыв к союзникам позволить итальянцам активно участвовать в войне против фашизма, обращение к патриотическим чувствам вызвали отклик даже у тех, кто был далек от коммунистов.

Итальянское правительство находилось под жестким контролем англо-американской Союзной контрольной комиссии, и его возможности были ограничены. Однако коммунисты делали все, чтобы увеличить вклад итальянцев в антифашистскую войну. Они добились, чтобы партизаны, сражавшиеся на Севере, были признаны составной частью итальянских вооруженных сил. Был учрежден пост министра по делам оккупированной Италии, который занял коммунист М. Скоччимарро.

Связь Тольятти со сражавшимися на Севере патриотами в это время поддерживалась не только через правительственные каналы. Он вел постоянную переписку с Л. Лонго и другими членами руководства партии на оккупированной гитлеровцами территории. Хорошо зная обстановку в обеих частях страны, Тольятти координировал деятельность всех сил партии. Он не стремился не-

посредственно вмешиваться в военные вопросы, касавшиеся оккупированной части страны, да это вряд ли и было бы возможно, учитывая сложность связи. Тольятти ограничивался общими политическими директивами, относительно ведения военных действий и взаимоотношений с другими антифашистскими силами.

Уже в июне 1944 г. указания Тольятти ориентировали руководителей партии на Севере на развитие народного восстания в городах и селах. Для руководства восстанием на местах коммунисты в каждой области создали «повстанческие тройки», способные руководить ходом дел в случае отсутствия контактов с центром.

В подпольных изданиях Сопротивления было опубликовано «Обращение к партизанам и патриотам». В нем Тольятти призывал к подготовке национального антифашистского восстания. Разъясняя цели Итальянской коммунистической партии, руководители партийного центра на оккупированной территории Л. Лонго и П. Секкья писали: «Только участие всего народа в восстании сделает возможной победу, явится необходимым условием демократического обновления страны... Первый шаг участия итальянского народа в решении своей судьбы — это освободительная война... Взятие власти прежде, чем придут союзнические войска, является решающим для политического направления и будущего развития итальянского народа»¹⁸.

В начале 1945 г. перед итальянскими коммунистами встал вопрос о политической линии во время завершающих боев с фашизмом. Грандиозные успехи Советской Армии ясно свидетельствовали о приближении победы над фашизмом и создавали благоприятные условия для усиления борьбы в Италии. В то время как англо-американские войска еще не сдвинулись с зимних позиций, итальянские партизаны уже начали в тылу у гитлеровцев готовиться к штурму главных городов. Это вызвало явное беспокойство в стане итальянских и англо-американских реакционеров, предпринявших серию маневров для предотвращения вооруженного восстания в Северной Италии. Ответом послужило безоговорочное указание Тольятти противостоять любым попыткам свернуть восстание против оккупантов. В тот же день Северный центр коммунистической партии

¹⁸ *Secchia P.* Il Partito Comunista italiano e la guerra di liberazione (1943—1945).— *Annali Istituto G. Feltrinoli.* Milano, 1971, vol. 13, p. 468—469.

разослал «Директиву о национальном восстании», призвав перенести военные действия в города и превратить фабрики в опорные пункты вооруженной борьбы.

9 апреля, когда англо-американские войска в Италии перешли в наступление, командующий генерал Кларк призвал партизан не предпринимать активных действий до распоряжения западных союзников. Тольятти снова пишет Лонго: «Этот приказ не соответствует интересам народа. Наоборот, нам жизненно необходимо, чтобы национальная армия и народ нанесли совместное поражение фашистам, прежде чем войдут союзники. Это особенно необходимо в таких крупных городах, как Милан, Турин, Генуя и другие, которые мы должны постараться освободить своими силами и полностью очистить от фашистов. Примите все необходимые меры, чтобы быстро осуществить эту линию. Выберите сами момент для восстания с учетом общего развития обстановки на фронтах, положения противника и положения патриотических сил»¹⁹.

Итальянские коммунисты ясно видели опасность маневров, которые предпринимались реакцией для того, чтобы разбить единство антифашистов и нанести поражение их левому крылу. 8—11 апреля 1945 г. в Риме состоялся Национальный совет ИКП. На нем Тольятти подтвердил, что основой демократического единства должны быть союз с социалистами и улучшение отношений с ХДП — вплоть до заключения с ней политического пакта. Тольятти предупредил об опасности распада национального антифашистского фронта, чреватой гражданской войной и столкновением с англо-американскими войсками. Эту опасность он назвал «греческой перспективой», имея в виду подавление антифашистского движения в Греции английскими войсками осенью 1944 г. Стремясь укрепить единство антифашистских сил, руководство ИКП на оккупированной территории еще в марте 1945 г. предложило объединить все партизанские отряды под одним командованием. Теперь, в канун восстания, оно предписывало всем коммунистам добиваться, чтобы партизаны стали ударной силой действительно общенародного выступления.

Неизгладимой датой в памяти итальянского народа стало 25 апреля 1945 г. В этот день против фашизма поднялся весь итальянский народ. Крупнейшие города — Ту-

¹⁹ Цит. по: *Longo L. I centri dirigenti del Partito comunista italiano nella Resistenza. Roma, 1973, p. 505.*

рин, Генуя, Болонья, Милан — были освобождены патриотами до прихода англо-американцев. Ударной силой восстания были 200 тыс. партизанских бойцов. Трехцветные национальные и красные знамена развевались над фабриками и заводами. Власть на местах перешла в руки комитетов национального освобождения. Победа была завоевана в трудной и долгой борьбе. Сражаясь с гитлеровцами, отдали свою жизнь за свободу родины свыше 70 тыс. итальянских патриотов, среди них — 40 тыс. гарибальдийцев.

Задача, которую ставили перед собой итальянские коммунисты, была выполнена: итальянские патриоты внесли решающий вклад в окончательное уничтожение режима Муссолини. Через месяц после национального восстания Тольятти, выступая перед трудящимися Турина, определил Сопротивление как «демократическую революцию». Он подчеркивал, что это не антикапиталистическая революция, а промежуточная фаза борьбы на пути к социализму. Ее характерные черты: руководящая роль рабочего класса, социальные и политические союзы, включающие ту часть буржуазии, которая встала на путь борьбы с фашизмом, достижение промежуточных целей (демократия нового типа), установление новых форм власти.

Позднее Тольятти говорил о роли движения Сопротивления: «В наиболее общем виде можно утверждать, что в Италии почти через сто лет после завершения национального объединения произошла великая демократическая революция, какой она не знала никогда ранее. Этой демократической революцией явилось движение Сопротивления. Движение Сопротивления подорвало фашизм и смело его остатки, оно провело и выиграло трудную освободительную войну и заложило основы нового государства»²⁰. Победа национального восстания открыла путь к созданию итальянской демократической республики.

1972 г.

²⁰ IX съезд Итальянской Коммунистической партии. М., 1960, с. 34.

Г. ДИМИТРОВ И П. ТОЛЬЯТТИ

Для понимания судьбы ленинского наследия в международном революционном движении значительный интерес представляет история отношений между руководителями Коминтерна — Г. Димитровым и П. Тольятти.

Этих деятелей коммунистического движения сближало в первую очередь то, что оба они были деятелями ленинского типа, и их взаимное общение дало очень много не только для стратегии и тактики международного коммунистического движения, но и для развития и обогащения ленинской теории революции.

Когда говорят о становлении Тольятти как марксиста и руководителя итальянского коммунистического движения, то справедливо указывают на влияние, которое оказал на него Антонио Грамши. Но когда мы говорим о Тольятти как одном из деятелей международного коммунистического движения, то нельзя не отметить ту роль, которую сыграло его общение с руководителями Коминтерна и в первую очередь с Георгием Димитровым.

Тесное сотрудничество между Димитровым и Тольятти началось в период подготовки VII конгресса Коминтерна, когда, выиграв битву против фашизма в Лейпциге, Димитров прибыл в Москву и деятельно включился в руководство Коминтерном. «Именно в этот момент фигура Димитрова — мыслителя и политика — встает во весь рост, — пишет Тольятти. — Мы восхищались этим борцом. Мы превозносили в нем неслышимого героя. Весь мир научился тогда узнавать в нем политика марксиста-ленинца, политика, отличавшегося такими новыми, глубоко оригинальными чертами, которых рабочее и демократическое движение почти не знало...

Два выдающихся качества делали Димитрова образцом политика-марксиста, величина которого выходила за рамки одной страны, приобретала европейские, мировые масштабы. Он был всегда верен принципам, но в то же время никогда не уклонялся от внимательного изучения и точной оценки реальной обстановки в движении. Поэтому определение непосредственной цели, которое иногда могло предстать как совершенно неожиданное, потому что никто не знает заранее, по каким путям пойдет развитие событий, у него всегда освещалось пониманием общего процесса, его продвижения вперед, его отступлений, его конечной цели»²¹.

²¹ Тольятти П. Избранные статьи и речи. М., 1965, т. 2, с. 88—90.

Черты, которые отмечает Тольятти у Димитрова, были присущи ему самому и служили основой идейной близости этих двух марксистов-ленинцев. Идеи VII конгресса Коминтерна родились в ходе полугодовой коллективной подготовки, в которой принимали участие представители всех основных компартий. Как хорошо показал в своей последней работе о Коминтерне К. К. Шириня²², они вовсе не были «продиктованы» сверху, как это утверждает буржуазная и реформистская историография. Более того, среди коммунистов, в том числе и в советской делегации, существовали различные точки зрения и подходы к решению проблем. И в этой обстановке большое значение для творческого, марксистского решения назревших задач имел тот факт, что наряду с Димитровым и Мануильским самое деятельное участие в подготовке конгресса приняли Торез и Тольятти. Тольятти был приглашен в Москву по инициативе Димитрова.

О ходе VII конгресса, о докладах Димитрова и Тольятти на нем имеется большая литература, в том числе и болгарских исследователей. Следует подчеркнуть два важных момента. Во-первых, это тот факт, что доклад Тольятти тесно примыкает к докладу Димитрова, не только потому, что тема борьбы против войны логически вытекает из темы борьбы против главного носителя военной угрозы — фашизма. Оба выступления сближает далекая от схем постановка вопросов, идея о том, что борьба против фашизма и войны — это дело самых широких сил, которые должны быть объединены. Отсюда и сходное решение конкретных вопросов антифашистской борьбы в обоих докладах.

И второе — это в высшей степени присущее Димитрову и Тольятти сознание той роли, которую играет не только для решения всех вопросов международного рабочего движения, но и для мировой политики существование социалистического государства и деятельность его коммунистической партии. Высокая оценка роли СССР в революционном процессе — вовсе не результат личных пристрастий и симпатий Димитрова или Тольятти, а следствие присущей обоим способности объективно оценивать реальную обстановку, выделяя ее главные факторы.

Отношения между Димитровым и Тольятти отличались высокой принципиальностью. Они включали в себя требо-

²² Шириня К. К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны. М., 1979.

вательность и способность принимать критику. Известно, что в докладе на VII конгрессе Г. Димитров концентрировал внимание на проблемах фашизма и антифашистского движения в Германии. Но когда он обращался к Италии, то он это делал в весьма критическом тоне по отношению к итальянским товарищам. Так, отмечая, что опыт успешной борьбы с фашизмом к тому времени был крайне ограниченным, Димитров говорил: «Наши итальянские товарищи, например, борются в условиях фашистской диктатуры уже около 13 лет. Но им все еще не удалось развернуть настоящую массовую борьбу против фашизма, и поэтому они, к сожалению, мало могли в этом отношении помочь положительным опытом другим коммунистическим партиям фашистских стран»²³.

Эта критика, справедливость которой Тольятти полностью понимал, не мешала ему с глубоким уважением относиться к Димитрову. С другой стороны, она не мешала Димитрову активно привлекать Тольятти к работе не только VII конгресса, но и многочисленных комиссий, которые были созданы после его окончания.

Вспоминая о дискуссиях в руководящих органах Коминтерна, на которых председательствовал Димитров, Тольятти писал, что в своих выступлениях Димитров «отличался способностью сразу же вносить ясность и единство решений даже в самые ожесточенные разногласия. Он каждый раз умел из элементов действительности, которые часто подавались в запутанном виде, выбрать самый важный, основной и, следовательно, решающий для определения наших позиций, путей нашего движения, лозунгов, форм организации и борьбы»²⁴.

Уроки Димитрова, его стиль работы и подход к проблемам Тольятти в полной мере использовал во время пребывания в качестве представителя Коминтерна в республиканской Испании. Этот период истории Коминтерна дает классический пример диалектического движения от общего тезиса к конкретной действительности и обратного движения снизу к обобщениям на более широкой конкретной базе. Наряду с Францией Испания явилась первым опытом, где испытывались на практике установки о едином и народном фронте, данные на VII конгрессе Коминтерна. Важным моментом в разработке основных

²³ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975, с. 153.

²⁴ Тольятти П. Указ. соч., т. 2, с. 90—91.

черт народно-демократической революции и строя народного фронта применительно к Испании были заседания руководства Коминтерна в сентябре 1936 г., проходившие под руководством Димитрова. Основным выводом сводился к тому, что в Испании речь шла о глубокой демократической революции, результатом которой будет не республика старого типа, а новая демократическая республика. Испанская республика, говорил Димитров, в случае победы «будет особым государством с *подлинной народной демократией*. Это еще не будет советское государство, но государство антифашистское, левое, с участием подлинно левой части буржуазии»²⁵. Так впервые была выдвинута идея строя народной демократии, которую опыт Испании обогатил новыми выводами. Тольятти по поручению руководства Коминтерна пишет известную статью «Об особенностях испанской революции», в которой развил положения, содержащиеся в решениях высших органов Коминтерна. Он писал, что революция в Испании — народная, национальная, антифашистская, опирающаяся на более широкую социальную базу, чем союз рабочих, крестьян и мелкой буржуазии города. Эта революция борется за установление новой демократической республики, «новой демократии»²⁶.

Применить эти общие положения на практике был призван Тольятти, направленный в Испанию для того, чтобы помочь испанским коммунистам. Его задача была чрезвычайно сложной, и, как пишут биографы Тольятти М. и М. Феррара, в ее выполнении чрезвычайно полезными были советы Димитрова²⁷. Переписка Тольятти с руководством Коминтерна чрезвычайно выпукло показывает механизм созревания решений и новых теоретических поисков в высших органах Коммунистического Интернационала на основе нового опыта борьбы в Испании.

Все вопросы, касавшиеся конкретных проблем испанской революции, — начиная от военных и до экономических, до отношения к анархо-синдикалистам и организации выборов в кортесы, — освещались в подробных письмах, прибывавших из Испании и подвергавшихся внимательному рассмотрению в Москве. На этой основе руководство Коминтерна разрабатывало рекомендации испанским коммунистам, проявляя максимум гибкости в отстаивании политики единства антифашистских сил. Осо-

²⁵ *Ширина К. К. Указ. соч.*, с. 148.

²⁶ Правда, 1936, 16 окт.

²⁷ *Феррара М. и М. Указ. соч.*

бенно рельефно это проявилось в период, когда весной 1938 г. военная обстановка в Испании резко ухудшилась и стали раздаваться голоса о необходимости создания чисто рабочего правительства. В ответ Димитров решительно советовал сохранить Народный фронт всеми мерами, вплоть до выхода из него коммунистов²⁸. Результатом этих советов явилась разработка известной правительственной программы из 13 пунктов, в разработке которых активное участие принял Тольятти. Этим была положена основа политики национального единения, которая была полностью поддержана ИККИ. В своих рекомендациях Секретариат ИККИ советовал испанским коммунистам смелее идти по пути учета интересов непролетарских слоев населения²⁹.

Поражение испанской республики было вызвано в первую очередь военными причинами и не могло перечеркнуть позитивный исторический опыт Народного фронта. При обсуждении уроков поражения республики в ИККИ подчеркивалось, что она могла 32 месяца бороться против наступления фашизма благодаря двум факторам — политике Народного фронта и помощи СССР. Своей борьбой испанская республика сорвала сроки развязывания фашизмом второй мировой войны, усилила сопротивление ему во всех странах.

При разработке практических рекомендаций и теоретических положений об антифашистско-демократической революции и строе новой демократии для Испании руководство Коминтерна имело в виду, что эти положения имеют более широкое значение.

Как отмечал Димитров, «то, что происходит сейчас в Испании, может завтра-послезавтра, в ближайший период произойти и в других странах»³⁰. Действительно, объективные условия борьбы против империализма и его злейшего порождения — фашизма, особенно в ходе второй мировой войны, сблизили демократические и социалистические задачи. Открылась возможность создания строя народной демократии, которая вела к социалистическому развитию. Как известно, этот путь полностью реализовался в странах Восточной Европы, в том числе и в Болгарии. Но определенные перспективы подобного пути имелись и в некоторых странах Западной Европы, на-

²⁸ *Шириня К. К.* Указ. соч., с. 323.

²⁹ Там же, с. 326.

³⁰ *Вопр. истории КПСС*, 1969, № 3, с. 13.

пример в Италии. Опыт, который был проделан Коминтерном в борьбе против фашизма в довоенный период, и выводы, к которым пришли его руководящие деятели, оказали в борьбе коммунистов Западной Европы неоценимую помощь.

Весной 1944 г. Тольятти готовился к возвращению в Италию после 18-летней разлуки с родной страной. Обстановка в стране была очень сложной, и развернувшаяся антифашистская борьба требовала поисков новых и смелых решений. В феврале Тольятти посетил Димитрова, в то время тяжело больного. «Я хорошо понял,— вспоминает Тольятти,— что он беспокоится о том, чтобы нам удалось с помощью новых политических разработок и серьезных массовых мероприятий пойти дальше по пути, который хоть и был нов, но по сути дела был открыт решениями VII конгресса. Поиски форм перехода и подхода к революции нужно было превратить в борьбу за демократию нового типа, и эта борьба должна была вестись так, чтобы она отвечала действительности, претерпевавшей глубочайшие изменения в отдельных странах, в европейском и мировом масштабе»³¹.

Тольятти отмечает, что важнейшим следствием этой новой действительности была невозможность руководить мировым революционным движением из единого центра. Действительно, Коминтерн был распущен в 1943 г. и никто не думал о возможности его восстановления в старых формах. В этих условиях намного возростала ответственность каждой партии за разработку собственной стратегической и политической линии.

Отмечая эту объективную потребность, продиктованную изменившимися условиями, Тольятти в то же время отмечает новые возникающие трудности. «Но автономия отдельных партий,— писал он в 1961 г.,— имеет и свои отрицательные стороны и даже представляет собой серьезную опасность. Было бы ошибочно не признавать этого. Прежде всего это опасность изоляции, замыкания каждой партии в себе, в своем слепом провинциализме. И этот провинциализм может проявиться во многих формах: в ослаблении интернационального духа, в непонимании или недооценке задач агитации и борьбы, которые непосредственно связаны с международной обстановкой, с борьбой против империализма, за мирное существование и за мир; в такой особой форме, как са-

³¹ Тольятти П. Указ. соч., т. 2, с. 659—660.

момнение, которое может довести до того, что будешь считать себя центром вселенной, полагать, что на тебя возложена миссия подвергать поверхностной критике остальные части движения, не делая никаких усилий, чтобы глубоко ознакомиться с условиями их развития»³².

Правильное решение вопроса о сочетании необходимой инициативы каждого отряда мирового революционного движения с общим курсом развития во многом было обусловлено общей школой марксизма-ленинизма, которую и Димитров и Тольятти прошли в рядах Коммунистического Интернационала. В совместной работе у них выработалось много общих точек зрения, общих подходов к решению коренных вопросов международного коммунистического движения. Мне хочется закончить словами, которые в 1957 г. написал Тольятти в статье, посвященной 75-летию Димитрова: «Все усилия, которые коммунистическое движение должно сделать сейчас и делать всегда в будущем, чтобы до конца осознать и выполнить свои задачи, получили решающий импульс от Георгия Димитрова, верного ученика великой ленинской школы»³³.

1980 г.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ *

День 8 сентября 1943 г. из-за трусливого и предательского поведения монархической клики стал для итальянского народа днем национального бедствия. Несмотря на то что гитлеровцы имели вблизи столицы Италии не более двух дивизий, а итальянский корпус, предназначенный для ее обороны, насчитывал шесть-семь дивизий, король и Бадольо позорно бежали на Юг при первых же признаках немецкого наступления. Рим капитулировал. Попытки коммунистов и представителей левых партий вместе с некоторыми офицерами организовать сопротивление, опираясь на выступившие против оккупантов воинские части и добровольцев из населения, были сорваны военными властями. В результате событий 8—10 сентября территория Италии, за исключением южной части полуострова, оказалась под тяжелым гнетом гитлеровской оккупации.

³² Там же, с. 661.

³³ Там же, с. 91.

* В первом издании статья называлась «Италия». См. Библиографию в конце книги.

Выполняя приказ Гитлера о «примерном наказании» бывшего союзника, германское командование предприняло самые суровые меры. Любое нарушение приказов оккупационных властей жестоко каралось. Тысячи людей были брошены в тюрьмы. Массовый характер принял угон населения на принудительные работы в Германию и отправка в концентрационные лагеря.

Рассматривая Италию как резерв продовольствия и рабочей силы, гитлеровцы организовали систематический грабеж страны. Они вывозили все: на Север непрерывно тянулись эшелоны с сырьем, продовольствием и промышленным оборудованием.

С целью маскировки режима военной оккупации Гитлер считал возможным еще раз прибегнуть к услугам своего бывшего «учителя» Муссолини. 23 сентября Муссолини, освобожденный из-под ареста гитлеровскими парашютистами, объявил по мюнхенскому радио о своем намерении «возродить» в Италии фашизм. Так появилась на свет фашистская «республика Сало», названная по имени небольшого городка на оз. Гарда, где находилась резиденция ее «правительства».

«Республика Сало» напоминала обычные марионеточные правительства, которые гитлеровцы насаждали в оккупированных ими странах. В одном из секретных циркуляров руководителям пропаганды гитлеровский посол в Италии Рани подчеркивал, что «чисто внешнеполитическое восстановление фашизма в Италии... имеет главной целью мобилизацию всех сил и производственных возможностей оккупированной нами территории для обеспечения нужд Германии»³⁴.

Если фашистскую «республику» и отличало что-нибудь от прочих марионеточных правительств, то это ее демагогические лозунги «социального обновления». Муссолини в первых же выступлениях начал громко трубить об антикапитализме фашизма, обещал исправить «ошибки» прошлого и построить «социальную республику», опирающуюся на угнетенные классы. Жалкая «социальная» демагогия неофашизма не могла ввести в заблуждение широкие массы. И все же марионеточная «республика» затрудняла развитие освободительного движения. Итальянские фашисты стали широко применять репрессии против патриотов. Террор достиг невиданных ранее размеров. Во всех провинциях были учреждены

³⁴ Movimento di Liberazione in Italia, 1950, N 5, p. 12.

особые трибуналы, выносившие смертные приговоры патриотам. Для оказания помощи гестапо повсюду создавались «специальные» полицейские формирования, которые без суда и следствия хватали, расстреливали или подвергали пыткам тысячи людей. Для борьбы с партизанами были организованы банды, носившие громкие названия «легионов», «корпусов» и состоявшие из самого отвязленного отребья.

Из-за медлительности англо-американского командования в ведении военных операций на территории Италии гитлеровская оккупация Северной Италии продолжалась более 18 месяцев. Превосходство в технике и особенно в авиации открывало перед англо-американскими генералами широкие возможности. Однако, осуществив высадку 10 сентября в южной части Италии, союзнические войска стали очень медленно продвигаться вдоль полуострова. Используя свое полное превосходство в воздухе, они беспощадно бомбили города, сносили с лица земли целые селения при малейшем подозрении, что в них имеются немцы. Во второй половине октября 1943 г. и это продвижение, исчисляемое сотнями метров в сутки, прекратилось; войска остановились на всю зиму примерно на полпути между Неаполем и Римом.

Следующим этапом было летнее наступление 1944 г., когда англо-американские войска подошли к так называемой готской линии обороны немцев, протянувшейся между Флоренцией и Болоньей. «Неприступность» этой линии была создана главным образом германской пропагандой, на самом же деле немцы не имели ни времени, ни возможностей возвести серьезные укрепления. Здесь союзники продолжали топтаться до последних дней войны, пока разгром гитлеровских войск Красной Армией и восстание итальянских патриотов не открыли им доступ в Северную Италию и Австрию.

Первые недели после начала военных действий на полуострове показали, что итальянский народ не останется пассивным наблюдателем происходящих событий. 27—30 сентября, когда англо-американские войска приближались к Неаполю, в городе стихийно вспыхнуло народное восстание. В течение четырех дней длилось сражение почти безоружного населения с немецким гарнизоном. В городе появились баррикады, у которых завязывались бои, группы итальянцев нападали на гитлеровцев, атаковывали разъезжавшие по улицам танки. Когда авангардные части союзнических войск приблизились к

Неаполю, их встретил шум ликующего народа, уже праздновавшего свое освобождение. Американский военный корреспондент писал, что единственными немцами, которых они увидели в городе, были группы пленных, конвоируемые молодыми итальянцами воинственного вида³⁵.

Восстание в Неаполе не походило на более поздние восстания во Флоренции, Болонье, Генуе и других городах Центральной и Северной Италии. В Неаполе отсутствовала какая-либо организационная подготовка, восстание вспыхнуло стихийно. Как пишет виднейший историк движения Сопротивления Р. Батталья, во время длившегося четыре дня восстания в Неаполе «еще не было осуществлено руководство со стороны той силы, решающее влияние которой проявилось лишь позднее, то есть руководство рабочего класса Неаполя, который осенью 1943 г. из-за полного разрушения предприятий был распылен, еще не имел своей организации и был недостаточно политически сознателен»³⁶. Среди участников восстания было много коммунистов, но они сражались каждый сам по себе и не были объединены партийной организацией. Тем не менее неаполитанское восстание, отличавшееся массовым героизмом, заставило оккупантов впервые испытать на себе силу тех, кого они презрительно называли «чомпи» (оборванцами).

«Четыре дня Неаполя», явившиеся центральным эпизодом Сопротивления на Юге, воплотили все характерные черты движения в этой части страны. В Матере, Террадель Лаворо, Капуа и многих других провинциальных городах Юга восстания также были стихийными. Они не были связаны воедино и не приняли характера планомерной партизанской войны, как на Севере. Это произошло, во-первых, потому, что оккупация Южной Италии продолжалась всего несколько недель, и, во-вторых, из-за отсутствия на Юге масс промышленного пролетариата, являвшегося на Севере организующей силой всего движения.

Главная роль в истории итальянского движения Сопротивления принадлежит центральным и особенно северным областям страны. Здесь итальянский народ, сражаясь с немецко-фашистскими оккупантами и с возродившимся итальянским фашизмом, сумел одержать победу в длительной и кровопролитной борьбе.

³⁵ L'Unità, 1944, 28 sett.

³⁶ Батталья Р. История итальянского движения Сопротивления. М., 1954, с. 146.

В итальянской антифашистской исторической литературе идет острая дискуссия о том, как началось движение Сопротивления, какие силы вызвали столь мощный и героический порыв широких народных масс. Среди буржуазных историков распространено утверждение, что это движение никто не организовывал. Каждый услышал, говорят они, в глубине души призыв: для одних это был призыв родины, для других — голос совести или «небесных сил». Такие теории чаще всего исходят от людей, которые, будучи противниками фашизма, как правило, не внесли конкретного вклада в борьбу. Они ставят определенную политическую цель — принизить значение и глубину этого движения, умалить в нем роль рабочего класса и Итальянской коммунистической партии.

Для того чтобы правильно разобраться в истоках и движущих силах национально-освободительной борьбы, следует иметь в виду позиции различных классов в тот период. П. Тольятти писал, что на политической арене в Италии действовали три основные силы: «Главной силой является новый руководящий класс, который, действуя смело и вместе с тем мудро, стал во главе нации. С другой стороны, остатки старого класса — буржуазии, стремившиеся прийти в себя и вновь одержать верх (речь идет, разумеется, не о „республике Сало“ — это были уже никуда негодные обломки, а о том, что происходило в подлинной Италии, оккупированной и неоккупированной, Италии, борющейся за свое освобождение), и рядом с ними — англо-американские оккупационные власти со своей превосходящей, подавляющей военной мощью»³⁷.

Если новый руководящий класс — рабочий класс Италии еще до падения режима Муссолини доказал свою готовность к широким и решительным выступлениям против фашизма, то ведущая сила правящего класса — крупная финансовая и промышленная буржуазия Северной Италии явилась вдохновителем тактики «выживания». Не примкнув безраздельно к «республике Сало», крупные промышленники прибегали к двойной игре: с одной стороны, они сотрудничали с немцами, получая доходы от военных заказов, а с другой — готовили себе политические позиции на будущее, для чего налаживали связи с правыми партиями, принимавшими участие в движении Сопротивления и способными (по их мнению) послужить защитой от «опасности» коммунизма. Круп-

³⁷ Там же, с. 11.

ная буржуазия понимала, что ожесточенная борьба масс угрожает ее политическим позициям. Поэтому промышленники всячески доказывали «безрассудность массовой борьбы против немецко-фашистских оккупантов» и призывали «терпеть» и спокойно дожидаться прихода англо-американских войск.

Политика выжидания и маневры, предпринимаемые ее сторонниками, представляли наибольшую опасность в первые месяцы борьбы. Пагубное влияние этой политики с особой силой сказалось в Риме, где консервативные партии занимали довольно сильные позиции в руководящем органе движения Сопротивления — Комитете национального освобождения (КНО).

Римский КНО был создан 9 сентября 1943 г., в день, когда монархическая клика позорно бежала, бросив осажденную врагом столицу на произвол судьбы. В КНО вошли представители шести партий: коммунистической, социалистической, Партии действия, Партии труда, христианско-демократической и либеральной.

На словах представители всех этих партий были согласны с программой развертывания борьбы против фашизма, выдвигаемой коммунистами. В манифесте о создании Комитета национального освобождения в Риме было записано: «В момент, когда нацизм пытается восстановить в Риме и в Италии своего фашистского союзника, антифашистские партии объединяются в Комитет национального освобождения, для того чтобы призвать итальянцев к борьбе и сопротивлению и вернуть Италии место, которое ей надлежит занимать в сообществе свободных наций»³⁸.

Усилия коммунистов, направленные на развертывание национально-освободительной войны, поддерживала социалистическая партия, связанная с компартией пактом единства действий. В левое крыло КНО входила также Партия действия, образовавшаяся из антифашистского движения «Справедливость и свобода» и представлявшая мелкую и отчасти среднюю буржуазию. Эта партия не имела четкой политической и социальной программы, однако благодаря активному участию в вооруженной борьбе она играла видную роль в движении Сопротивления.

Правое крыло Комитета национального освобождения составляли христианские демократы, либералы и Партия

³⁸ *Bonomi I. Diario di un anno. Milano, 1947, p. 100.*

труда. Христианско-демократическая партия представляла интересы широких слоев буржуазии и была тесно связана с Ватиканом. Ее влияние в значительной степени объяснялось поддержкой огромной армии католического духовенства. Либеральная партия — партия крупной буржуазии и помещиков — обычно выступала в блоке с христианскими демократами. Так называемая Партия труда фактически состояла из небольшой группы буржуазных деятелей, пытавшихся создать партию по образцу английской лейбористской партии. Ее влияние не распространялось за пределы Рима, и ее представители не входили в комитеты национального освобождения других городов.

Представители буржуазных партий в римском КНО стремились отвлечь внимание комитета от решения практических вопросов организации вооруженной борьбы и помощи партизанским отрядам. Сторонники политики выжидания ставили перед собой вполне конкретную задачу — парализовать народную инициативу и не допустить в городе восстания при отходе гитлеровских войск. Генерал Бенчивенга, намеченный буржуазными партиями на пост военного диктатора, говорил: «Наше главное стремление — предотвратить гражданскую войну». Это стремление правого крыла КНО всячески поддерживалось Ватиканом, обеспокоенным возможностью революционных выступлений трудящихся. На протяжении всей истории движения Сопротивления высшие церковные власти выступали с осуждением вооруженной борьбы и были инициаторами многих попыток сговора между фашистами и правыми партиями. В Риме представители Ватикана фактически руководили всеми интригами, направленными на то, чтобы отстранить левые силы от руководства движением и сорвать народное восстание.

Ввиду засилья правых группировок в КНО коммунистическая партия не смогла оказать решающего влияния на его политику. Не случайно поэтому, когда англо-американские войска в мае 1944 г. начали «битву за Рим», КНО столицы отказался от организации народного восстания и не поддержал усилий коммунистов в развертывании вооруженного партизанского движения. Столица Италии оказалась единственным крупным городом, где усилия патриотов не увенчались победоносным восстанием.

Несомненно, имелись и объективные причины, затруднявшие развитие борьбы в Риме. Это в первую очередь

социальная среда столицы, города, почти лишённого промышленного пролетариата и наводнённого чиновниками, духовенством и мелкой буржуазией. С другой стороны, репрессии гитлеровцев в Риме отличались особой жестокостью, поскольку город представлял собой важнейший центр, через который проходило снабжение немецких армий. В Риме гитлеровцы совершили одну из наиболее жестоких расправ в Италии — в Ардеатинских пещерах они расстреляли 335 заложников, в том числе многих видных деятелей движения Сопротивления.

В этих сложных условиях римские коммунисты все же сумели развернуть активную боевую деятельность. Созданные ими группы патриотического действия вписали блестящую страницу в историю Сопротивления. Своими бесстрашными налетами они держали в постоянном страхе и напряжении гитлеровцев и итальянских фашистов. Вокруг города действовало значительное число отрядов, руководимых компартией. Но это были действия авангарда, не поддержанного армией, созданию которой препятствовала пассивность или враждебное отношение буржуазных партий КНО.

В Северной Италии обстановка была совершенно иная. Антифашистские партии здесь опирались на мощную армию промышленного пролетариата, пользовавшегося поддержкой многочисленных антифашистских элементов в средних слоях города и деревни. В северных областях страны комитеты национального освобождения сразу же превратились в действенные органы политического руководства движением Сопротивления. Главенствующее положение на Севере занимал КНО Милана, принявший название Комитета национального освобождения Северной Италии (КНОСИ). КНОСИ был руководителем всего движения Сопротивления на Севере страны.

Противником развития массовой борьбы приходилось здесь тщательнее маскировать свои цели. Характерно, например, что определенные круги крупной промышленной и финансовой буржуазии были представлены в КНО в качестве делегатов христианско-демократической и либеральной партий. В таких условиях разоблачение тактики выжидания и ее непосредственных проповедников сочеталось с укреплением и расширением единого фронта всех сил, способных встать на путь борьбы с фашизмом.

Коммунисты, ведя борьбу со сторонниками политики выжидания внутри КНО, вместе с тем обращались к широким массам, способным увлечь колеблющиеся слои всех

партий, входивших в КНО. Коммунистическая партия разъясняла массам, что необходимо действовать немедленно и решительно. Только таким путем можно было сократить сроки войны и избавить народ от страданий, а города и села от разрушений, писала выходявшая в Северной Италии газета ИКП «Ностра лотта»³⁹.

Ведя борьбу со сторонниками политики выжидания, компартия стремилась на практике доказать не только необходимость, но и возможность массовых активных действий. «Для нас было ясно, — писал заместитель генерального секретаря ИКП Л. Лонго, — что никакой довод не заставит сторонников тактики выжидания изменить свою позицию, но главное заключалось вовсе не в этом... Нужно было немедленно и решительно организовать борьбу, сделать ее реальным фактом»⁴⁰.

Поэтому в первые же недели после 8 сентября компартия во всех крупных городах организовала активные боевые действия групп патриотического действия (ГАП). Эти группы состояли из четырех-пяти человек и объединялись единым командованием города или района. Их деятельность носила очень разнообразный характер: налеты на вражеские штабы, организация диверсий, свершение правосудия над фашистами, организация митингов и распространение пропагандистской литературы. В городах и районах сразу же была создана боевая атмосфера, мобилизующая массы на борьбу с германскими и итальянскими фашистами.

Однако для проведения широких боевых операций в тылу гитлеровской армии и для достижения победы над врагом необходима была массовая партизанская армия. Компартия настойчиво боролась за создание такой армии Сопротивления. Осенью 1943 г., когда только возникли первые партизанские отряды, компартия разработала и начала осуществлять план создания образцовых бригад, названных именем национального героя итальянского народа Гарибальди. Это был смелый замысел создания подлинной народной партизанской армии, организованной на совершенно иных началах, чем те, которые предлагали офицеры старой королевской армии.

Л. Лонго отмечал, что при выработке политических и организационных принципов создания народной армии итальянские коммунисты широко использовали указания

³⁹ *Secchia P. I comunisti e l'insurrezione. Roma, 1954, p. 38.*

⁴⁰ Тридцать лет жизни и борьбы..., с. 435.

Маркса, Энгельса и Ленина, обобщивших в своих работах опыт войн периода объединения Италии, а также французской и русских революций⁴¹.

Руководство компартии в Северной Италии разослало всем организациям директиву о «всеобщей мобилизации», согласно которой 50% всех партийных работников, начиная с ячейки, следовало направить на военную работу, а 15% — непосредственно в горные отряды⁴². Направляя в отряды свои лучшие кадры, компартия в то же время разъяснила, что гарибальдийские бригады не могут быть придатком партии, а являются самостоятельной организацией с собственным командованием и структурой. Единственным условием вступления в них было искреннее намерение сражаться с фашизмом. Командные кадры этих бригад формировались из людей, часто не имевших военного образования, но доказавших на деле свое стремление с оружием в руках бороться против фашизма и способность повести за собой людей.

Важную роль в партизанских отрядах играли политические комиссары. Представители других партий противились введению института политических комиссаров. Позже они убедились в правильности этого шага коммунистов и сами начали вводить в своих отрядах должности, соответствующие функциям политкомиссаров. Более того, в период объединения партизанских отрядов должность политического комиссара была официально утверждена декретом КНОСИ.

Гарибальдийцы отказались от системы «жесткой обороны», которую предлагали «военные специалисты». Они наносили стремительные удары по врагу, стараясь застать его врасплох, и уклонялись от встречи с превосходящими силами противника. Это была тактика, соответствующая духу народной, партизанской войны. Генерал Кадорна, ставший впоследствии командующим всеми партизанскими силами, писал после посещения отрядов видного организатора гарибальдийских бригад В. Москателли: «Следует признать, что Москателли одним из первых усвоил и применил на практике своеобразие партизанской войны и благодаря этому его отряды наносили большой ущерб врагу, неся в то же время относительно небольшие потери»⁴³.

⁴¹ Longo L. Sulla via dell'insurrezione nazionale. Roma, 1954, p. XV.

⁴² Per la libertà e l'indipendenza d'Italia. Roma, 1946, p. 86.

⁴³ Cadorna R. La Riscossa. Milano, 1948, p. 171.

Создание гарibaldiйских бригад явилось переломным моментом в ходе вооруженной антифашистской борьбы в Италии.

Инициатива коммунистов побудила и другие партии приступить к созданию боевых отрядов. На этот путь стали Партия действия и социалисты. В некоторых районах Пьемонта уже в первые месяцы движения Сопротивления были созданы отряды Партии действия, выросшие затем в бригады и дивизии. По своей численности отряды этой партии, во главе которых стоял видный деятель движения Сопротивления, будущий глава первого послевоенного итальянского правительства Ф. Парри, занимали второе место после гарibaldiйцев.

Социалистическая партия при создании своих отрядов (они носили имя Маттеотти) стремилась использовать опыт коммунистов.

Христианско-демократическая и либеральная партии были против расширения вооруженной борьбы и пытались свести партизанскую войну к действиям небольших разведывательных и диверсионных групп под контролем англичан и американцев. Однако, опасаясь усиления влияния в массах левых партий, они стали создавать свои отряды и налаживать контакты с так называемыми автономными отрядами⁴⁴.

Зима 1943/44 г. была периодом непрерывного расширения вооруженной борьбы итальянского народа против фашизма. Если в первые месяцы боевые действия партизан имели целью главным образом захват оружия, продовольствия и обмундирования, то уже в декабре 1943 г. можно отметить попытки совместных действий нескольких отрядов против довольно значительных сил врага. Так, в Пьемонте партизаны только что созданной 2-й бригады Гарibaldi, заняв небольшой городок Виладосолу, удерживали его больше суток и отступили лишь после того, как оккупанты получили сильные подкрепления из Милана. Партизаны района Кунео захватили полевой аэродром и сожгли 52 самолета. В пригороде Бьеллы

⁴⁴ Наряду с так называемыми политическими партизанскими отрядами, т. е. отрядами, организованными политическими партиями и подчинявшимися комитетам национального освобождения, в Северной Италии в тот период имелись «автономные» отряды, не подчинявшиеся непосредственно КНО и состоявшие, как правило, из солдат и офицеров старой итальянской армии. Во главе таких отрядов часто стояли офицеры-монархисты, и в политическом отношении эти отряды тяготели к буржуазным партиям.

за несколько недель было разоружено 18 фашистских гарнизонов. В Эмилии и Тоскане, где проходили важные линии коммуникаций, соединявшие Юг и Север страны, партизаны особенно часто совершали диверсии на железных дорогах. Только в провинции Болонья движение поездов прерывалось более 20 раз. Одной из самых удачных операций партизан области Лацио был взрыв немецкого эшелона на линии Рим — Кассино, в результате которого было уничтожено более 400 гитлеровцев. Отряды ГАП Турина проникли в помещение штаба войск СС и подорвали его. Во Флоренции 15 января партизаны заложили мины замедленного действия одновременно во все важнейшие здания, занимаемые немецкими и итальянскими фашистами. Взрывы вызвали общую панику: фашисты стали готовиться к эвакуации.

Все эти факты представляют собой лишь небольшую часть повседневных действий мужественных патриотов, разжигавших по всей Италии огонь партизанской войны.

Весна 1944 г. ознаменовалась новыми успехами антифашистского движения в Италии. На освобожденной от гитлеровцев территории эти успехи выразились в создании правительства на основе партий, входивших в Комитет национального освобождения, а в оккупированной части Италии — в резком подъеме вооруженного партизанского движения, расширении борьбы рабочего класса на предприятиях и включении в движение новых слоев населения.

Находившееся в южной части страны королевское правительство Бадольо влачило жалкое существование в Бриндизи, не пользуясь никакой поддержкой в народе и не имея никакого авторитета перед англо-американскими военными властями. Правда, оно объявило 13 октября 1943 г. о том, что Италия находится в состоянии войны с фашистской Германией, однако оно ничего не делало для того, чтобы обеспечить эффективное участие итальянских вооруженных сил в военных действиях. Обстановка настойчиво требовала замены этого никого не представлявшего правительства «специалистов» правительством антифашистских партий, опирающихся на широкую поддержку народа.

Долгое время препятствием для демократизации правительства Бадольо служил вопрос о монархии, так как социалисты и Партия действия ставили условием участия в правительстве Бадольо немедленное установление республиканского строя. Вопрос о ликвидации монархии

длительное время не ропсался. Такое положение вызывало большие разногласия в Комитете национального освобождения, что было на руку английским и американским военным властям, так как это давало им возможность саботировать решение Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии, где в декларацию об Италии по предложению советской стороны был внесен специальный пункт о необходимости включения в правительство «представителей тех слоев итальянского народа, которые всегда выступали против фашизма»⁴⁵.

Выход из создавшегося положения был найден благодаря инициативе коммунистической партии. П. Тольятти, выступая 29 марта в Неаполе, куда он только что возвратился после многолетнего пребывания в эмиграции, совершенно по-новому поставил вопрос о развитии демократии в стране. До этого левые партии сходились на том, что обязательным условием всякого движения вперед является ликвидация монархии. П. Тольятти утверждал, что главным вопросом в тот момент был вопрос об освобождении страны от нацистских оккупантов. Ближайшей задачей поэтому, указывал Тольятти, является создание такого правительства, которое представляло бы весь итальянский народ и направило все свои усилия на быструю ликвидацию иностранной оккупации и на уничтожение всех остатков фашистского режима»⁴⁶.

Представители других партий признали правильным предложенное Тольятти решение, и таким образом стало возможным образование демократического правительства. Король обязался отойти от политических дел и предоставить полномочия наместника своему сыну немедленно после освобождения Рима. 24 апреля 1944 г. было создано правительство, в которое впервые в истории Италии вместе с другими демократическими партиями вошли коммунисты. Создание правительства на широкой антифашистской основе явилось крупной победой демократических сил, и эта победа была закреплена в июне, когда после освобождения Рима в результате новой реорганизации правительства партии КНО получили в нем решающее влияние.

Коммунисты в правительстве добивались создания благоприятной обстановки для ведения освободительной

⁴⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946, т. 1, с. 361.

⁴⁶ Per la libertà e l'indipendenza d'Italia, p. 65—66.

войны, единства итальянского народа в борьбе против гитлеровцев и итальянских предателей. С этой целью коммунисты предлагали привлечь регулярные итальянские войска к участию в освободительной войне. Англо-американское командование приняло это предложение, но под всяческими предлогами ограничивало эффективное участие этих частей в военных действиях.

Политические события на Юге способствовали сплочению антифашистского фронта в Северной Италии. Весной 1944 г. было ясно, что никакие силы не смогут помешать дальнейшему развитию движения Сопротивления. Провал попыток сторонников тактики выжидания направить движение по пути соглашения и примирения был важнейшим политическим итогом, достигнутым к этому времени в комитетах национального освобождения. Напротив, линия, проводившаяся коммунистической партией, открыла путь к новым успехам.

Коммунистическая партия настойчиво боролась за то, чтобы придать борьбе общенародный размах и общенациональное значение. Сделать это было гораздо труднее, чем создать партизанские отряды, потому что большинство партий не поддерживали идею распространения массовой борьбы, а иногда и относились к ней враждебно.

Коммунисты, выдвигая лозунг сочетания вооруженной борьбы партизан с борьбой трудящихся на предприятиях за экономические и профсоюзные права, твердо верили в поддержку масс. Эту уверенность они черпали в том отпоре, который давали рабочие Северной Италии фашистской республике. Рабочий класс быстро справился с тяжелыми последствиями, вызванными событиями 8 сентября. Уже в октябре 1943 г. начались отдельные забастовки, а в ноябре в таких городах, как Турин, движение охватило одновременно несколько предприятий.

Необходимо было поднять забастовочное движение на высшую ступень, превратить забастовки в организованные бои, проводимые по единому плану и подготавливающие генеральное сражение. Поэтому для руководства борьбой на заводах и фабриках коммунисты стали создавать комитеты движения. Бригады Гарибальди являлись основой создания партизанской армии, а комитеты движения должны были превратиться в штабы, которые поведут бастующий пролетариат в атаку на опорные пункты врага, указывала газета «Ностра лотта»⁴⁷.

⁴⁷ *Secchia P. I comunisti e l'insurrezione*, p. 88.

Создание комитетов движения придало большую организованность забастовочной борьбе. Во время крупной стачки в конце декабря 1943 г. в Милане рабочие начали выступление по сигналу комитета, и, несмотря на полицейские налеты и аресты, работа не возобновилась до тех пор, пока не были удовлетворены все требования бастующих. В январе движение распространилось на другие центры и охватило новые слои трудящихся.

Результаты, достигнутые в руководстве вооруженной и массовой борьбой, позволили в начале весны выдвинуть задачу проведения всеобщей забастовки, которая рассматривалась как «генеральная репетиция национального восстания». Подготовка к этой забастовке велась в невиданных до тех пор масштабах и напоминала открытое объявление войны предпринимателям и фашистам. Вся Северная Италия напряженно ждала больших событий.

Забастовка началась 1 марта по сигналу Объединенного комитета движения Пьемонта, Ломбардии и Лигурии. Точно в назначенный час большинство предприятий одновременно прекратило работу, и забастовка сразу же приобрела широкий размах.

Бастующим рабочим помогали бригады Гарибальди и ГАП. Совершая налеты на фашистов в пригородах, они отвлекали на себя силы гитлеровцев, останавливали поезда и призывали рабочих, ехавших на предприятия, присоединиться к бастующим. В некоторых случаях гарибальдийцы появлялись непосредственно на заводах и фабриках и помогали рабочим организовать стачку, как это было в Новаре, где забастовка проходила под контролем партизан. Наступление партизанских сил было столь мощным, что во многих городах население ожидало восстания со дня на день.

Организаторами борьбы были комитеты движения, созданные в дни забастовки на всех предприятиях. И хотя в большинстве мест экономические требования бастовавших не были удовлетворены, рабочие чувствовали себя победителями. «Нас интересует не только увеличение продажи жиров, мы бастуем, прежде всего чтобы быстрее покончить с фашизмом и немецкой оккупацией, мы хотим конца войны», — говорили они⁴⁸.

Мартовская забастовка 1944 г. была самым крупным выступлением рабочего класса, которое знала Италия до тех пор. В ней участвовало более 1 млн. рабочих, под-

⁴⁸ Ibid., p. 115.

держанных самыми различными слоями населения. Более 20 тыс. партизан и сотни групп патриотического действия помогали бастующим. Забастовка показала, что рабочий класс уверенно возглавил освободительное движение и способен сплотить вокруг себя самые широкие политические и социальные силы. Если в период подготовки выступления только социалистическая партия одобрила инициативу коммунистов, то в ходе самой забастовки патриотический подъем населения заставил все остальные партии изменить позицию. В результате миланский КНО и комитеты других городов примкнули к движению и выступили с обращениями, в которых солидаризировались с борьбой рабочих.

Забастовка показала, какой большой путь итальянский рабочий класс прошел со времени крупнейших мартовских выступлений 1943 г. В 1943 г. предприятия втягивались в движение, постепенно следуя примеру передовых. Если в 1943 г. организаторы движения имели крайне ограниченные возможности для обращения к бастующим через печать, то в 1944 г. вся Северная Италия была буквально наводнена нелегальными изданиями. Достаточно сказать, что только в одном Милане газета местного комитета движения «Ла фаббрика» вышла тиражом в 200 тыс. экземпляров, а количество распространенных в те дни листовок превышало 1 млн.⁴⁹ В некоторых городах, например в Турине, в дни забастовки регулярно печатались сводки комитета движения, в которых сообщалось о ходе борьбы на предприятиях.

Так же как мартовская забастовка 1943 г. послужила началом падения диктатуры Муссолини, движение в марте 1944 г. открыло дорогу национальному восстанию. «Недостаточно быть в первых рядах борьбы, недостаточно организовывать забастовки, бригады Гарибальди, отряды ГАП,— писал орган ИКП, формулируя новые задачи.— В этом направлении наша партия провела значительную работу и одержала несомненные успехи, хотя еще многое и предстоит сделать. Но для того, чтобы значительно усилить войну против Германии, для того, чтобы внести решительный вклад в уничтожение нацизма, необходимо участие всей Италии в освободительной войне... необходимо объединить и мобилизовать не только самые передовые слои народных масс, не только активные

⁴⁹ Ibid., p. 121.

силы традиционных антифашистских партий, но и все здоровые силы нашей страны»⁵⁰.

Одна из главных задач в этот период состояла в том, чтобы вовлечь в борьбу самый многочисленный класс — крестьянство. «Партизаны и рабочие в городах,— писал Л. Лонго летом 1944 г.,— решительно готовятся к восстанию. Борьба рабочих и партизанские бои последних недель это доказывают. Но абсолютно необходимое условие для победы народного восстания заключается в том, чтобы к рабочему классу, к сражающимся партизанам присоединились широкие массы крестьянства. В истории нет примера народного восстания, которое победило бы без того, чтобы к действиям рабочих и солдат не присоединились широкие массы крестьянства»⁵¹. Если в городах рабочий класс уже сплотил вокруг себя представителей различных слоев населения, то в деревне расширение единого фронта борьбы шло медленнее. За исключением Эмилии и отчасти Тосканы и Умбрии, где благодаря революционным традициям крестьянство сразу же стало одним из передовых отрядов армии Сопротивления, в остальных областях преобладало в то время настроение выжидания. Крестьянство враждебно относилось к фашизму, но не вело вооруженной борьбы. Сознание необходимости активной борьбы росло постепенно; оно рождалось под влиянием разъяснительной работы коммунистов, героического примера рабочих; крестьяне втягивались в борьбу, стремясь дать отпор бесчинствам и насилию фашистских банд, положить конец проводимым оккупантами массовым реквизициям и вывозу сельскохозяйственных продуктов.

Для перенесения войны из горных долин на равнину и подготовки восстания компартии нужно было привлечь к борьбе подавляющую часть крестьянства. Решающим фактором активизации крестьянских масс были успехи рабочего класса и партизанской армии. Постепенно сельское население убедилось, что партизаны — это сила, способная бороться против оккупантов и итальянских фашистов. Поэтому, когда весной 1944 г. Муссолини объявил призыв в фашистскую армию, молодые крестьяне стали массами уходить в горы к партизанам.

«Все более широкая помощь, которую оказывают крестьяне партизанам и забастовщикам, почти всеобщий отказ

⁵⁰ Ibid., p. 162.

⁵¹ Longo L. Sulla via dell'insurrezione nazionale, p. 249.

молодых крестьян являться на фашистские призывные пункты служат доказательством того, что в деревне складывается новая обстановка,— отмечал Л. Лонго в указанной выше статье.— Но нужно сделать больше, намного больше... В деревне необходимо создать широкую вооруженную организацию, построенную по территориальному признаку, в которую должны быть включены как крестьяне, так и люди, присланные из города»⁵².

Разжигая пламя народного восстания в деревне, компартия приступила к организации в селах отрядов патриотического действия — САП, представлявших собой массовую вооруженную организацию, действовавшую в контакте с партизанскими бригадами и местными КНО. В задачу САП входила борьба против фашистских поборов и реквизиций, срыв уплаты налогов и сдачи поставок, а также расправа с местными фашистами и предателями.

Первые САП появились в начале лета в Эмилии и за короткий срок распространились по всей оккупированной Италии. Постепенно многие из них превратились в настоящие боевые единицы, сведенные в бригады и дивизии. Не ограничиваясь обороной своих деревень, они стали наносить удары по дальним позициям врага, заставляя фашистов обороняться в своих гарнизонах.

Воодушевленные великими победами Советской Армии, непрерывно наносившей мощные удары по гитлеровским войскам, итальянские партизаны и патриоты прилагали все силы к тому, чтобы ускорить освобождение своей родины от фашизма. Партизанская армия превратилась летом 1944 г. в грозную силу, насчитывавшую в своих рядах более 82 тыс. человек (25 тыс. в Пьемонте, 14 тыс. в Лигурии, 22 тыс. в Венето, 17 тыс. в Эмилии и Тоскане, 5 тыс. в Ломбардии). Не было районов, где не действовали бы отряды ГАП и САП. Вооруженные силы Сопротивления непрерывно атаковали противника, готовясь к решающей схватке с фашизмом.

П. Тольятти в выступлении 9 июня 1944 г. говорил, что военные операции партизанской армии, переплетаясь с непрекращающимися забастовками и антифашистскими выступлениями широких масс, готовили и уже осуществляли всенародное освободительное восстание⁵³.

⁵² Ibid., p. 249—250.

⁵³ *Togliatti P. Avanti, verso la democrazia. Mosca, 1945, p. 28.*

Партизанская армия прочно взяла в свои руки инициативу и перенесла действия ближе к городам. В июне гарибальдийское командование создало «рейдовые отряды», в которые отбирались лучшие бойцы. В отличие от обычных бригад, оперировавших, как правило, в районе постоянной базы, «рейдовые отряды», передвигаясь на автомашинах, наносили противнику удары в самых неожиданных для него местах.

Наступление шло по всему фронту: крупные сражения сменялись ежедневными стычками, засадами, налетами на склады и мелкие гарнизоны фашистов. В июне отряды района Кунео в Пьемонте, получив сведения, что на аэродроме Мурелло находятся 14 немецких бомбардировщиков, совершили внезапный налет на аэродром и сожгли все самолеты. В Венето уже в мае гитлеровцы бросали против партизан целые дивизии: партизанская бригада «Фриули» в течение нескольких дней вела бой против 12 тыс. гитлеровцев и, перебив 300 фашистов, сумела выйти из окружения.

О сотнях боев и столкновений летом и осенью 1944 г. сообщают двухнедельные бюллетени Главного командования партизанских соединений. Во главе наступавших сил шли гарибальдийские формирования. 22 июня 3-я бригада Гарибальди заняла г. Торрилья, расположенный в 40 км от Генуи. В середине того же месяца 6-я бригада Гарибальди вступила в города Серавалле, Борго Сезия и Романьяно Сезия. В Пьемонте, Лигурии, Эмилии, Тоскане и Венето все больше сел и населенных пунктов переходило в руки патриотов.

В июле — августе в связи с продвижением союзников в Центральной Италии пламя партизанской войны с особой силой разгорелось в Тоскане и Марке. Задолго до прихода американо-английских войск патриоты очищали территорию от итальянских фашистов, и отступавшие немецкие колонны вынуждены были пробиваться через сплошной фронт партизанских отрядов. Толентино, Мачерата, Озимо, Сиена и многие другие города Тосканы и Марке были освобождены партизанами.

9 августа горные отряды, действовавшие вблизи Флоренции, соединились с восставшим населением и перешли в решительную атаку. После трех дней непрерывных боев столица Тосканы была освобождена. Англо-американские части вошли в город лишь спустя шесть дней.

В сентябре в Эмилии и Романье борьба приняла характер всенародного восстания. 25 партизанских бригад

и бригады ГАП атаковали гитлеровцев и итальянских фашистов. Отряды САП возглавили выступления сельского населения. Во многих городах трудящиеся штурмовали префектуры и мэрии, уничтожали налоговые регистры и другие документы, расправлялись с местными фашистами и их пособниками. О масштабах битвы в Эмилии говорит число вражеских потерь: только за две недели сентября было уничтожено 2200 гитлеровских солдат и офицеров и большое количество военной техники. Партизанское командование Эмилии сконцентрировало в Болонье значительные силы и 7 ноября, в день 27-й годовщины Великого Октября, нанесло гитлеровцам сокрушительный удар.

После кровопролитных боев, в которых участвовали артиллерия и танки, гитлеровцы, потеряв более 250 человек убитыми, отступили. Центр города в течение нескольких дней находился в руках партизан.

Партизаны и патриоты Эмилии, которую называли «красной Эмилией», осенью 1944 г. ликвидировали власть фашистской администрации почти во всей области. Гитлеровцы смогли сохранить органы «республики» Муссолини лишь в отдельных пунктах.

Терпя поражения в боях с партизанами и предчувствуя надвигающуюся гибель, фашисты пытались ослабить размах освободительного движения массовым террором и жестоко расправлялись с мирным населением.

Варварские приказы и распоряжения гитлеровских оккупантов и их прихвостней следовали один за другим. Весной 1944 г. Муссолини издал декрет о предании смертной казни всех, кто оказывал какую-либо помощь партизанам. В августе того же года гитлеровский командующий в Италии Кессельринг приказал расстреливать заложников за каждую операцию партизан, сжигать дома и кварталы, вблизи которых было произведено нападение на немецких солдат. Немецкое командование создало специальные «центры по борьбе с партизанами», имевшие в своем распоряжении значительное количество воинских частей.

В июне число карательных операций эсэсовцев и итальянских фашистов достигло в Лигурии — 51, в Ломбардии — 25, в Эмилии и Романье — 32, в Венето — 18 и в Пьемонте — 111. Несмотря на то что в этих экспедициях фашистские войска, как правило, поддерживались артиллерией, танками и самолетами, им не удалось разбить партизан.

Бессильную ярость фашисты вымещали на партизанах, захваченных в плен. Попавшие в руки врага патриоты подвергались чудовищным истязаниям. В Оссоле (Ломбардия) фашисты подвешивали пленных партизан за ребра на железных крюках. В Казалеккио (Эмилия) эсэсовцы привязали 20 пленных гарибальдийцев к столбам и, прострелив им сначала ноги, а затем руки, долго «наслаждались» зрелищем агонии.

В Италии нет человека, который не слышал бы о небольшом городе Марцаботто в Эмилии. 23 сентября 1944 г. два полка эсэсовской дивизии «Адольф Гитлер» окружили Марцаботто и прилегающие к нему села, многие жители которых ушли в партизанские отряды. Три дня длилась кровавая оргия. Потерявшие всякий человеческий облик эсэсовцы загоняли людей в сараи и сжигали заживо, распарывали кинжалами животы женщинам и разбивали прикладами головы грудным младенцам. Две тысячи человек — более половины жителей — погибли от рук фашистских извергов...

Старый коммунист-подпольщик Эвзебио Джамбоне вместе с другими членами КНО Пьемонта был арестован и приговорен к расстрелу. После оглашения приговора он гордо заявил своим палачам: «Как рабочий и как коммунист, я 25 лет боролся за свержение фашизма. Как рабочий и как итальянец, я горжусь этой борьбой и горжусь тем, что отдаю жизнь за свободу и независимость моего народа»^{53а}.

Среди героев итальянского движения Сопротивления были и представители других наций. Во многих отрядах сражались военнопленные, бежавшие из лагерей, люди, высланные в Италию из других стран или насильно мобилизованные в немецкую армию: англичане и новозеландцы, австралийцы и американцы, чехи и югославы.

Активное участие в антифашистской борьбе в Италии принимали советские граждане.

Итальянские партизаны хорошо помнят имя Федора Поэтана (Полетаева), посмертно награжденного итальянским правительством Золотой медалью за воинскую доблесть. «Когда он пришел в горы, — рассказывают его товарищи по отряду, — мы его спросили:

- Как тебя зовут?
- Федор, — ответил он.
- Русский?

^{53а} *Pesce G. Soldati senza uniforme. Roma, 1950, p. 68.*

- Русский.
- Откуда ты?
- Из немецкого концентрационного лагеря.
- Почему ты решил бороться вместе с нами?
- Чтобы все люди были свободными и равными.

Он был огромный, как дуб, настоящий Геркулес, добрый и смелый. Он был самый лучший из нас»⁵⁴.

Во время боя Ф. Поэтан во главе небольшой группы смельчаков пробрался в тыл крупного немецкого отряда, окружившего партизанскую дивизию. Смелая и неожиданная атака пулеметчиков Поэтана заставила гитлеровцев в панике отступить. В этом бою героически погиб Ф. Поэтан.

Иногда не удавалось даже установить имена тех русских героев, которые отдали свою жизнь за свободу и независимость итальянского народа. Так было с двумя русскими военнопленными, подавшими сигнал к восстанию против гитлеровцев в небольшом южном городке Санта-Мария Капуа Ветере и павшими в этом бою. В других случаях русские составляли целые подразделения и отряды. О героизме этих отрядов хорошо знали не только друзья, но и враги. В группе дивизий «Модена», одной из самых боевых частей, был русский батальон под командованием Переладова. «Громкое „ура!“ делало их в глазах противника во сто раз сильнее, они были грозой эсэсовцев», — пишет об этом батальоне писатель Сильвио Микели.

Трудно сказать, сколько русских сражалось вместе с итальянскими партизанами, вспоминает один из руководителей партизанского движения в Лигурии Сербандини (Бини). Только в соединении, где воевал Федор, из 1178 бойцов 49 были советскими гражданами. Из них восемь погибли в боях⁵⁵. Нет в Италии партизанского района, который не сохранил бы в памяти вместе с «Катюшей», любимой песней итальянских партизан, своих михайлов, своих александров, своих викторов и григориев. Русские имена рядом с итальянскими можно увидеть «на многочисленных мемориальных досках на горных кладбищах в Альпах и Апеннинах. На могилах павших советских бойцов всегда свежие цветы как знак вечной памяти и признательности»⁵⁶.

⁵⁴ *Батталья Р.* Указ. соч., с. 377—378.

⁵⁵ См.: Объединение Италии. М., 1963, с. 340.

⁵⁶ Там же, с. 342.

Летом 1944 г. движение Сопротивления не только достигло своего наибольшего размаха, но и сделало дальнейшие шаги в укреплении политического и военного руководства, в определении общих целей борьбы.

Патриоты и партизаны не имели специально написанной программы на будущее. Однако многие документы руководящих органов Сопротивления показывают, что в умах итальянских патриотов задача освобождения страны все теснее связывалась с задачей социального обновления. КНО Северной Италии, выражая политические идеалы Сопротивления, писал в своей резолюции: «В Италии будущего не будет места для режима замаскированной реакции или урезанной демократии. Новой политической, социальной и экономической системой может быть только глубокая и действенная демократия. КНО является прообразом будущего правительства. В этом правительстве рабочие, крестьяне, ремесленники — все трудящиеся классы будут иметь решающее влияние, и партии, представляющие их, займут в нем место, соответствующее их весу»⁵⁷.

Такое определение целей борьбы отражало решающую роль партии рабочего класса в движении Сопротивления. В редакционной статье органа ИКП «Ринашита» в августе 1944 г. говорилось: «Рабочий класс в настоящий момент ставит перед собой задачи, за которые он должен бороться всеми силами: изгнание и окончательный разгром немецких оккупантов из Северной Италии, уничтожение фашистских предателей и искоренение фашизма, установление режима прогрессивной демократии, т. е. создание таких политических и экономических условий, при которых фашизм никогда не сможет возродиться»⁵⁸.

Во всех партиях в этот период на первый план выдвинулись люди, занимавшие наиболее прогрессивные позиции. Передовые взгляды распространялись среди рядовых партизан, сражавшихся в отрядах Партии действия и «автономных» отрядах.

В соглашении, заключенном 17 августа 1944 г. между бригадами Партии действия района Кунео и «автономными» отрядами, действовавшими в районе Монреале и Ланге, говорилось: «Борьба против немцев и фашистов является лишь предпосылкой и этапом на пути к достижению нашей конечной цели, заключающейся прежде

⁵⁷ *Pesce G. Soldati senza uniforme. Roma, 1950, p. 68.*

⁵⁸ *Per la libertà e l'indipendenza d'Italia, p. 91.*

всего в коренном политическом, моральном и социальном обновлении страны... Мы боремся за установление здоровой демократии, за достижение полной свободы, уважение человеческой личности, уничтожение всяческих привилегий, за достижение социальной справедливости. Мы хотим, чтобы итальянский народ мог свободно и искренне, без всякого давления со стороны, выразить свою волю и избрать для себя наиболее подходящее устройство»⁵⁹.

После освобождения Рима и прекращения деятельности центрального КНО на оккупированной территории значение КНО Северной Италии еще более возросло. Ряд постановлений, принятых им в этот период, ясно показывал, что КНО Северной Италии окончательно определил свое место в борьбе и полностью осознал ответственность, возлагаемую на него народным движением. 2 июня 1944 г. КНО Северной Италии объявил себя правительственным органом и заявил, что его целью является подготовка национального восстания. В другом постановлении от 14 июня КНО конкретно сформулировал характер восстания, определяя его как ряд непрерывных нарастающих боев, которые подготовят решающую схватку, поддержанную всеобщей забастовкой.

В это же время были признаны полноправными органами Сопротивления такие массовые организации, как «Фронт молодежи» и «Группы защиты женщины». Эти организации, созданные по инициативе коммунистов и насчитывавшие десятки тысяч членов, долгое время оставались вне КНО из-за сопротивления консервативных партий. Их признание еще более укрепило массовую базу комитетов национального освобождения и придало их деятельности больший размах.

Расширение вооруженной освободительной борьбы выдвигало новые проблемы военного характера, выходившие за пределы компетенции политических органов. Например, необходимо было указать место действий тому или иному партизанскому соединению, координировать операции между отрядами различных партий, распределить между ними продовольствие, оружие и т. д. Все это требовало организации при КНО единого военного командования. Такой орган был официально создан 9 июня 1944 г. под названием Главное командование Корпуса добровольцев свободы. Руководящее положение

⁵⁹ *Battaglia R., Garritano G. Breve storia della Resistenza Italiana. Novara, 1955, p. 213.*

в нем заняли Л. Лонго (ИКП) и руководитель Партии действия Ф. Парри, т. е. представители партий, проявивших наибольшую боевую активность. Главное командование опиралось на сеть периферийных органов, которые начали создаваться в областях, партизанских зонах. Его инструкции придавали действиям патриотов более планомерный характер, улучшали взаимодействие между различными отрядами.

О размахе движения Соппротивления в 1944 г. говорит тот факт, что в операциях против партизан в конце лета, кроме всех вооруженных формирований Муссолини, равных примерно пяти-семи дивизиям, постоянно было занято не менее семи-деяти дивизий немцев, т. е. почти треть всей их армии в Италии. Гитлеровский командующий в Италии Кессельринг в мемуарах признает, что партизаны представляли в то время «огромную угрозу» немецкой армии⁶⁰.

В результате боевых действий партизан множились освобожденные районы. Из долины Вальсезия, недалеко от г. Бьеллы, фашисты были изгнаны уже в начале июня. Между Генуей и Пьяченцой освобожденный район простирался на 150 км. В Эмилии наиболее крупная свободная зона — «Республика Монтефьерино» — героически отражала многочисленные атаки фашистов, причем вместе с партизанами в боях участвовало почти все население освобожденных сел. В Пьемонте крупнейший партизанский район Валь ди Ланцо находился всего в 30 км от Турина. Севернее Мондови партизаны контролировали территорию со 150-тысячным населением. «Республика Домодосола» в Ломбардии имела постоянную радиосвязь с итальянским правительством в Риме.

В общей сложности летом и осенью 1944 г. в Северной и Центральной Италии существовало более 15 освобожденных районов.

С приходом партизан в селениях и общинах устанавливалось подлинное народовластие. «Необходимо,— писала газета гарибальдийских бригад „Комбаттенте“,— чтобы там, где прошли партизаны, преподавался неизгладимый урок большого политического значения: „партизанские“ селения, свободные зоны должны стать образцовыми для итальянского демократического государства; мужчины, женщины, юноши этих зон должны уметь засвидетельствовать всякому, что можно жить свободными, что свобода

⁶⁰ *Catalano F. Storia del CLNAI. Bari, 1956, p. 162.*

является ценным даром, ради которого должно сражаться, за который можно умереть»⁶¹. В первые же дни на общих собраниях населения избирались коммунальные «джунты» — органы административного управления. В то время как КНО были политическими органами мобилизации и руководства масс, народные джунты занимались разрешением многочисленных и сложных вопросов внутренней жизни населения освобожденных городов и сел.

Новые народно-демократические органы развивали бурную деятельность: внутренние ресурсы района максимально использовались для обеспечения нужд партизанских соединений и населения, вводилось справедливое распределение продовольственных запасов, устанавливались твердые цены и велась жестокая борьба с черным рынком.

Опираясь на волю большинства населения, КНО и народные джунты проводили коренные преобразования и решительно подавляли сопротивление профашистских элементов. У крупных владельцев производились реквизиции, на имущество вводился высокий прогрессивный налог. Народные трибуналы очищали район от фашистов и предателей, сотрудничавших с гитлеровцами. «В Северной Италии,— писала „Унита“, — фашизм существует только номинально, в виде... декретов»⁶².

Антифашистская печать в этот период призывала к всемерному усилению борьбы против фашизма, к началу всеобщего восстания. 10 сентября англо-американские войска повели наступление на так называемую готскую линию обороны, которая через несколько дней была прорвана в направлении Болоньи. Призывы, с которыми союзное командование обращалось к итальянским патриотам, давали все основания предполагать, что речь идет о генеральном наступлении. Но, спустившись с гор и выйдя в долину р. По, англо-американские войска замедлили свое продвижение, а затем окончательно остановились.

Неожиданная остановка наступления союзников поставила итальянских партизан в очень трудное положение. Она дала возможность гитлеровскому командованию снять с фронта значительные силы и бросить их против партизан. Гитлеровский штаб разработал единый план операций для всей Северной Италии, по которому против одного района концентрировалось сразу несколько дивизий с целью окружить и уничтожить партизанские соединения. Партизаны были вынуждены оставить ряд районов, освобожденных ими в ходе летних боев.

⁶¹ Лонго Л. Указ. соч., с. 266.

⁶² L'Unità, 1944, 18 nov.

В самый разгар немецкого контрнаступления главнокомандующий англо-американскими войсками Александер призвал партизан «разойтись по домам в ожидании новых инструкций»⁶³. Это заявление было на руку гитлеровцам и итальянским фашистам, которые поспешили распространить его по радио и в печати. Муссолини, долгое время хранивший молчание, начал усиленно призывать «к национальному согласию». Вслед за ним вся фашистская печать запестрела обращениями к итальянцам, сражающимся «по ту сторону баррикад», с предложениями прекратить «междоусобную войну» и установить «гражданский мир».

Движение итальянских патриотов с самого начала встречало настороженность со стороны руководящих кругов Англии и США, которые с беспокойством отмечали ведущую роль в нем партии рабочего класса. Как свидетельствует Ф. Парри, имевший ряд встреч с английскими и американскими резидентами в Швейцарии, «партизанское движение с первых же шагов пошло не по тому пути, который мог бы быть приемлем для союзников»⁶⁴. «Союзники предпочитали иметь в послефашистской Италии военное и авторитарное государство, — пишет он, — они опасались народного восстания, тех национальных требований, которые оно могло выдвинуть, и решительных форм, которые оно могло принять; они всегда стремились придать нашей борьбе менее острый характер»⁶⁵.

По мнению англо-американского командования, итальянские партизаны должны были ограничить свои действия лишь диверсионной деятельностью и сбором разведывательных данных. Поэтому, когда партизанское движение окрепло и в его рядах все более настойчиво стали раздаваться требования демократического обновления страны, англо-американское командование начало проявлять к нему усиленный интерес. Но это был интерес особого рода. Специально созданные для этой цели отделы американской и английской разведок начали усиленно засылать на оккупированную территорию свои миссии. В задачу миссий входило, минуя центральные органы Сопротивления, налаживать связи с некоммунистическими партизанскими отрядами и по возможности навязывать им свое руководство. Союзнические миссии располагали большими возможностями, поскольку именно

⁶³ См.: *Батталья Р.* Указ. соч., с. 524.

⁶⁴ *Enciclopedia Italiana*, 1938—1948. Roma, 1950, vol. 2. Resistenza.

⁶⁵ *Una lotta nel suo corso.* Venezia, 1954, p. IX.

они давали сведения о политической «благонадежности» того или иного отряда и целесообразности его снабжения по воздуху оружием и боеприпасами.

Наряду с посылкой миссий англичане и американцы интенсивно налаживали контакты с представителями буржуазных партий, входивших в КНО. Так, начальник разведки Партии действия Боэри был одновременно главой крупнейшей союзнической резидентуры. Руководящие группы Партии действия во Флоренции и Генуе также опирались на разведывательные миссии англичан и американцев. Крупнейшая организация либеральной партии — подпольная группа «Франки» — возглавлялась итальянским офицером Соньо, окончившим английскую разведывательную школу и работавшим на Севере в качестве английского разведчика. В интересах либеральной партии действовал также генерал Кадорна, которого союзники предложили летом 1944 г. назначить командующим Корпусом добровольцев свободы.

Выдвижение Кадорны на этот пост представляло собой маневр, имевший целью взять под контроль национально-освободительное движение. Прибыв в августе 1944 г. в Северную Италию, Кадорна заявил, что у него имеются инструкции от союзников и итальянского правительства о «недопустимости того, чтобы политические влияния мешали развитию движения». Он развил активную деятельность, стремясь отстранить от руководства движением коммунистов. Однако очень скоро Кадорна убедился, что невозможно обойтись без сотрудничества с партией, которая руководила подавляющим большинством отрядов и фактически была единственной партией, имевшей хорошо налаженную связь на оккупированной территории. После длительных дискуссий ему пришлось согласиться на более скромный пост военного консультанта. Все его попытки создать себе опору в партизанских отрядах для противодействия левым партиям не дали результатов.

Поведение англо-американского командования и трудности, с которыми столкнулись партизаны после остановки наступления союзных войск в октябре 1944 г., дали основание для нового выступления христианских демократов и либералов внутри КНО. Они пытались доказать Главному командованию партизанскими силами целесообразность «советов» Александера и настаивали на прекращении борьбы «на зимний период».

В этот трудный момент твердая позиция наиболее активных и последовательных сил Сопротивления, воз-

главляемых коммунистами, предотвратила возможную опасность замешательства. В специальном письме командования Корпуса добровольцев свободы, написанном Луджи Лонго и разосланном всем отрядам, разоблачалась бессмысленность и пагубность советов английского фельдмаршала. «Не следует забывать,— говорилось в письме,— что партизанская борьба для итальянского народа и для каждого отдельного бойца не была капризом или роскошью, от которой можно отказаться, когда захочется. Она вытекала и вытекает из необходимости повседневной защиты материального, политического и морального достоинства итальянского народа; она вытекала и вытекает для всех патриотов из необходимости защищать свою личную свободу и свое существование»⁶⁶.

Партизанское командование напоминало, что «на Восточном фронте советские войска подошли к Будапешту и решительно продвигаются на Запад... Зима никогда не являлась препятствием для Красной Армии, которая проводила в зимний период крупнейшие операции». Командование дало указание всем партизанским соединениям продолжать борьбу: «Наши штабы не могут и не должны ориентироваться на демобилизацию, а обязаны улучшать и расширять организацию и повышать боеспособность»⁶⁷.

В письме содержались подробные и четкие указания о тактике партизанской войны в новых условиях. В частности, указывалось, что, попав в окружение превосходящих сил противника, партизанские отряды не должны уходить в горы, а, прорываясь через боевые порядки противника, должны вырваться на оперативный простор — на равнину. «Спуск на равнину», осуществленный гарибальдийцами, послужил примером для всей партизанской армии. Установка Главного командования давала возможность сохранить партизанские соединения и переносила центр борьбы ближе к крупным городам, облегчала организацию взаимопомощи населения и партизанской армии.

Лозунг, выдвинутый компартией, — «Борьба против голода и террора» — стал программой действий комитетов национального освобождения, массовых молодежных и женских антифашистских организаций. Замечательным примером народной солидарности явились проводившие-

⁶⁶ *Батталья Р.* Указ. соч., с. 560.

⁶⁷ *Per la libertà e l'indipendenza d'Italia*, p. 106.

ся по всей стране зимой 1944 г. Недели партизана. Рабочие на предприятиях бросали работу и проводили антифашистские митинги, во время которых собирали средства для партизан. Члены женских и молодежных организаций доставляли в отряды десятки тысяч посылок с теплой одеждой, медикаментами, обувью и другими вещами, столь необходимыми бойцам в горах. Недели партизана проходили повсеместно с огромным успехом.

Широкая народная поддержка позволила партизанам перенести трудные месяцы гитлеровского контрнаступления. Выступая на заседании национального совета ИКП в апреле 1944 г., П. Тольятти говорил:

«Несмотря на то что со всех сторон нам советовали, а иногда и приказывали отказаться от борьбы и вернуться по домам, борьба в зимние месяцы продолжалась и число бойцов Корпуса добровольцев свободы увеличилось, армия Сопротивления стала более сплоченной, более организованной, более сильной, чем раньше. Итальянцы доказали, что они могут выполнять свой национальный долг гораздо успешнее тогда, когда не находятся под опекой, — они это доказали, несмотря на то что и с итальянской стороны были люди, которые старались помешать этому военному усилию»⁶⁸.

Рост партизанского движения вынудил англо-американское командование в Италии пойти в декабре 1944 г. на официальные переговоры с КНО Северной Италии. В результате переговоров были подписаны так называемые римские протоколы, где не только фактически, но и юридически КНО признавался правительством Северной Италии. Юридическое признание КНО обязывало союзников вести сношения с партизанскими отрядами через центральные органы движения Сопротивления. Это затрудняло маневры англо-американских миссий и давало возможность КНО и Корпусу добровольцев свободы самим распределять оружие и средства, получаемые по воздуху.

В феврале 1945 г. начался новый подъем национально-освободительной борьбы. Он совпал с началом мощного наступления Советской Армии по всему фронту — от Балтийского моря до Карпат. В ходе наступления советские войска взломали оборону гитлеровцев и открыли дорогу на Берлин.

17 января КНО Северной Италии обнародовал приветствие Красной Армии. Обращаясь к советским армиям,

⁶⁸ L'Unità, 1945, 8 apr.

высший политический орган итальянского Сопротивления горячо приветствовал народы и армии Советского Союза, героизм которых порождает у итальянских патриотов новый энтузиазм и новый порыв к решающему сражению⁶⁹. Этот документ был подписан всеми партиями КНО.

В феврале — марте 1945 г., т. е. в то время, когда англо-американские войска еще не двинулись с зимних позиций, партизанское наступление развернулось полным ходом. Во главе наступления шли бригады Гарибальди. «Маршем на сближение» назвал Л. Лонго это наступление.

В рядах итальянских фашистов началась паника. Дезертирство из армии и полиции, бегство с постов чиновников и администрации приняли массовый характер. Постоянные призывы в «фашистскую гвардию» приводили лишь к тому, что все новые массы молодежи уходили к партизанам. Популярный партизанский командир Чино Москателли рассказывал: «Когда „республика Сало“ объявила новый набор, то деревенский староста, как это водится по традиции, собирал призывников. Начинались танцы и веселье, а затем молодые люди, провожаемые всей деревней, направлялись к нам в горы. Приказ фашистов часто „соблюдался“ по всем пунктам — призывники являлись с запасом продуктов на одни сутки. В деревнях шутили, что Москателли собирается потребовать от Муссолини прекращения призывов, так как он уже не знает, куда девать столько новобранцев»⁷⁰.

Приближение часа решительного выступления масс заставляло все консервативные силы лихорадочно искать способы предотвращения назревающего взрыва народного гнева. Беспокойство англо-американских властей находило отражение в официальных документах. Так, в отчете английского командования от 4 февраля 1945 г. говорилось: «Британские миссии связи получили указания препятствовать неорганизованному вооружению партизан»⁷¹. Одним из следствий этих указаний было, в частности, письмо англо-американской военной миссии при КНО Пьемонта от 25 марта 1945 г., в котором указывалось: «Союзное командование не может допустить увели-

⁶⁹ См.: *Батталья Р.* Указ. соч., с. 564.

⁷⁰ *L'Unità*, 1945, 10 giugno.

⁷¹ *Enciclopedia Italiana*, 1938—1948, vol. 2. Resistenza.

чения партизанских формирований по сравнению с уровнем, достигнутым на 1 марта»⁷².

Несмотря на все трудности, компартия продолжала твердо держать курс на скорейшую подготовку всенародного освободительного восстания. 12 марта руководство компартии в Северной Италии призвало население к восстанию. «Восстание, к которому мы стремимся,— говорил Тольятти,— не является и не может быть восстанием одного класса или одной партии. Это восстание всего народа за независимость и за демократию, восстание, поднятое под трехцветным знаменем — символом единства всего народа, согласно традициям героев, сражавшихся и жертвовавших собой в ходе первого итальянского Рисорджименто ради единой, свободной и независимой Италии»⁷³.

В марте Главное командование Корпуса добровольцев свободы довело численность своих сил до 100—150 тыс. человек, разделенных на 43 зоны, 104 дивизии, свыше 52 горных бригад, примерно 10 тыс. бойцов в отрядах ГАП и САП, действовавших на равнине и в городах⁷⁴. В весенние месяцы 1945 г. под руководством комитетов действия были проведены сотни забастовок. Фактически уже с конца февраля промышленность Северной Италии была парализована. Коммунисты организовывали борьбу рабочих за спасение предприятий от разграбления гитлеровцами. Оборудование и станки укрывали в надежных местах, увозили в горы, отряды САП осуществляли охрану заводов и фабрик.

10 апреля руководство компартии в Северной Италии разослало «Директиву № 16», один из важнейших документов кануна восстания. В директиве указывалось, что час решительного выступления настал: «Красная Армия готовится нанести на Одере последний удар гитлеровской Германии. Мы также должны развернуть окончательное наступление. Речь идет уже не об усилении партизанской борьбы, а о начале восстания».

Руководство ИКП предупреждало всех коммунистов: «В этот решительный момент борьбы возможны тайные и открытые маневры, направленные к тому, чтобы воспрепятствовать и сорвать восстание и особенно не допустить, чтобы оно приняло народный характер. Может

⁷² Cahiers de l'histoire de la guerre, 1950, N 3, p. 107.

⁷³ Тридцать лет жизни и борьбы..., с. 503.

⁷⁴ См.: Лонго Л. Указ. соч., с. 343.

быть, эта директива будет последней, которую наши организации смогут получить из центра». Директива еще раз твердо предписывала коммунистам бороться со всеми предательскими попытками сорвать выступление, если даже они исходят от «самых высших итальянских и иностранных властей»⁷⁵.

19 апреля вопреки «предостережениям» американо-английских представителей партизанское командование Эмилии-Романьи, во главе которого стоял коммунист Баронтини, отдало приказ о наступлении всеми силами партизан и патриотов на Болонью. После кровопролитного боя, в котором немцы потеряли 300 человек убитыми и более 1 тыс. пленными, город был освобожден. За несколько дней до этого отряды популярного командира партизан Арриго Болдрини заняли Равенну, Форли и другие города Адриатического побережья. Особенно ожесточенным было сопротивление гитлеровцев в Модене, Имоле и Ферраре, где они сконцентрировали значительные силы. Здесь, как и во всех городах Эмилии, усилия партизан были поддержаны восстанием всего населения. Только в Модене силы сражавшихся патриотов насчитывали 12 800 человек, из которых 1052 пали в боях на улицах родного города.

Восстание стремительно нарастало по всей Северной Италии. Оперативные планы восстания для большинства областей были составлены еще летом и осенью 1944 г. и уточнены весной 1945 г. Эти планы предусматривали тесное взаимодействие между партизанскими частями и группами патриотов в городах. Обращалось также внимание на содействие забастовочному движению. Каждому партизанскому соединению были даны боевые задания, точно указаны стратегические пункты в городах, которые следовало занять в первую очередь.

Утром 24 апреля руководство компартии приняло решение о начале всеобщей забастовки и восстания по всей Северной Италии. Радиостанция «Свободный Милан» передала следующее воззвание Комитета национального освобождения Северной Италии:

«Патриоты Севера! Красная Армия вошла в Берлин, центр нацистского империализма...КНО Северной Италии призывает вас восстать во всех городах и провинциях, чтобы изгнать захватчиков и их фашистских наемников

⁷⁵ Per la libertà e l'indipendenza d'Italia, p. 275.

и заложить основы новой демократии, которая будет отражать интересы народа»⁷⁶.

Итальянский народ вступил в решительную схватку с врагом. 25 апреля все фабрики Милана были заняты рабочими, которые под руководством ГАП организовали защиту предприятий от разрушения, задуманного фашистами. Городской транспорт и железнодорожный узел прекратили работу. В ночь на 25 апреля партизанские силы, расположенные в городе, начали занимать стратегические пункты. В 10 часов вечера передача фашистской сводки по миланскому радио внезапно прервалась, и молодой взволнованный голос произнес в микрофон: «Вся территория от Милана до швейцарской границы освобождена патриотами!»

26 апреля, когда в разных частях города подавлялись последние очаги сопротивления фашистов, а на окраинах велись бои с немецкими колоннами, пытавшимися прорваться на север, все население высыпало на улицы, празднуя победу. В город входили славные гарибальдийские дивизии под командованием Москателли. Победа патриотов в Милане, который фашисты хотели превратить в свой последний оплот, была быстрой и полной: противник был застигнут врасплох, деморализован и разгромлен.

В канун восстания миланский кардинал Шустер сделал попытку предотвратить вооруженное выступление патриотов. С этой целью он организовал 25 апреля встречу Муссолини с представителями партий, входящих в КНО. Но, когда в ходе переговоров стало известно, что на встречу должен прибыть представитель ИКП Л. Лонго, Муссолини тайно бежал. По пути в Швейцарию дуче был арестован и расстрелян.

Трудная победа досталась партизанам в Турине. Всеобщая забастовка на предприятиях началась еще 18 апреля. «Город, выдавший на своем веку много забастовок, еще не видел столь дружного выступления... Рабочий класс вел за собой не только служащих предприятий и инженеров, но и все другие слои населения — ремесленников, государственных служащих, людей свободных профессий и чиновников»⁷⁷.

На следующий день начались первые схватки между рабочими и фашистами, вскоре перешедшие в общее сра-

⁷⁶ L'Unità, 1945, 26 apr.

⁷⁷ Rinascita, 1945, N 11, p. 239.

жение. Гитлеровцы стремились разгромить восставших рабочих прежде, чем в город придут партизанские дивизии. Десятки тяжелых танков при поддержке артиллерии атаковали заводы. Повсюду они были отбиты рабочими дружинами. Черные клубы дыма от горящих танков вздымались над городом.

25 апреля, когда 12 тыс. бойцов партизанских дивизий уже вели бои на окраинах Турина, пробиваясь на помощь сражавшимся в городе, американо-английская миссия передала КНО Пьемонта требование отменить наступление. Требование американо-английского командования вызвало у патриотов глубокое возмущение. Партизанские соединения получили приказ своего командования продолжать наступление всеми силами. Борьба в центре города носила упорный характер. Фашисты, засев в верхних этажах зданий, держали под пулеметным обстрелом улицы. Партизаны все теснее сжимали кольцо окружения, очищая от немецких и итальянских фашистов один квартал за другим. 27 апреля грохот артиллерии, рев немецких «тигров» и ружейная перестрелка стали стихать. На следующий день весь город был в руках патриотов.

Командующий немецко-фашистскими войсками в Генуе генерал фон Мейенгольд 23 апреля направил парламентариев к партизанскому командованию, пытаясь договориться о пропуске своих войск в Германию. Ответом ему было одновременное выступление ГАП и САП в городе и наступление партизан с гор. 26 апреля гитлеровский генерал вынужден был подписать акт о безоговорочной капитуляции. От имени патриотов ее принял рабочий-коммунист, председатель КНО Генуи Ремо Скапини. Более 12 тыс. гитлеровских солдат и офицеров сложили оружие.

Особенно ожесточенной была борьба в городах и на дорогах Венето, где крупные немецкие колонны стремились во что бы то ни стало пробиться к горным перевалам, ведущим в Австрию. В некоторых местах бои продолжались до 29 апреля. Потеряв 4 тыс. человек убитыми, немецкая группировка общей численностью в 140 тыс. человек капитулировала.

27 апреля руководители ИКП в Северной Италии Л. Лонго, П. Секкья и Дж. Амендола в телеграмме П. Тольятти сообщили:

«Северная Италия освобождена всеобщим народным восстанием. Все наши товарищи и организации в полном единстве с антифашистскими силами были во главе борь-

бы. Повсюду власть находится в руках народа, руководимого комитетами национального освобождения»⁷⁸.

Основной чертой восстания был его всенародный характер: решительное наступление партизанских и патриотических сил было повсеместно поддержано населением, принимавшим активное участие в боевых действиях. Это дало возможность быстро покончить с «республикой Сало» и очистить Северную Италию от гитлеровцев до прихода англо-американских войск.

Ко времени подписания официального акта о капитуляции немецких войск в Италии (29 апреля) почти все гитлеровские дивизии уже сложили оружие перед партизанами. Английские и американские войска, направленные в Северную Италию, вступали в города, где власть в течение нескольких дней, а иногда и недель находилась в руках патриотов.

Выступая как истинные представители народной власти, комитеты национального освобождения сразу же развернули энергичную деятельность.

В освобожденных городах налаживалось коммунальное хозяйство, работал транспорт. Общественный порядок поддерживался партизанской полицией. 25 апреля, в день восстания, КНО Северной Италии по предложению коммунистов принял декрет о создании советов управления предприятиями. Эти советы часто образовывались из заводских комитетов национального освобождения. Рабочие, спасшие промышленность Северной Италии от разрушения, брали управление производством в свои руки, исправляли повреждения и налаживали выпуск продукции. Весь итальянский народ праздновал победу патриотов Севера как свою собственную победу. В бурном развитии демократической жизни городов и сел, освобожденных партизанами, итальянские трудящиеся видели первые ростки новой Италии, за которую боролся и продолжает бороться весь трудовой народ Италии.

1962 г.

⁷⁸ Per la libertà e l'indipendenza d'Italia, p. 282.

ГЕРОИ СОПРОТИВЛЕНИЯ

ЭУДЖЕНИО КУРИЕЛЬ ⁷⁹

Передо мной лежит пожелтевшая от времени вырезка из газеты, издававшейся в Милане во время гитлеровской оккупации. 25 февраля 1945 г., ровно за два месяца до народного восстания в Северной Италии, в этой газете была помещена краткая заметка: «Вчера... на площади Баракка солдат национальной республиканской гвардии (так итальянские фашисты именовали свои отряды.— Г. Ф.) предложил молодому человеку около 35 лет предъявить свои документы. Вместо ответа неизвестный бросился бежать. Боец легиона «Мути» (также одно из фашистских формирований.— Г. Ф.), который проходил в этот момент по площади, приказал ему остановиться, однако тот не послушался. Тогда солдат открыл огонь из автомата. Доставленный в госпиталь, неизвестный скончался. Труп молодого человека находится в госпитальном морге и ждет опознавания».

Если верить заметке в фашистской газете, то речь шла о случайном происшествии, во время которого неизвестный молодой человек стал жертвой собственного безрассудства. Это была сознательная ложь. Фашисты убили человека, за которым в течение многих месяцев упорно охотились, зная, что он является одним из виднейших руководителей подполья. Теперь они надеялись, что отклики в антифашистской печати или родственники убитого помогут им окончательно удостовериться в том, что они расправились именно с тем, кого так долго преследовали.

Этого человека звали Эудженио Куриель. Но в то время его настоящее имя было известно лишь самым близким товарищам. Сотни молодых коммунистов-подпольщиков, боровшихся в Северной Италии, знали своего руководителя под именем Джорджо.

Куриель родился 11 декабря 1912 г. в Триесте — одном из красивейших городов Адриатического побережья. Его отец был инженером-судостроителем, и семья принадлежала к верхушке технической интеллигенции города. Детство Эудженио было безоблачным и счастливым. Семья жила дружно, и он на всю жизнь сохранил неж-

⁷⁹ В первом издании раздел назывался «Наш Джорджо» (Прим. ред.).

ную привязанность к матери и двум младшим сестрам.

Эудженио с юных лет отличался необыкновенно серьезным отношением ко всему, что его окружало. В младших классах лицея он увлекался естествознанием и искусством: много времени проводил за собиранием гербариев, ходил по музеям. Как-то в дни каникул он вместе с родителями поехал в Париж. Во время посещения Лувра вся семья была встревожена неожиданным исчезновением Эудженио: он появился только через два часа и заявил, что любит смотреть произведения искусства в одиночестве.

Эудженио неохотно участвовал в шалостях и играх своих сверстников, он предпочитал проводить время за чтением книг. Скоро у Эудженио пробудился интерес к политике: в 16 лет у него произошла серьезная стычка с отцом, который нашел у молодого лицеиста политические листовки. Отец был в ужасе: для ученика привилегированного лицея, готовящего юношей к карьере инженера, занятие политикой было случаем из ряда вон выходящим. Но Эудженио умел видеть не только благополучную жизнь окружающей среды: его поражал контраст между тем, как жили его товарищи по лицей, и тем, что творилось на окраинах города.

«Я помню одну деревушку на склоне горы Напос,— писал он позднее,— она состояла из нескольких хибарок, расположенных в хилом лесочке. Для того чтобы попасть в нее, надо было взбираться по тропе от ближайшей автобусной станции. Люди жили там в тяжелой нужде, по сути дела натуральным хозяйством, теми продуктами, которые они выращивали на небольших огородах. Землю для них они приносили на своих плечах из долины. Время от времени патруль карабинеров или солдат с заряженными винтовками проходил по улице, мимо закрытых дверей, окруженный молчаливой ненавистью крестьян».

В 1929 г. Куриель досрочно окончил лицей и поступил на инженерный факультет Флорентийского университета. Уже в первые студенческие месяцы он выказал блестящие способности в математике и физике. Через год он решил, что инженерный факультет дает слишком узкую специализацию, и перешел на физический факультет, намереваясь стать исследователем широкого профиля. Те, кто знал его в эти годы, вспоминают серьезного, сдержанного юношу, немного замкнутого, но всегда готового участвовать в дискуссии по вопросам своих научных интересов или общей политики. Материальное положение его

семьи в это время ухудшилось. Чтобы не обременять семейный бюджет, Эудженио начал давать частные уроки отстающим ученикам и таким образом получал средства для оплаты своих занятий в университете.

Известный физик Бруно Росси намеревался сделать Куриеля своим ассистентом, и талантливый студент уже начал опыты для написания дипломной работы. Но в душе Эудженио давно уже назревал кризис. Незадолго до окончания университета он внезапно для окружающих решил прекратить учение и посвятить себя преподаванию в средней школе. Лишь настояния членов семьи и университетских товарищей заставили его возобновить работу над дипломом. В 1933 г. Куриель окончил университет с золотой медалью, получив наивысшие оценки на экзаменах. Его научный руководитель отпраздновал успех своего любимого ученика званым обедом, что было весьма необычным в практике университетской жизни.

Однако после защиты диплома Куриель отказался от научной карьеры и отправился в небольшой городок Монтепульчиано, для того чтобы преподавать там в местной гимназии.

Его взгляды в то время были еще весьма путанными. Он увлекался различными философскими теориями, проповедовавшими самоконтроль как средство самоусовершенствования человеческой личности. Но это длилось недолго.

В 1934 г. Куриель преподает математику в Падуанском университете. Он подружился с группой молодых ученых и студентов, которые периодически собирались в институте философии. Здесь были физики и юристы, историки и биологи. Многие из них были убежденными антифашистами, однако были и такие, кто считал, что достаточно «обновить» или «подправить» существующий режим. В зале философского факультета в Падуе сейчас хранится большая деревянная пепельница, прожженная сотнями сигарет, которые Куриель и его друзья выкуривали во время бесконечных споров. Вскоре Куриель начал замечать, что антифашизм его приятелей имеет один недостаток — все они очень любили дискуссии, но никто из них не был способен перейти к практическим действиям.

Поэтому, когда в его кружке появился человек, который громко заявил, что необходимо от слов перейти к делам, Куриель сразу же потянулся к нему всей душой. Этим человеком был молодой коммунист Бауэр. Куриель

и Бауэр поселились вместе и, как вспоминал позднее Куриель, целые ночи проводили в спорах.

Куриель быстро воспринял основы марксистского учения, потому что на протяжении ряда лет, преодолевая одну за другой доктрины философов-идеалистов, он приближался к восприятию понимания мира, которое открылось ему теперь в работах Маркса и Ленина. А принять марксистскую идеологию означало для Куриеля отдать всего себя антифашистской борьбе. Поэтому, когда Бауэр предложил ему вступить в гонимую и преследуемую коммунистическую партию, он сразу согласился.

В те годы в Италии происходили важные события. Итальянский фашизм напал на Эфиопию, а потом начал агрессию против Испанской республики. Становилось очевидным, что фашистский режим готовит новые империалистические авантюры. Муссолини произносил по всякому поводу речи с балкона своего дворца на площади Венеции в Риме, устраивал военные парады и пышные шествия. Антифашистские партии были загнаны в глубокое подполье, тысячи передовых борцов за свободу — коммунистов — томились в тюрьмах и в ссылке. Однако за разукрашенным фасадом режима Муссолини назревали события, которые в конечном счете должны были привести его к гибели. Недовольство фашистским режимом захватывало в первую очередь рабочих, но и в других слоях населения находились люди, вставшие в оппозицию к режиму Муссолини. На месте разгромленных полицией организаций стали возникать новые антифашистские группы, часто не связанные друг с другом, но объединенные враждой к существующему строю. Итальянская коммунистическая партия — единственная партия, сохранившая в стране свою подпольную организацию, — стремилась объединить все эти разрозненные группы в единый антифашистский фронт.

Падуанский университет, в котором преподавал Куриель, отличался антифашистскими традициями. Весной 1934 г. местные власти, опасаясь беспорядков, запретили традиционный праздник окончания учебного года, во время которого студенты обычно устраивали костер из своих ставовившихся ненужными зачетных книжек, ходили до утра по улицам, распевая песни и пугая запоздалых прохожих взрывами хлопушек. Решение фашистских властей вызвало взрыв недовольства. Студенты собрали митинг протеста. Куриель и его товарищи пытались придать движению характер антифашистских выступлений. Однако

стихийные и неорганизованные действия студентов без труда пресекли несколько десятков полицейских.

Товарищи Куриеля были разочарованы. Они поняли, что для успеха нужна тщательная подготовка. Вскоре в университете была создана ячейка коммунистической партии, одним из руководителей которой стал Куриель. Вместе со своими товарищами он составил план действий. Было решено создать студенческий журнал. Одновременно молодые антифашисты решили во что бы то ни стало установить связи с рабочими заводов и руководящими органами коммунистической партии, которые в то время находились во Франции. Эта задача была поручена Куриелю. Он выполнил ее успешно; пробрался во Францию, связался с руководством партии и благополучно вернулся в Падую. Инструкции, которые он привез с собой, отныне направляли работу ячейки. Она заключалась в распространении пропагандистских материалов, подпольной газеты компартии «Унита», привлечении в ячейку новых членов.

Позднее Куриель рассказывал, как трудно приходилось на первых порах ему и его товарищам. Придя на собрание фашистских профсоюзов, они заставали одну и ту же картину: официальный оратор произносил с трибуны казенные речи, а рабочие молча слушали. Молодые антифашисты поняли, что на собраниях такого типа им ничего не удастся сделать. Тогда они организовали серию конференций с небольшими группами рабочих-печатников. Официально темы этих конференций носили исторический характер, однако в ходе бесед молодые коммунисты переводили разговор на вопросы повседневной жизни рабочих, их заработной платы и профсоюзных прав.

Вначале рабочие подозрительно относились к молодым интеллигентам, которые с непонятной настойчивостью стремились втянуть их в откровенный разговор. Однажды пожилой типограф спросил Куриеля:

— Что мне будет, если я откровенно скажу, что я о вас думаю?

— Ничего плохого не случится, — ответил тот.

Тогда этот рабочий от имени всех товарищей заявил, что они считают своих собеседников хитрыми провокаторами, подосланными хозяевами и фашистскими главарями.

Это заявление не обескуражило Куриеля. Оно только еще больше убедило его, что рабочие в своей массе враждебны фашизму. Постепенно стена недоверия была слом-

лена. Рабочие стали замечать, что студенческий журнал все больше принимал характер профсоюзного органа, выступающего против хозяев.

Фашистские власти до поры до времени не замечали ничего подозрительного в деятельности журнала Падуанского университета. Однажды Куриеля вместе с другими редакторами студенческих журналов вызвали в Рим. Там их призвал к себе руководитель отдела пропаганды фашистских профсоюзов. Он говорил, что за последнее время противники фашистского режима активизировались, и показал целую пачку нелегальных изданий, попавших в руки полиции. Фашистский главарь был далек от мысли, что среди стоявших перед ним был человек, который посылал материалы и статьи подпольным группам, выпускавшим эту литературу.

Легальная работа Куриеля была прервана в 1938 г.: фашистские власти изгнали его из университета, лишив возможности продолжать журналистскую деятельность. С этого момента Куриель становится профессиональным революционером и с головой уходит в нелегальную работу. Он несколько раз пересекает границу, выполняя поручения Центрального Комитета партии, руководит политической деятельностью партийных организаций в Северной Италии. Летом 1939 г. он приехал в Триест, откуда должен был возвратиться в Париж. Однако в ночь на 23 июня дом, где он остановился, был окружен агентами тайной полиции, и вся семья Куриеля была арестована. Фашистским ищущим не удалось до конца раскрыть подпольную деятельность Куриеля. Тем не менее он был осужден на 5 лет заключения на островах для политических ссыльных.

Условия жизни на о-ве Вентотене, куда попал Эудженио, были очень тяжелыми. Летом там царил страшная жара, а зимой заключенные теснились в неотопливаемых бараках. Но наибольшие страдания приносил постоянный голод, который особенно усилился после того, как Италия вступила во вторую мировую войну. «Мы испытали на собственном опыте,— писал один из товарищей Куриеля по заключению,— что голодные лагеря — это не литературное выражение, а реальный факт. Мы получали в день четыреста граммов макарон или риса, которые в теории должны были дополнять восемь граммов оливкового масла. Чтобы увеличить наш рацион, мы собирали траву около изгородей или на скалах и ели гнилые каштаны».

Куриель мужественно переносил тяготы заключения. В письмах к родным он старался всячески приукрасить действительность и подробно описывал, как хорош морской воздух и как красивы морские просторы. Он очень много работал. На острове проживало около 800 человек, из них около 500 коммунистов. По их инициативе остров был превращен в пролетарский университет. Скрываясь от глаз тюремщиков, заключенные вели регулярные занятия по революционной теории, передавали друг другу практический опыт. Для молодого университетского доцента здесь нашлось много дел.

Более четырех лет провел Куриель на суровом острове Вентотене. Лишь крах фашистского режима в Италии в июле 1943 г. положил этому конец. Однако не успел Куриель добраться до дома, как снова оказался на нелегальном положении. 8 сентября 1943 г. северная часть страны была оккупирована гитлеровской армией, восстановившей здесь власть фашизма. Начался период национально-освободительной войны против немецких оккупантов и итальянских фашистов.

Куриель в то время был уже сформировавшимся руководителем-коммунистом. Партия направила его в Милан, где создавался нелегальный центр руководства Северной Италии. Куриель стал фактически редактором партийной газеты «Унита» и журнала «Ностра лотта».

Кроме того, Куриелю было поручено создание фронта молодежи — широкой массовой организации молодых антифашистов. Члены фронта молодежи собирали оружие, медикаменты, доставляли партизанам продукты и подыскивали укрытия в городах. Руководители фронта стремились объединить молодежь вокруг лозунгов построения новой Италии, выдвигаемых коммунистами. В молодежные организации входили юноши и девушки самых различных политических убеждений — наряду с коммунистами там были молодые социалисты, либералы и даже некоторые молодые священники.

Во главе всей этой работы стоял Куриель, пользовавшийся всеобщей любовью и авторитетом. Несмотря на его молодость, работавшие с ним товарищи ласково называли Эудженио «отец». Он был высокого роста, с густыми черными волосами, взгляд его глаз под черепаховыми очками был серьезен. На первый взгляд он казался молчаливым и суховатым человеком. Он очень требовательно относился к себе и умел быть строгим к другим, когда дело касалось общей борьбы.

В личной жизни Куриель был очень скромен. Одевался он очень просто и не особенно следил за своим костюмом. Он умел с иронией относиться к себе, к различным невзгодам. Так, в одном из писем родным он сообщал, что отдал переделать пальто, которое носил уже пять лет. «Оно послужит еще пять лет, причем я могу считать, что теперь у меня будет пальто не из магазина готового платья, а сшитое на заказ».

Он ненавидел пустые и выпренные фразы. Одна из его помощниц, у которой фашисты убили жениха, вспоминает, как Куриель на следующий день захотел проводить ее до дому, чтобы выразить свое сочувствие. Он молча шел рядом до самого подъезда, и когда после расставания она случайно оглянулась, то увидела, что Эудженио стоит на углу и бьет себя кулаком по голове: так он был огорчен тем, что не сумел найти слов, которые не звучали бы в подобной ситуации слишком обычными и ничего не значащими.

Начало 1945 г. было радостным для итальянских патриотов. Наступление Советской Армии, громившей врага на территории Германии, давало всем уверенность в скорой победе. Итальянские партизаны и подпольщики делали все возможное, для того чтобы подготовить восстание в Северной Италии. Куриель в письме одному из руководителей фронта молодежи в Пьемонте писал: «Надо надеяться, что еще немного, и мы сможем встретиться в молодежном клубе, для того чтобы вспомнить о прошлой борьбе и обсудить вопросы восстановления Италии». Однако этой надежде Куриеля не суждено было осуществиться. Это письмо оказалось последним.

24 февраля как обычно Эудженио был с утра занят подготовкой очередного номера газеты. В 3 часа 30 минут у него было назначено свидание с сестрой Грацией и ее маленькой дочкой, которые собирались уезжать в другой город. Они должны были увидеться в небольшом кафе, неподалеку от площади Баракка. В 3 часа Грация уже сидела в кафе и ожидала брата, разговаривая с приятельницей. Вдруг со стороны площади раздались громкие крики, затем автоматная очередь. Через некоторое время еще несколько выстрелов. Женщины насторожились, но Грация подумала: «Еще слишком рано для Эудженио». В те времена стрельба на улицах Милана была довольно заурядным явлением.

Но выстрелы эти имели самое прямое отношение и к Грации. Из предосторожности Эудженио заранее пришел

к месту свидания, проверяя, нет ли за ним слежки. Но фашисты уже ждали его в засаде. Прохожие слышали, как некто в гражданском платье, спрятавшийся за углом вместе с группой фашистов, указал на высокого человека в очках и сказал: «Это он». Фашисты бросились к Куриелю с криками: «Стой, стой!» Куриель побежал. Тогда один из них вскинул автомат. Длинная очередь сбила Куриеля с ног. У него хватило сил подняться и забежать в подъезд ближайшего дома. Но преследователи вбежали вслед за ним и тут же добились раненого.

На лужу крови, которая растеклась около подъезда, женщина, продававшая неподалеку цветы, положила несколько гвоздик: она не знала, кем был человек, убитый чернорубашечниками, но хотела выразить свое уважение к человеку, отдавшему жизнь в борьбе против фашизма. Это была первая почеть, которую итальянский народ воздал памяти одного из наиболее любимых героев национально-освободительной борьбы. В день начала восстания в Северной Италии, 24 апреля 1945 г., Куриель посмертно был награжден высшей итальянской боевой наградой — Золотой медалью за воинскую доблесть.

В одной из своих статей Куриель писал: «С печальной, но гордой речью обращаются к нам близкие нашему сердцу погибшие герои. Сражаться до окончательной победы, до полного освобождения, дерзать смелее, делать больше; упорно хранить волю к жизни и свободе для себя и для Италии, ибо желать этого и завоевать это — значит почтить самым достойным образом их память». Этот завет Куриеля итальянская молодежь с честью выполнила в дни восстания, идя в первых рядах патриотов, освободивших Северную Италию.

СЕМЬ СЫНОВЕЙ «ПАПАШИ» ЧЕРВИ

Никто в Италии не может быть награжден Золотой или Серебряной медалью за воинскую доблесть более одного раза. Однако в области Эмилия живет человек, который в торжественные дни прикрепляет к груди семь наград на муаровой ленте. Это — папаша Черви, отец семи братьев, погибших в борьбе за свободу и лучшее будущее итальянского народа.

Крестьянская семья Черви была хорошо известна в своей округе. Глава семьи — Альчиде Черви начал трудовую жизнь батраком, смог взять участок земли в арен-

ду. У него было две страсти в жизни: земля и дети. Он говорил:

— Я всегда хотел иметь много сыновей и мне повезло.

В Италии есть традиция: когда в доме рождается ребенок, над входом прикрепляют большой бант с лентами. Если родился мальчик, то этот бант голубой, если девочка — белый. Над домом Черви семь раз вывешивался голубой бант и два раза — белый.

Самый старший из братьев — Джелиндо — родился в 1901 г., потом появились на свет Антеноре, Альдо, Фердинандо, Агостино, Этторе. Самый младший — Овидио, баловень семьи, — родился в 1921 г.

Братья росли веселыми и крепкими ребятами. С детских лет они привыкли держаться вместе. Когда кто-нибудь из них бедокурил, невозможно было найти виноватого. Каждый предпочитал лучше быть невинно наказанным, чем выдать товарища.

Когда братья начали ходить на вечеринки, всегда находились девушки, которые охотно танцевали с ними. Потанцевав, все семь брали инструменты, играли и пели. Агостино, самый красивый, пел лучше всех, а Фердинандо всегда перевирал мотив. Он был единственным в семье, лишенным слуха. Зато когда братья шли на реку и начинали прыжки в воду, то Фердинандо был лучшим. Когда нужно было вычистить глубокий колодец, то он первым спускался и работал на глубине 20 м целый день.

Признанным главой среди братьев был Альдо. Он рано пристрастился к чтению и учебе.

— Когда он занимался и не шел работать в поле, — вспоминает Черви-отец, — я всегда оставлял его в покое, потому что образование — это тоже капитал, более важный, чем земельный участок. Я это хочу сказать для того, чтобы люди, овладевшие культурой, не думали, что если нам удалось чего-то достичь, то мы добились этого только физическим трудом.

В 1929 г. Альдо был призван на военную службу. Находясь на посту и действуя в соответствии с уставом, он ранил человека, не ответившего на окрик. Раненый оказался сержантом, и Альдо был приговорен к трем годам тюрьмы. Когда он вернулся домой, он сказал:

— До тюрьмы я думал, что вся Италия — это то, что мы видим вокруг нас. Люди работают, правительство управляет и все идет хорошо. Но есть другая Италия, Италия, которая находится в тюрьме. Если бы вы знали, сколько итальянцев находится в заключении только пото-

му, что они хотели справедливости! Сейчас тот, кто хочет выполнить свой долг, выступает против правительства. Посмотрите, что делается у нас в деревне. Мы работаем по 12 часов в день, выращиваем хороший урожай, а осенью приезжает хозяин и забирает половину урожая только потому, что земля принадлежит ему. Он не только никогда на ней не работал, но даже не знает, что на ней растет. Помните, как хозяин сказал: «О, какая прекрасная кукуруза», — а ведь это был клевер.

Альдо говорил о том, что свои права крестьяне завоевали только борьбой, а не милостью хозяев, что необходимо объединиться и бороться сообща.

— Мы с матерью, — пишет старик Черви, — в тот вечер поняли, что наши сыновья стали мужчинами.

В 1933 г. по инициативе Альдо в Кампеджино, деревне, где жил Черви, была организована первая в округе нелегальная ячейка Итальянской коммунистической партии. Было решено создать библиотеку, которая смогла быть центром воспитания и организации молодежи. В библиотеке имелась марксистская литература: ее Альдо давал наиболее подготовленным читателям. Некоторое время все шло хорошо, но затем местный полицейский начал подозревать неладное, и библиотеку пришлось закрыть.

Вскоре Альдо решил провести сбор средств в пользу политзаключенных. Переходя из дома в дом, он объяснял, кто такие политические заключенные и почему им надо помогать. Альдо быстро приобрел популярность в округе, и в каждом доме с нетерпением ждали его очередного визита. От него узнавали новости, с ним советовались по своим делам.

Альдо наладил постоянные связи с партийным центром в Милане и начал регулярно получать подпольную газету «Унита». Постепенно все в семье стали не только читателями коммунистической газеты, но и ее распространителями. Папаша Черви, который до тех пор знал только одну книгу — Библию, вспоминает, что, читая нелегальные листовки, «тонкие, как луковая кожура», он лучше понял, что его сыновья борются за правое дело и что в этой борьбе они не одиноки.

Когда началась война, типографию «Унита» пришлось перевести из Милана в Эмилию. Все свободное время братья отдавали политической работе. Дома появился печатный станок. Альдо составлял листовки, двое из

братьев печатали, а остальные распространяли их по соседним деревням.

По вечерам, занавесив окна и заперев двери, все слушали передачи из Москвы.

— Мои сыновья питали к Советскому Союзу глубокое уважение,— вспоминает отец Черви,— потому что он символизировал для них социальную справедливость и освобождение человека... Когда радио Москвы говорило: «Смерть оккупантам и фашистам!», мои сыновья без лишних слов решили перейти к действиям. У них не было опыта, но было большое желание сделать что-нибудь осязаемое для общего дела. Раздобыв стальную пилу, братья поздно вечером отправились к линии высокого напряжения, проходившей в нескольких километрах от их дома. Всю ночь, сменяя один другого, они пилили опору, и наконец она рухнула на землю, вызвав пожар. Фашисты были в ярости и, изучив отпечатки ног на снегу, начали сравнивать с ними обувь крестьян всех окрестных деревень. Черви чувствовали себя спокойно: в ту ночь они надели сапоги огромных размеров.

Когда 25 июля 1943 г. радио принесло известие о падении фашистского режима в Италии, семья Черви решила отпраздновать это событие по-своему. Собрав всю муку, которая была в доме, они сварили несколько центнеров макарон и устроили угощение для всей деревни. Жители Кампеджино долго помнили день, когда на центральную площадь приехало несколько разукрашенных повозок, на которых красовались баки с макаронами. Собрав столы в ближайших трактирах, молодые Черви устроили всеобщий праздник.

Прошло совсем немного времени, и на Италию обрушилась немецкая оккупация. В дни вступления в Реджо-Эмилию гитлеровских войск дом Черви превратился в центр сбора итальянских солдат и бежавших из лагерей союзных пленных. В некоторые дни их собиралось в доме до 30 человек — всех их надо было накормить, переодеть в гражданское платье и помочь переправиться в надежное место. Сеновал превратился в настоящий склад оружия, которое потом переправлялось для партизанских отрядов. За ужином Альдо спрашивал бывших пленных, кто из них хочет остаться в партизанском отряде. Как вспоминает Черви-отец, у англичан и американцев это предложение не вызывало энтузиазма и только русские стремились немедленно начать сражаться с оружием в руках.

Отряд братьев Черви начал свою деятельность с разрушения фашистов. Однажды Альдо и двое русских, переодетые в немецкую форму, появились в дверях траптории, где обычно пьянствовали фашисты из «гвардии» Муссолини.

— Кто здесь фашист? — громко спросили пришедшие.

Все поспешно вскакивают, кое-кто опрокидывает стул, стремясь удержаться на ногах. В зале раздаются крики:

— Салют немецким камератам!

Альдо и его товарищи дают фашистам накричаться, затем поднимают автоматы и приказывают сдать оружие. Ошалевшие фашисты исполняют приказание, не понимая, чем они провинились перед «немецкими камератами». Однако никто не протестует, хотя их было 30 против 3.

Раздобыв автомашины, отряд расширил радиус своего действия. Местные фашисты догадывались, что многое из того, что происходит вокруг, является делом рук Черви, но не осмеливались к ним подступиться. К концу ноября 1943 г. Альдо предполагал закончить эвакуацию бывших военнопленных, распределив их по горным отрядам. В ночь на 25-е в доме ночевали все семь братьев и шестеро бывших военнопленных. На утро они должны были перебазироваться на другое место и поэтому упаковали почти все оружие, оставив его на сеновале. Это была оплошность, в которой скоро пришлось раскаяться.

Среди ночи вся семья была разбужена выстрелами и громкими криками:

— Черви, сдавайтесь!

150 фашистов окружили дом. Собрав свои силы, они решили свести счеты с семьей Черви. Братья открыли огонь из пистолетов и автомата, который оказался у Альдо. Долгое время фашисты не решались перейти в атаку. Но вот, пробравшись к сеновалу, они подожгли его. Положение стало критическим, в доме были женщины и дети — 11 внуков старого Черви. Отец предлагает устроить вылазку — он не хочет попасть живым в руки противника. Но Альдо говорит:

— Надо сдаться. Во время допросов говорите, что никто ничего не знает. Мы с Джелиндой возьмем ответственность на себя.

Со связанными за спиной руками братьев Черви вместе с отцом доставили в тюрьму. Сразу же начались допросы. Для того чтобы заставить братьев говорить, их несколько раз сталкивали с лестницы, на которой стояли

фашисты, избивавшие арестованных палками. Так продолжалось весь день. Но братья твердо стояли на своем: Альдо брал всю ответственность на себя, остальные отвечали, что ничего не знают. Среди ночи арестованных поднимали, и вся процедура повторялась снова. Наконец, убедившись, что им ничего не добиться, фашисты заперли всех в тесную камеру, где восемь человек с трудом могли двигаться.

Не в привычках семьи Черви было падать духом даже в самые трудные моменты. Не проходило дня, чтобы братья не думали о побеге. Однажды отец Черви, которого выпускали на прогулку, принес в камеру обломок металлической ложки. Как только наступила ночь, это оружие было пущено в ход. Работая изо всех сил, братьям удалось расшатать один из больших кирпичей, из которых было сложено здание. На следующую ночь было решено попытаться бежать. Когда наутро в камеру зашел надзиратель, он был поражен царившим в ней весельем. Но через два часа появились конвойные и вывели Черви из камеры — их перевели в другую тюрьму.

Прошло несколько дней, и надежды на освобождение вновь ожили. Черви привлекли на свою сторону надзирателя новой тюрьмы и через него связались с друзьями, оставшимися на воле. Пять партизан, переодевшись в полицейскую форму, должны были проникнуть в тюрьму, делая вид, что они привезли нового арестованного. В подготовку было втянуто несколько служащих тюрьмы, которые должны были помочь разоружить охрану. Операция была намечена на рождественский праздник. Однако накануне братьям сообщили, что их друзьям не удалось раздобыть пять полицейских форм и побег откладывается до нового года. Эта задержка оказалась роковой.

— Семья Черви, на выход! — раздался голос на заре. В коридоре Черви ожидало несколько десятков фашистов. Отец Черви вышел первым, но фашисты сказали:

— Ты, старый, возвращайся назад.

— Я глава семьи и хочу быть вместе с сыновьями, — гордо ответил старик. Однако фашисты затолкали его обратно, сказав, что сыновей везут в Парму, где состоится судебный процесс.

Это была неправда — братьев отправляли на расстрел, и они догадывались об этом. У них хватило мужества и присутствия духа, чтобы с улыбками попрощаться с отцом. Этторе, на котором сохранилась хорошая фуфайка, снял ее и отдал соседу по камере.

— Зачем ты это делаешь, ведь в Парме холодно,— сказал отец. Но сын только молча улыбнулся в ответ. Отец Черви тогда не понял значения этой улыбки.

Братьев привезли на военный полигон города Реджо-Эмилия и выстроили у стены. Тюремный священник спросил, не хотят ли братья перед смертью исповедаться.

— У нас нет грехов, в которых мы можем раскаиваться,— ответили они.

Военный полигон, на котором были расстреляны братья Черви, сейчас превращен в городской парк. Но каменная стена, у которой оборвались их жизни, сохранена как память о семье, сумевшей быть единой в жизни и смерти.

— Сказать «один» — это было все равно, что сказать «все семь», и сказать «семь» — было все равно, что «один», — говорил про своих сыновей Альчиде Черви.

Отец Черви долго не знал о судьбе своих сыновей и говорил о них, как о живых.

— Он любил ходить по камере и рассуждать,— вспоминает писатель Бенедетти, оказавшийся в то время соседом Альчиде по заключению.— Его мысли были просты, но в его тоне была огромная убежденность, которую ему придавало долгое и упорное обдумывание.— Так мы устроены. Мы любим свободу,— сказал он однажды.— Мои сыновья — сильные крестьянские парни: они не боятся труда, и если их пошлют работать, то они выдержат; я уверен, что они вернуться.— Подумав немного, он продолжал: — Потому что я уверен, что скоро эти стены падут и мучители народа займут место замученных, и мы вернемся домой и восстановим все, что они разрушили.

Так говорил он, обращаясь к своим товарищам по заключению, и те старались перевести разговор на другую тему, чтобы не расплакаться.

Прошло несколько дней, и слова старого Черви сбылись. Во время бомбардировки англо-американской авиации стены тюрьмы рухнули. Часть заключенных погибла, другим, в том числе и Альчиде Черви, удалось скрыться. В городе, пережившем разрушительную бомбежку, распространились панические слухи: рассказывали о том, что стены тюрьмы рассыпались в прах, что город будут бомбить семь раз, чтобы отомстить за братьев Черви, которые под грохот рвущихся бомб встали из могилы. Действительно, взрывные волны снес-

ли тонкий слой земли, которым фашисты наспех прикрыли тела братьев Черви, и их пришлось хоронить во второй раз.

Пользуясь всеобщей паникой, Альчиде Черви благополучно добрался домой. Целый месяц его жена и невестки, ожидая, когда он поправится после тюрьмы, скрывали от него смерть сыновей. Каждый день он строил планы, что нужно будет сделать, когда они вернутся. Наконец, наступил день, когда жена сказала:

— Наши дети не вернутся. Их расстреляли всех семерых.

Альчиде долго не мог произнести ни слова, потом спросил, как бы не веря услышанному:

— Они не вернутся?

— Нет, не вернутся, они умерли все семеро,— повторила жена.

«Невестки и внуки подошли ко мне, и я оплакал своих сыновей,— вспоминает Альчиде.— Потом я кончил плакать и сказал: за одним урожаем приходит следующий. Надо смотреть вперед».

ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ДАНТЕ ДИ НАННИ

Среди ближайших товарищей руководителя туринских гапистов Пеше был молодой туринский рабочий, имя которого прочно вошло в историю Италии наряду с национальными героями прошлого. Его звали Данте Ди Нанни.

Когда Пеше впервые увидел Данте Ди Нанни — это было в январе 1944 г., — он подумал, что 17-летний паренек вряд ли подойдет для трудной жизни гаписта. Перед ним стоял щуплый оборванный мальчик, молчаливый и необщительный. На следующий день они опять встретились, и Пеше стал сомневаться в правильности своего первого впечатления. Ди Нанни и молодой товарищ из партизанского отряда, присланный вместе с ним, — Валентино — просили только одного: дать им возможность проявить себя на деле. Они рассказали, что на проспекте Франции находится стоянка двух грузовиков, служащих для переброски фашистских сил во время облав на партизан.

— Дай нам взрывчатки, и мы их подорвем,— говорил Ди Нанни.— Мы тебе докажем, что достойны принадлежать к бригадам ГАП.

Через несколько дней Ди Нанни и Валентино получили взрывчатку. Пеше решил сам понаблюдать за пер-

вой операцией начинающих гапистов. Он увидел, как на углу пустынной улицы показались двое. Вот они приблизились к грузовикам, стоявшим у тротуара. Пеше знал, что у каждого парнишки под мышкой самодельная граната. Ди Нанни первый поджег фитиль и бросил гранату в грузовик. Валентино последовал его примеру. Два взрыва слились в один: оба грузовика запылали. Юноши бросились бежать: один из них прихрамывал. Это был Ди Нанни, который так близко подошел к грузовикам, что несколько осколков ранили его в ногу.

На следующее утро Пеше пришел навестить раненого Ди Нанни. Глаза Данте сияли радостью. Услышав слова одобрения, Ди Нанни не захотел лежать больше в постели: он уговаривал Пеше разрешить ему немедленно вернуться в строй и принять участие в ближайшей операции.

Так началась деятельность Ди Нанни в рядах туринских ГАП. Она оказалась короткой, но полной героических подвигов, в которых проявилась отчаянная храбрость этого худенького подростка. Ди Нанни и его два товарища обычно ночевали в подвале дома, разрушенного во время бомбардировки. Как только они видели входящего к ним командира, они вскакивали с матраца, служившего им постелью, и устремлялись навстречу: предстояла «работа», которая составляла смысл их жизни. Получив задание, они все вместе разрабатывали план действий. Через некоторое время связные доставляли взрывчатку — и на воздух взлетал вражеский грузовик, падал на улице очередной фашист.

Ди Нанни отличался тем, что не только старался выполнить задание, полученное от командира, но всегда проявлял инициативу. Его любимым делом стало добывание оружия. Встретив в пустынном месте вооруженного фашиста, он немедленно выхватывал пистолет и требовал сдать оружие. Со стороны это должно было производить комичное впечатление: здоровенные мужчины, увешанные знаками отличия, которые так любили итальянские фашисты, безропотно сдавали оружие небольшому, плохо одетому пареньку.

Во время совещаний, которые устраивали гаписты, Ди Нанни редко брал слово и всегда был краток; когда же дело касалось боевых действий, он никому не хотел уступить первого места.

1 мая 1944 г. ему и другому гаписту было поручено отметить международный праздник трудящихся уничто-

жением видного фашистского главаря Брандимарте. Операция была тщательно подготовлена. Ди Нанни несколько раз ходил к дому, где проживал фашист; привычки Брандимарте были тщательно изучены, детали операции разработаны. Оба гаписта в назначенное время прогуливались по тротуару с двух сторон улицы. Когда к дому Брандимарте в обычное время подъехала машина, оба устремились к ней. Однако Брандимарте не показывался. Вместо него из здания вышли немецкий майор и еще несколько офицеров и уселись в машину. Не сговариваясь, гаписты приняли новое решение. Ди Нанни выхватил пистолет. Подскочив к машине, он выпустил в сидящих в ней все восемь пуль. Подоспевший товарищ бросил гранату. Четыре немецких офицера — майор, капитан и два лейтенанта — были убиты на месте.

Через несколько часов на стенах города был развешен приказ немецкого коменданта, обещавший миллион лир за помощь в поимке «бандитов». Запрещение ездить на велосипедах мало беспокоило Ди Нанни и его товарищей: уже через неделю у них были пропуска, подписанные немецким комендантом. Партизанская разведка к тому времени сумела заслать своих людей во многие штабы противника, и это намного облегчало действия итальянских патриотов.

В начале мая партизанское командование Турина дало задание гапистам во что бы то ни стало прервать движение на железнодорожной линии, по которой направлялись поезда с карателями против партизанских отрядов в горах. Решено было взорвать электроподстанцию, питавшую станцию Суза. Эта подстанция находилась на открытой местности и подойти к ней незамеченными было трудно. В течение нескольких дней группа Ди Нанни, расположившись поблизости, вела наблюдение за подстанцией. Они установили, что в 22 часа, во время смены часовых, будка в течение нескольких минут остается без вооруженной охраны и внутри находятся лишь электрики.

Все должна была решить четкость в действиях. Как только часовые направились в караульное помещение, трое гапистов быстро приблизились к будке, стараясь двигаться бесшумно. Однако сидевшие у порога электрики увидели движущиеся во тьме тени и насторожились. Тогда Ди Нанни, шедший впереди, громко сказал:

— Добрый вечер, Луиджи, разве вы меня не узнаете? Мы с вами вчера выпивали в трактирии.— Затем Ди

Нанни в несколько прыжков преодолел разделявшее их пространство и совсем другим тоном скомандовал:

— Руки вверх! Мы патриоты, и вам нечего бояться. Покажите, куда положить заряд, чтобы нанести как можно больше разрушений трансформаторам.

Придя в себя, четверо электриков охотно объяснили, как расположить мины. Через минуту партизаны и электрики бежали вдоль насыпи. Затем раздались взрывы.

Фашисты оцепили близлежащие кварталы. Однако по-вальные обыски ничего не дали, так как гаписты были уже на другом конце города. Движение по железной дороге было прервано в течение многих дней.

Когда наконец подстанция была восстановлена, на воздух взлетела следующая подстанция на той же линии. На этот раз группа Ди Нанни сумела подложить заряд среди бела дня так, что этого не заметили даже находившиеся на подстанции электрики. Решено было за несколько минут до взрыва позвонить начальнику станции и предупредить его, чтобы он отозвал рабочих из помещения. Девушка-связная Инес зашла в телефонную будку и набрала номер начальника станции. Телефон оказался занятым. Она лихорадочно стала набирать еще и еще раз и все время в ответ слышала короткие гудки. Речь шла о жизни нескольких ни в чем не повинных людей, которые могли через несколько минут погибнуть. Наконец начальник станции ответил.

— Немедленно выведите рабочих из трансформаторной будки! Через минуту она взлетит на воздух! — крикнула Инес. На другом конце провода ничего не ответили, но было слышно тяжелое дыхание испуганного человека. Набрав номер еще раз, партизаны убедились, что начальник станции предупредил рабочих и сам почел за благо покинуть свой пост.

16 мая группа Ди Нанни участвовала в одной из самых сложных операций туринских гапистов — в подрыве фашистской радиостанции, вещавшей на всю Северную Италию. Кабина радиостанции и передаточная башня, находившиеся за городом, охранялись девятью карабинами: трое из них ходили вдоль опор башни, а остальные находились внутри кабины. Целую ночь пролежали партизаны недалеко вокруг башни, выжидая удобного момента. Наконец на рассвете им удалось подползти к часовым и обезоружить их. То же самое они сделали с карабинами, находившимися в кабине. После того как взрывные заряды были заложены, Пеше, руководивший операцией,

приказал одному из гапистов отвести карабинеров на безопасное расстояние. Партизаны дорого заплатились за это: двое карабинеров сбежали. В то время как грандиозный взрыв потряс землю и радиомачта рухнула в клубы дыма, со всех сторон уже раздавалась стрельба.

Патриотам удалось ускользнуть из лучей прожекторов: они пробежали уже около двух километров по полям. Однако прибывшие на автомашинах немецкие и итальянские фашисты сумели взять их в кольцо. Силы были неравными: около 300 фашистов против 4 гапистов. Сразу же был ранен в ноги Ди Нанни: он продолжал стрелять, но не мог самостоятельно двигаться. Через несколько минут рядом с ним упал Валентино, Пеше почувствовал удар в ногу. Остался невредимым один Бравин, который непрерывно стрелял из автомата, отобранного у карабинера.

— Прикрывай нас, я постараюсь спасти Ди Нанни,— прокричал ему Пеше, но, оглянувшись, увидел, что Бравин лежит без движения. В наступившей тишине фашисты начали выходить из кустов и осторожно приближаться. Волоча на себе Ди Нанни, Пеше удалось пробраться по оврагу и скрыться.

Пеше укрыл Ди Нанни в крестьянском доме, оттуда его перевезли в Турин — ему была необходима срочная врачебная помощь. Когда Пеше приехал к нему с врачом, первым вопросом Ди Нанни было:

— Есть ли в доме оружие?

Пеше ответил утвердительно, но про себя подумал, не в бреду ли говорит молодой партизан. Ди Нанни был ранен семью пулями в ноги и одной в голову. Взгляд Данте был ясен и речь связной. Он успокоился только тогда, когда убедился, что его автомат и гранаты рядом с ним. Во время обработки ран он до крови искусал губы, чтобы не кричать.

Нашелся предатель, который уже обнаружил раненого партизана.

Когда Пеше спускался по лестнице, он услышал шум подъезжавшей машины, а затем топот сапог. Укрывшись в дверном проеме, он пропустил мимо себя группу фашистов и, похолодев от ужаса, услышал, что они остановились у двери квартиры, где находился Ди Нанни. Пеше был не в силах чем-либо помочь товарищу: он остался свидетелем сражения, сделавшего имя Ди Нанни легендарным.

Когда Ди Нанни понял, что его обнаружили, он добрался до двери и бросил на лестницу гранату. Два фа-

шiesta были убиты на месте, еще трое ранены. Те, что ожидали на улице, срочно запросили подкрепления. Через некоторое время около 200 немцев и итальянских фашистов оцепили дом. Они повели огонь по окнам, но как только кто-то осмеливался приблизиться к дому, Ди Нанни бросал гранату или сражал наступавших короткой очередью. Он знал, что не сумеет скрыться, но не думал о спасении.

Поняв наконец, что в доме находится лишь один человек, немцы вызвали пожарную команду и заставили пожарников приблизиться по лестнице к окну второго этажа, из которого стрелял Ди Нанни.

— Убирайтесь, я сражаюсь не с вами, а с немцами и фашистами,— сказал им Ди Нанни.

Тогда немцы вызвали два тапка, которые открыли огонь из пушек. Три с половиной часа длился неравный бой. Данте Ди Нанни дорого продал свою жизнь: около 30 трупов и много раненых собрали потом его противники.

Кончились гранаты. Был выпущен последний патрон из автомата. Тогда Ди Нанни собрал последние силы и вышел на балкон. При его появлении фашисты прекратили огонь. Весь перевязанный окровавленными бинтами, закопченный взрывами, юноша сжал кулак в антифашистском приветствии.

— Да здравствует Италия! — крикнул он и бросился с балкона вниз.

Через несколько дней после гибели Ди Нанни командование гарибальдийских отрядов издало листовку «Слава национальному герою Данте Ди Нанни». «Пройдут годы и десятилетия,— говорилось в ней,— великая и трудная борьба, которую мы ведем, будет казаться далекой. Но поколения молодых итальянцев будут учиться любви к родине, любви к свободе, беспредельной преданности делу возрождения человечества на примере мужественных гарибальдийцев, которые пишут своей кровью самые прекрасные страницы в истории Италии».

Прошли годы, и сейчас имя молодого туринского рабочего, награжденного посмертно Золотой медалью за воинскую доблесть, оживает в названиях отрядов итальянских пионеров, клубов туринских трудящихся, в тех книгах, которые написаны о борьбе итальянского народа против фашизма и оккупации.

Через 16 лет после смерти Данте в Турине происходила международная выставка. В один из воскресных дней группа работников советского павильона, в том числе и

автор этих строк, попросила итальянских товарищей показать им место гибели Ди Нанни. Наша машина долго кружила по кривым улочкам рабочего пригорода Сан-Паоло. Наконец мы остановились у одного из домов на улице Сен Бернардино. Выкрашенный в серую краску, он ничем не отличался от соседних от него домов этой узкой и длинной улицы. Только мраморная доска, прикрепленная на уровне второго этажа, напоминала о том, что здесь произошла битва молодого героя с 200 фашистами. Небольшая ваза с живыми цветами свидетельствовала, что память об этом живет в сердцах туринцев.

Неподалеку от подъезда дома расположился со своим лотком продавец фруктов. Мы спросили его, знает ли он, чья память отмечена мемориальной доской.

— Я в Турине недавно и живу в другом квартале, но кто же здесь не знает имени Ди Нанни,— ответил он.

Вскоре вокруг нас остановилось несколько человек из соседних домов. Никто из них сам не присутствовал при подвиге молодого героя. Однако каждый по-своему рассказывал подробности этого боя, услышанные со слов других. И я подумал, что уже сложились народные сказания, которые будут передаваться из поколения в поколение.

1970 г.

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПО ОТНОШЕНИЮ К ИТАЛИИ В КОНЦЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Во время второй мировой войны Советский Союз в течение длительного периода времени был лишен возможности непосредственно влиять на события в Италии. Сопоставляя между собой в конце 1942 — начале 1943 г. планы относительно Италии, английское и американское правительства не только не привлекали к этому Советское правительство, но даже не информировали его. Между тем Италия участвовала в войне против Советского Союза и вопросы мирного урегулирования с ней касались Советского правительства самым непосредственным образом.

Информация об итальянских делах стала поступать в Москву лишь с конца июля 1943 г.⁸⁰ К этому времени

⁸⁰ Серова О. В. Италия и антигитлеровская коалиция. М., 1973, с. 109.

руководители внешней политики США и Англии стали склоняться к мысли о необходимости привлечь Советское правительство к участию в итальянских делах, надеясь при этом ограничить его ролью пассивного наблюдателя. Английский министр иностранных дел А. Иден обосновывал это стремлением «не вызвать обиду», а главное, не создать прецедент, который в дальнейшем позволил бы Советскому Союзу действовать так же в странах, освобожденных советскими войсками⁸¹.

В своих сообщениях в Москву американское и английское правительства информировали об условиях перемирия с Италией и получили согласие подписать перемирие с Италией также от имени Советского правительства⁸². Однако информируя советскую сторону об условиях перемирия, западные союзники ничего не сообщали о самом ходе переговоров, которые они вели с итальянскими представителями. Лишь после завершения переговоров с генералом Кастеллано Черчилль и Рузвельт направили И. В. Сталину совместное послание об их результатах.

«До сих пор дело обстояло так, что США и Англия сговариваются, а СССР получает информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего, пассивного наблюдателя», — говорилось в послании И. В. Сталина Черчиллю и Рузвельту от 22 августа 1943 г.⁸³ Советское правительство заявило решительный протест и сообщило, что считает «совершенно недостаточной полученную пока информацию для того, чтобы можно было судить о необходимых шагах со стороны союзников во время переговоров с Италией»⁸⁴. Для выработки согласованной политики государств антигитлеровской коалиции по всем вопросам, возникшим в связи с выходом из войны бывших союзников Германии, Советское правительство предложило создать военно-политическую комиссию для координации и направления деятельности организуемых военных органов и гражданских властей союзников.

Своим предложением Советское правительство стремилось создать условия для выработки единой политической линии по отношению к правительствам стран, отпа-

⁸¹ Foreign Relations of the United States (FRUS). 1943, Europe, Wash., 1964, vol. 2, p. 335.

⁸² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1957, т. 1, с. 394.

⁸³ Там же, с. 149.

⁸⁴ Там же, с. 150.

давших от гитлеровской Германии: опыт военно-политической комиссии для Италии мог быть использован в будущем. Позиция англо-американцев в вопросе о функциях предполагаемой военно-политической комиссии привела к тому, что соглашения достигнуто не было. Как справедливо отметил итальянский историк А. Лепре, это привело к появлению трещины в политическом единстве антигитлеровской коалиции⁸⁵.

Важным этапом в определении общей политики антигитлеровской коалиции по отношению к Италии явилась Московская конференция министров иностранных дел, проходившая в октябре 1943 г. и созванная по инициативе Советского правительства. Одержанные к тому времени победы советских войск на фронтах войны имели огромный международный резонанс. Возросший авторитет Советского Союза усиливал влияние СССР в антигитлеровской коалиции. В основу Декларации об Италии, принятой Конференцией министров иностранных дел, лег документ, представленный Советским правительством.

Из этого документа видно, что Советское правительство придавало большое значение развитию политических событий в Италии и считало необходимым немедленно осуществить демократические преобразования, которые покончили бы со всеми последствиями фашистского режима. В ходе работы конференции оно выразило твердое желание быть лучше информированным о событиях в Италии, призвало покончить с сепаратными действиями англо-американских властей и приступить к эффективному определению совместной политики антигитлеровской коалиции на Апеннинском полуострове.

В Декларации об Италии говорилось, что «фашизм и все его пагубные влияния и последствия должны быть уничтожены и итальянскому народу должна быть предоставлена полная возможность установить правительственные и другие учреждения, основанные на принципах демократии». В ней содержалось обещание, что все демократические свободы будут возвращены итальянскому народу в полной мере, и признавалась необходимость, чтобы «итальянское правительство было сделано более демократичным путем включения представителей тех слоев итальянского народа, которые всегда выступали против фашизма». Союзники зафиксировали меры, направленные на

⁸⁵ *Lepre A.* Perché l'URSS per prima riconobbe il governo Badoglio.— *Rinascita*, 1964, N 12, 1. ...

ликвидацию остатков и последствий фашистского режима: упразднение всех учреждений и организаций, созданных фашистским режимом, и устранение из учреждений и администрации всех фашистских и профашистских элементов⁸⁶.

Декларация намечала решение в демократическом духе проблем настоящего и будущего Италии. Она имела большое международное значение также и потому, что намечала перспективы, стоявшие перед другими странами — бывшими союзниками Германии. Решения Московской конференции министров иностранных дел были с удовлетворением встречены демократическими силами Италии.

Согласившись с основными предложениями Советского Союза по Италии, англо-американские правительства в то же время в своих практических мероприятиях проявляли медлительность. По словам американского историка Г. Фейса, это объяснялось, в частности, «определенными опасениями за их последствия», а также размышлениями о том, «как далеко и быстро союзникам следует допустить изменения в итальянской политической жизни»⁸⁷.

На Московской конференции министров иностранных дел Советскому правительству удалось добиться претворения в жизнь выдвинутой им идеи создания военно-политической комиссии, которую решено было называть Консультативным советом по вопросам Италии. При этом министры иностранных дел отвергли предложения английского представителя, исключавшие на ближайшее время участие Советского Союза в решении вопросов в Италии. Лишь впоследствии предполагалось создать этот орган и привлечь к его работе Советский Союз. Советское правительство добилось того, чтобы Консультативный совет был создан немедленно⁸⁸.

Консультативный совет должен был координировать политику союзников в Италии, принимая решения рекомендательного характера. Создание Консультативного совета ставило вопрос о выработке совместной политики союзных держав на практические рельсы. Справедливо утверждение итальянского специалиста по международ-

⁸⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1, с. 416—417.

⁸⁷ *Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought.* N. Y., 1957, p. 388.

⁸⁸ *Серова О. В.* Указ. соч., с. 149.

ным делам М. Тоскано о том, что на Московской конференции были заложены основы более активной политики Советского Союза в Италии⁸⁹.

После создания Консультативного совета Советское правительство через своего представителя усиленно добивалось реализации деклараций участников коалиции о ликвидации остатков фашизма и демократизации страны. Ознакомившись с положением дел на месте, советский представитель А. Я. Вышинский убедился, что эти вопросы не решены и практически не решаются союзниками. В связи с этим он стал настаивать на включении в повестку дня Совета вопроса о восстановлении демократических свобод на освобожденной территории, предложил рекомендовать главнокомандующему дать инструкцию органам военной администрации не затруднять деятельность антифашистских групп, освободить всех противников фашизма и запретить арест антифашистов за их политическую деятельность. Все эти вопросы по настоянию советского представителя в дальнейшем были рассмотрены Консультативным советом⁹⁰.

Однако дефашизация и демократизация итальянской политической жизни двигалась медленно, и это вызывало соответствующую реакцию советского общественного мнения. Политический журнал «Война и рабочий класс», касаясь положения на Сицилии, писал, что «режим, установившийся на острове после прихода союзных войск, в весьма малой степени соответствует тем задачам защиты демократии, которые союзники поставили перед собой в войне против гитлеровской тирании»⁹¹. Несмотря на решения Московской конференции и создание Консультативного совета, Советское правительство находилось в абсолютно неравном положении по сравнению с английским и американским правительствами, создавшими в Италии множество своих военных и гражданских органов. Только органы союзной военной администрации насчитывали несколько тысяч человек. Советское правительство в начале 1944 г. имело в Италии лишь небольшое представительство при Консультативном совете. К тому же этот единственный орган, в котором был представлен Советский Союз, постепенно был устранен от контроля над положением в стране. Прямые сношения Советского пра-

⁸⁹ *Toscano M.* Dal 25 luglio all' 8 settembre. Firenze, 1966, p. 7.

⁹⁰ *Серова О. В.* Указ. соч., с. 153—154.

⁹¹ *Война и рабочий класс*, 1943, № 3, с. 25.

вительства с правительством Бадольо были также затруднены.

Событием большой важности стало установление непосредственных отношений между Советским Союзом и Италией в марте 1944 г. Правительство Бадольо неоднократно предпринимало шаги к восстановлению дипломатических отношений с СССР, что вызывало явное недовольство англо-американских представителей в Италии. Объясняя намерения итальянского правительства, генеральный секретарь МИД Италии Р. Прунас говорил советскому представителю в Консультативном совете, что его правительство отдает себе отчет в огромном вкладе в войну, сделанном СССР, в силу чего в послевоенном мире Советский Союз станет играть исключительно важную роль, «станет определяющим элементом политики в Европе»⁹².

Советское правительство связывало улучшение отношений между двумя странами с расширением вклада Италии в борьбу против фашизма и нацизма, что в свою очередь зависело от расширения политической базы итальянского правительства. В то же время правительство Советского Союза считало, что установление отношений с Италией создаст для СССР более равное с Англией и США положение: Советский Союз получил бы возможность непосредственных сношений с итальянским правительством, уже имеющуюся у союзников. 4 марта 1944 г. стало известно о принципиальном согласии Советского правительства возобновить отношения и обменяться представителями с Италией.

Официальное сообщение о возобновлении отношений между двумя странами было опубликовано 14 марта. В сообщении с итальянской стороны, в частности, говорилось: «Возобновление прямых официальных отношений между Италией и СССР закрывает одну и открывает новую фазу в международной жизни Италии. Поэтому оно является событием величайшей важности... Идя навстречу желанию, выраженному королевским правительством Объединенным Нациям, Советская Россия, несмотря на ошибки фашистского режима, протягивает сегодня нам руку. Нет сомнения, что итальянский народ не забудет этот жест, сделанный в один из самых трагических моментов его истории»⁹³.

⁹² *Toscano M. Pagine di storia diplomatica contemporanea. Milano, 1963, vol. 2, p. 318—322.*

⁹³ *Risorgimento, 1944, 14 mar.*

Иначе оценили эту дипломатическую акцию правительства Англии и США. Лондон и Вашингтон обвинили Бадольо в действиях за спиной англо-американских представителей. Бадольо в свою очередь заявил, что он не мог отказаться от шага, отвечавшего интересам Италии, и обвинил англо-американских представителей в том, что их политика «соответствует медленному, но развивающемуся процессу удушения. Союзная администрация действительно не ограничивается лишь наблюдением за итальянской административной и правительственной деятельностью, а вмешивается во все, даже мельчайшие стороны жизни страны и принимает решения в категорической и повелительной форме».

Советская точка зрения была изложена в передовой статье газеты «Известия» 30 марта 1944 г. В статье указывалось, что установлением непосредственных отношений с итальянским правительством Советское правительство отнюдь не отказывалось от проведения совместной с союзниками политики. Главную задачу этой политики газета видела в том, чтобы «совместными усилиями союзных держав дать политическому развитию в Италии направление, соответствовавшее задачам борьбы против общего врага — гитлеровской Германии»⁹⁴. Подчеркивая, что Советское правительство делало и готово сделать все для включения в правительство Бадольо демократических сил, газета отмечала: «Всем известно, что во всяком случае не позиция Советского Союза служит помехой для демократизации правительства Бадольо. Более того, известно, что Советский Союз готов всемерно содействовать тому, чтобы эта задача была успешно разрешена в самое ближайшее время, чтобы она не была отложена, например, до взятия Рима»⁹⁵.

Ряд акций Советского правительства в тот период опровергал утверждения о том, что восстановление отношений Советского Союза с Италией якобы оказало поддержку недемократическим элементам в стране. Так, 19 марта было сделано специальное представление английскому и американскому правительствам «о необходимости безотлагательного улучшения правительства маршала Бадольо в целях объединения имеющихся в Италии сил, готовых бороться против Гитлера и Муссолини»⁹⁶.

⁹⁴ Известия, 1944, 30 марта.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

Об этом же говорил А. Я. Вышинский, выступая на пресс-конференции в Наркоминделе СССР 16 апреля 1944 г.⁹⁷

После предварительного обмена мнениями вопрос о расширении базы правительства Бадольо был вынесен на рассмотрение Консультативного совета. Первым результатом этого было обязательство Виктора-Эммануила отойти от политических дел после освобождения Рима. По словам американского историка Н. Когана, «русское вмешательство ускорило разрешение конфликта вокруг вопроса о государственной власти на его первой фазе»⁹⁸.

Установление непосредственных отношений с Советским Союзом, которое было дополнено в октябре 1944 г. установлением полных дипломатических отношений, явилось первой внешнеполитической акцией, которую Италия осуществила на основе равноправия. Решительность, с которой действовало Советское правительство, свидетельствовало о его неудовлетворенности положением в Италии и недостаточным участием Италии в войне против Германии. Идя на признание правительства, которое представляло консервативные круги и к тому времени явно теряло свой престиж, Советское правительство стремилось активизировать антифашистские силы в стране, объединив их для совместной борьбы с фашизмом. Советское признание правительства Бадольо никоим образом не помешало антифашистским партиям добиться отставки маршала после освобождения Рима.

Стремление СССР расширить связи с Италией и оказать поддержку демократическим силам выражалось и в том, что уже в 1944 г. стали устанавливаться первые контакты между общественными организациями СССР и Италии. В сентябре по приглашению Всеобщей конфедерации труда в Италию прибыла советская профсоюзная делегация. Делегация была встречена с большим энтузиазмом. Описывая свои впечатления, члены делегации отмечали, что, по их мнению, итальянцы мало что знали о Советском Союзе, но одновременно было ясно, что со стороны итальянских трудящихся не существовало предубеждения, а был лишь живой интерес и уважение⁹⁹. Лучшему взаимопониманию между двумя народами способствовало создание в декабре того же года Общества

⁹⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946, т. 2, с. 107—108.

⁹⁸ Kogan N. L'Italia e gli alleati. Milano, 1963, p. 81.

⁹⁹ Тарасов М. П. 52 дня в Италии. М., 1945.

культурных связей между Италией и СССР, первым председателем которого стал Гуидо де Руджеро.

Об искренней поддержке Советским Союзом итальянских антифашистов говорит его отношение к борьбе патриотов в Северной Италии. В отличие от Англии и США, которые с начала движения Сопротивления имели на оккупированной территории своих представителей и поддерживали с политическим руководством движения связь через Швейцарию, у Советского Союза таких связей не было. Несмотря на это, есть все основания говорить о советской политике по отношению к итальянскому Сопротивлению. Она вытекала из общей установки Советского правительства, призывавшего народы всех стран Европы активно включиться в борьбу против гитлеровской Германии, и не сдерживалась опасениями, что движение Сопротивления в Италии усилит влияние левых партий, как это часто было с английским и американским правительствами.

Победы Советской Армии на фронтах создавали благоприятные условия для развития движения Сопротивления во всех странах, в том числе и в Италии. Политическое и психологическое воздействие этих побед на итальянских антифашистов было чрезвычайно высоким. Кроме того, просматривается и более непосредственная связь между борьбой советского народа и развитием партизанского движения в Италии. Так, Л. Лонго отмечал, что при организации итальянскими коммунистами Сопротивления они использовали весьма ценный советский опыт народной войны против фашистских захватчиков в ходе второй мировой войны¹⁰⁰. Немалый вклад в борьбу итальянских патриотов внесли советские граждане, бежавшие из гитлеровских лагерей. По примерным подсчетам, в рядах итальянских партизан сражалось около 5 тыс. советских граждан, из которых 425 пали в борьбе за освобождение Италии. Двое из них были посмертно награждены Золотой медалью за воинскую доблесть¹⁰¹. Советские люди в самых сложных условиях оставались верными бескомпромиссной борьбе с фашизмом, положенной в основу политики их родины.

Значительную роль в популяризации позиции Советского Союза играло московское радио. Из этих передач итальянцы узнавали о ходе дел на советско-германском

¹⁰⁰ *Longo L.* Sulla via dell'insurrezione nazionale, p. 15—21.

¹⁰¹ *Серова О. В.* Указ. соч., с. 251.

фронте, о героической борьбе советских патриотов в тылу врага. В 1944 г. тема национально-освободительной борьбы итальянского народа стояла в центре передач московского радио на Италию. При этом в критические месяцы осени и зимы, когда после печально известного обращения Александра английская пропаганда действовала демобилизующе, передачи московского радио призывали к всемерному расширению борьбы. Это было высоко оценено партизанским командованием, которое прислало телеграмму с выражением благодарности за помощь, оказанную советским радио в этот трудный момент¹⁰².

Таким образом, на протяжении 1943—1945 гг. в отношении Советского Союза к Италии четко прослеживаются две основные линии: стремление к установлению и расширению непосредственных контактов с итальянским правительством, что способствовало восстановлению суверенитета Италии, и желание возможно шире привлечь итальянские силы к участию в борьбе против гитлеровских войск. Этим целям служили предложенная Советским Союзом на Московской конференции министров иностранных дел Декларация об Италии, позиция советских представителей в Консультативном совете и восстановление дипломатических отношений с Италией. Рост престижа Советского Союза в результате побед на фронтах способствовал достижению успехов в этом направлении и усилению его влияния на ход дел на Апеннинском полуострове.

Окончание второй мировой войны поставило в повестку дня вопросы мирного урегулирования. В ряде работ американских и английских историков правительства этих стран изображаются чуть ли не защитниками интересов побежденных стран при выработке условий мирных договоров, в то время как Советский Союз представляется стороной, стремившейся лишь к собственной выгоде. Тенденцию подобного рода можно, например, отметить в комментариях американских историков к опубликованной в 1954 г. серии документов внешней политики США¹⁰³. Подобные утверждения имеют мало общего с действительным положением вещей.

На определение политики Советского Союза по отношению к Италии, как и по отношению к другим бывшим

¹⁰² Там же, с. 253.

¹⁰³ European Peace Treaties after World War II. Negotiations and Texts of Treaties with Italy, Bulgaria, Hungary, Rumania, and Finland. N. Y., 1954.

союзникам Германии, влияли факторы общего порядка, обуславливавшие международное положение СССР в этот период. Это прежде всего сознание, что Страна Советов не только добилась собственными силами коренного перелома в ходе второй мировой войны, но и внесла решающий вклад в общую победу союзников. До середины 1944 г., когда судьба мирового конфликта была уже решена, на фронтах англо-американских войск в Северной Африке, а затем в Италии находилось от 1 до 6,2% общего состава сухопутных войск Германии, в то время как на советско-германском фронте действовало от 62 до 76% этих войск. Но и после открытия второго фронта в Западной Европе германское командование было вынуждено держать против Советской Армии свои главные силы и постоянно их укреплять. Если в начале войны Германия бросила против Советского Союза 142 дивизии (без учета войск союзников), то в ходе войны на советско-германский фронт были переброшены с других театров военных действий, сформированы и введены в бой 434 немецкие дивизии¹⁰⁴.

С другой стороны, в результате фашистской агрессии СССР понес ни с чем несравнимые людские и материальные потери. На войне погибло 20 млн. советских граждан, из них 10 млн. были убиты на временно оккупированной противником территории. Материальный ущерб от вражеского нашествия исчислялся в 679 млрд. руб. (в масштабах цен того времени). В результате военных действий было разрушено или повреждено более 31 тыс. предприятий, было разрушено более половины домов в городах, подвергшихся оккупации, а сельское хозяйство потеряло 17 млн. голов крупного рогатого скота, из имевшихся до войны 31 млн.¹⁰⁵ Таким образом, положение Советского Союза в этом отношении коренным образом отличалось от положения главных союзников, территории которых не подвергались нашествию противника.

Определяя свою позицию в отношении Италии, Советский Союз считался с тем, что Муссолини был главным союзником Гитлера и его войска участвовали в военных действиях на Восточном фронте. С другой стороны, после 1943 г. итальянский народ внес значительный вклад в

¹⁰⁴ *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973, т. 2, с. 7.

¹⁰⁵ *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947, с. 159—160; *Загоруйко М. М., Юденков А. Ф.* Крах плана «Ольденбург». М., 1974, с. 366.

общее дело победы над фашизмом. Исходя из этого, Советское правительство при переговорах о заключении мирного договора не предъявило к Италии каких-либо унижительных условий или кабальных требований.

Так, например, репарационные требования Советского Союза — 100 млн. долл. — носили скорее символический характер, чем характер действительного возмещения понесенного ущерба. Это особенно ясно, если вспомнить, что репарационные требования Греции к Италии исчислялись суммой почти в 3 млрд. долл., а Египта — более 500 млн. долл.¹⁰⁶ В наиболее остром территориальном вопросе — проблеме Венеции Джулии и Триеста советская делегация поддерживала позицию союзной Югославии, поскольку, как подчеркивал глава советской делегации на Парижской мирной конференции, «именно Югославия вынесла на себе исключительную тяжесть германской и итальянской оккупации и принесла огромные жертвы в борьбе с нашим общим врагом»¹⁰⁷. Советские представители подчеркивали, что, только решительно отмежевавшись от экспансионистской политики фашистского режима, Италия сможет установить дружеские отношения со своими соседями и стать важным фактором упрочения мира в Европе. Вместе с тем Советское правительство проявляло в этом вопросе гибкость и при выработке своего принципиального отношения учитывало этнические мотивы¹⁰⁸.

Конкретные переговоры о послевоенном устройстве Европы, в том числе и о статусе Италии, начались в период, когда в антигитлеровской коалиции уже наметились трещины, которые получили свою формулировку в антисоветской речи Черчилля в Фултоне. Западные союзники включили Италию в сферу своего влияния и рассчитывали надолго там укрепиться. В этих условиях Советский Союз был объективно заинтересован в возвращении Италии полного суверенитета и предоставлении ей возможности проводить самостоятельную политику. В связи с этим заслуживает внимания активность и настойчивость, которую проявила советская делегация на мирных переговорах, добиваясь осуществления принципов неза-

¹⁰⁶ Внешняя политика Советского Союза, 1946. М., 1952, с. 320.

¹⁰⁷ Там же, с. 269.

¹⁰⁸ Протопопов А. С. Внешняя политика Италии после второй мировой войны. М., 1963, с. 75; Международные отношения после второй мировой войны. М., 1962, т. 1, с. 435.

всймости и демократизации политической жизни в Италии.

Общее отношение Советского Союза к Италии было сформулировано в выступлении главы советской делегации на пленарном заседании Парижской мирной конференции: «Исторические заслуги Италии всем известны,— говорил он.— Как в истории далекого прошлого, так и в новой истории Италия занимала выдающееся место. Ее культура, национально-освободительное движение и высокие творческие способности итальянского народа всегда пользовались всеобщим признанием. Мы, советские люди, уверены в будущем Италии, как великой страны»¹⁰⁹.

В том же выступлении глава советской делегации подчеркивал, что Италия не должна стать «слабым, второстепенным европейским государством» и не «должна потерять значение важного политического фактора в Средиземном море». «Теперь имеется стремление отдельных великих держав,— уточнял он,— занять монопольное положение в Средиземном море, отеснив на второй план не только Италию, но и Францию — эти важнейшие средиземноморские державы. Такое положение не может соответствовать интересам прочного мира в Европе. Не только Франция, но и Италия должны иметь уверенность в своем положении средиземноморских государств»¹¹⁰.

Таковы были позиции Советского Союза, дипломатия которого предпринимала шаги для того, чтобы добиться скорейшего вывода из Италии оккупационных войск, не допустить экономического подчинения страны США и Англии и предоставить ей возможность самостоятельного развития.

В области внутрйполитического положения Италии Советский Союз продолжал проявлять большую заинтересованность в искоренении всех остатков фашизма. Статьи, запрещающие возрождение и деятельность фашистских организаций, по предложению Советского Союза, были внесены в мирные договоры с Румынией, Болгарией, Венгрийей и Финляндией. При рассмотрении политических статей мирного договора с Италией представитель США Бирнс при поддержке некоторых других стран воспротивился внесению в договор аналогичной статьи. Бирнс заявил, что, по его мнению, это произвело бы «нехорошее впечатление» на общественное мнение Италии; кроме

¹⁰⁹ Внешняя политика Советского Союза, 1946, с. 266.

¹¹⁰ Там же, с. 267.

того, по его словам, не было ясно, что означает слово «фашист» и понятие «фашистская организация». В этом легко усомниться, поскольку, по сообщениям итальянской печати, в докладе государственному секретарю США Маршаллу в 1948 г. говорилось, что именно по инициативе Бирнса уже в 1945 г. американские службы субсидировали крайние правые группировки в Италии¹¹¹.

Советская делегация на Парижской мирной конференции проявляла в вопросе дефашизации Италии большую настойчивость. Ее глава следующим образом аргументировал советскую точку зрения: «Италия не может стать демократической республикой, не выкорчевав до конца остатки фашизма и фашистской идеологии. Эта задача далеко еще не выполнена, если помнить о том, что фашизм свыше двух десятилетий отравлял сознание итальянского народа и использовал для этого все средства материального и духовного воздействия»¹¹². Советская делегация напоминала, что в условиях капитуляции Италии указано обязательство Италии уничтожить остатки фашизма и что, хотя в этом отношении было сделано немало, принятые меры еще нельзя признать достаточными. При этом советская делегация ссылалась на свидетельства в итальянской печати Сфорцы и Паччарди¹¹³.

В результате долгих дебатов на пью-йоркской сессии Совета министров иностранных дел было принято решение о включении в мирный договор с Италией статьи, которая запрещала «возрождение на итальянской территории таких организаций, будь то политических, военных или военизированных, целью которых является лишение народа его демократических прав»¹¹⁴. Это положение мирного договора должно было способствовать борьбе итальянских демократов против попыток реакционных сил возродить фашистское движение в любой форме. Как показали последующие десятилетия, опасения, высказанные советскими представителями в период заключения мирного договора, о возможности оживления в Италии фашистских тенденций отнюдь не были преувеличенными.

Что касается общей оценки условий мирного договора с Италией, то советские исследователи этих проблем подчеркивают, что они могли быть более благоприятными.

¹¹¹ L'Unità, 1948, 8 febr.

¹¹² Внешняя политика Советского Союза, 1946, с. 267.

¹¹³ Там же, с. 368—369.

¹¹⁴ Мирный договор с Италией. М., 1947, с. 20—21.

«Дело в том, — отмечает в книге «Внешняя политика Италии после второй мировой войны» А. С. Протопопов, — что с самого начала своего участия в правительстве христианские демократы при поддержке других правых сил стали добиваться проведения во внешней политике Италии односторонней ориентации на США. Тем самым лидеры христианско-демократической партии с первых шагов после падения фашизма ставили страну в зависимость от Соединенных Штатов...»¹¹⁵.

Следует учесть, что практическая разработка условий мирного договора началась в период, когда правительство Парри, представлявшее итальянское движение Сопротивления, уже пало. «Отрицательную роль» внешней политики итальянских правящих кругов в период подготовки мирного договора отмечают и авторы коллективного труда «Международные отношения после второй мировой войны». Они пишут о том, что политика Де Гаспери в вопросе о мирном договоре обуславливалась тем, что итальянские правящие круги повели дело к окончательному включению Италии в создаваемый западными державами блок и что «антикоммунизм, который становился главной движущей силой внешней политики итальянских империалистических кругов, приносил стране в условиях тех лет самые тяжелые последствия»¹¹⁶.

1977 г.

ДЕНЬ ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Путь итальянского государства от монархии к республике был трудным и долгим. Ее рождение тесно связано с революционной борьбой за создание передового демократического государства, которую на протяжении последних веков вели итальянские прогрессивные силы. Эта связь хорошо прослеживается на примере истории геральдических символов, которые выбрала для себя Итальянская республика в 1946 г. Итальянское трехцветное знамя родилось еще до создания итальянского единого государства. Оно обязано своим появлением, как большинство трехцветных знамен, Французской революции XVIII в. Впервые в Италии его увидели на студенческой демонст-

¹¹⁵ Протопопов А. С. Указ. соч., с. 74.

¹¹⁶ Международные отношения после второй мировой войны, т. 1, с. 436—437.

рации в Болонье в 1794 г. Однако синий цвет болонские студенты заменили на зеленый, символизирующий естественные права человека — свободу и равенство. Официально днем рождения итальянского трехцветного знамени считается 7 января 1797 г., когда на конгрессе в Реджо-Эмилии оно стало знаменем Циспаданской республики. Однако едва замолкли звуки Французской революции и отгремела наполеоновская война, как три цвета итальянского знамени оказались под запретом. Оно появлялось лишь во время различных восстаний, которые происходили в Италии до середины прошлого века, успешно конкурируя с черно-желтыми цветами карбонариев. Окончательную победу трехцветное знамя одержало в революционных и заговорщических кружках, когда его сделало своим символом тайное общество Мадзини «Молодая Италия». Это знамя стало символом итальянской революции 1848 г., итальянского Рисорджименто. Оно настолько вошло в национальное самосознание итальянского народа, что его уже не в силах была отменить королевская воля.

Карл-Альберт повелел включить в свою конституцию специальную статью о национальном знамени. В статье 77-й альбертинской конституции говорилось, что единственным символом республики является голубая кокарда. Однако прошло всего несколько дней и стало ясно, что итальянские патриоты, собиравшиеся на войну с австрийцами, не хотят сражаться под символом савойской династии. Сардинскому королю пришлось отступить. В специальном декрете говорилось, что для итальянских войск утверждается трехцветное знамя. Король даже не счел нужным уточнить, о каких именно цветах идет речь: настолько это было очевидным. Правда, в качестве компенсации он приказал украсить знамя гербом савойской династии. В таком виде знамя итальянского королевства и просуществовало почти 100 лет — до лета 1946 г.

Рождение другого символа итальянской республики — национального гимна — также связано с революционными событиями прошлого века. Весной 1847 г. на последнем курсе Генуэзского университета учился собиравшийся стать юристом студент Гофредо Мамели. Романтический юноша был влюблен и писал своей девушке поэтические сонеты. Это, впрочем, не мешало ему отлично учиться и успешно писать дипломную работу. Жизнь молодого романтика перевернули революционные события. При первых студенческих волнениях, начавшихся в Генуе, Гоф-

редо оказался среди его руководителей. В один из вечеров он, по его выражению, «за один присест» написал революционный гимн. Композитор Новара тут же положил его на музыку, и уже через несколько дней марш Мамели распевали на улицах восставшей Генуи. Мамели стал поэтом и трибуном итальянской революции, одним из наиболее близких сподвижников Гарибальди и Мадзини. Его песни и марши разошлись по всей Италии. Сам молодой поэт не удовлетворялся ролью трибуна и певца революции — всегда стремился в бой и сражался с оружием в руках за идею, которой он посвятил все свои чувства. Он был адъютантом Гарибальди во время последнего сражения, которое выдержали итальянские патриоты, пытаясь отстоять Рим от превосходящих сил маршала Удино. Мамели погиб во время этого боя, разыгравшегося около ворот Сан-Панкратио, в двух шагах от виллы, которая теперь принадлежит советскому посольству в Риме. Жизнь Мамели оборвалась, когда ему было всего 22 года. Но написанный им революционный гимн продолжал жить и через 100 лет стал гимном Итальянской республики.

Последние десятилетия существования итальянской монархии были связаны с фашизмом. Итальянский король был одним из тех, кто способствовал приходу фашизма к власти. Несмотря на это, Муссолини крайне не любил короля. Но по иронии судьбы именно король в июле 1943 г. оказался в центре заговора против Муссолини. Королевский двор участвовал в свержении Муссолини с более чем очевидной целью — отмежеваться от фашизма, который был накануне военного поражения. Итальянские патриоты хорошо понимали истинные мотивы короля. И когда в Италии началось вооруженное сопротивление против фашизма и гитлеровской оккупации, то подавляющее большинство партизанских отрядов сняло со своего знамени герб савойской династии. Многие партизаны сохранили на своих боевых знаменах три цвета национального флага: зеленый, который в итальянском народе считается цветом надежды, белый — цвет чистоты и красный — символизирующий мужество.

Итальянское движение Сопротивления было движением всего народа. В нем участвовали коммунисты, католические священники, социалисты, рабочие северных городов и крестьяне альпийских долин, студенты и профессора университетов. Однако наибольший вклад в борьбу с фашизмом внесли рабочие и крестьяне. Это об-

стоятельство наложило решающий отпечаток на всю послевоенную жизнь Италии. Важнейшим завоеванием итальянского движения Сопротивления стали республика и республиканская конституция.

После свержения фашизма итальянская монархия еще какое-то время надеялась, что ей удастся уйти от возмездия. В мае 1946 г., когда враждебность итальянцев к королю Виктору-Эммануилу, запятнавшему себя сотрудничеством с фашизмом, стала достаточно очевидной, он отрекся от престола в пользу своего сына Умберто. Новоиспеченный король продержался на троне всего один месяц — май 1946 г. — и был назван «майским королем». Умберто III предпринимал все меры к тому, чтобы удержаться на троне, даже после референдума. Он всячески медлил с признанием результатов народного опроса. Тогда со всех сторон к королевскому дворцу в Риме двинулись колонны демонстрантов и рабочих из пригородов столицы.

Я был в тот жаркий июньский день на площади королевского дворца и хорошо помню происходившие там события. Огромный дворец казался вымершим — все окна были плотно закрыты ставнями, флаг над крышей, обозначавший присутствие короля во дворце, был спущен. Все подворотни были заполнены карабинерами, которые прильнули к крупнокалиберным пулеметам. Их стволы были обращены навстречу напиравшей со всех сторон толпе. Площадь тревожно гудела. Обстановка накалилась до предела. И в этот момент раздался громкий взрыв — как потом выяснилось, это взорвалась самодельная бомба в руках молодого анархиста. Этот взрыв послужил сигналом. Сразу заговорило несколько пулеметов. Толпа шаркнулась от дворца. Из боковых улиц на нее галопом бросились эскадроны королевских гусар с палашами наголо. На светлой брусчатке опустевшей площади остался лежать убитый анархист и стонавшие раненые.

В тот день безоружный народ покинул площадь, но через несколько дней королевская семья вынуждена была навсегда оставить Италию. Народ заставил савойскую династию уважать свою волю.

1968 г.

НЕОФАШИЗМ И БОРЬБА ПРОТИВ ЧЕРНОЙ ОПАСНОСТИ

НЕОФАШИЗМ В ИТАЛИИ

В годы второй мировой войны фашизм потерпел сокрушительное поражение. Однако в 1945 г. его корни не были полностью уничтожены. В послевоенный период фашизм вновь стал устанавливать связи с наиболее агрессивными и шовинистическими кругами буржуазии, которая видела в нем важный резерв для борьбы против сил мира, демократии и социализма. Его живучесть объясняется стремлением крупного капитала воспроизводить реакционные, террористические диктатуры в новых формах, обусловленных новой исторической обстановкой. «Фашизм,— отмечало Совещание коммунистических и рабочих партий в 1969 г.,— усиливает свою активность в момент обострения кризиса империализма, когда возрастает стремление реакции применять методы грубого подавления демократических и революционных сил»¹. Справедливость этих слов подтвердило развитие событий в 70-е годы, когда в обстановке социально-экономического кризиса, охватившего мир капитализма, в ряде государств подняли голову и активизировались неофашистские организации.

Весьма опасные формы в Западной Европе неофашизм принял в Италии. На рубеже 70-х годов эта страна стала ареной многих преступных действий и террористических актов. Неофашистская партия — «Итальянское социальное движение» (ИСД) — открыто заявила о своих притязаниях на власть. Масштабы ее деятельности обеспечили ей ведущую роль в среде подобных групп и организаций в государствах капиталистической Европы.

Причины этого кроются прежде всего в том, что современная Италия является одним из самых слабых зве-

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 322.

нцев европейского капитализма. Наиболее реакционная часть буржуазии готова искать выход из сложной ситуации вне традиционных методов буржуазной демократии путем создания авторитарного режима в той или иной форме².

Неофашизм — сравнительно новое и малоисследованное явление. Рассмотрение конкретных его проявлений дает возможность обогатить международный опыт рабочего движения, ведущего борьбу с фашизмом. Важно выяснить, какие социальные и политические силы стоят за спиной неофашистов, в чем заключаются различия и преимущество «нового» фашизма по отношению к «старому», какова идеология и практика современных фашистов, какими методами они пытаются создать себе массовую базу. Это помогает ответить на вопрос о том, насколько серьезна угроза реакционных сдвигов в капиталистических странах и что нужно сделать, чтобы нанести фашизму окончательное поражение.

В декабре 1946 г. была основана легальная неофашистская партия в Италии «Итальянское социальное движение». Стремление, пусть даже в замаскированной форме, подчеркнуть свою преимущество по отношению к режиму Муссолини сквозило во всех внешних атрибутах партии. Заглавные буквы ее названия (по-итальянски — МСИ) должны были напоминать сокращенную фамилию Муссолини. Еще более откровенно выглядела ее мрачная эмблема: пламя, окрашенное в три цвета итальянского знамени, вырывающееся из черного гроба (подразумевался гроб с телом Муссолини).

Генеральным секретарем ИСД стал Дж. Альмиранте, один из инициаторов ее создания. При фашистском режиме он был редактором погромной газеты «Тевере», а в период «республики Сало» — помощником «министра культуры». В новую партию сразу же устремились уцелевшие фашисты. По мере того как представители фашизма, сумевшие избежать законного возмездия, легализировались или выходили из кратковременного заключения³, руководство партии пополнялось все более зловещими фигурами. Так, первым «почетным президентом» ИСД

² Современный фашизм: его обличье и борьба с ним. Прага, 1975, с. 85.

³ В февралье 1946 г. в итальянских тюрьмах находилось 11 368 осужденных фашистов, а к началу 1950 г. их осталось лишь 382. См.: *Протопопов А. С.* Внешняя политика Италии после второй мировой войны. М., 1963, с. 73.

стал князь В. Боргезе, осужденный как военный преступник. В нее вступили также бывший главнокомандующий вооруженными силами «республики Сало» маршал Грациани, один из основателей фашистской партии престарелый Де Векки, бывший фашистский министр Боттаи, «теоретик» итальянского расизма Эвола и др.⁴

Руководители новой партии сразу же поставили цель выработать политическую программу. С одной стороны, они считали необходимым не ограничиваться нападками на итальянскую демократию, а предложить «позитивную» программу, с другой — они боялись, что прямая апология режима Муссолини могла бы привести к запрещению ИСД. Поэтому первые партийные декларации носили весьма туманный и обтекаемый характер. Стремление не выйти за рамки законности и замаскировать свои взгляды сказалось и на опубликованном вскоре «программном заявлении» партии, состоявшем из десяти пунктов. В нем содержалось требование территориальной целостности Италии, включая земли, необходимые для ее экономического развития, и внешней политики, направленной на создание «европейского союза». В области внутренней политики демагогические лозунги перемежались с осторожными заимствованиями из идеологического арсенала Муссолини. Так, требования «права граждан на труд» и «участия трудящихся в управлении предприятиями» сопровождалась энергичными призывами к защите частной собственности со стороны государства, «восстановлению авторитета власти» и отмене «чрезвычайного законодательства»⁵. (Имелись в виду законы о чистке, направленные на удаление из государственного аппарата бывших активных фашистов.)

Таким образом, всего через 18 месяцев после разгрома фашизма и победы движения Сопротивления в Италии появилась партия, целью которой было восстановление в стране фашистского режима. Она делала еще первые шаги, но уже было ясно, что разнообразные фашистские группировки обрели центр, который взял курс на объединение всех сил черной реакции. Как и в начале 20-х годов, фашисты объявили себя смертельными врагами коммунизма.

Появление фашистских организаций, ратовавших за возврат к бесславно рухнувшему режиму, а также крити-

⁴ *Giovana M.* Le nuove camicie nere. Torino, 1966, p. 48.

⁵ *Il Secolo d'Italia*, 1972, 23 febr.

ка идеалов антифашизма обратили на себя внимание итальянской прогрессивной общественности. На V съезде Итальянской коммунистической партии (ИКП), состоявшемся в конце 1945 г., причины оживления деятельности подпольных фашистских групп были подвергнуты специальному рассмотрению. В принятой резолюции отмечалось, что «остатки фашистского режима не были быстро и последовательно ликвидированы, что было необходимо, в частности, для четкого отделения виновников национальной катастрофы от тех, кто был лишь обманут и введен в заблуждение»⁶. Результатом этого, подчеркивалось в резолюции, явилось не только оживление деятельности антидемократических движений, но и возрождение деятельности фашистских преступников, выдвигавших старые лозунги времен Муссолини.

Решающим условием ликвидации корней фашизма было бы обновление основ экономического строя страны, на которых зиждилось политическое и социальное могущество капиталистической касты, породившей фашизм и поставившей его у власти. Выступая на партийном съезде, руководитель итальянских коммунистов П. Тольятти подчеркивал, что необходимо ликвидировать старые институты и старые формы организации экономической и политической жизни, «ибо, до тех пор пока мы этого не сделаем, фашизм так или иначе всегда будет существовать, будет жить среди нас и нам всегда будет угрожать тем, что может одержать верх»⁷.

Попытки фашистских организаций активизировать свою деятельность встретили со стороны демократических сил Италии резкий отпор. Бывшие партизаны, рабочие и крестьяне проявили непримиримое отношение к любым формам фашизма. Особой остроты столкновения с неофашистами достигли осенью 1947 г.

В это время фашисты впервые попытались выйти на улицы в столице Италии. В октябре они устроили манифестацию около здания, где происходило заседание Учредительного собрания. Фашистские молодчики напали на нескольких депутатов собрания от левых партий. Тогда по требованию коммунистической фракции Учредительного собрания его работа была прервана. Вылазка фашистов вызвала протест по всей стране. Ответ трудя-

⁶ Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953, с. 505.

⁷ Тольятти П. Избранные статьи и речи. М., 1965, т. 1, с. 414—416.

щихся был быстрым и решительным, особенно в городах Северной Италии, где происходили митинги и демонстрации, во время которых трудящиеся требовали роспуска фашистской партии. ЦК ИКП в специальном обращении приветствовал трудящихся, оказавших неофашистам немедленный и энергичный отпор. Одновременно депутаты Учредительного собрания внесли запрос, требуя расследования обстоятельств нападения фашистов на активистов левого движения. Всеобщая конфедерация труда на внеочередном заседании приняла резолюцию о запрещении деятельности фашистов и роспуске неофашистских групп. «В случае если правительство не пожелает принять необходимых мер для нормализации положения, — подчеркивалось в резолюции, — трудящиеся будут вынуждены применить все средства, имеющиеся в их распоряжении, чтобы защитить свое существование, республику и будущее демократии»⁸.

Размах и решительность действий антифашистов побудили Учредительное собрание в конце ноября 1947 г. принять закон о запрещении фашистской деятельности. В соответствии с законом пропаганда фашизма должна была наказываться тюремным заключением⁹. Это был первый законодательный акт, направленный против активизации неофашистов. Однако правительственные власти саботировали этот закон, и фашисты открыто продолжали свою деятельность. Но массовый отпор трудящихся отрезвляюще подействовал на фашистских главарей, которые теперь основную ставку перенесли на «легальную работу», временно сократив масштабы террора.

Удаление коммунистов и социалистов из правительства в 1947 г. и монополизация власти христианско-демократической партией (ХДП) создали в Италии новую политическую обстановку, которая характеризовалась переходом консервативных сил в контрнаступление на демократию. Однако перейдя в оппозицию, рабочие партии продолжали играть важную роль в жизни страны. Они добились принятия демократической Конституции, одна из статей которой запрещала воссоздание фашистской партии в какой-либо форме. Правда, благодаря попустительству буржуазных правительств это не помешало итальянским фашистам принять участие в выборах в первый парламент Итальянской республики.

⁸ ЦГАОР, ф. 4459, д. 29, с. 240.

⁹ Там же, с. 274.

Антикоммунистическая направленность политики христианско-демократических правительств создавала выгодную обстановку для неофашистов. Проповедь антикоммунизма и антисоветизма, усиление позиций крупного капитала, активное участие в «холодной войне» играли на руку неофашистам. В руководстве ИСД и примыкавших к нему различных группах велась оживленная перебранка между сторонниками двух тактических линий. Так называемые умеренные главный упор делали на создание более широкой легальной организации, способной превратиться в политическую партию национального масштаба и вобрать в себя все силы правой реакции. Им противостояли фашисты-экстремисты, считавшие основным средством борьбы «прямое действие», т. е. подготовку вооруженного переворота и террор. В то время как в руководстве ИСД преобладали «умеренные», фашисты-экстремисты господствовали в различных полулегальных организациях.

Развернутая программа действий «умеренных» содержалась в изданном еще в феврале 1947 г. обращении, озаглавленном «Слово к фашистам». В этом документе, распространявшемся нелегально, цели движения формулировались гораздо более откровенно, чем в официальной печати неофашистов. Его авторы вначале с сожалением констатировали, что невозможно восстановить фашистскую партию в прежнем ее виде, так как этому препятствует закон и еще потому, что «время идет вперед». Но когда от призывов покончить с «романтической нелегальщиной» авторы переходят к требованию «построения единой сильной организации», то выясняется, что идеологической и политической платформой ее должны послужить «дух, учение и подход к жизни» старого фашизма. Раскрывая эту высокопарную формулировку, составители текста указывали на два основных источника их программы — на так называемую «Хартию труда», заложившую в 1929 г. основы корпоративного государства, и «Веронскую хартию», появившуюся на свет вместе с «республикой Сало» осенью 1943 г. Первый документ был составлен итальянским фашизмом после его прихода к власти и знаменовал собой фазу «социального обновления», второй — символизировал судорожную попытку вернуться к социальной демагогии в канун неминуемого краха. Хотя оба документа были порождены стремлением Муссолини сохранить свое влияние в чрезвычайных обстоятельствах, они во многом противоречили друг другу.

Наметив основу для создания социально-политической платформы, авторы обращения 1947 г. указывали, что к «этому следует добавить комплекс территориальных требований»: три «потерянные» после войны пограничные провинции и «отобранные» колонии. Для обоснования этих претензий неонацисты рекомендовали ссылаться на необходимость обеспечить «независимость страны» и сохранить «национальный престиж». Это были те же мотивы, на которых в свое время спекулировал Муссолини, оправдывая свои далеко идущие экспансионистские планы. Правда, в отличие от старых времен неонацисты в 1947 г. меланхолически уточняли, что «нынешняя международная обстановка не дает основания полагать, что эти требования можно будет осуществить в ближайшем будущем»¹⁰.

В конце обращения содержались заклинания добиваться единства своих рядов «во что бы то ни стало». Этот призыв был обращен к тем экстремистским группам, которые фигурировали в нем под невинной этикеткой «романтических нелегалов». О взглядах неонацистов дает представление «Манифест подпольщиков», напечатанный в одном из нелегальных изданий в 1947 г. «Мы против компромиссов, которые якобы позволят создать сильную партию...— безапелляционно заявляли его авторы.— Мы никогда не устанем повторять, что фашистское движение — это в первую очередь движение антидемократическое». Социально-политическая программа в нем сводилась к утверждению, что «фашистская молодежь — новый руководящий класс, который призван встать во главе мира»¹¹. Несколько большее представление о взглядах фашистских экстремистов дает листовка другой подпольной группы, озаглавленная «Фашисты Италии, объединяйтесь!». «Наш учитель — Муссолини...— без обиняков писали его авторы.— Мы никого и ничего не пощадим, если это нужно для победы... Мы националисты и империалисты... антипарламентаристы и антикоммунисты»¹².

Различие между «умеренными» и «экстремистами» в рядах итальянского неонацизма касалось главным образом методов действий. При этом сторонники «легальной» партии никогда в принципе не отказывались от методов

¹⁰ Fondazione G. Feltrinelli. Archivio Tasca. Cartella «Neofascismo».

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

«прямого действия» — прежде всего террора, который проповедовали экстремисты. Речь шла о наибольшей эффективности тактической линии в зависимости от складывавшейся обстановки.

Итоги выборов в парламент 1948 г., во время которых неофашисты сумели создать свою парламентскую фракцию, как будто давали перевес сторонникам «легальной деятельности». В том же году они провели свой первый съезд, на котором попытались привести в некоторый порядок политическую платформу. Особый упор неофашисты делали на утверждение, что в Италии только неофашистское движение якобы способно отражать национальные интересы, поскольку оно обладает некоей «идеей». Неофашистская «идея», под которой легко угадывалась хорошо знакомая итальянцам идеология режима Муссолини, нацелена была на то, чтобы «покончить» со всеми последствиями «революций прошлых веков».

Переходя к более конкретным вопросам, неофашисты уточнили, что в новом воплощении старая «идея» подразумевала уничтожение представительного парламента и возврат к корпоративной палате депутатов, установление государственного контроля над профсоюзами и проведение политики экономической автаркии¹³. Эта программа ИСД, с одной стороны, была предназначена для того, чтобы завоевать доверие крупного капитала, с другой — расширить влияние в средних слоях.

Неофашистская партия постоянно усиливала свою деятельность. С 1950 г. ее генеральным секретарем стал бывший заместитель министра связи при режиме Муссолини Де Марсанич, считавшийся представителем «умеренных». Через несколько лет после создания ИСД уже насчитывала более 2 тыс. секций (главным образом в Южной и Центральной Италии), выпускала около 30 газет и журналов. Эти издания, как правило, носили нейтральные названия, но занимались активной апологией фашизма. С 1953 г. начала выходить газета, которая стала главным рупором неофашистов и официальным органом ИСД.

Бросалось в глаза несоответствие между быетро растущим организационным и пропагандистским аппаратом партии ИСД и ее реальным весом в стране. Все это давало основание даже буржуазной печати задавать вопрос: «Кто им платит?» Было ясно, что основу материального

¹³ *Giovana M. Op. cit.*, p. 60.

обеспечения неофашистской партии составляли пожертвования наиболее реакционной части итальянских промышленников. По некоторым данным, уже с 1949 г. крупнейшее объединение итальянских промышленников — «Конфиндустрия» часть средств, которые она регулярно переводила партиям правительственного большинства, стала направлять в кассу ИСД¹⁴.

Стремясь внедриться в рабочую среду, неофашисты в 1950 г. основали «собственную» профсоюзную организацию — Итальянскую национальную конфедерацию профсоюзов трудящихся, которая пользовалась незначительным влиянием и сумела закрепиться лишь на некоторых предприятиях благодаря активной помощи их владельцев. Весьма большую активность неофашисты развили среди студенческой молодежи, создав для университетов специальную организацию — «Университетский фронт национального действия». В ряде высших учебных заведений неофашистская демагогия нашла благоприятную почву. Подавляющая часть студенчества происходила из буржуазных семей, а преподаватели, выросшие при фашистском режиме, придерживались в основном консервативных взглядов. Такие университеты, как Римский, в течение многих лет служили источником пополнения неофашистских молодежных организаций¹⁵. Молодежные организации объединяла также «Молодая Италия», ставшая одним из главных каналов связи между ИСД и различными полулегальными и нелегальными неофашистскими группами.

Руководители ИСД стремились укрепить контакты с правыми группировками внутри христианско-демократической партии и католического движения, а также с крайне правой партией монархистов, которая не пользовалась влиянием в стране, но была тесно связана с крупным капиталом. Одним из результатов сотрудничества с монархистами явилось включение в неофашистскую орбиту неаполитанского миллиардера, судовладельца и спекулянта А. Лауро, который превратил этот город в центр неофашизма. Щедро тратя деньги, действуя бесстыдным шантажом и запугиваниями, он смещал и назначал по своему усмотрению чиновников местной администрации, подкупал избирателей.

¹⁴ Ibid., p. 60.

¹⁵ Ibid., p. 60—61.

Что касается отношений с католическими группами, то здесь неофашисты натолкнулись на сопротивление. Идя на отдельные соглашения с ними, руководители ХДП вовсе не были намерены видеть в неофашистах равного партнера. Христианский демократ М. Шельба даже внес в парламент законопроект о запрещении неофашистской деятельности, который был утвержден парламентом летом 1952 г. Однако этот закон не применялся в течение многих лет.

На парламентских выборах 1953 г. неофашистская партия собрала около 1,5 млн. голосов и послала 29 депутатов в палату депутатов и 9 в сенат. Это хотя и составило примерно 5% всех голосов избирателей, но было значительно меньше тех 25%, на которые неофашисты рассчитывали¹⁶. В 1954 г. А. Марсанич был возведен в сан «председателя» партии, а практическое руководство перешло в руки нового генерального секретаря А. Микелини. Этот бывший партийный функционер режима Муссолини слыл среди неофашистов-экстремистов еще более «умеренным», чем его предшественник.

Тем временем распри внутри руководства ИСД после 1954 г. усилились. В значительной степени они обуславливались соперничеством между претендентами на лавры очередного «дуче». Но постепенно выявились и причины более общего порядка. Среди бывших деятелей «республики Сало» и влившихся в ИСД «боевых групп» усилилось недовольство слишком «мягкой» политикой Микелини. Во главе «непримиримых», поставивших перед собой задачу борьбы против «линии Микелини», встал один из основателей ИСД, Альмиранте, который в то время был ярким сторонником перехода к «прямым действиям».

Лозунг «непримиримых» гласил: «Нам нужно меньше двубортных пиджаков и больше дубинок». Особенно бурное столкновение «непримиримых» с «умеренными» произошло во время очередного съезда ИСД в 1956 г. Помещение, в котором заседал съезд, на несколько дней превратилось в арену беспрерывных потасовок. В конечном счете сторонникам Альмиранте пришлось уступить. Они присоединились к резолюции «умеренного» большинства, главная идея которой заключалась в призыве к единству во имя «общей антикоммунистической борьбы».

¹⁶ Ibid., p. 88.

Примирение между враждующими группами было чисто внешним. В последовавшие за этим годы ИСД стало напоминать конгломерат фракций, объединенных лишь общей ненавистью к демократии. Сторонникам Альмиранте удалось взять под контроль газету «Секоло д'Италия», которая повела открытую критику руководства партии. В 1957 г. из партии вышла большая группа «непримиримых», образовав впоследствии собственную организацию — «Новый порядок». Она возникла внутри ИСД в качестве «научно-исследовательского центра», но вскоре превратилась в место подготовки «боевых групп», предпочитавших заниматься не научной работой, а организацией карательных экспедиций и уличных беспорядков¹⁷.

На выборах в парламент в 1958 г. ИСД потеряло значительную часть голосов. Это было вызвано не столько внутренними неурядицами в партии, сколько общими изменениями, назревавшими в стране и в международной обстановке. Христианские демократы, раздираемые кризисом «центристской» политики, приложили все силы для того, чтобы привлечь на свою сторону голоса сторонников правых партий. Это им удалось, причем монархисты потеряли еще больше голосов, чем неофашисты. В то же время правительственные партии не сумели преградить путь продвижению левых сил: партии рабочего класса не только укрепили свои позиции в парламенте, но и увеличили число депутатов. Все попытки «крестового похода», организованного реакцией против левых, не дали желаемого буржуазией результата. На повестку дня вставал вопрос о пересмотре политики правящих кругов и привлечении в правительственную коалицию новых сил.

Период монопольного пребывания у власти ХДП был весьма сложным для борьбы итальянских демократов против опасности справа. Консервативные и реакционные силы опирались в своей деятельности на ХДП, на высшую церковную иерархию, пользовались покровительством американского империализма. Обращаясь к христианским демократам, один из руководителей ИКП, П. Секкья, говорил в итальянском сенате: «Сейчас «Итальянское социальное движение» и другие неофашистские группировки представляют опасность лишь в той степени, в которой вы их стимулируете, создаете им благоприятные условия и защищаете. Они не опираются на широ-

¹⁷ Gaddi G. Neofascismo in Europa. Milano, 1974, p. 18.

кие массы и не являются в этот момент партией, на которую делает ставку крупная буржуазия и финансовый капитал. Безусловно, есть крупные промышленники и аграрии, которые поддерживают и эти движения и помогают им: известно, что в своей игре крупная буржуазия делает ставки на различные карты. Но сейчас интересы крупного капитала представляет христианско-демократическая партия»¹⁸.

Итальянские демократы не оставляли без внимания попыток неофашистов расширить сферу своего влияния в стране. В первые послевоенные годы носителями фашистской инфекции были главным образом люди, прошедшие при фашистском режиме значительную часть своей жизни. Они составляли не только руководящий костяк ИСД, но и массу рядовых членов этой партии. Однако контингент лиц этого поколения постепенно сокращался, и главари неофашистов всячески старались внедриться в молодежную среду. Они создавали свои организации не только в университетах, но и в средних школах, надеясь увлечь за собой молодое поколение.

Опасность деятельности неофашистов в этом направлении усиливалась определенными объективными обстоятельствами. Выступая на XII съезде Итальянской федерации коммунистической молодежи в 1950 г., П. Тольятти отметил, что неофашисты стремятся одурманить молодежь¹⁹. В связи с этим П. Тольятти призвал федерацию шире развернуть свою работу, привлекая на сторону прогресса новые слои молодежи, показывая им, что решение судеб их поколения может быть успешным на путях борьбы за более передовое социальное общество.

Однако демократическое движение с большим трудом проникало в высшую и среднюю школу, унаследовавшие от прошлого архаическую и консервативную структуру, учебные пособия и литературу, изданные при фашистском режиме. Попытки демократических сил добиться реформ наталкивались на упорное сопротивление правительственных властей.

Неофашисты особые надежды возлагали также на мелкую буржуазию и разнородные категории населения, далеко отстоящие от рабочего класса. Итальянские демократы обладали историческим опытом, для того чтобы видеть эту опасность. Лишь сближение средних слоев с партией рабочего класса могло послужить надежной гарантией

¹⁸ *Secchia P.* La Resistenza accusa. Milano, 1973, p. 172.

¹⁹ *Тольятти П.* Указ. соч., т. 1, с. 639—640.

того, что силы крайней реакции будут лишены возможности рассматривать мелкую буржуазию как свою потенциальную массовую базу. Выступая на VIII съезде ИКП в 1956 г., П. Тольятти отмечал: «На наших собраниях как в центре, так и на местах всегда подчеркивается необходимость усилить работу среди социальных слоев, далеко стоящих от рабочего класса, и среди групп трудящихся, еще проявляющих к нам враждебность. Предпринятые в этом направлении шаги и различные начинания, например, в отношении населения горных районов, ремесленников, служащих, чиновников, пенсионеров, ветеранов войны и других групп населения, часто давали хорошие и плодотворные результаты»²⁰.

Особенно обширным полем деятельности для реакционных происков различного рода была Южная Италия. Исторически сложившийся разрыв между промышленно развитым Севером и отсталым Югом сохранялся на протяжении фашистского господства. Не изменилось к лучшему положение и в послевоенной Италии. Отсталость и социальное разложение Юга со всеми вытекающими тяжелыми последствиями для трудящихся масс и средних слоев населения — характерная черта итальянского капитализма. При этом с его развитием эти условия не исчезали, а, наоборот, усугублялись.

Несмотря на то что движение трудящихся за подъем Южной Италии принимало подчас характер общенациональных выступлений, а рабочие партии вносили в парламент различные проекты развития Юга, центристские правительства не принимали эффективных мер для увеличения капиталовложений в эти области. Частичные реформы землевладения и землепользования не могли заменить общей аграрной реформы, способной покончить с остатками полуфеодальных отношений в Южной Италии.

Хотя потенциальные источники развития опасности справа были весьма обширными, неофашистское движение в течение 50-х годов не превратилось в угрозу национального масштаба. Главная опасность для итальянской демократии происходила от авторитарных поползновений правого крыла ХДП, которое видело в неофашистах своего союзника.

К концу 50-х годов атмосфера «холодной войны», порожденная наиболее империалистическими кругами ме-

²⁰ Тольятти П. Указ, соч. М., 1965, т. 2, с. 78.

ждународного капитализма, начала постепенно рассеиваться. Итальянские буржуазные правительства оставались на позициях твердой приверженности НАТО, поддерживая все мероприятия по военному сотрудничеству стран Западной Европы. В то же время набравшие силы итальянские монополии стали стремиться к расширению международных контактов. Начиная с 1955 г. заметно оживились связи Италии с СССР и другими социалистическими странами.

Результаты экономического развития Италии все оптимее сказывались и на ее внутреннем положении. Политика сдерживания реформ, сохранения диспропорций в развитии экономики, унаследованных от прошлого, фронтальное сопротивление требованиям рабочих партий, которые проводили центристские правительства, все более противоречили объективным процессам экономического развития. Христианские демократы активизировали поиски союзов, которые были способны обеспечить им контроль более широких секторов гражданской и экономической жизни. В правящей клерикальной партии образовалась значительная фракция, которая понимала, что общий консерватизм и отказ от какого-либо сотрудничества с партиями рабочего класса окончательно изжили себя. Представители этой фракции явились посетителями идеологии «левоцентризма» — политики более широкого социального маневрирования, проведения различного рода экономических реформ и социальных уступок с целью привлечь на свою сторону трудящихся.

Реакция консервативных сил против новых веяний в католических рядах была весьма резкой. Промышленные и финансовые круги, выразителем взглядов которых была «Конфиндустрия», забили тревогу. Откликом на эти настроения явилась консолидация в руководстве ХДП консервативных течений. В конце 1958 г. состоялся съезд ХДП, который передал руководство партии в руки представителей этого течения.

На положение в ХДП оказал также влияние приход во Франции к власти де Голля. При всем различии обстановки в Италии и Франции сторонники установления «сильной власти» получили образец для подражания. Этот замысел нашел поддержку в некоторых кругах итальянской буржуазии.

О наличии такой тенденции итальянские коммунисты предупреждали задолго до того, как она обнаружила себя с полной силой. В начале 1958 г. П. Тольятти до-

святил этой проблеме специальную статью в журнале «Ринашита» «Национальные пути фашизма». В ней он отмечал, что установление во Франции авторитарного режима, сопровождающегося разжиганием шовинистического национализма, может найти отзвук и в Италии²¹. В октябре того же года Тольятти уделил этому вопросу значительную часть своего выступления на пленуме ЦК и ЦКК ИКП. Открытая попытка установления фашизма в Италии, сказал он, вызвала бы такое волнение, которое взбудоражило всю политическую жизнь страны. Поэтому буржуазные правящие круги «чувствуют необходимость одной или целого ряда операций, которые, сохраняя ту же сущность и конечную цель — ликвидацию демократии, осуществлялись бы путем создания лицемерной видимости соблюдения внешних проявлений нынешней демократической системы: имеется в виду сохранить, так сказать, внешнюю оболочку, но по существу выхолостить всякое содержание действенной демократии»²².

Формирование правительства христианского демократа Ф. Тамброни в 1960 г. показало верность прогноза коммунистов. Формально это был «деловой кабинет», не вносивший в правительственную платформу новых элементов, и его глава выдавался за представителя «центристского» крыла. Однако в антифашистских кругах помнили, что в 1925 г. Тамброни, бывший в то время одним из деятелей Народной партии, перешел к фашистам и писал о Муссолини как о «творце возрождения величия родины»²³. Правительство Тамброни получило вотум доверия благодаря тому, что за него проголосовали депутаты неофашистской партии. Впервые за послевоенные годы правительство приобрело мандат на руководство страной с помощью голосов неофашистов. Это звучало прямым вызовом всей антифашистской Италии. Наметившийся парламентский блок ХДП с неофашистами активизировал силы реакции.

Моментально воспрянувшие духом неофашисты объявили, что свой очередной съезд они намерены провести в Генуе, и правительство Тамброни дало им на это разрешение. Было ясно, что такое сборище в городе, славящемся своими антифашистскими традициями и награжденном за участие в движении Сопротивления высшим

²¹ Там же, с. 176—169.

²² Там же, с. 193.

²³ *Giovana M.* Op. cit., p. 34.

итальянским орденом — Золотой медалью за воинскую доблесть, является открытой провокацией.

Генуя ответила призывом к мобилизации всех сил антифашистов, и 30 июня 1960 г. в городе состоялась мощная демонстрация протеста. Против манифестантов была брошена полиция, однако сила народного гнева оказалась столь большой, что полицейские подразделения были смяты. Они с трудом обороняли гостиницу, где забаррикадировались перетрусившие неофашисты. Местные власти сообщили в Рим, что не могут поручиться за дальнейший ход событий. Правительство уступило: неофашистов под охраной полиции выпроводили из Генуи.

Отступив в Генуе, Тамброни попытался использовать создавшуюся ситуацию в своих целях. В то время как по всей Италии проходили массовые выступления солидарности с генуэзскими антифашистами, полиция получила приказ подавлять трудящихся всеми средствами. Полицейские открыли огонь по мирным манифестациям: 7 июля в Реджо-Эмилии было убито пять человек, в других городах еще пять. Одновременно буржуазная печать подняла шум, обвиняя коммунистов в «организации уличных беспорядков» и «бунтов».

Тамброни потребовал от президента республики чрезвычайных полномочий и права использовать против трудящихся армию. Используя репрессивный аппарат, итальянское правительство бросило вызов демократическим силам. В наиболее напряженный момент борьбы против правительства Тамброни на страницах газеты «Унита» появилось выдержанное в энергичных выражениях «Заявление», написанное П. Тольятти. «Антифашизм,— говорилось в нем,— это основа нашего политического строя. Правительство, которое выступает против антифашизма, подобными действиями само создает политическую обстановку, которая уже сегодня невыносима и может привести к катастрофе... Мы считаем, что необходима разрядка напряженности. Но первым условием ее является освобождение страны от постыдного союза правительства с фашизмом и от позорного правительства, которое опирается на этот союз»²⁴.

Итальянские коммунисты действовали с энергией и сознанием ответственности. Руководство ИКП призвало всех антифашистов и демократов занять твердую позицию и пресечь продолжавшиеся репрессии. Результаты

²⁴ Тольятти П. Указ. соч., т. 2, с. 411—412.

аваптюры Тамброни оказались прямо противоположными тем, на которые рассчитывали ее организаторы. Стремление установить реакционный режим встретило сопротивление такой силы и такой решимости, что события поставили страну на грань гражданской войны. Реакционеры были вынуждены отступить. 23 июля Тамброни подал в отставку. Сменивший его на посту главы правительства А. Фанфани в осторожных выражениях отмежевался от метода действий своего предшественника.

Июльские события 1960 г. показали безнадежность попыток подавить итальянскую демократию и расчистить путь для установления авторитарной власти. Их огромное политическое значение состояло в том, что все прогрессивные силы, включая и часть католиков, признали, что перед лицом угрозы открытого выступления фашизма необходимо единство всех демократов и антифашистов, которое существовало во время движения Сопротивления.

Политика прямолинейного репрессивного антикоммунизма, таким образом, потерпела провал. В этих условиях правящие круги избрали новую тактику, предложенную сторонниками «левого центра». Руководство ХДП взяло курс на коалицию с Итальянской социалистической партией (ИСП), которая в тот период, отойдя от политики единства действий с коммунистами, переживала эволюцию вправо. В 1962 г. она оказала поддержку в парламенте христианско-демократическому правительству, а 4 декабря 1963 г. было объявлено о формировании левоцентристского правительства, в которое впервые после 1947 г. вошли социалисты.

Несмотря на готовность идти на уступки буржуазии, продемонстрированную социалистической партией в период формирования «левого центра», ее участие в правительстве было воспринято частью правящего класса с тревогой. По свидетельству французского политического журнала «Франс-обсерватёр», из десяти крупнейших итальянских монополий только три благоприятно отнеслись к «левому центру»²⁵. Значительная часть членов «Конфиндустрии» также видела в изменении курса христианских демократов «рискованный эксперимент».

Опасения наиболее консервативных и реакционных промышленников, как позднее стало известно, разделялись

²⁵ *Холодковский К. Г.* Рабочее движение в Италии. М., 1963, с. 343.

частью правительственных кругов. Летом 1964 г. в Италии готовился государственный переворот, центральной фигурой которого был начальник корпуса карабинеров генерал Д. Де Лоренцо. Это имя было хорошо известно итальянцам, поскольку незадолго до этого закончился скандал с итальянской военной разведкой — СИФАР, которая, как выяснилось, проводила слежку за политическими деятелями и организовала массовое подслушивание телефонных разговоров. Парламентская комиссия признала, что СИФАР превысила свои полномочия, и ее руководитель был смещен с поста. Де Лоренцо, возглавлявший генеральный штаб и непосредственно контролировавший работу военной разведки, также был снят с должности. Однако он оказался на посту командующего корпусом карабинеров.

В намечавшемся на июль 1964 г. перевороте, план которого разработал Де Лоренцо, должны были принять участие корпус карабинеров и военная разведка. Офицеры СИФАР подготовили списки демократических политических деятелей, подлежащих аресту по сигналу из центра. Списки «первой очереди», содержавшие примерно 1800 имен, были разосланы из Рима начальникам полиции многих городов, а начальникам штабов военно-воздушных сил и морского флота предписывалось доставить арестованных в концентрационные лагеря в Сардинии.

Поскольку руководители заговора не сомневались в том, что подобная акция вызовет немедленную реакцию демократических сил, был разработан план «Соло», осуществление которого возлагалось на корпус карабинеров — наиболее консервативную часть вооруженных сил. Осталось невыясненным, кто именно и по каким причинам отменил в последний момент его реализацию. В отличие от событий 1960 г. в этом случае речь шла о чисто верхушечном заговорщическом плане. Хотя подготовка переворота проходила в глубокой тайне, его главари знали о том, что демократические силы находятся настороже. Отмечая напряженное состояние, создавшееся летом 1964 г., руководство ИКП в специальном обращении призвало в те дни народные массы к бдительности²⁶⁻²⁷.

Появление на свет плана «Соло» свидетельствовало о разветвленных связях реакционных сил, идущих от неонацистских группировок к наиболее ответственным органам государственного аппарата. Лишь после того как

²⁶⁻²⁷ История Италии. М., 1972, т. 3, с. 385.

благодаря разоблачениям демократической печати заговор 1964 г. всплыл наружу, генерал Де Лоренцо был уволен в отставку. Он тут же примкнул к неофашистской партии и был поднят на щит фашистской пропагандой.

В то же время скандал с СИФАР и планом «Соло» вскрыл тесные связи итальянского генерального штаба со специальными службами НАТО и американской разведкой. Они облегчались тем обстоятельством, что многие итальянские военные занимали ответственные посты в НАТО и зачастую было трудно разобраться, от кого исходит инициатива тех или других заговорщицких действий. Дело дошло до того, что когда некоторые итальянские офицеры интересовались, от чьего имени им приказывают участвовать в плане «Соло», то им отвечали, что речь идет о претворении в жизнь программы внутренней безопасности страны, разрабатываемой в рамках НАТО по соглашению с американскими штабами в Италии²⁸.

Симпатии, которыми пользовались итальянские неофашисты со стороны местных и иностранных военных властей, не могли заменить им отсутствия поддержки среди населения. С 1960 по 1968 г. число получаемых ИСД голосов на выборах сократилось. Этот процесс захватил и такие города, как Рим. Вместе с тем именно в этот период в рядах неофашистов укрепились элементы, которые ратовали за подготовку различного рода насильственных акций. Усилился фашистский террор. Границы между «легальным» неофашизмом и подпольными «боевыми группами» всегда были условными и трудно различимыми. По мере развития организационной сети ИСД возрастало число опорных пунктов для формирования различных банд, занимавшихся нападениями на помещения рабочих партий и избиванием антифашистов.

Свои помещения неофашистская партия стремилась устраивать с расчетом на это «двойное лицо» движения. Они приобретали здания с подвалом. Верхний этаж служил для официальной деятельности партии и сбора рядовых членов: его оборудование ограничивалось залами для заседаний, механическим бильярдом для развлечений, предвыборными плакатами. Нижнее помещение должно было имитировать подвал на площади Сан-Сеполькро в Милане, где Муссолини основал свое движение в 1919 г. Чер-

²⁸ *Secchia P. Lotta antifascista e giovani generazioni. Milano, 1973, p. 113.*

ные полотнища на стенах, портреты Муссолини и различные фашистские «реликвии», лозунги старых времен и изображения фашистских «героев» создавали атмосферу мистической экзальтации. Здесь происходили «посвящения» в члены партии и собрания «избранных».

В помещениях ИСД представители «старой гвардии» передавали свой опыт молодым, которые составляли «боевые авангарды» движения. Вот как, например, выглядели «заповеди», которые составил для «молодежной группы» один римский «ветеран»: «Долг мужчины — не в том, чтобы жить, а в том, чтобы одержать победу или погибнуть... Война — единственное состояние, достойное истинных мужчин»²⁹.

Призывы подобного рода, воспевающие культ грубой силы и зовущие на фашистские «подвиги», воплощались в практику во время бандитских налетов. Один молодой неофашист следующим образом рассказывал о подготовке нападения на двух демократических журналистов в 1963 г. в Риме: «Нас собрали в секции „Прати“ — мы знали зачем... Мы спели „Джовинеццу“ (фашистский гимн.— Г. Ф.) и „Батальоны Муссолини“ и замолчали лишь тогда, когда командир призвал к тишине и стал нам говорить о расе. Он сказал, что мы — элита, что мы чистокровные „дети солнца“, и посоветовал драться не жалея сил. Кто-то принес четыре фьяски вермута, и мы выпили на дорогу. Потом небольшими группами, чтобы не привлекать внимания, мы пробрались в парк Боргезе, где нас ожидал грузовичок с дубинками. Остальное известно. Это было побоище»³⁰.

Постепенно создавалась целая сеть нелегальных и полунелегальных организаций, носивших громкие названия: «Национальный авангард», «Новый порядок», «Национальный фронт», «Вперед, штурмовики!» и тому подобные. Эти группы состояли из отставных военных, сыновей бывших фашистских деятелей и студентов из буржуазных семей. Их «боевые качества» часто бывали недостаточно высокими. Поэтому фашистские «боевые группы» привлекали в свои ряды уголовников, деклассированных бродяг и других представителей городского «дна», готовых за щедрую плату на любые «подвиги».

В идеологическом плане все эти группы исповедовали пеструю смесь лозунгов и афоризмов Ницше и Ориани,

²⁹ *Giovana M. Op. cit.*, p. 74.

³⁰ *Ibid.*, p. 74—75.

Мадзини и Моррасса, обработанных на потребу неофашистов. На страницах неофашистской печати все чаще превозносилась армия и особенно ее специальные части. Молодым людям настойчиво прививался культ супермена-парашютиста, способного силой оружия и сознанием «собственного превосходства» подчинить себе «толпу». В соответствии с этой «теорией» военной элите, которая якобы обладает особой способностью проникать в психологию масс и подчинять массу своей воле, отводилась роль «обновителя» и «оздоровителя» общества. Большое внимание отводилось армии, которая должна была взять на себя задачу установления в стране «порядка».

В конце 60-х годов неофашистское подполье возглавил один из бывших руководителей ИСД, Боргезе, делавший ставку на подготовку военного переворота силами «верных приверженцев». В 1968 г. он создал собственную организацию «Национальный фронт». Получая значительные суммы от промышленников Северной Италии, Боргезе приступил к активной подготовке государственного переворота.

В марте 1970 г. итальянская демократическая печать впервые сообщила о том, что за три месяца до этого страна была на пороге военного путча. В то время казалось, что авантюра Боргезе носила несколько легкомысленный характер. В ночь на 8 декабря 1969 г. он собрал в Риме своих сторонников, которые должны были захватить ключевые министерства и объявить о низложении правительства. Путч был отменен якобы из-за проливного дождя. Сообщения буржуазной печати пестрели заголовками: «Путч пепсионеров», «Опереточный заговор» и т. д.³¹

Лишь через три с половиной года выяснилось, что дело обстояло гораздо серьезнее. В октябре 1974 г. стало известно, что заговор «черного князя» опирался на значительно большие силы и зашел гораздо дальше, чем это казалось ранее. Основной вооруженной силой путча должны были послужить подразделения «лесной гвардии» — одного из видов итальянской полиции. В ночь на 8 декабря 1969 г. «лесные гвардейцы» окружили здание римского радио и телевидения и ряд других стратегических пунктов. Министерство внутренних дел фактически находилось под контролем заговорщиков: начальник охраны этого министерства был активным участником пут-

³¹ См.: Известия, 1974, 1 марта.

ча и его подручные захватили склад оружия, находившийся в здании.

Еще более сенсационными оказались сведения о том, что в заговоре Боргезе были замешаны многие лица, занимавшие высокие посты в итальянских вооруженных силах. В курсе действий путчистов был генерал В. Мичели, начальник военной разведки СИД, созданной вместо распущенной после 1964 г. СИФАР. Активно участвовали в заговоре начальник штаба авиации генерал Фанали и ряд других высших военных чинов. Среди главарей фигурировали также несколько промышленников и деятелей ИСД.

Заговорщики намеревались установить в Италии военную диктатуру фашистского типа. Об этом свидетельствовал текст, который Боргезе подготовил для «обращения к итальянцам» после переворота. На пост руководителя государства намечался бывший военный министр Р. Паччарди, списавший расположение заговорщиков враждой к демократии и деятельностью по собиращию антикоммунистических сил.

Даже после разоблачений, появившихся в итальянской печати, оставалось впечатление, что не все события, связанные с заговором 1969 г., оказались выясненными до конца. Так, по-прежнему не ясен вопрос о причинах, побудивших Боргезе внезапно отменить приказ о выступлении. В связи с этим в итальянской печати высказывалось мнение, что «черному князю» было обещано содействие «высших военных сфер», однако в последний момент это обещание было взято назад³². Во всяком случае у Боргезе оказались сильные покровители, которые помогли ему безнаказанно выехать в Испанию и надолго избежать огласки подробностей заговора. Более того, находясь в Испании, он продолжал поддерживать сношения с начальником разведки генералом Мичели, который посылал к нему своих эмиссаров.

Группа Боргезе была далеко не единственной организацией фашистов-экстремистов, которая действовала в Италии в конце 60-х годов. Итальянская печать в то время была полна сообщений о кровопролитных уличных драках, взрывах бомб в редакциях газет, правительственных зданиях, в банках и частных домах. За всеми этими действиями ясно вырисовывалась определенная установка на развитие черного террора. Эта линия была связана с

³² Corriere della sera, 1975, 10 sett.

изменениями политической обстановки в Италии в конце 60-х — начале 70-х годов.

В конце 70-х годов Италия переживала бурные события, вызванные широко распространившимся недовольством политикой левоцентристской коалиции и ухудшением экономического положения в стране. Правительства, возглавляемые с 1964 по 1968 г. лидером христианских демократов А. Моро, проводили линию, характеризовавшуюся постепенным сдвигом вправо. В экономической жизни еще в 1963 г. наметился спад деловой активности, перешедший затем в депрессию, которая с 1969 г. постепенно переросла во все усиливающийся экономический кризис³³.

Правительства вяло проводили декларированную ими программу реформ. Роль социалистов в правительственной коалиции разочаровывала итальянских трудящихся. Отход социалистических лидеров от позиций классовой солидарности противоречил процессу усиления массовой борьбы. Особого накала атмосфера в Италии достигла в 1968—1969 гг. Весной 1968 г. вспыхнули волнения в университетах и средних школах, продолжавшиеся более трех месяцев. Юноши и девушки требовали реформы системы образования, демократизации учебного процесса и снижения платы за обучение. Студенты занимали университеты, выдерживая ожесточенные схватки с полицией.

Особое место в истории борьбы трудящихся заняли классовые бои «жаркой осени» 1969 г. Крупнейшим выступлением явилась поьябрьская всеобщая стачка, в которой участвовало 20 млн. человек, т. е. почти все самодеятельное население Италии. Итогом забастовочных боев был ряд важных завоеваний трудящихся — существенное повышение заработной платы, постепенное введение 40-часовой рабочей недели, уравнивание рабочих и служащих в праве на медицинское обслуживание, расширение прав профсоюзов на предприятиях.

Многолетняя борьба демократических сил Италии во главе с коммунистами за реализацию статьи Конституции, предусматривающей осуществление статуса автономии областей, закончилась в 1970 г. принятием закона о создании органов областного самоуправления. Выборы в эти органы состоялись в июне того же года. В трех об-

³³ *Antinolfi R.* La crisi economica italiana, 1969—1973. Bari, 1974, p. 14—16.

ластях — Эмилии-Романье, Тоскане и Умбрии партии рабочего класса заняли ведущее положение в местных административных органах³⁴.

Положение левоцентристской коалиции становилось все более шатким. Было ясно, что ХДП не удалось добиться безоговорочного сотрудничества с социалистами, направив их на путь антикоммунизма. ИСП после 1969 г. пошла по пути определенного сближения с коммунистами: социалисты стали сотрудничать с ними в органах местного самоуправления, отказались от антикоммунистических лозунгов во время избирательных кампаний. В 1971 г. ИСП вновь подтвердила свое намерение продолжать сближение с коммунистами. В то же время в ХДП усилились группировки, требовавшие окончательно отказаться от политики реформ и покончить с забастовочным движением. Колебания и разногласия внутри ХДП не прошли незамеченными в лагере неофашистов. Их руководители решили, что настало время использовать все средства для того, чтобы продемонстрировать свою силу, укрепить доверие крупного капитала.

В политике ИСД в 1969 г. наметился явный поворот, который был реализован главным образом усилиями Альмиранте, ставшим в этом году генеральным секретарем и фактическим руководителем партии. Честолюбивый демагог, он проявлял незаурядную способность приспосабливаться к новым условиям. Находясь долгое время в «оппозиции» к руководству партии, Альмиранте утверждал, что члены ИСД должны признать себя теми, кем они в действительности являются, т. е. «фашистами итальянской социальной республики»³⁵. Однако, оказавшись в партии у власти, он немедленно вернулся к «умеренным» лозунгам своих предшественников, придав им даже более широкое звучание и обратив свою энергию на сколачивание «единого блока» правых антикоммунистических сил.

Стремясь придать своей партии более современный вид, он начал с того, что ликвидировал наиболее заметные символы старого фашизма: из обихода неофашистов стали исчезать черные рубашки и стяги, изображения черепов и ликторских пучков. Фашистские активисты переоделись в кожаные куртки и мотоциклетные шлемы, менее заметные, но более удобные для уличных потасо-

³⁴ *Massara M. Storia d'Italia in date. Milano, 1974, p. 420.*

³⁵ *Gaddi G. Op. cit., p. 22.*

вок. Одновременно ИСД стала насаждать культ нового «дуче».

Предпринимались усилия укрепить неофашистские организации. Реальным фактом стало увеличение материальных средств, которыми располагали неофашисты. Один из распространенных предвыборных плакатов ИСД изображал благовоспитанного юношу, который, протянув руку к зрителю, восклицал: «Помогите нам защитить вас». Итальянцы отмечали, что этот призыв был скорее всего обращен к промышленникам, которые действительно «помогали» неофашистам во всевозрастающих масштабах.

Источники финансирования неофашистской партии всячески скрывались. Официально признавалось, что «Конфиндустрия» давала этой партии 25 млн. лир в месяц. Однако это лишь капля в море, и подавляющая часть средств поступала в кассу к неофашистам через «частные каналы». Среди тех, кто снабжал деньгами ИСД, называли владельца треста «Италчементи» К. Пезенти, нефтяного магната А. Монти, неаполитанского судовладельца А. Лауро и др. Резко возросло финансирование итальянских неофашистов из-за рубежа, причем значительные суммы стали поступать через американский «Континентал Иллинойс банк»³⁶. По материальным средствам ИСД не уступала крупнейшим итальянским буржуазным партиям. О ее финансовых возможностях свидетельствовал тот факт, что только на предвыборную кампанию 1972 г. неофашисты затратили почти 2 млрд. лир³⁷.

Взяв курс на создание «национальной правой», Альмиранте возобновил маневры по сближению с монархистами. После совместных выступлений во время избирательных кампаний монархическая партия весной 1972 г. влилась в ИСД. В январе 1973 г. этот союз был официально оформлен на партийном съезде, и неофашистская партия получила новое название «Итальянское социальное движение — Национальные правые силы». Результатом этого слияния было внедрение в неофашистские организации представителей дворянской «золотой молодежи». Дворцы родовой знати в Риме, Неаполе и других городах широко раскрыли свои двери для представителей «партии порядка», как себя стали именовать неофашисты. Вхож-

³⁶ Ермаков В., Колосов Л. Какая она, Италия? М., 1971, с. 201.

³⁷ Finaldi F., Tosti M. Guida ai misteri e piaceri della politica. Milano, 1974, p. 267.

дение монархистов усилило материальное положение ИСД. Неаполитанский миллиардер Лауро был возведен в сан «председателя» партии.

После слияния с монархистами руководители ИСД заявили, что число членов их партии достигло 400 тыс. Однако буржуазная печать указывала, что истинная цифра находится где-то между 200 и 300 тыс. человек³⁸.

Массовую базу ИСД составляет мелкая буржуазия и средние слои: по данным журнала ИКП «Ринашита», 37% ее членов являлись чиновниками и служащими. Второй по численности категорией были торговцы и ремесленники — более 27%. Среди членов партии оказались и безработные, люмпен-пролетарии и различные деклассированные элементы³⁹. Расширились связи неофашистов с высшей военной верхушкой и частью офицерского корпуса итальянской армии.

Для распространения своих взглядов неофашисты широко использовали печать. Тираж официального органа партии газеты «Секоло д'Италия» по тем данным, которые сообщают его издатели, весьма незначителен — около 50 тыс. экз.⁴⁰ Многие неофашисты предпочитали своему партийному органу другие газеты. Помимо официального органа партии, ИСД контролировала два центральных еженедельных журнала («Кандидо» и «Боргезе») и более сотни других газет и журналов. Воспевание фашизма и призывы к насилиям велись на их страницах в самой неприкрытой форме.

Сеть легальных неофашистских организаций, финансируемых и контролируемых ИСД, получила в начале 70-х годов свое дальнейшее развитие. Партийные секции ИСД обросли группами «активистов», специализировавшихся на бандитских нападениях и драках. Они представляли собой модернизированный вариант чернорубашечников времен Муссолини и были наречены в политической печати прозвищем «пиккьятори» («колотильщики»). Излюбленным методом действий фашистов стали засады в вечернее время. «Красных надо поджидать ночью, — говорил один из миланских главарей ИСД, Петролио, — на них надо охотиться поодиночке»⁴¹. Леворадикальный журнал «Эспрессо» писал в связи с этим: «Теперь студенты — активисты левых партий хорошо знают, что наи-

³⁸ Gaddi G. Op. cit., p. 30.

³⁹ Rináscita, 1973, 5 genn., p. 29.

⁴⁰ Gaddi G. Op. cit., p. 30.

⁴¹ Espresso, 1971, 7 dic., p. 7.

большая опасность ждет их не во время уличных манифестаций, а вечером, когда они возвращаются домой»⁴².

Для крупных операций группы «колотильщиков» объединялись в отряды, которые перебрасывались из квартала в квартал или из города в город на автомашинах и автобусах. Обладая мобильностью, отряд в несколько десятков человек охватывал сферой своих действий обширные районы. О распределении обязанностей между ИСД и этими отрядами один молодой фашист сообщил в анонимном интервью журналу «Эспрессо»: «Оружие мы чаще всего получаем в секциях ИСД. Они же оплачивали наши расходы и обеспечивали адвокатов в случае провала. Мы делали остальное». Этот же фашист показал журналисту фотокопии писем, в которых за «хорошую службу» — участие в погромах — молодым миланским фашистам обещали административные посты в партийном аппарате ИСД⁴³.

Весьма близко к бандам фашистских палетчиков стояла организация ИСД — «Молодежный фронт». Особое внимание она обращала на националистическую пропаганду среди учеников средних школ, вовлекая неопытную молодежь в манифестации шовинистического характера. Университетская организация неофашистов ФУАН, которая в 50-х годах пользовалась сильным влиянием в ряде высших учебных заведений, потеряла свои позиции. Переломным моментом послужили волнения в университетах 1968 г., когда большая часть студентов выступила под антифашистскими лозунгами. Активизация работы среди молодежи демократических сил, в первую очередь коммунистической партии, дала свои плоды.

Профсоюзная организация неофашистов сумела завоевать некоторые позиции лишь на Юге страны и в ряде секторов государственной бюрократии. Одна из главных функций этой организации заключалась в рекрутировании рабочих из южных областей для промышленников Северной Италии. Кроме того, неофашистские профсоюзы поставляли штрейкбрехеров и провокаторов во время рабочих волнений, за что пользовались особым расположением предпринимателей. В одной из закрытых инструкций профсоюзным активистам подчеркивается, что крайне важно добиться такого положения на предприятиях, когда забастовки могли бы происходить только с их согла-

⁴² Ibid., 12 dic., p. 5.

⁴³ Ibid., 28 mar., p. 7.

сия. «В этом случае мы сможем заполучить в свои руки промышленников и добиться от них необходимых для нас денег»⁴⁴.

Большое внимание неофашисты стали уделять итальянским эмигрантам в других странах. Руководители ИСД совершают демагогические вояжи, пытаясь спекулировать на обостренных национальных чувствах итальянцев, оторванных от родины. Столь же активно действовали неофашистские демагоги в многочисленных ассоциациях бывших военнослужащих, стремясь поставить во главе этих организаций своих ставленников. Ими контролируется так называемая «Национальная федерация бывших бойцов Итальянской социальной республики», объединяющая фашистов, служивших ранее «республике Сало».

Помимо организаций, которые официально связаны с ИСД, неофашистская партия возглавляет сеть полулегальных групп. При этом зачастую дело далеко не ограничивается взаимной политической солидарностью: имеются сотни примеров, когда деятели ИСД оказываются непосредственным образом связанными с заговорщическими и террористическими группами. Одной из организаций открыто фашистского типа является «Национальный авангард». Он был создан в 1959 г. неофашистами, вышедшими из ИСД. Это полувойсковая организация, центры которой находятся в Риме, Милане и Турине, но ее террористическая, бандитская деятельность распространяется на всю территорию Италии.

Характер «Национального авангарда» хорошо известен итальянским властям. В июне 1973 г. политический отдел полицейского управления Рима, приведя длинный список его преступлений, писал в официальном отчете, что «абсолютно все элементы, свидетельствующие об антидемократических целях фашистской партии, наличествуют в деятельности, методах и идеологии „Национального авангарда“»⁴⁵. Против главарей и рядовых членов этой организации, многие из которых носят в карманах партийную карточку ИСД, к началу 1974 г. было возбуждено более 100 судебных дел. Тем не менее она продолжала действовать в Италии и в последующие годы.

Другой организацией открыто фашистского типа была группа «Новый порядок». Ее основали в 1960 г. несколько неофашистов, вышедших из ИСД. «Новый порядок»

⁴⁴ Ibid., 30 magg., p. 11.

⁴⁵ Gaddi G. Op. cit., p. 34.

отличался агрессивностью даже среди фашистов-экстремистов. Его «политическую платформу» проиллюстрировал один из главарей ИСД, П. Раути, долгое время руководивший «Новым порядком»: «Мы связаны с фашизмом, как с авторитарным движением, наиболее близким нашему непосредственному опыту: но это не значит, что мы не ощущаем близости... ко всем авторитарным и аристократическим государствам прошлого... Нам так же близка итальянская социальная республика, как и III рейх»⁴⁶. Эта организация приняла участие в неудавшемся путче Боргезе в декабре 1969 г. В конце 1974 г. власти вынуждены были запретить ее деятельность. Но уже через два дня после опубликования правительственного декрета было объявлено о создании новой подпольной организации «Черный порядок», которая объявила «войну государству» и продолжила террористическую деятельность своей предшественницы. Она стала издавать легальный листок «Анно зеро» («Год нулевой»), подчеркивая этим названием свое намерение начать все с начала.

Третьей организацией, привлечшей к себе внимание в 70-х годах, был созданный Боргезе «Национальный фронт». Несмотря на то, что после провала авантюры 1969 г. ее руководителю пришлось бежать в Испанию, он продолжал пересылать ей директивы до самой своей смерти в конце 1974 г. Боргезе привлек в «Национальный фронт» довольно значительное число офицеров запаса и действительной службы. После его смерти «Национальный фронт» заметно снизил активность.

Наряду с полулегальными неофашистскими организациями в Италии действует огромное число небольших террористических групп. Наиболее известные из них — «Отряды действия Муссолини», обладающие небольшими ячейками во многих городах страны. Эта нелегальная группа демонстративно заявляет, что значительная часть диверсий и взрывов, происшедших в Италии после 1969 г., является делом рук ее членов. Примерно такой же характер носит и «Движение революционного действия», специализирующееся на организации взрывов. Большинство других групп насчитывают в своем составе несколько десятков членов и действуют в масштабе одного города или области.

ИСД связана также с различными группами, которые объединяют неофашистов с монархистами и военной вер-

⁴⁶ L'Unità, 1973, 29 ott.

хушкой, правыми католиками и представителями старого дворянства. Так, в Милане в 1971 г. создано общество под названием «Молчаливое большинство», официальным лозунгом которого является «Честь, традиции, религия, семья, труд, государство». В 1974 г. его руководитель был арестован по обвинению в подготовке заговора против государства. Когда встал вопрос, кто финансировал это «Молчаливое большинство», то были названы многие известные в Милане люди — банкиры и бароны, отставные генералы и деятели христианско-демократической партии⁴⁷.

Другой пример сложного переплетения самых различных элементов реакции представляет собой история «Центра демократического сопротивления», основанного в 1970 г. Его организатор Э. Соньо стал вынашивать замысел создания государственного строя, который соединил бы в себе черты «сильного правительства» фашистского толка с элементами американской «президентской республики». К этому «центру» примкнули многие фашисты, либералы и монархисты, промышленники и реакционные журналисты, бывшие партизаны-антикоммунисты, отставные и действующие генералы. Соньо летом 1974 г. внезапно исчез, объявив при этом, что он переходит на нелегальное положение⁴⁸.

Причины столь неожиданного поворота вскрылись позднее. В начале мая 1976 г. итальянские газеты под сенсационными заголовками сообщили, что Соньо и его заместитель Кавалло арестованы по обвинению в антиреспубликанском заговоре и покушении на безопасность и свободу президента республики. В августе 1974 г. небольшая, но хорошо подготовленная группа из организации Соньо рассчитывала проникнуть в резиденцию президента республики и насильно заставить его распустить парламент и правительство. Новым главой правительства и фактическим диктатором должен был стать 77-летний бонапартист Р. Паччарди, которого силы реакции уже не раз пытались выдвинуть на передний план.

Попутно стало известно, что организация Соньо получила огромные суммы от монополий Турина, ассоциации промышленников Милана, судовладельца Лолли-Гетти и других лиц, тосковавших по режиму «сильной руки».

⁴⁷ Corriere della Sera, 1975, 20 lugl.

⁴⁸ Almanacco P. C. I., Roma, 1975, p. 112.

Хотя заговор был сорван, так как о нем правительство узнало заблаговременно, Соньо еще длительное время находился на свободе и продолжал получать деньги для подготовки нового «дня икс»⁴⁹.

Пожалуй, наиболее разветвленными связями в государственных органах обладала военно-фашистская организация «Роза ветров», которая действовала уже с середины 60-х годов, но обнаружила себя лишь в 70-е годы. Ее покровителями были высшие офицеры итальянской армии и разведки. Несмотря на начатое против руководителей «Розы ветров» судебное преследование, ее структура до конца так и не была раскрыта. Однако то, что стало достоянием общественного мнения, свидетельствует о серьезной угрозе Итальянской республике, которую представляла эта организация, первоначально выдаваемая частью печати за невинную затею нескольких запасных офицеров — «коллекционеров оружия»⁵⁰.

Паутина неофашистских организаций в Италии в 70-х годах расплзалась по всей стране, вызывая обоснованную тревогу демократических сил. Она включила в себя широкую систему нелегальных групп и ячеек и проникла в ответственные органы Итальянской республики.

Одновременно с усилением своей организации итальянские неофашисты стали больше внимания уделять «идеологической» стороне движения⁵¹. В период создания ИСД ее политическая платформа носила самый примитивный характер. Руководители движения были преимущественно «практиками», и задача собирания сил, уцелевших от крушения, стояла у них на первом месте.

Простое воспроизведение идеологической платформы потерпевшего крах режима не сулило неофашистам успеха. Основные споры в среде ИСД в 50-е годы велись по вопросу о том, что именно и в каком виде следует сохранить из старого наследия. Если одна часть неофашистов апеллировала ко всему фашистскому 20-летию, то другие считали, что за основу следует взять «социальные идеи республики Сало».

Первое «критическое» осмысление старого опыта было предпринято бароном Эволой, известным в довоенный период писаниями по расовому вопросу. В 1954 г. он издал

⁴⁹ Правда, 1976, 9 мая; Известия, 1976, 17 мая.

⁵⁰ Espresso, 1975, 9 мар., р. 75—79.

⁵¹ Подробнее об идеологии итальянского неофашизма см. в кн.: Критика идеологии неофашизма. М., 1976, с. 243—259.

книгу «Фашизм — опыт критического анализа справа»⁵², заголовок которой красноречиво показывает позицию автора.

В 1958 г. в соавторстве с Ф. Паламенти-Криспи Дж. Альмиранте выпустил брошюру⁵³, в которой предлагал полностью изменить представительную систему итальянского государства и заменить ее авторитарным режимом. Практическим путем для реализации этой цели должно было послужить осуществление «корпоративной идеи». Оснащая свои рассуждения цитатами из выступлений Муссолини, Альмиранте проповедовал, что корпорации — это некий «третий путь» развития общества, что корпоративное государство «не вытесняет и не подменяет частную инициативу», а предусматривает «установление равновесия между государственным вмешательством и частной инициативой» путем «постоянного государственного контроля над экономикой». При этом частная собственность остается неприкасаемой, однако благодаря неофашистским преобразованиям она получает «социальное значение».

В отличие от Эволы и представителей неофашистских экстремистских групп, открыто отвергавших демократию, Альмиранте тщательно маскировал истинное отношение к ней. Он писал о «представительстве всех социальных категорий населения в управлении государством» в интересах нации, так как они «требуют уничтожения политических партий» (разумеется, кроме фашистской), пересмотра конституции и отмены равноправия двух палат парламента. Во главе законодательной власти он предлагал поставить «корпоративный сенат», контролирующей деятельность палаты депутатов. Сохранение палаты депутатов в планах Альмиранте было некоторой уступкой духу времени, поскольку Муссолини в свое время ограничивался чисто корпоративным парламентом. Таким образом, «неофашистское государство» предстает в брошюре Альмиранте не чем иным, как слегка подновленным вариантом фашистского режима времен Муссолини.

После 1969 г. идеологическая деятельность неофашистов значительно расширилась. Ее основой по-прежнему были антикоммунизм и национализм. Литература неофашистов заполнилась истошными криками об «опасности

⁵² *Evola J. Il Fascismo — saggio di una analisi critica dal punto di vista della destra. Roma, 1954.*

⁵³ *Almirante G., Palamenghi-Crispi F. Il Movimento Sociale Italiano. Verona, 1958.*

коммунизма» и самой низкопробной клеветой на Итальянскую коммунистическую партию. Составная часть антикоммунизма итальянских неофашистов — их антисоветизм. Нет таких выдумок антисоветской прессы, которые не подхватывались бы газетами итальянских правых. Любой акт итальянского правительства, направленный на улучшение отношений с СССР или расширение торговых связей между двумя странами, выдавался неофашистами за «капитуляцию перед Кремлем». Особым нападкам подвергалась политика разрядки, последовательно проводимая СССР.

Националистические и шовинистические мотивы в идеологической кампании неофашистов в значительной степени продолжали строиться на риторических обращениях к «величию древнего Рима» и воспеванию пресловутых «доблестей итальянцев эпохи Муссолини». Страницы военной истории пользуются особым вниманием у неофашистов. Упрекая итальянское правительство в том, что оно недостаточно широко отмечает участие Италии в первой мировой войне, фашистская газета восклицала: «С божьей помощью мы пинком ноги распахнем двери на балкон и вновь запоем военные марши, чтобы напомнить о том заряде эмоций, который несет эта блистательная страница истории Италии»⁵⁴. Годовщина захвата фашистской Италией Эфиопии используется неофашистами как предлог для прославления «духа колониальных походов» и для призыва «властвовать» над другими народами⁵⁵. В истории второй мировой войны особенно выделяется участие экспедиционной армии Муссолини в агрессии против СССР. Обходя молчанием тот факт, что этот поход окончился для нее сокрушительным поражением, неофашистские демагоги воспевают мнимую военную доблесть чернорубашечников, достигая вершин лжи и неправдоподобия.

Разжиганию шовинистических настроений служат также постоянные нападки на условия мирного договора с Италией и реваншистские притязания. Наряду с постоянными напоминаниями о «моральных правах» Италии в Африке, неофашисты открыто формулируют территориальные требования к соседней Югославии. В феврале 1972 г. газета «Секоло д'Италия» назвала мирный договор с Италией «бесчестным диктатом» и заявила, что

⁵⁴ Il Secolo d'Italia, 1974, 25 magg.

⁵⁵ Ibid., 1972, 21 dic.

«дух павших может успокоиться только тогда, когда итальянский флаг вновь поднимется над Фиуме, Полой и Зарой»⁵⁶.

Демагогический характер носит шумная кампания по созданию «культуры правых сил». Для этого реакционные «борцы за культуру» активно используют бульварную прессу. Неофашисты широко внедрились в производство серий рисованных картинок с краткими подписями. Многие из этих серий, рассчитанные как на взрослых, так и на подростков, проповедуют расизм, воспевают войну и культ насилия, презрение к сентиментализму и жестокость. Герой этих картинок должен послужить образцом для молодых фашистов: это сверхчеловек, лишенный каких-либо комплексов, он мало рассуждает, но подчиняет всех своей воле.

Для формирования «культуры правых» неофашисты развернули усиленную вербовку на свою сторону представителей интеллигенции. Хотя расчеты фашистов в этом не оправдались, приход в ИСД некоторых бывших монархистов дал повод фашистской газете торжествующе заявить: «Наконец после 25-летнего перерыва на свет появилась культура национальной правой»⁵⁷. Несмотря на столь категорические утверждения, подавляющая часть итальянской интеллигенции продолжала оставаться на стороне демократии.

В начале 70-х годов неофашистская партия решила обзавестись официальным идеологом. Им неофашисты провозгласили честолюбивого преподавателя философии А. Плебе. Его сочинение, выпущенное под названием «Философия реакции», преследовало цель доказать, что реакция — это борьба против «воображаемого будущего», ради которого люди забывают о настоящем. Жизнь для будущего, уточняет Плебе, это опасная игра в революцию, которой так увлекаются наши современники⁵⁸.

В своем следующем опусе Плебе ополчился на философию. Озаглавив книгу «Кому нужна философия?»⁵⁹, он ответил на этот вопрос просто и категорично: «Философия никому не нужна. Наше время — это время смерти философии». Взамен умертвленной таким образом философии Плебе предлагает свои собственные разглагольствования об интуиции как новом философском смысле, ко-

⁵⁶ Ibid., 20 ag.

⁵⁷ Espresso, 1971, 28 mar.

⁵⁸ Plebe A. Filosofia della reazione. Milano, 1972.

⁵⁹ Plebe A. A che serve la filosofia? Palermo, 1974.

торый состоит из трех частей: мечты, авантюры и «сублимации повседневности». Мечта — это лучший способ остановки времени, движением которого вперед Плебе крайне раздражен. Авантюра — это, по его словам, наиболее подходящий способ осуществления мечты. Под маловразумительной «сублимацией повседневности» Плебе предлагает понимать соединение воображаемого и действительного, мечты и авантюры.

Витийства Плебе носили столь заумный и беспардонный характер, что даже автор хвалебной рецензии в неофашистской газетенке был вынужден отметить, что его рассуждения нуждаются «в углублении и приближении к жизни»⁶⁰. Недовольство движением времени вперед явно отражало разочарование Плебе в действительности, а провозглашение авантюры высшим проявлением жизни совпадало с тактикой экстремистского крыла неофашизма.

Основная черта «полемики», которую ведут Плебе и другие представители «культуры правых», — это самая наглая фальсификация. Совершенно не считаясь с фактами, неофашистские писатели делают ставку на неосведомленность читателя. Другая черта, характерная для неофашистского бреда, — это переходящие всякие границы бахвальство. «Может казаться дурным тоном, что мы сами себя хвалим, — говорит Плебе, — но перед лицом великих событий, от которых зависит жизнь или смерть культуры и народов, скромность не имеет смысла»⁶¹.

В январе 1973 г. состоялся X съезд ИСД, который по случаю объединения с монархистами был наречен «Первой ассамблеей национальной правой». На нем был принят новый устав партии. Однако в политической резолюции, которая должна была послужить программным документом, не содержалось ничего нового⁶².

Съезд неофашистов в 1973 г. послужил определенным этапом в истории итальянского неофашизма, но в направлении, обратном тому, на который надеялись его руководители. Он ознаменовал не расширение деятельности правых сил, а преддверие их политических провалов и снижение политической и идеологической активности.

1977 г.

⁶⁰ Il Secolo d'Italia, 1974, 27 ott.

⁶¹ Ibid., 1972, 30 genn.

⁶² Ibid., 1973, 24 genn.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ДЕМОКРАТЫ ПРОТИВ НЕОФАШИСТСКОЙ «СТРАТЕГИИ НАПРЯЖЕННОСТИ» *

В начале 70-х годов неофашизм выглядел довольно серьезной угрозой итальянской демократии. В то время как главарь «Итальянского социального движения» Альмиранте при каждом удобном случае заявлял, что ИСД — это «партия порядка» и «умиротворения», которая давно сменила «черные рубашки на двубортные пиджаки», его подручные налаживали связи с террористическими группами, чтобы взять руководство сквадристской деятельностью в свои руки и придать ей широкий, планомерный характер. Расчет заключался в том, чтобы продемонстрировать правящему классу свои возможности вести вооруженную борьбу с демократическими силами, ответив террором на выступления «горячей осени» 1969 г., а также сохранить видимость буржуазной благопристойности. Эта тактика очень напоминала линию, которой следовал Муссолини в 1921—1922 гг. Организуя карательные экспедиции и убийства, он вместе с тем постоянно заявлял о своем «миролюбии» и заключал «пакты умиротворения» с социалистами и профсоюзами.

Неофашисты воспользовались создавшейся обстановкой в стране. Полиция и судебные власти развернули массовые репрессии против профсоюзных активистов, студентов и всех, кто принимал участие в волнениях «жаркой осени». Коммунистическая печать сравнивала эти репрессии с действиями полицейских в начале 50-х годов. Разница заключалась лишь в том, что теперь широкие возможности были предоставлены для фашистских погромщиков. Судебные власти оправдывали фашистских молодчиков, нападавших на рабочие демонстрации, в то же время выносили обвинительные заключения по делам трудящихся, выступавших в защиту своих прав. Это была самая настоящая карательная кампания против тех, кто особенно активно действовал в защиту прав трудящихся ⁶³.

Часть правящего класса явно надеялась на смещение политической оси вправо. Буржуазная печать и некото-

* Статья является продолжением статьи «Неофашизм в Италии», опубликованной в настоящем издании.

⁶³ Rináscita, 1970, 9 genn., p. 1.

рые лидеры правительственной коалиции доказывали, будто напряженность в стране возникла из-за столкновения «противоположных экстремизмов» — неофашистов и коммунистов. При этом использовались безответственные, а иногда прямо провокационные действия различных группировок троцкистов и анархистов, которые называли себя «крайне левыми». Впервые пропагандистский термин «противоположных экстремизмов» был пущен в оборот лидерами ХДП еще в 1950 г., в наиболее острый период «холодной войны». В новых условиях лозунг «противоположных экстремизмов» должен был прикрыть и оправдать репрессии, которые власти обрушили на рабочее движение во время «жаркой осени» 1969 г. Коммунисты и социалисты энергично разоблачали его лицемерный характер. Генеральный секретарь ИКП Э. Берлингуэр говорил, что «наша конституция не просто демократическая, но и антифашистская. Те, кто ставит на одну доску фашистов и антифашистов, нарушают дух, который лежит в основе конституции»⁶⁴.

Коммунисты указывали, что те, кто называет себя «сторонниками порядка» и призывает к борьбе «на два фронта», в действительности образуют самую настоящую «партию авантюр и беспорядка». Действия правых экстремистов находили в лозунге «противоположных экстремизмов» нечто вроде объективной легализации. Лицемерие этой политики особенно наглядно выглядело на фоне бурно расширяющейся террористической деятельности неофашистов.

Начало кровавой волны терроризма, который был главным оружием «стратегии напряженности», относится к 1969 г. Ее открыли взрывы бомб на территории промышленной выставки и на железнодорожной станции Милана, в результате которых 19 человек получили ранения. Организаторы этих террористических актов не были обнаружены, но их принадлежность к фашистским организациям не вызвала сомнений: взрывы произошли 25 апреля, в годовщину победоносного антифашистского восстания 1945 г. Это были в то время наиболее крупные акции, привлечшие внимание общественности. Всего же за этот год произошло 145 взрывов. Столь интенсивного терроризма страна еще не испытывала. Подавляющая часть диверсий была осуществлена против помещений

⁶⁴ Ibid., 12 febr., p. 4.

рабочих партий, демократических организаций и левых студенческих организаций⁶⁵.

Коммунистическая партия сразу же обратила внимание на связь между этими провокациями и позицией правящих кругов. «Когда правительство поощряет тупую, неприемлемую позицию эксплуататоров — владельцев крупных предприятий, то вольно или невольно оно оживляет и приводит в движение бациллы антидемократических и антирабочих провокаций, которые, к сожалению, существуют в нашей стране», — писал один из членов руководства ИКП⁶⁶. Через несколько недель после опубликования этой статьи, 12 декабря 1969 г., раздался взрыв в Миланском сельскохозяйственном банке на площади Фонтана. Это произошло незадолго до его закрытия, когда в нем находилось особенно много посетителей. Санитарные машины увезли 16 трупов и около сотни раненых. В тот же день столь же крупный заряд был обнаружен в Миланском коммерческом банке. Почти в то же самое время три бомбы взорвались в Риме: первая из них в подвале Национального банка труда, две другие в самом центре города, недалеко от могилы Неизвестного солдата⁶⁷.

Спустя два часа после взрыва в Сельскохозяйственном банке миланский полицейский комиссар Калабрезе сообщил собравшимся журналистам, что «это дело рук анархистов». Вся правая печать подняла громкую кампанию против «левого» террора. Неофашисты пытались организовать «митинг протеста» и превратить похороны жертв на площади Фонтана в демонстрацию против «левого экстремизма». Народные массы не поддались на провокацию, профсоюзные и демократические организации твердо заявили, что они не допустят выхода фашистов на улицу.

Зловещие факты вслыли наружу в ходе судебного процесса над анархистом П. Вальпредой, который на основании весьма сомнительных свидетельств был обвинен в организации взрыва на площади Фонтана. Выяснилось, что главарь группы, к которой принадлежал Вальпреда, пекий Мерлино, был не только платным агентом полиции, но до недавнего времени принадлежал к активистам крайне правого крыла ИСД⁶⁸. Возникло обоснованное

⁶⁵ La Strage di Stato. Roma, 1971, p. 27.

⁶⁶ Rinascita, 1969, 31 ott., p. 1.

⁶⁷ L'Unità, 1969, 13 dic.

⁶⁸ Ермаков В., Колосов Л. Указ. соч., с. 196.

подозрение, что Вальпреду пытались представить главным виновником злодеяния, организаторами и исполнителями которого были фашисты.

Официальному расследованию судебных властей, которые упорно старались следовать «красной тропе», демократические силы противопоставили свое собственное «контрследствие». Антифашистская печать доказывала, что бессмысленное кровопролитие могло быть выгодно только крайней реакции и именно в этом направлении следует искать виновных. Через несколько месяцев после взрыва вышла книга под названием «Бомбы в Милане», написанная видными журналистами-антифашистами, судебными работниками и адвокатами⁶⁹. Авторы ее сравнивали «дело Вальпреды» с «делом Дрейфуса» и доказывали, что в материалах следствия слишком много неясных мест и оно не может служить поводом для обвинения. Одновременно они уделили большое внимание проникновению неофашистов в левоэкстремистские группы и предлагали провести широкое расследование в этом направлении.

Усилия демократических сил не проходили даром. В то время как «дело Вальпреды» постепенно заходило в тупик, достоянием гласности становилось все больше фактов о подпольной деятельности фашистов. Журналисты левых убеждений выпустили новую книгу «Государственное преступление», которая содержала много сенсационных сведений об участии неофашистов в террористической деятельности⁷⁰. В ходе затянувшегося судебного следствия постепенно возникло предположение о том, что анархисты были слепым орудием в руках неофашиста и провокатора Мерлино. Эта версия вполне устраивала правящие партии, поскольку она косвенно подкрепляла тезис о «противоположных экстремизмах». Материалы, собранные левыми журналистами, решительно ее опровергали.

Новый поворот в деле о взрыве в Сельскохозяйственном банке связан с арестом в декабре 1971 г. двух неофашистов — Фреды и Вентуры. Они обвинялись в организации взрыва в поезде, однако постепенно стало выясняться, что возглавляемая ими подпольная сеть имеет отношение и к ряду других террористических акций. Итальянские демократы требовали самого тщательного расследования преступлений этой группы, которая обладала обширными

⁶⁹ Le bombe a Milano. Milano, 1970.

⁷⁰ La Strage di Stato.

связями по всей Италии. Коммунисты — депутаты парламента внесли предложение о проведении по делу Вальпреди парламентского расследования⁷¹. Прошло несколько месяцев и собранные материалы дали основание официально обвинить Фреду и Вентуру в организации взрыва на площади Фонтана. Таким образом открылась «черная тропа», о существовании которой с самого начала писала демократическая печать. Судебное расследование стало захватывать все новые звенья фашистского подполья.

На другом конце Апеннинского полуострова происходили события, которые вызывали не меньшую тревогу демократов, чем кровавое преступление в Миланском банке. Это были волнения и беспорядки, вспыхнувшие в июле 1970 г. в Реджо-Калабрии. Толчком к их началу послужило избрание местом пребывания областной администрации г. Катандзаро, что лишало жителей Реджо надежд на увеличение занятости. Используя недовольство населения, городские власти во главе с мэром объявили центральному правительству нечто вроде войны, во время которой на улицах города были воздвигнуты баррикады, произошли взрывы на железнодорожной линии, были подожжены и разгромлены некоторые общественные здания. Воспользовавшись обстановкой, группы неофашистов и уголовников начали громить помещения демократических партий и нападать на активистов рабочих партий и профсоюзов.

Руководители ИСД активно поддержали инициаторов беспорядков в Реджо-Калабрии, называли их «истинными патриотами», всячески преувеличивали роль неофашистских элементов в движении. Одного из самых отъявленных головорезов, обвиненного сразу в нескольких уголовных преступлениях, они сделали своим кандидатом в парламент. Восторги неофашистов в связи с событиями в Реджо были легко объяснимы: впервые их банды получили возможность выйти на улицу и использовать мотивы «местного национализма» для расширения своего влияния. Это могло послужить важным козырем в осуществлении «стратегии напряженности», и неофашисты надеялись использовать полученный опыт в других городах.

Такая попытка была предпринята в феврале 1971 г. в г. Аквиле, расположенном в одном из отсталых районов

⁷¹ Rináscita, 1972, 7 genn., p. 6.

Центральной Италии. В отличие от Реджо, неонацисты здесь открыто взяли инициативу в свои руки. Под их руководством события приняли характер массовых погромов демократических сил. Были разрушены помещения всех политических партий, кроме неонацистской, нападения на представителей демократов приняли широкий масштаб. Однако неонацисты переоценили свои возможности. Под давлением общественного мнения правительственные власти не остались пассивными наблюдателями, как это было в Реджо-Калабрии, а приняли меры для наведения порядка.

Большую роль в этом сыграла позиция демократических сил. Сразу же после начала беспорядков в Реджо ИКП подчеркнула, что в основе движения лежало реальное недовольство жителей этого района, в первую очередь средних слоев. Для того чтобы оно не было использовано крайними правыми в антинародных целях, руководство ИКП предложило правительству провести ряд срочных мер, направленных на облегчение положения этой части населения. При этом коммунисты исходили из необходимости различить две основные категории средних слоев на Юге: производительные категории (ремесленники, мелкие промышленники, крестьяне, непосредственно обрабатывающие землю) и паразитические прослойки (помещики, живущие земельной рентой, владельцы небольших предприятий, не принимающие участия в их управлении). Разумеется, помощь должна была оказываться первой категории, вносящей полезный вклад в национальное производство. Речь шла об увеличении занятости, изменении налоговой политики. Однако правящая партия представила в парламент законопроект, который не делал никакого различия между этими двумя категориями⁷².

Итальянские демократы подчеркивали, что беспорядки в южных городах по замыслам реакции должны послужить платформой для общего наступления неонацизма. Если в начале 20-х годов сквадристы Муссолини нашли поддержку у аграрной буржуазии Паданской долины, то теперь попытки неонацистских выступлений в Милане и других городах Севера натолкнулись на хорошо организованный отпор рабочего класса. Тогда неонацизм обратил свое внимание на Юг, где демократическая основа общества была значительно более узкой. Наряду с недовольством населения нерешенностью жизненных проблем

⁷² Rináscita, 1971, 2 apr., p. 7.

этих областей там образовалась серьезная оппозиция намечавшимся демократическим реформам.

Промышленники, искусственно обогатившиеся за счет правительственных субсидий, помещики, различного рода спекулянты и главари мафии опасались, что учреждение областного самоуправления ограничит их возможности. Безнаказанно грабя население Юга, они в то же время пытались выдать себя за «защитников» его интересов. Их пропаганда, опиравшаяся на чувства местного патриотизма, была рассчитана на десятки тысяч бывших крестьян, изгнанных из деревень и не находивших себе места в городе, выпускников средних школ, оставшихся без работы, и студентов, не имевших перспектив.

Выступления в Южной Италии нельзя было рассматривать изолированно. «За реакционными силами Юга,— писал член руководства ИКП Дж. Амендола,— стоит сила крупного монополистического капитала, который не выступает открыто до тех пор, пока судьба борьбы не ясна, а финансирует движение и помогает его руководителям, держась в стороне для того, чтобы выступить в пугный момент»⁷³.

Фашистский террор распространялся и на другие области страны. 73 нападения, в результате которых погиб один человек и 69 ранены, 54 террористических акта с использованием взрывчатки и бомб, 89 вооруженных налетов, 39 пожевых ранений, 36 случаев применения огнестрельного оружия, 59 разгромленных помещений, 32 поджога, тысячи других инцидентов — таким был далеко не полный итог деятельности группировок крайней реакции в 1970 г.⁷⁴

Постоянное нагнетание напряженности и рост неуверенности среди определенной части населения вызывали у неофашистских деятелей прилив оптимизма. Один из главарей неофашистов, Карадонна, напоминал, что террористические акты в 1970 г. превзошли по размаху 1922 год, который завершился фашистским «походом на Рим». Другой видный фашист, возглавлявший молодежные группы, заявил: «От арьергардных боев мы переходим в атаку». Альмиранте же возвестил: «В 1971 г. мы либо победим, либо погибнем»⁷⁵.

На деле не произошло ни того, ни другого. Тем не менее неофашистам удалось достичь некоторых успехов.

⁷³ Ibid., 12 febr., p. 2.

⁷⁴ Ермаков В., Колосов Л. Указ. соч., с. 206.

⁷⁵ Там же, с. 206—207.

Руководители ИСД всячески отреклись от какой-либо причастности к террористической деятельности, и им удавалось на некоторое время вводить часть населения в заблуждение. Свидетельством этому послужили результаты частичных административных выборов, происходивших в июне 1971 г. в ряде городов Южной и Центральной Италии. По сравнению с предыдущими административными выборами в Сицилии неофашисты увеличили число поданных за них голосов с 6 до 16%, а в г. Катаний они вышли на первое место среди других партий⁷⁶. Это был тревожный сигнал. Происходивший сдвиг говорил о том, что силам крайней реакции отчасти удалось использовать ситуацию в свою пользу. Неофашисты создали себе определенную массовую базу в южной части страны.

Угрожающая активизация реакционных сил побудила ИКП рассмотреть положение в национальном масштабе. Позиция коммунистов была четкой и решительной. Партия призвала рабочих и молодежь, всех искренних антифашистов к бдительности, которая позволила бы всегда и всюду дать проискам реакции быстрый и решительный отпор. Коммунисты сразу же предупредили, что они не намерены участвовать в мелких стычках и потасовках. Они призывали трудящихся действовать так, чтобы фашистские налеты везде получали суровый отпор, но этот отпор должен всегда быть действиями масс, народа. Установка на их активность исключала фронтальное столкновение «противоположных экстремизмов», что могло быть на руку только сторонникам «стратегии напряженности».

Реакция стремилась взять реванш за поражение осенью 1969 г. Поэтому для рабочего и демократического движения очень важно было не дать себя отвлечь от последовательного развития успехов в политической и социальной областях, достигнутых в тот период. Именно на почве борьбы за дальнейшие прогрессивные реформы, начало которым положила «жаркая осень», силам реакции можно было нанести наиболее серьезное поражение⁷⁷.

Итальянские коммунисты энергично призвали всех антифашистов к немедленным действиям. На протяжении 1971 г. в каждом городе и каждой провинции Италии

⁷⁶ *Gaddi G. Op. cit.*, p. 20.

⁷⁷ *Rinascita*, 1971, 5 febr., p. 1.

происходили массовые митинги и демонстрации, участники которых требовали покончить с фашистскими бесчинствами. Все попытки неофашистов организовать контрдemonстрации кончились полным провалом. «Так называемое „молчаливое большинство“ предпочитало отсиживаться дома... Признаки жизни подавали только фашистские сквадристы, напоминая лишний раз, что ИСД является центром сбора всех политических преступников»⁷⁸.

Антифашистские митинги, прошедшие в Милане и Неаполе, Флоренции и Палермо, Болонье и Тренто, завершились грандиозной манифестацией в Риме 28 ноября 1971 г. В этот день демонстранты заполнили обширную площадь дель Пополо и все прилегающие улицы. «Рим давно не помнит столь внушительной и мощной демонстрации», — писала «Унита»⁷⁹. В ней приняли участие коммунисты и социалисты, республиканцы и католики, руководители профсоюзов и делегации почти всех городов Италии, бывшие партизаны и студенты. Всеобщий порыв был столь захватывающим, что к демонстрантам присоединялись и те, кто до тех пор пассивно наблюдал за развитием событий или даже был готов на трусливый компромисс. Мэр столицы, христианский демократ, еще недавно заигрывавший с неофашистами, выступил с трибуны «от имени антифашистского Рима». «Неофашизм удалось изолировать, — писал в связи с этими событиями видный деятель ИКП Дж. К. Пайетта. — По всей стране, среди всех политических сил, в самых широких слоях населения произошла антифашистская мобилизация, которая будет определять ближайшие перспективы»⁸⁰.

Важно было закрепить достигнутые успехи для того, чтобы придать антифашистской мобилизации последовательный и долгосрочный характер. Журнал «Ринашита» в начале 1972 г. выступил с призывом провести широкое расследование неофашистских насилий. Сквадризм — опасное политическое явление, отмечал журнал. Его не следует преувеличивать, но нельзя и недооценивать. Для того чтобы покончить с ним, достаточно двух вещей: точного соблюдения законов и полной политической изоляции «легального прикрытия» террористов из ИСД. Однако этого до сих пор не делается. Начиная народное

⁷⁸ Ibid., 19 febr., p. 8.

⁷⁹ L'Unità, 1971, 29 nov.

⁸⁰ Rináscita, 1972, 3 dic., p. 1.

расследование, ИКП призывала всех коммунистов и всех демократов сообщать сведения об актах фашистских насилий любого рода, называя фамилии участников бесчинств, давать сведения о подпольных группах, антиконституционных и подрывных организациях и ассоциациях, о случаях пособничества им со стороны государственных и судебных властей, об источниках финансирования этих организаций⁸¹.

Призыв нашел немедленный и массовый отклик, превзошедший ожидания. Тысячи писем и документов стали поступать со всех концов страны. Уже через две недели после начала кампании журнал «Ринашита» смог опубликовать первое «досье», касающееся Сицилии, где волна черного террора приняла особенно угрожающие масштабы. Напечатанные материалы и документы со всей очевидностью иллюстрировали два основных момента, на которые неоднократно обращала внимание демократическая печать. Первый из них касался попыток реакционных сил использовать объективно существующее недовольство населения для того, чтобы создать себе массовую базу. Второй момент заключался в потворстве официальных властей действиям неофашистов. Во многих случаях речь шла о терпимости не только по отношению к подрывным действиям, но и чисто уголовным преступлениям террористов⁸².

В течение первой половины 1972 г. на страницах «Ринашита» регулярно появлялись очередные «досье» о неофашизме, в которых описывалось положение в Неаполе, Болонье, Риме, Милане, Турине и других городах. В них печатались свидетельства очевидцев фашистских насилий, рассказы об отдельных «операциях» неофашистов, приводились образцы неофашистской литературы, угрожающие письма, которые получали демократические газеты, организации и активисты левых партий⁸³. Расследование, проведенное ИКП, убедительно иллюстрировало масштабы неофашистского сквадризма.

Наряду с политическим разоблачением фашизма итальянские коммунисты уделяли большое внимание социальным причинам, способствовавшим оживлению неофашистской опасности. Они подчеркивали, что бедственное положение деревень и наличие массы безработных на Юге,

⁸¹ Ibid., 14 genn., p. 32.

⁸² Ibid., 4 febr., p. 13—16.

⁸³ Ibid., 4, 11, 18 febr.; 3, 17, 24 mar.; 14, 21 apr.

широкая прослойка чиновничества и мелкой буржуазии, живущей различного рода нетрудовыми доходами,— все это создавало благоприятную социальную среду для неофашистской демагогии. По данным официального обследования, доходы населения от сферы обслуживания и службы в государственных и полугосударственных учреждениях достигали в Неаполе 62%, в Реджо-Калабрии — 56, Катании — 58, Палермо — 60% ⁸⁴.

Имелись и причины, непосредственно связанные с развитием классовой и политической борьбы в Италии в начале 70-х годов. Член руководства ИКП Л. Барка писал весной 1971 г.: «Сейчас имеется определенный кризис в отношениях рабочего класса со средними слоями и не только в Южной Италии. Это не является неожиданностью, ибо так всегда бывает после успехов профсоюзов рабочего класса и городских и сельских слоев, которые наиболее близки к нему. Для того чтобы это не было использовано консервативными и реакционными силами, мы стремимся к тому, чтобы политические и экономические результаты борьбы были благоприятными и для других социальных категорий, которые нельзя бросать в объятие правых» ⁸⁵.

Анализ создавшегося в стране положения был дан коммунистами на XIII съезде ИКП в марте 1972 г. В политической резолюции съезда подчеркивалось, что сдвиг влево, имевший место в 1968 г., и широкая борьба, развернувшаяся в последующие годы, сделали возможными важные завоевания. Однако им препятствовало отсутствие последовательной и органичной политики обновления. Это до предела обострило социальную напряженность и предоставило возможность для контратаки правых сил и возрождения фашистской опасности ⁸⁶.

В выступлении на съезде ИКП Л. Лонго отметил, что коммунисты не закрывают глаза на ожесточенность и опасность реакционного наступления, но сознают, что силы, которые в состоянии бороться с ними, велики. «Многое изменилось с 1921—1922 гг.,— сказал он.— Если тогдашний опыт ничему не научил буржуазию и правителей, то он многому научил нас — партии, профсоюзы, рабочий класс и трудящихся вообще... На основании этих уроков мы узнали главным образом, что с фашизмом

⁸⁴ Ibid., 1973, 19 genn., p. 9.

⁸⁵ Ibid., 1971, 9 apr., p. 7.

⁸⁶ XIII съезд Итальянской коммунистической партии, М., 1973, с. 111.

нужно сражаться с помощью борьбы и единства все более широких масс, с помощью политической инициативы и народных битв». Никто не должен заблуждаться относительно возможности возрождения фашизма в Италии, предупредил Л. Лонго, «тот, кто стал бы разрабатывать такие авантюристические проекты, должен знать, что наша партия сможет сражаться и победить на любой почве... Фашизм в Италии не должен возродиться и не возродится»⁸⁷.

Уверенность и решительность, с которой выступали руководители итальянских коммунистов, отражали сознание больших возможностей, которыми располагали в стране антифашисты. Попытки неофашистов выйти на улицы и организовать демонстрации и контрдемонстрации энергично пресекались во всех городах. Сознавая, что фронтальное столкновение может привести к полному их разгрому, неофашистские главари предпочли перейти к тактике диверсий и подпольного террора. В то же время они сконцентрировали усилия на укреплении связей с правым крылом христианских демократов.

В феврале 1972 г., когда потерпело неудачу очередное левоцентристское правительство, руководители католиков отказались от попыток воссоздания коалиции с социалистами. Новый премьер Дж. Андреотти сформировал кабинет из одних представителей ХДП. Его задачей было подготовить внеочередные парламентские выборы, демонстрируя перед страной «незаменимость» христианских демократов для уравнивания «противостоящих экстремизмов». Исключение из правительства социалистической партии знаменовало собой окончание первого этапа левоцентризма и смещение политической оси страны вправо.

Внеочередные парламентские выборы, которые были назначены на май 1972 г., проходили в напряженной политической обстановке. Неофашисты возлагали на них большие надежды. Альмиранте самонадеянно заявлял, что поворот вправо «назрел» и этот поворот «невозможен без участия в нем неофашистов»⁸⁸. В списки кандидатов ИСД были включены такие представители армейской верхушки, как бывший главнокомандующий вооруженными силами НАТО в районе Средиземного моря адмирал Биринделли, и ряд других видных генералов.

⁸⁷ Там же, с. 85.

⁸⁸ *Il Secolo d'Italia*, 1972, 14 genn.

Террористические группы нефашистов принимали меры к более изощренной маскировке своих действий. В разгар избирательной кампании на окраине Милана был найден обезображенный труп известного издателя, миллионера Джанджакомо Фельтринелли. Это был человек антифашистских убеждений, однако за последние годы он сблизился с левоэкстремистскими группировками и даже перешел на нелегальное положение. Официальная версия гласила, что Фельтринелли погиб от случайного взрыва, в то время как он с группой сообщников пытался подорвать линию высоковольтной передачи. Но демократическая печать сразу же обратила внимание, что в окружении Фельтринелли находилось много подозрительных элементов и нефашистских агентов. Все заставляло думать, что речь шла о колоссальной провокации, путем которой реакционные силы в канун выборов пытались обвинить левых в пагнетании напряженности. Характеризуя сложившуюся обстановку в стране, Л. Лонго писал, что не может не тревожить «тесная связь и совпадение по времени между террористическими актами и наиболее острыми и решающими моментами политической и социальной борьбы в Италии»⁸⁹.

Результаты выборов в парламент не оправдали ожиданий реакции. Правда, нефашисты вместе с монархистами собрали почти 5 млн. голосов (8,7%) и закрепились на четвертом месте среди итальянских политических партий, однако это было значительно меньше того, что они получили на выборах 1953 г. в разгар «холодной войны». В то же время итальянские трудящиеся продемонстрировали свою поддержку коммунистической партии, которая увеличила число избирателей и собрала более 27% всех голосов⁹⁰. Это свидетельствовало о том, что политическая линия ИКП в борьбе за социальный прогресс итальянского общества, против всех происков реакции находит понимание в самых широких слоях населения. Значение этого успеха подчеркивалось тем обстоятельством, что на этих выборах потерпели неудачу левацкие группировки типа «Манифесто», которые пытались использовать нефашистскую волну в своих узкопартийных интересах и, выдавая себя за «боевой авангард антифашизма», обвиняли других в «пассивности».

⁸⁹ L'Unità, 1972, 11 giugno.

⁹⁰ Massara M. Storia d'Italia in date. Milano, 1974, p. 423.

Выборы 1972 г. отразили первые результаты мобилизации антифашистских сил против опасности справа. Они показали, что распространению влияния неофашистов поставлен предел.

Итоги выборов 1972 г. не давали никаких оснований для «поворота вправо», о котором мечтали итальянские реакционеры. Тем не менее Дж. Андреотти сформировал правительство из представителей трех партий: христианско-демократической, социал-демократической и либеральной, получившее название правоцентристского, поскольку место социалистов в нем заняла консервативная либеральная партия. Образование подобного правительства свидетельствовало о стремлении итальянских правящих кругов выиграть время и подготовиться к новой перегруппировке политических сил.

Программа правительства делала упор на необходимости создания в стране атмосферы «безопасности и доверия», способных «оживить частную инициативу». Правительство заявило о стремлении любой ценой обеспечить в стране «общественный порядок». Несмотря на это, волна фашистских бесчинств не утихала. По подсчетам демократической печати, с конца 1969 и до начала 1974 г. в результате фашистских преступлений в Италии погибло 59 человек и более 400 было ранено. За это время фашистами было взорвано более 400 бомб, некоторые из них лишь благодаря счастливой случайности не привели к сотням новых жертв⁹¹. В апреле 1973 г. неофашистские террористы устроили нечто вроде «пробы сил» в Милане: вооруженные ручными гранатами «группы действия» атаковали полицейских, убив одного из них. На этот раз убийцы были схвачены и признались, что действовали по заданию фашистской организации⁹².

В июне 1973 г. правоцентристское правительство Андреотти прекратило существование. Оно пало под тяжестью усилившегося экономического кризиса, роста инфляции и безработицы. Приход к власти христианского демократа М. Румора знаменовал собой восстановление левоцентристской коалиции. Помимо христианских демократов в правительство вошли социалисты, социал-демократы и республиканцы. Все усилия оно намеревалось сконцентрировать на экономических и финансовых вопросах, обещав при этом сотрудничество с профсоюз-

⁹¹ *Gaddi G.* Op. cit., p. 29.

⁹² *Massara M.* Op. cit., p. 424.

ными организациями. В политическом отношении правительство провозгласило антифашистский характер новой коалиции⁹³. Это соответствовало тем явлениям в итальянской политической жизни, которые были вызваны широкой мобилизацией демократических сил.

11 января 1972 г. генеральный прокурор республики Бьянки д'Эспиноза в речи, посвященной началу года, заявил, что «закон требует преследовать фашизм». Это было столь знаменательным событием, что автор исторической хроники «История Италии в датах» М. Массара счел нужным упомянуть о нем в одном ряду с сообщениями о падении правительств и выборах в парламент⁹⁴. И до этого представители итальянских судебных властей делали подобные заявления, но на этот раз высказывание генерального прокурора было подкреплено началом судебного следствия по обвинению в попытке восстановить фашистскую партию. Это был определенный сдвиг в позиции судебных властей, хотя его последствия сказались далеко не сразу.

Отношение итальянских судебных властей к действиям неофашистов на протяжении многих лет было объектом критики демократических сил. Итальянские демократы много раз требовали, чтобы высшие органы Итальянской республики подняли свой голос, осуждая фашизм. Речь не шла о навязывании независимому суду решений извне: последовательное и решительное проявление антифашистского духа высшими органами государства могло побудить судебных работников более эффективно применять законы для защиты демократии.

Однако долгое время подавляющее большинство фашистских вылазок проходило безнаказанно. Как правило, даже если материалы на обвиняемых в соответствии с законами 1947 и 1952 гг. передавались полицией в суд, преступников оправдывали или они отделялись самыми легкими наказаниями. В то же время тысячи судебных дел заводились против профсоюзных активистов и рабочих, принимавших участие в выступлениях, забастовках или занятии фабрик. После «жаркой осени» 1969 г. в судах различных городов Италии было начато 9938 процессов против трудящихся. А по делу неудавшегося путча князя Боргезе, который обвинялся в подготовке «воору-

⁹³ *Mamarella G.* L'Italia dopo il fascismo. Bologna, 1974, p. 500—501.

⁹⁴ *Massara M.* Op. cit., p. 422.

женного восстания против государственной власти», было привлечено всего несколько человек. В целом в соответствии с антифашистскими законами 1947 и 1952 гг. было подано в суд в 1969 г. на 124 человека и в 1970 г. — на 390 человек, однако почти все они были оправданы⁹⁵.

Антифашистская мобилизация общественного мнения в ответ на угрожающий рост происков реакционных сил в начале 70-х годов сыграла свою роль. Судебные органы постепенно активизировали деятельность по расследованию акций неофашистов. Прежде всего это коснулось фашистского подполья и организаторов различного рода взрывов и диверсий. Весьма показательно, что этот процесс начался в период, когда у власти стояло однопартийное христианско-демократическое правительство, и сформирование правоцентристского правительства после парламентских выборов 1972 г. его не остановило.

Постепенно усилились действия и против легальных организаций неофашистов. История борьбы левых сил в итальянском парламенте за роспуск неофашистских организаций исчислялась к этому времени десятилетиями. Много раз, начиная с первых лет существования Итальянской республики, демократические деятели выступали в парламенте с разоблачением преступных действий неофашистов. К этим выступлениям присоединялись некоторые представители правящей христианско-демократической партии. Вносились обоснованные предложения о лишении парламентской неприкосновенности почти всех главарей ИСД. Однако это оставалось долгое время без последствий.

Подобное попустительство наблюдалось несмотря на то, что антифашистские законы 1947 и 1952 гг. были приняты по инициативе партий правительственного большинства. Более того, когда в 1961 г. в парламенте началось обсуждение предложений о запрещении неофашистской партии, христианско-демократические депутаты выступили против него. Католический историк Дж. Баже-Боццо признавал, что ХДП всегда была против роспуска неофашистской партии, поскольку, даже ожесточенно сражаясь с ИСД во время избирательных кампаний, она продолжала помнить, что эта партия является ее опорой, особенно во время обострения отношений между ХДП и левыми⁹⁶.

⁹⁵ *Secchia P.* Le armi fascismo. Milano, 1971, p. 14—16.

⁹⁶ *Baget-Bozzo G.* Il partito cristiano al potere. Firenze, 1974, vol. 2, p. 341.

Возмущение общественности серией кровавых преступлений фашистов в начале 70-х годов побудило христианско-демократическую партию несколько изменить позицию. 24 мая 1973 г. палата депутатов по требованию прокуратуры санкционировала начало расследования по обвинению главы ИСД Альмиранте в восстановлении фашистской партии. Правда, дальнейшего развития это решение не получило, поскольку судебные инстанции не проявили активности в рассмотрении его деятельности. Однако в ноябре того же года римский суд, закончив разбор дела 40 главарей организации «Новый порядок», приговорил 30 из них к различным срокам тюремного заключения⁹⁷. Через несколько дней правительство, применив закон 1952 г., впервые за всю послевоенную историю, санкционировало роспуск и запрещение этой организации как антигосударственной.

Сложившаяся ситуация весьма значительно осложнила положение неофашистов. Отмечая, что поворот в общественном мнении, начавшийся с весны 1973 г., привел к кризису ИСД, Л. Лонго указал на две основные причины, а именно разоблачение прямой ответственности неофашистской партии за террористическую деятельность и ослабление терпимости властей, которые обеспечивали ранее безнаказанность неофашистов⁹⁸.

Падение правоцентристского кабинета летом 1973 г. и воссоздание левоцентристской коалиции открыли новые возможности для инициативы антифашистских сил. Вслед за осуждением террористов из «Нового порядка» началось расследование деятельности подпольной организации «Роза ветров», в которой принимал участие ряд представителей итальянских вооруженных сил.

Итальянские демократы давно обращали внимание общественности на необходимость демократизации итальянской армии. «Мы далеки от того, чтобы ставить под сомнение верность демократическим институтам и духу национальной независимости многих офицеров вооруженных сил, которые доказали свою лояльность, доблесть и верность антифашизму», — писал П. Секкья в 1971 г. Однако скандал с военной разведкой СИФАР, продолжал он, показал, что подчинение итальянских вооруженных сил Атлантическому пакту, вмешательство в итальянские дела американской разведки, рост различных секретных

⁹⁷ L'Unità, 1973, 22 nov.

⁹⁸ Rináscita, 1973, 18 magg., p. 1.

служб и создание в итальянской армии «особых» частей создает угрозу ее превращения в источник антидемократических и авторитарных тенденций⁹⁹.

Некоторые высшие офицеры итальянской армии своими высказываниями и действиями доказывали, сколь им чужды демократические настроения. Во время выборов 1971 г. два бывших начальника генерального штаба — Де Лоренцо и Луицци — выступили на стороне неофашистов. Адмирал Биринделли, находясь на посту командующего морскими силами Атлантического пакта Южной Европы, заявил, что в случае вхождения коммунистов в правительство многие офицеры и он сам в первую очередь «испытывают кризис сознания», результаты которого трудно предугадать.

Далекий от симпатий к левым партиям журнал «Мондо» в 1971 г. провел обследование, чтобы ответить на вопрос: «Что думает армия?» Его результаты показали, что многие офицеры «частей особого назначения» не только враждебны левым партиям, но и недовольны правительством, поскольку оно не умеет «заставить уважать армию»¹⁰⁰.

Дело с подпольной организацией «Роза ветров» подтвердило причастность ряда офицеров к неофашистской деятельности. Случайный арест двух неофашистов привел полицию на виллу одного адвоката, у которого были обнаружены важные документы. Среди них фигурировали список из 1627 фамилий с пометкой «смертный приговор», листовки, призывающие парашютистов к мятежу, и правительственная программа, заимствованная у «республики Сало». Нить следствия привела к одному из главарей «Розы ветров», подполковнику Спяцци, командовавшему полком «специального назначения». Спяцци стал первым офицером высокого ранга, арестованным по обвинению в антигосударственном заговоре¹⁰¹.

Расследование захватывало все новые звенья армейской верхушки. В марте 1974 г. в центре внимания оказался некий Джанеттини, осуществлявший связи неофашистов с военной разведкой. Являясь сотрудником фашистской газеты «Секоло д'Италия», он в то же время был платным агентом СИД. Джанеттини весной 1969 г. в очередном донесении предсказал начало серии фашист-

⁹⁹ *Secchia P. Le armi fascismo*, p. 6.

¹⁰⁰ *Il Mondo*, 1971, 7 nov., p. 23.

¹⁰¹ *Лит. газ.*, 1974, 19 янв.

ских провокаций и взрывов в общественных местах. Тем не менее СИД ничего не сделала для предотвращения преступлений. Более того, когда стало известно о связях Джанеттини со многими фашистскими подпольными организациями, именно СИД помогла бывшему журналисту бежать за границу¹⁰². Таким образом вскрылось, что уже осенью 1969 г. военной разведке было хорошо известно о наличии «черной тропы», которая вела от преступлений того времени к фашистским подпольным организациям. Скрыв это, СИД не только способствовала тому, что следствие пошло по ложному пути, но и внесла свой вклад в реализацию «стратегии напряженности».

Новым этапом в раскрытии сетей заговора и причастности к нему высокопоставленных офицеров итальянской армии послужил сенсационный доклад в парламенте министра обороны Дж. Андреотти в октябре 1974 г. Он состоял из трех разделов: в первом из них, наиболее обширном, говорилось об участниках попытки фашистского переворота князя Боргезе в 1970 г., второй был посвящен связям организации Боргезе с «Розой ветров» и третий свидетельствовал о планах неофашистских террористов совершить государственный переворот в 1974 г. Доклад этот вызвал впечатление разорвавшейся бомбы. Хотя демократическая печать уже давно писала о широте связей фашистов, число замешанных офицеров высокого ранга оказалось неожиданным. Римский суд выдал 20 ордеров на арест и еще 74 лицам предъявил обвинение в содействии подготовке вооруженного переворота. Среди них оказались генералы, полковники и подполковники всех родов войск. Наиболее крупной фигурой среди арестованных был генерал Вито Мичели, который до лета 1974 г. возглавлял итальянскую военную разведку¹⁰³.

Новый сдвиг в отношении правительственных партий к неофашизму подготовили важные политические события, происшедшие летом 1974 г.: референдум о разводе и народный ответ на взрыв фашистской бомбы в Брешии. С помощью референдума о разводе, проведение которого было ранее отложено, неофашисты надеялись добиться сближения с католическими массами и их политическими руководителями на основе защиты «традиционных институтов» итальянского государства. При этом они рассчитывали, что позиция Ватикана, решитель-

¹⁰² Известия, 1976, 19 янв.

¹⁰³ Там же, 1974, 1 февр., 1 нояб.

но осуждавшего развод, обеспечит победу его противникам. Альмиранте с торжеством заявлял, что референдум принудит партии рабочего класса выступить с антиклерикальных позиций, «не разделяемых пролетарскими массами»¹⁰⁴.

Реакционные силы тратили на пропаганду колоссальные средства. Города были наводнены плакатами, которые изображали сторонников развода «разрушителями основ» итальянского государства. Не обошлось и без новых провокаций подпольных групп. В канун референдума с подозрительной пунктуальностью появилось «дело Сосси». Прокурор Генуи Сосси, известный своими консервативными взглядами, был захвачен неизвестными лицами, которые стали подписывать свои письма «Красные бригады». В обмен на предоставление прокурору свободы похитители потребовали выпустить из тюрьмы осужденных членов своей организации. Ежедневно итальянская печать заполнялась сообщениями о «деле Сосси», которое служило интересам реакции. Однако буквально через несколько дней после референдума Сосси без всякого выкупа неожиданно оказался на свободе¹⁰⁵.

Пойдя на референдум о разводе, христианские демократы хотели продемонстрировать левым силам и прежде всего партиям рабочего класса, что они продолжают рассматривать ИСД как некий противовес, который в случае необходимости может быть пущен в ход. Однако референдум обратился в бумеранг, который нанес сильнейший удар по его инициаторам. 12 мая 1974 г. свыше 59% итальянцев высказались за сохранение закона о разводе. Итоги голосования показали, что очередная попытка расколоть народные массы и вбить клин между партиями рабочего класса и трудящимися католиками потерпела провал. Значительная часть католиков выступила единым фронтом с партиями рабочего класса. Комментируя результаты референдума, генеральный секретарь ИКП говорил, что итальянский народ «опрокинул одну из самых опасных попыток ниспровергнуть основы нашего демократического режима и прикрыть видимостью народного плебисцита линию, направленную на ликвидацию свобод и выхолащивание функций парламента и политических партий»¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Almanacco P. C. I., 1975, p. 81.

¹⁰⁵ Ibid., p. 82—84.

¹⁰⁶ Rináscita, 1974, 2 ag., p. 9.

Неофашисты по-своему восприняли поражение. Всю ставку во время предвыборной кампании они делали на антикоммунизм. Даже заголовок передовой их газеты, сообщавший о результатах референдума, гласил: «Развод остается. Антикоммунизм продолжается»¹⁰⁷. Доказательства этому не заставили себя ждать. 28 мая во время антифашистского митинга на главной площади Брешии взорвался мощный заряд, замаскированный в урне для мусора. От взрыва погибло 8 человек — коммунисты, социалисты и члены их семей, 90 человек было ранено.

Через несколько часов после этой трагедии газеты получили письма, в которых фашисты из организации «Черный порядок» сообщали, что убийство в Брешии дело их рук. Как только стало известно о трагических событиях в Брешии, толпы людей во всех городах Италии направились к помещениям неофашистской партии. Несмотря на то что на защиту неофашистов были стянуты сильные наряды полиции, во многих местах они не сумели сдержать справедливого негодования населения. По признанию неофашистов, в эти дни они чувствовали себя, как осажденные в крепости. Особенно сильное впечатление произвели демонстрации в Риме и Неаполе — городах, которые неофашисты до недавнего времени считали своими опорными пунктами. В Риме толпа разгромила более десяти помещений неофашистской партии, а в Неаполе, по словам органа ИСД, вспыхнула «настоящая герилья»¹⁰⁸.

На следующий день вся Италия была парализована всеобщей забастовкой. На митингах, в которых принимало участие более 20 млн. человек, с единодушным осуждением фашистов представители рабочих партий выступали вместе с социал-демократами, радикалами и католиками. «На заводах и в школах, в деревнях и учреждениях поднялся возмущенный голос всей нации,— писал журнал «Ринашита». — Демонстрации, прошедшие во всех городах, больших и малых, показали всем, что мы дошли до предела, что нельзя больше терпеть, что не могут остаться безнаказанными происки итальянских и иностранных черных сил, которые на протяжении пяти лет пытаются самыми варварскими средствами посеять растерянность, недоверие и панику и покуситься на республиканскую демократию»¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Il Secolo d'Italia, 1974, 13 magg.

¹⁰⁸ Ibid., 30 magg.

¹⁰⁹ Rinascita, 1974, 31 magg., p. 1.

Похороны жертв фашизма в Брешии носили характер общенационального траура. На улицах города не видно было полиции. Несколько тысяч рабочих-активистов обеспечивали образцовый порядок. На протяжении многих километров молчаливая толпа провожала похоронную процессию лесом поднятых рук со сжатыми кулаками. Похоронный звон колоколов прерывался лишь призывами против фашистского террора.

Главарь ИСД лихорадочно выискивали все новые способы замутить воду и отвести от себя ответственность за террористические действия. 4 августа 1974 г., когда международный экспресс «Италикус» шел со скоростью 120 км в час на Север, в одном из вагонов раздался взрыв. Сотни людей спаслись благодаря тому, что поезд успел выйти из длинного туннеля, однако трагический итог был достаточно внушительным: 12 убитых и 58 раненых. И тут в роли разоблачителя выступил сам главарь ИСД Альмиранте. По его словам, он знал заранее о готовящемся «красными» покушении и предупредил об этом власти. Однако источник его информации — сторож гаража, где один из подручных Альмиранте держал свой автомобиль, — на первых же допросах признался, что выдумал эту историю с целью выудить у неофашистов деньги.

Как и следовало ожидать, вскоре стали известны факты, свидетельствующие о том, что взрыв на «Италикусе» — очередное злодейство фашистских террористов. Запутавшись в собственных хитросплетениях, Альмиранте кончил тем, что объявил своего осведомителя умственно неполноценным человеком. Это не спасло положения, и два соратника Альмиранте были арестованы за лжесвидетельство: такая же судьба постигла нескольких телохранителей «вождя» ИСД, которые пытались запугивать злополучного сторожа гаража.

Среди главарей ИСД начался разброд и паника. Некоторые монархисты, недавно примкнувшие к партии, недвусмысленно обвиняли Альмиранте и его подручных за неудачу тактики сочетания «двубортного пиджака и взрывчатки» и требовали публично отмежеваться от террористов. С другой стороны, «экстремисты» предлагали окончательно отправить «двубортный пиджак» в сундук и приступить к «прямому действию». Дело дошло до того, что один из руководителей «экстремистского крыла», П. Ромуальди, обвинил Мичели и других генералов в том, что они «слишком покорно дали себя арестовать».

«Если бы наши военные,— писал он,— взяли па себя инициативу и покончили с маневрами, которые велись вокруг них, то они не сидели бы сейчас на скамье подсудимых»¹¹⁰.

Неофашисты теряли под ногами почву. Наглый и самоуверенный тон, которым отличались их главари, прерывался сетованиями на «преследования» со стороны властей и непонимание союзников. Заявления вроде «если мы погибнем, то погибнет Италия» или «мы — последний берег истинной Италии» все чаще срывались с уст неофашистских демагогов. Но все больше итальянцев сознавало, что для спасения Италии необходимо прежде всего решительно преградить путь фашистскому террору.

Крайней реакции были нанесены серьезные удары, и фашистская угроза явно шла на спад. Важно было последовательно развить достигнутые успехи, расширить и углубить победу антифашистских сил. Инициативу в этом направлении проявляли представители областных органов самоуправления, находившихся в руках демократических партий. В марте 1974 г. они, собравшись в Турине, решили провести расследование деятельности неофашистов начиная с 1969 г. Специально созданные комиссии, состоявшие из членов антифашистских партий, должны были воссоздать картину беззаконий реакции¹¹¹.

Опыт проведения подобных расследований уже имелся: ряд «досье» о неофашизме опубликовал журнал ИКП «Ринашита», коммунисты провинции Лациния совместно с группой депутатов парламента от области Лацио выпустили в 1971 г. сборник под названием «Против фашистских насилий»¹¹². В том же году расследование неофашистских преступлений более широкого масштаба осуществили областные органы самоуправления Ломбардии, столица которой Милан являлся центром фашистского террора в Северной Италии. Это был первый опыт практического сотрудничества различных политических сил для разоблачения фашистской опасности. В обследовании принимали участие ученые и юристы, профсоюзные и политические деятели — представители всех партий, за исключением неофашистской. Комиссия в 1971—

¹¹⁰ Il Secolo d'Italia, 1974, 20 nov.

¹¹¹ Rinascita, 1974, 27 dic., p. 9.

¹¹² Contro la violenza fascista in Agro Pontino. Roma, 1971.

1973 г. опубликовала доклад в двух частях¹¹³. Анализ террористических актов, провокаций и диверсий в этом отчете ясно показывал, что речь шла о заранее разработанном плане.

Ясно вырисовывалась и основная цель этого плана: терроризировать в первую очередь средние слои, наиболее отзывчивые к «призыву к порядку» и наименее связанные с рабочим классом. Сея беспорядок и неуверенность, неофашисты надеялись создать предпосылки для создания «блока порядка», толкая мелких торговцев, ремесленников и служащих в объятия реакционных сил. Широкая документация подтверждала, что, наряду с бандитскими действиями и провокациями, неофашисты развили бурную демагогическую деятельность, направленную как на создание корпоративистских иллюзий в средних слоях, так и на разложение персонала государственных учреждений, вооруженных сил и полиции. Наконец, материалы расследования давали ответ на вопрос, почему именно Ломбардия была выбрана неофашистами для развертывания терроризма. В отличие от южных районов страны, где не было значительной пролетарской массы, эта область представляла собой один из главных центров итальянской индустрии. Хорошо организованный рабочий класс обладал здесь прочными связями и оказывал влияние на средние слои, а социальная демагогия неофашистов не находила достаточной почвы. Нужно было запугать обывателя, представить столицу Северной Италии вотчиной левоэкстремистских «красных бригад», под которых неофашисты часто подделывались, а затем выставить себя в глазах благомыслящего мелкого буржуа «защитниками порядка» и расшатать его солидарность с трудящимися.

Многие из выводов, к которым пришли антифашисты Ломбардии, нашли подтверждение в других областях страны. Летом 1974 г. комиссии по расследованию стали создаваться в Сардинии и Калабрии, Пьемонте и Лацио, Фриули и Апулии — вскоре подавляющее большинство итальянских областей было охвачено этим движением, достигшим общенационального масштаба. В начале 1975 г. комиссия Пьемонта обобщила все накопленные ею документы в докладе, который был рассмотрен областным советом и послужил основой для публикации

¹¹³ Rapporto preliminare sulla violenza fascista in Lombardia. Milano, 1971—1973. Vol. 1; 2.

«Расследование о неофашистской деятельности в Пьемонте»¹¹⁴.

Как явствует из этого обширного отчета, неофашистская активность в Пьемонте проявлялась в создании подрывных организаций, военизированных лагерей и складов оружия, осуществлении взрывов, поджогах помещений демократических организаций и оскорблении памятников героям антифашистской борьбы, карательных экспедициях против рабочих, студентов и школьников. В целом комиссии стало известно о 358 таких акциях. И это в области, которая считалась одной из самых благополучных!

На первое место среди причин, породивших активизацию неофашизма, комиссия поставила социально-экономические условия последних лет местного и общего порядка. Выяснилось, что фашистам удалось активизироваться в тех провинциях и общинах, которые более других пострадали от экономического кризиса. Наоборот, в тех местностях, где экономическое положение было относительно благополучным, «не возникало того недовольства, которое благоприятствует активности неофашистов».

Развитие политической обстановки в Италии в 1975 г. нанесло новый удар по планам реакционных сил. Центральным событием года стали выборы в областные и провинциальные административные органы, проходившие летом по всей стране. Они завершились небывалым успехом рабочих партий, в первую очередь коммунистов. За ИКП голосовало более 11 млн. итальянцев, т. е. 32,6% всех избирателей. Компартия собрала более чем на 5% больше голосов по сравнению с предыдущими выборами — это было самым крупным продвижением вперед за все годы. Во всех главных городах страны — Милане, Риме, Турине, Флоренции, Неаполе, Венеции, Болонье и Генуе — коммунисты вышли на первое место. Выросло и число голосов, поданных за социалистов, в то время как христианские демократы потеряли около 3% избирателей и собрали 12 млн. голосов (35%). Неофашисты потеряли почти 2% голосов по сравнению с парламентскими выборами 1972 г. и откатились на позиции, которые они занимали до 1970 г. Учитывая, что они поглотили часть голосов либералов, понесших большие потери, сокращение влияния крайне правых сил оказалось еще более значительным¹¹⁵.

¹¹⁴ L'Indagine sull' attività neofascista in Piemonte. Torino, 1975.

¹¹⁵ Rináscita, 1975, 20 giugno.

«Результаты выборов создали в Италии совершенно новую политическую ситуацию», — писал журнал «Ринашита»¹¹⁶. Действительно, итоги голосования явились гораздо более значительным событием, чем простое поражение очередного «крестового похода» против коммунистов. Особое значение имело то, что за компартию голосовало более 50% всех молодых избирателей и что она одержала крупный успех в южных областях, традиционно считавшихся оплотом правых. Все это вызвало в буржуазных партиях уныние. Особенно траурные настроения охватили неофашистов. Вскоре после выборов римский суд запросил парламент о лишении парламентской неприкосновенности 42 депутатов ИСД — подавляющего большинства их фракции — для привлечения их к суду по обвинению в воссоздании фашистской партии. Раздоры в руководстве партии еще более усилились — многие бывшие монархисты покидали ее ряды. Альмиранте был вынужден отменить намечавшийся ранее съезд ИСД и заменил его заседанием ЦК, на котором выступил с апокалипсической речью. «Мы всегда думали, — говорил он, — хотя и не всегда имели мужество признаться в этом, что час истины настанет для нас только тогда, когда коммунизм постучится в дверь. Теперь этот час настал».

Он сетовал на то, что все политические партии ополчились против неофашистов, а христианские демократы «предали» их. «Это может вызвать хаос, последствия которого невозможно предвидеть», — пугал Альмиранте¹¹⁷.

Слова Альмиранте не были пустой угрозой. Едва обстановка в Италии весной 1976 г. обострилась, силы правой реакции вновь попытались прибегнуть к «стратегии напряженности». Левоцентристская коалиция к этому времени окончательно зашла в тупик. На повестку дня встало проведение новых досрочных выборов в парламент. Обе палаты итальянского законодательного собрания были распущены, и выборы назначены на 20—21 июня.

Консервативные силы ясно сознавали, что население крайне разочаровано политикой правительственной коалиции и перспектива нового сдвига влево в общественном мнении является весьма реальной. Поэтому мобилизация всех внутренних и внешних сил против партий рабочего класса была необычайно широкой. Папа Павел VI призвал итальянцев активно выступить против

¹¹⁶ Ibid., p. 3.

¹¹⁷ Il Secolo d'Italia, 1975, 29 giugno.

коммунистов, руководители госдепартамента США открыто заявили о том, что в случае победы ИКП политика их страны по отношению к Италии будет пересмотрена. ХДП еще раз попыталась опереться в своей пропаганде на антикоммунизм.

Неофашисты стали собирать под свои знамена всех тех, кто стремился возродить пресловутую «стратегию напряженности». Достаточно сказать, что среди их кандидатов в парламент видное место занимал генерал В. Мичели, арестованный за потворство фашистам, но вскоре выпущенный на свободу. В ход были пущены давно известные приемы фашистского террора. Поджоги на заводах ФИАТ в Турине, на фабрике «Мотта» в Милане, взрывы бомб в кинотеатрах и магазинах, нападения на активистов левых партий и демократических деятелей должны были напомнить о том, что черные банды еще в состоянии сказать свое слово.

Наиболее крупными акциями террористов было убийство генерального прокурора Генуи Ф. Коко и молодого комсомольца Л. Ди Роза в небольшом городке Сецце. Если в первом случае принадлежность убийц к той или иной подпольной группе осталась невыясненной, то к событиям в Сецце неофашистская партия оказалась причастной самым непосредственным образом. Провокации против предвыборного митинга левых партий, во время которых был убит комсомолец Ди Роза, были осуществлены группой неофашистов во главе с депутатом парламента от ИСД С. Сакуччи. Это имя было хорошо известно итальянцам, поскольку лейтенант парашютных войск Сакуччи был одним из наиболее активных участников заговора Боргезе в декабре 1969 г., а затем избежал ареста, так как неофашисты протасили его в депутаты парламента. После убийства комсомольца Ди Розы Сакуччи был наконец лишен парламентской неприкосновенности, однако вновь избежал судебного преследования, с необъяснимой легкостью скрывшись за границу.

В этой связи итальянские газеты вновь вернулись к теме о связях неофашистов с высокими сферами в Италии и за границей. В частности, сообщалось, что начиная с 1972 г., по согласованию с американскими шпионскими службами в Италии, целый отдел итальянской военной разведки СИД был переключен для работы специально с неофашистами¹¹⁸.

¹¹⁸ См.: Правда, 1976, 13 июня.

Характерной чертой деятельности неофашистских террористов в это время стало все большее переплетение их вылазок с провокационными выступлениями самозванных «красных бригад» и других авантюристических левацких группировок. Даже буржуазная печать задавала вопрос, действительно ли эти организации действуют независимо друг от друга. Газета «Упита» в связи с этим подчеркивала, что, так же как и открытые атаки фашистов, безответственные или паправляемые провокаторами акции экстремистских группировок одинаково льют воду на мельницу политической реакции ¹¹⁹.

Вся Италия с нетерпением ожидала обнародования результатов парламентских выборов 20—21 июня 1976 г. Их главным итогом был новый крупный успех ИКП, получившей 34,4% голосов при выборах палаты депутатов и 33,8% при выборах сената и намного увеличившей представительство в обеих палатах итальянского парламента. Этот успех был обеспечен массовым голосованием за коммунистов в крупных промышленных центрах Севера страны, закреплением позиций ИКП в управляемых левыми силами областях и новым сдвигом влево в южных провинциях, еще недавно считавшихся вотчиной правых ¹²⁰.

В то же время выборы показали, что антифашистские настроения итальянского народа укрепились. Неофашистам не помогла ни попытка возродить «стратегию напряженности», ни социальная демагогия, ни щедрая финансовая помощь, продолжавшая поступать из самых различных итальянских и иностранных источников. Итальянское социальное движение потеряло более полумиллиона избирателей, почти на одну треть сократив число своих представителей в парламенте. Позиции неофашистов в итальянской политической жизни резко ослабли, а внутренние разногласия поставили их партию на грань раскола.

1977 г.

¹¹⁹ См.: Там же.

¹²⁰ См.: Там же, 23 июня.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

ИСТОРИОГРАФИЯ ФАШИЗМА И АНТИФАШИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ИТАЛИИ

Историография итальянского фашизма возникла в результате полемики, которая велась в первой половине 20-х годов между представителями политических партий, оппозиционных фашистскому режиму. Если для социалистов и коммунистов толчком для начала полемики послужил раскол рабочего движения в 1921 г., то для представителей буржуазных групп отправным моментом был провал попытки оппозиционных партий, объединившихся в 1924 г. в Авентинский блок, преградить путь наступлению фашистов. Введение в 1926 г. чрезвычайных законов и лишение оппозиционных сил возможности выражать свое мнение не дали возможности расширить и углубить эту полемику в Италии. Свое дальнейшее развитие дискуссия получила в эмиграции, где помимо деятелей оппозиционных партий оказались и многие итальянские историки.

Острые споры вначале вызвали две важнейшие проблемы: причины поражения послевоенного революционного движения итальянского пролетариата и приход к власти фашистов. С течением времени круг обсуждаемых проблем расширился, и в работах политических деятелей стали обсуждаться вопросы о характере фашизма, его корнях и анализировались перспективы исторического развития страны.

Наиболее остро по всем этим проблемам выступали представители молодой коммунистической партии. Авторы-коммунисты резко критиковали руководителей социалистического крыла рабочего движения. Они писали, что политика классового сотрудничества, проповедовавшаяся социал-реформистами, идейно разоружала пролетариат, в то время как отказ максималистского руководства социалистической партии от активного сопротивления фашизму обрекал рабочих на бездействие перед наступавшей реакцией.

Развернутая характеристика событий, связанных с приходом к власти фашизма, была дана в тезисах III съезда компартии, состоявшегося в 1926 г. в Лионе. В этих тезисах, написанных под руководством А. Грамши и получивших широкую известность, указывалось, что поражение революционного пролетариата в первые послевоенные годы «явилось результатом политических, организационных, тактических и стратегических слабостей партии трудящихся. Из-за этих слабостей пролетариату не удалось возглавить восстание подавляющего большинства населения и завершить его созданием рабочего государства... Поэтому победа, одержанная фашизмом в 1922 г., должна рассматриваться не как победа над революцией, а как последствие поражения, которое потерпели революционные силы в результате своей внутренней слабости»¹.

Этот вывод имел важное значение, поскольку он опровергал тезис реакционных буржуазных ученых, подхваченный затем фашистской историографией, что фашизм «спас Италию от большевистской опасности».

Итальянские марксисты одними из первых пытались определить социальную и политическую сущность фашизма. Еще в 1920 г. А. Грамши сформулировал сущность фашизма как системы террористических действий традиционных правящих групп с целью сделать невозможным приход к власти трудящихся классов.

Грамши выступал против утверждения, что приход к власти фашизма означает простую «смену буржуазных министерств». Эту точку зрения отстаивал А. Бордига, находившийся в то время во главе компартии. На первой национальной конференции партии, состоявшейся в мае 1924 г., Грамши доказывал, что фашистская диктатура не сводится к простой перестановке фигур внутри правящего класса, а означает приход к власти реакционных групп, открыто пренебрегающих традиционными принципами буржуазной демократии.

Разработку общих проблем истории Италии, необходимых для понимания причин возникновения фашизма, А. Грамши продолжил в работах, написанных в период тюремного заключения и опубликованных после второй мировой войны. В его «Тюремных тетрадах» слово «фа-

¹ Положение в Италии и задачи коммунистической партии Италии.— В кн.: Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953, с. 230.

пизм» встречается редко. Но высказываемые в них положения подчинены одной теме, которая не могла быть открыто сформулирована автором, находившимся под бдительным надзором тюремщиков: «Как это стало возможным? Как возник фашизм?». Отвечая на этот вопрос, Грамши писал, что в период объединения Италии не были выполнены основные задачи буржуазно-демократической революции и это послужило важнейшей предпосылкой превращения Италии в фашистское государство².

Анализом причин поражения рабочего класса занимались также социалисты. При этом некоторые из них уже в 20-х годах признавали серьезные ошибки старого руководства партии. Примером этому служит книга П. Ненни, в которой содержатся упреки в адрес лидеров социалистической партии. Главную причину ослабления руководства революционным движением Ненни, как и большинство социалистов, видел в расколе социалистической партии, а вину за это возлагал на коммунистов³. По мнению видного деятеля итальянского социал-реформизма Ф. Турати, приход к власти фашистов был подготовлен рядом факторов. Война создала материальные и психологические предпосылки для деятельности фашистов, ухудшив экономическое положение и приучив население к насилию. Однако главную причину успеха фашистов Турати видит в том, что рабочий класс в этот период дал себя увлечь «экстремистам». Несмотря на предупреждения «наиболее ясно видящих и умеренных руководителей», пишет Турати, социалистическая партия поддалась революционным иллюзиям и пыталась перенести в Италию «русский опыт». Если бы итальянские рабочие не прибегали к революционным методам борьбы, если бы они не начали захватывать фабрики, то капиталистам не понадобилось бы прибегать к услугам фашистов — к такому выводу пришел в 1927 г. бывший вождь итальянских социалистов⁴.

С социал-демократических позиций написан известный труд бывшего члена руководящей группы ИКП А. Таски⁵. Автор критикует максималистское крыло социалистической партии за полную неспособность от слов о революции перейти к делу. Но когда он пишет о правом

² Грамши А. Избр. произведения. М., 1957—1959. Т. 1—3.

³ Nenni P. Storia di quattro anni. Roma, 1946 (1-е изд.: 1928).

⁴ Schiavi A. Esilio e morte di F. Turati. Roma, 1956, p. 122—137.

⁵ Tasca A. Nascita e avvento del fascismo. Firenze, 1950.

крыле социалистов, то их главную ошибку усматривает в недостаточно последовательном осуществлении политики сотрудничества с буржуазными правительствами. Однако хорошо известно, что если максималисты ничего не делали для подготовки революции, то социал-демократы попросту противились идее революционного переворота. Что касается послевоенных правительств, то их главной задачей — и сам Таска этого не отрицает — было подавление рабочего движения при помощи фашистов.

Из представителей буржуазных и мелкобуржуазных антифашистских групп наиболее интересные мысли по проблемам, связанным с приходом к власти фашистов, высказывали либерально-радикальные историки и публицисты, позднее объединившиеся вокруг движения «Справедливость и свобода». Как правило, это были люди, прошедшие этико-моральную школу Бенедетто Кроче. Они с самого начала заняли резко антифашистские позиции. Для их работ была характерна острая критика довоенного либерального государства. Виднейший представитель этого направления П. Гобетти в своей книге⁶ писал даже, что нельзя говорить о кризисе довоенного государства, поскольку старые либеральные группы не сумели создать государства в полном смысле этого слова. В приходе к власти фашистов он видел «последнюю попытку реванша со стороны патриотической, придворной и мелкобуржуазной олигархии, которая на протяжении многих веков правила Италией, подавляя всякую народную инициативу». Автор выдвигал задачу осуществления «интегральной революции в экономической жизни и в сознании людей», которая установила бы «современные формы демократического образа жизни». Осуществить эту революцию должна была элита рабочего класса, который своей «непримиримостью и отказом от каких-либо компромиссов» был способен увлечь массы на восстание.

Видный исследователь «Южного вопроса» историк Г. Дорсо⁷ разделяет критику Гобетти в адрес либерального государства и старого руководства социалистической партии, которое, по словам Дорсо, «потонуло в революционной фразеологии». Дорсо решительно отказывался признать в приходе к власти фашистов «революцию» и утверждал, что революционное движение к этому времени окончилось и фашисты осуществили «карикатуру на

⁶ *Gobetti P. La rivoluzione liberale. Torino, 1948.*

⁷ *Dorso G. La rivoluzione meridionale. Torino, 1950.*

революцию», пользуясь поддержкой всех тех, кто боялся истинной революции. Дорсо, так же как и Гобетти, не считал фашизм «временной инфекцией», которая пройдет сама собой, и настойчиво искал социальные силы, которые были бы способны одержать победу над фашизмом. При этом в отличие от Гобетти, связывавшего судьбу демократии в Италии с пролетариатом Севера, Дорсо обращал свои взоры к крестьянству Южной Италии, в котором видел мощный потенциал революционной энергии.

Близко к левым либералам стоял известный историк Гаэтано Сальвемини, эмигрировавший из Италии после прихода фашистов к власти. В работах, написанных в годы эмиграции, он энергично опровергал тезисы фашистской пропаганды. Сальвемини писал, что «опасность большевизма» никогда не была в Италии, даже в 1919—1920 гг., настолько серьезной, как это утверждали фашисты. Во всяком случае, когда фашизм в Италии стал набирать силы, рабочее и социалистическое движение уже шло на убыль.

Фашизм, по мнению Сальвемини, представляет собой огромную опасность для всех цивилизованных наций, поскольку его идеология империализма и милитаризма в конечном счете приведет к войне⁸.

Лишь немногие представители традиционного либерализма дали фашизму с самого начала отрицательную оценку. Среди них следует отметить видного деятеля либеральной партии Дж. Амандолу. В своей книге⁹ он излагает весьма характерную для деятелей этой партии концепцию генезиса фашизма. По его мнению, только в рамках либерализма могут нормально развиваться все слои общества. Однако война способствовала возбуждению умов, что привело к возникновению большевизма и фашизма. Под натиском этих двух сил либеральное государство потерпело временное поражение. Общество должно неизбежно вернуться к либерализму, после того как фашизм рухнет в силу своего характера, противоречащего общечеловеческой морали.

Многие политические деятели и историки, тяготевшие к либеральной партии, в первые годы правления Муссолини благожелательно относились к фашистам. Типичную позицию в то время занимал Б. Кроче, который оправдывал приход фашистов к власти необходимостью «сохра-

⁸ *Salvemini G. Scritti sul fascismo. Milano, 1961.*

⁹ *Amendola G. Una battaglia liberale. Torino, 1924.*

нения порядка». «Если либералы,— писал он в 1923 г.,— не имели сил спасти Италию от анархии, к которой она двигалась, то они должны пенять только на себя и признавать заслуги других»¹⁰. Кроче, как и многие другие представители старых правящих групп, полагал, будто фашизм ограничится функцией вооруженной гвардии для охраны старых либеральных институтов, а фашисты придадут старому правящему классу недостающую ему энергию для сопротивления большевизму. Когда же фашизм повел наступление на либеральные институты, Кроче перешел в оппозицию и стал косвенно критиковать фашистский режим.

Из выступлений католических деятелей, находившихся в оппозиции к фашизму, интересны статьи руководителя Народной партии Л. Стурцо, написанные им в эмиграции¹¹. Эти статьи — страстный обвинительный акт против старых правящих групп, которые не только не оказали фашистам никакого сопротивления, но дали им в руки оружие и деньги. Поэтому нет ничего удивительного, пишет Л. Стурцо, что, когда Муссолини, выступая в парламенте в позе укротителя, назвал палату депутатов «глухой и серой залой», которую он намерен превратить в «бивуак для чернорубашечников», и заявил, что палате осталось жить «пару лет, а может быть пару дней», никто из либералов не поднял голоса протеста. Главную вину либералов Стурцо видел в том, что они препятствовали созданию системы хорошо организованных политических партий и не оказали поддержки «новым демократическим силам», т. е. Народной партии.

Исторические перспективы фашистского режима Стурцо оценивал более реалистично, чем Б. Кроче и его сторонники. Полемизируя с ними, он указывал, что нельзя считать фашизм лекарством, которое перестанет действовать с возвратом к норме итальянского политического организма, что такая мысль лишь удобная, но абсолютно необоснованная иллюзия, так как в истории нет примеров перехода тоталитарного государства в демократическое без того, чтобы народные волнения или война не побудили его к этому.

После прихода фашистов к власти некоторые итальянские деятели культуры превратились в апологетов фаши-

¹⁰ *Giornale d'Italia*, 1923, 29 ott.

¹¹ *Sturzo L. Il partito popolare italiano*. Bologna, 1957, vol. 3, p. 179—196.

стского режима. Среди них был и историк Дж. Вольпе и философ Дж. Джентиле. Джентиле, в прошлом правый либерал и националист, внес наибольший вклад в разработку идеологии фашизма. Фашистская доктрина, писал он, не является философией в обычном смысле этого слова. Фашизм не появился с готовой и ясной программой и в дальнейшем отказывался от ранее принятых принципов и концепций. Истинные решения фашизма, торжественно провозглашал Джентиле, это те, которые одновременно сформулированы и осуществлены. В качестве основной черты доктрины итальянского фашизма он указывал на ее тотальный характер, который касался не только государственного и политического устройства нации, «но всей ее воли, мыслей и чувств»¹². Джентиле выдвинул концепцию, согласно которой государство не только обладает своей собственной моралью, но и олицетворяет саму мораль как таковую.

Фашистские историки, в первую очередь Вольпе, стремились представить фашизм наследником всего великого, что было в истории Италии. Особое предпочтение в их работах отдавалось эпохе Римской империи, преемниками которой объявлялись фашисты. Кроме того, и Рисорджименто, по словам Вольпе, было «необходимым этапом для полного раскрытия фашизма». В работах Вольпе и писаниях историков менее крупного масштаба предтечами фашизма объявлялись Юлий Цезарь и Фома Аквинский, Макьявелли и Вико, Кавур и Гарибальди.

Что касается непосредственно периода фашизма, то особые усилия прилагались к тому, чтобы изобразить фашистов «спасителями» Италии от большевизма, анархии и разрухи. Апологеты фашизма утверждали также, что итальянский народ якобы безоговорочно одобрял установление фашистского режима¹³.

Особенно живо характеризовали фашистские идеологи те силы, которые противостояли фашизму. Джентиле называл социалистов «кучкой ни во что не верящих людей, эстетствующих в политике», и философски «обосновывал» террористическую расправу над всеми инакомыслящими рассуждениями о том, что прогресс достигается победой и подавлением одних людей другими.

¹² *Gentile G. Origini e dottrina del fascismo. Roma, 1929, p. 54.*

¹³ *Volpe G. Lo sviluppo storico del fascismo. Palermo, 1928; Idem, Guerra, dopoguerra. Venezia, 1928.*

Создать подлинную историю Италии за 20 лет фашистского режима стало возможным лишь после второй мировой войны. Демократизация общественной жизни, более свободный доступ к ранее закрытым архивам, опубликование многочисленных документов способствовали появлению разнообразных исторических трудов. Библиография работ, посвященных периоду фашизма и освободительной войне 1943—1945 гг., уже за первое 10-летие после окончания войны превысила 2 тыс. наименований.

Сразу после войны историография новейшего времени развивалась в основном вне «академических» учреждений, так как работавшие в них историки, как правило придерживавшиеся консервативных взглядов, отказывались заниматься этим периодом, выдвигая традиционное требование выждать, пока «улягутся политические страсти» и станет возможным «объективный подход к событиям».

В противовес этой позиции, скрывающей за собой вполне определенные политические расчеты, значительная группа историков — активных антифашистов — начала энергично отстаивать методологическую закономерность воссоздания истории недавнего прошлого. Поскольку правительственные организации проявляли полную незаинтересованность в расширении работ по этой проблематике, представители левого крыла антифашистского движения стали создавать собственные научные центры по изучению новейшей истории страны. Видную роль среди них играет Миланский институт истории освободительного движения в Италии, в создании которого приняли участие представители всех партий, возглавлявших антифашистское движение. Издаваемый институтом журнал «Мовименто ди либерационе ин Италия» освещает многие важные проблемы итальянской истории в период фашистской диктатуры.

Повышение роли рабочего класса и его авангарда — Итальянской коммунистической партии — в жизни послевоенной Италии способствовало усилению воздействия марксистских идей на все области культуры, в том числе и на историческую науку. Осуществление исторических предвидений марксистов, активная работа ИКП в идеологической области, опубликование неизвестных ранее произведений А. Грамши, а также работ П. Тольятти и других руководителей партии — все это создало условия для возникновения итальянской марксистской историографии и утверждения ее как одного из ведущих направлений в изучении истории Италии новейшего времени.

ИКП создала свой научный центр — Институт Грамши, журнал которого «Студи сторичи» публикует важнейшие материалы не только по истории рабочего движения, но и по всей новейшей истории Италии.

При рассмотрении проблем истории фашистского периода итальянские марксисты опираются на уже упоминавшееся положение о сущности фашизма, выработанное в рядах международного коммунистического движения: «...фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»¹⁴. Много фактов, подтверждающих этот вывод, содержится в сборнике «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», изданном в 1953 г. под редакцией П. Тольятти.

Авторы показывают, что основной причиной неудачи революционного движения и перехода фашистов в наступление после первой мировой войны было полное несоответствие между огромной силой масс и неспособностью старого руководства социалистической партии возглавить революционное движение. Поэтому раскол социалистической партии в 1921 г. и оформление ее левого крыла в коммунистическую партию не могли ослабить движения в целом. Наоборот, это было первым шагом к преодолению его органической слабости.

В сборнике опровергается тезис некоторых буржуазных историков о том, что империалистическая политика итальянского фашизма была связана с манией величия фашистских главарей и сумасбродством дуче. Господствующие группы итальянской буржуазии не только не оказывали никакого сопротивления этой политике, но и безоговорочно поддерживали ее.

Единство правящих кругов с фашистским правительством было нарушено только в результате поражения Италии во второй мировой войне.

Итальянские марксисты не ограничиваются опровержением «традиционных» точек зрения на важнейшие проблемы новейшей истории Италии. Опираясь на результаты, уже достигнутые исследователями, они широко используют преимущества марксистской методологии для глубокого анализа событий. Характерный пример этого —

¹⁴ Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М., 1935, с. 11.

работа историка-коммуниста П. Алатри. Начало формирования идеологии фашизма он связывает с распространением националистических концепций в период правления Джолитти. Касаясь вопроса об историческом генезисе фашизма, автор стремится показать, что фашизм, с одной стороны, был результатом слабости государственной организации Италии после объединения, а с другой — особым этапом борьбы между пролетариатом и капиталом¹⁵.

В итальянской буржуазной историографии послевоенного времени произошли значительные сдвиги. Миф Б. Кроче о предфашистской Италии, уверенно двигавшейся под руководством либералов по пути прогресса, никак не мог объяснить того факта, что она оказалась первой страной в Европе, где победил фашизм. Сам Кроче понимал это и писал, что «опасно искать в предыдущих годах причины несчастий, которые случились в последующем». Такой метод исследования, по его словам, порожден «незаконным использованием в истории необходимых связей между причиной и следствием»¹⁶.

Кроче много раз говорил о фашизме как о внезапной катастрофе, налете авантюристов, не имевших корней в прошлом, и даже как о «вспышке всеобщего безумия»¹⁷. Однако он отказывался заниматься проблемами фашизма, объявляя его «исторической паузой», необъяснимым «разрывом в истории Италии», который может служить лишь объектом критики. Методологическая бесплодность концепции Кроче очевидна, и он нашел мало последователей среди итальянских историков.

Даже Дж. Пертиконе, который уделяет мало места периоду фашистского режима на том основании, что «вся конструкция носила временный характер», рисуя картину неофашистской Италии, весьма расходится с положениями Кроче и утверждает, что приходу к власти фашистов предшествовал глубочайший кризис итальянской демократии, который был в то же время кризисом всего итальянского общества¹⁸.

В курсе лекций, прочитанных в 1950 г. известным историком Ф. Шабо¹⁹, стремление автора выйти за рамки этико-политической школы видно со всей отчетливостью.

¹⁵ Алатри П. Происхождение фашизма. М., 1961.

¹⁶ Croce B. Due anni di vita politica. Bari, 1949, p. 22—26.

¹⁷ Croce B. Pagine politiche. Bari, 1945.

¹⁸ Perticone G. L'Italia contemporanea dal 1871 al 1948. Milano, 1962.

¹⁹ Chabod F. L'Italia contemporanea (1918—1948). Torino, 1961.

Автор показал, что интересы промышленников и крупных аграриев побуждали их помогать приходу фашистов к власти и что в этом содержался «элемент классовой борьбы». Однако он считал, что такое объяснение событий неполно. По мнению Шабо, его следует дополнить тем, что он назвал буржуазным, точнее, мелкобуржуазным активизмом в сфере психологии.

Автор признает, что итальянские промышленники извлекали выгоды из войн, которые вел фашистский режим. В то же время, по его словам, «слишком смелым» было бы утверждать, что, например, война против Эфиопии велась «во имя прибылей монополистов».

В начале 60-х годов вышли в свет две обширные работы, которые до настоящего времени представляют собой наиболее капитальные исследования истории Италии фашистского периода. Первая из них — книга Л. Сальваторелли и Дж. Миры²⁰ — отличается чрезвычайно детальным изложением событий. Авторы сознательно ограничили свою задачу «систематизацией материалов по фашизму», их работа в значительной степени напоминает историческую хронику. Это не мешает, однако, выявить общую концепцию и политические симпатии авторов. Сальваторелли и Мира считают фашизм реакционным движением, возникшим в результате слияния муссолиниевского псевдореволюционаризма с национализмом и шовинизмом. Прибегая к беззастенчивой демагогии, фашисты сумели использовать противоречия в рядах старых либеральных групп и их страх перед большевизмом, а также расплывчатый патриотизм мелкой буржуазии. Историю фашистской Италии Сальваторелли и Мира рассматривают как постепенное движение страны к неизбежной катастрофе.

Политические симпатии авторов особенно четко угадываются, когда они пишут о деятельности сил, противостоящих фашизму. Они уделяют большое внимание близким им группам либерально-буржуазного направления, оставляя в тени наиболее грозных противников режима Муссолини — коммунистов. Более того, говоря о народном отпоре фашистам в начале 20-х годов, авторы утверждают, будто организованные коммунистами «группы народных смельчаков» копировали действия фашистов.

²⁰ *Salvatorelli L., Mira G. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1962.*

Вторая работа общего характера написана историком Ф. Каталано²¹ и представляет собой переработанное издание пятого тома его общей истории Италии²². По сравнению с первым изданием своей работы, посвященной политической истории фашизма, Ф. Каталано намного расширил экономико-социальные разделы. Анализируя процессы в экономике, происходившие в период фашистского режима, автор указывает на усиление разрыва между Северной и Южной Италией, рост диспропорций в развитии промышленности и сельского хозяйства, концентрацию предприятий. Автор исходит из положения о том, что массовой базой фашизма послужила мелкая буржуазия, вступившая в союз с крупной буржуазией. Руководящая роль в этом союзе постепенно перешла к последней, что и обусловило законченно-классовый характер фашистской диктатуры.

Почти половину книги Каталано отвел периоду войны и движению Сопротивления. Деятельности антифашистских сил в предыдущий 20-летний период истории Италии автор уделяет мало внимания. Он считает, что в 1932—1935 гг. фашизм «стабилизируется» и «растет вширь», что 1936 год был временем наибольшей популярности фашизма и что «весь итальянский народ» относился с симпатией к войне в Абиссинии. Автор проходит мимо процессов зарождения в Италии новых антифашистских сил, что создает известный разрыв между первой и второй частями книги, поскольку предпосылки Сопротивления в годы второй мировой войны по существу не раскрыты.

Итальянские антифашисты в послевоенные годы организовали циклы лекций, в чтении которых наряду с историками-профессионалами принимали участие крупнейшие политические деятели. На основе этих лекций были опубликованы коллективные работы, отличающиеся глубиной и разносторонней разработкой отдельных проблем фашизма.

Из трудов такого рода отметим сборник, вышедший в Турине под редакцией Ф. Антоничелли²³. Как пишет в предисловии редактор, авторы стремились показать, что фашизм не был ни непредвиденной паузой, ни неожиданным разрывом в истории Италии. Один из авторов сбор-

²¹ *Catalano F. L'Italia dalla dittatura alla democrazia. Milano, 1962.*

²² *Storia d'Italia. Torino, vol. 5, 1960.*

²³ *Trent'anni di storia italiana. Torino, 1960.*

ника, П. Алатри, доказал, что рост монополий во время первой мировой войны дал им возможность непосредственно воздействовать на политику правительства. Приход фашистов к власти представлял собой «превентивную контрреволюцию», осуществленную руководящими группами правящего класса, чтобы предотвратить возможность нового революционного натиска.

Другой автор, Л. Бассо, тщательно анализирует вопрос о силах, породивших фашизм. По его словам, такими силами были средние слои, помещики и крупные промышленники. Вначале крупные капиталисты, игравшие главную роль в этом блоке, рассматривали фашизм как оружие борьбы против рабочего движения и средство давления на правительство. Однако, по мере того как выявлялась беспомощность либерального государства, монополисты стали выдвигать более широкие цели: заменить старую государственную организацию новой, более соответствовавшей их интересам.

Тесную связь между национализмом и фашизмом иллюстрирует Н. Боббио. Он отмечает, что у фашистов не было самостоятельной идеологической программы, они обходились заимствованными у итальянских националистов наиболее шовинистическими лозунгами, сочетая их с яростным отрицанием демократии.

По мнению Ф. Вентури, именно в те годы, когда казалось, что фашизм подчинил себе всю жизнь в стране (период от Латеранских соглашений и до интервенции в Испании), начался тот процесс разложения фашистской диктатуры, который привел ее к краху. Это явление Вентури назвал «узлом всей истории фашизма».

Авторы сборника выступают против тезиса о «надклассовой природе» фашизма. В своей статье Р. Батталья приводит много фактов, свидетельствующих, что все группы правящего лагеря несут ответственность за политику войны, проводившуюся фашистским режимом. Тем самым автор показывает несостоятельность подхваченного реакционерами тезиса У. Черчилля о том, что «только один человек, Муссолини, виноват во всех несчастях Италии».

Несмотря на обилие литературы, ряд вопросов по истории итальянского фашизма разработан еще недостаточно. Сравнительно мало написано о фашизме в 30-е годы — о его экономической политике, корпоративном строе, его «руководстве» в области культуры. Гораздо большим вниманием пользуется внешняя политика. Ей посвящают-

ся, в частности, публикуемые под редакцией М. Тоскано специальные сборники дипломатических документов²⁴.

Обзор итальянской литературы по проблемам фашизма показывает, что безраздельно господствующее положение в исторической науке занимают работы авторов-антифашистов. Попытки реабилитации фашизма и апологии Муссолини, которые все более настойчиво предпринимаются в Италии крайними правыми партиями, почти не проникают в историографию. Исключением здесь служат лишь две книги реакционного историка А. Тамаро, стоящего на позициях воинствующего национализма²⁵. Автор хотя и критикует отдельные мероприятия фашизма и действия дуче, однако пытается доказать, что в целом фашизм соответствовал национальным интересам Италии и поэтому пользовался поддержкой народа. По словам Тамаро, только поражения итальянской армии во время второй мировой войны поколебали позиции фашизма и вызвали оппозиционное движение.

* * *

Особое место в новейшей истории Италии занимает антифашистская национально-освободительная война итальянского народа 1943—1945 гг. Политические силы, действующие в нынешней Италии, в значительной мере оформились именно в период освободительной войны. Это объясняет остроту историографических споров по вопросам Сопrotивления и четкую дифференциацию историков по признаку партийной принадлежности.

Видная роль в разработке проблем движения Сопrotивления принадлежит представителям Итальянской коммунистической партии. Коренные вопросы движения Сопrotивления — его характер, движущие силы, результаты — проанализированы в ряде работ и выступлений П. Тольятти, Л. Лонго, Дж. Амендолы и других руководителей компартии. Первые обобщающие труды по национально-освободительной войне также принадлежат перу авторов-коммунистов. Укажем прежде всего на книги Л. Лонго²⁶ и Р. Батталья²⁷. Лонго, один из главных

²⁴ Ministero degli affari esteri. I documenti diplomatici italiani. Roma, 1952.

²⁵ Tamaro A. Vent' anni di storia, 1922—1943. Roma, 1953; *Idem*. Due anni di storia, 1943—1945. Roma, 1948—1950.

²⁶ Лонго Л. Народ Италии в борьбе. М., 1952.

²⁷ Батталья Р. История итальянского движения Сопrotивления. М., 1954.

руководителей вооруженной борьбы, писал по свежим следам событий и дал общую картину напряженной борьбы итальянского народа против фашистского ига. Работа Батталья, опубликованная в 1953 г., до сих пор является одним из фундаментальных трудов по истории Сопrotивления.

Итальянские историки-коммунисты рассматривают движение Сопrotивления как великое национальное и социальное движение, как демократическую революцию, глубоко всколыхнувшую все социальные слои. Л. Лонго и Р. Батталья раскрыли позицию основных социальных сил итальянского общества в период национально-освободительной войны. Говоря об ИКП как об авангарде и решающей силе движения Сопrotивления, историки-марксисты констатируют неоспоримую историческую истину. В то же время они не принижают вклада в движение других политических и социальных сил; наоборот, они подчеркивают, что на стороне сражавшихся было большинство итальянского народа. В единстве антифашистских политических сил они видят решающее условие великой победы, одержанной в борьбе против фашизма.

Итальянские марксисты указывают, что программа коренного политического и социального обновления Италии, которую выдвигали передовые силы движения Сопrotивления, оказалась невыполненной. Определяя движение Сопrotивления как «великую демократическую революцию», какой Италия не знала никогда ранее, П. Тольятти отмечал, что эта революция была прервана в тот момент, когда она должна была приступить к реформам экономической структуры и укреплению нового руководящего политического класса²⁸.

В разработке вопросов движения Сопrotивления участвуют также историки и политические деятели, примыкающие к различным течениям социалистической и социал-демократической партий. Деятельность социалистической партии в движении Сопrotивления освещается в книгах Р. Карли-Баллолы²⁹ и Л. Бассо³⁰. Ф. Каталано, в то время член социалистической партии, выпустил в 1956 г. книгу о Комитете национального освобождения Северной Италии, организации, фактически руководившей борьбой итальянских патриотов. Автор показал, что внут-

²⁸ См.: XI съезд Итальянской коммунистической партии. М., 1960, с. 34.

²⁹ *Carli-Ballola R. Storia della Resistenza. Milano, 1957.*

³⁰ *Basso L. Il partito socialista italiano. Milano, 1958.*

ри руководящих органов движения Сопротивления было два течения: консервативно-патриотическое и революционно-демократическое. Сопротивление смогло приобрести массовый характер благодаря преобладанию второго течения, выдвигавшего широкую программу социального переустройства страны³¹.

В работах буржуазных и мелкобуржуазных авторов можно выделить две полярные тенденции. Первая группа авторов рассматривает национально-освободительную войну как «потерпевшую крах революцию», вторая — пытается представить Сопротивление движением, не ставившим перед собой социальных задач. Авторы первой концепции в своем большинстве принадлежали к Партии действия, образовавшейся на основе движения «Справедливость и свобода» и прекратившей свое существование в 1947 г. Некоторые ее представители склонны отождествлять крах этой партии, отличавшейся в период войны мелкобуржуазной ультрареволюционностью, с неудачей всего движения и на этом основании делать самые пессимистические выводы о его результатах.

Тезис о «крахе революции» обосновывается в сборнике «10 лет спустя»³², авторы которого чуть ли не главную задачу антифашистской историографии видят в том, чтобы выяснить, каким образом идеалы движения Сопротивления были «развеяны в прах суровой действительностью». Сама по себе постановка вопроса о несоответствии нынешней итальянской действительности идеалам участников движения Сопротивления вполне закономерна. Однако для историков из бывшей Партии действия она служит для полемики с компартией.

Большинство историков, стоявших близко к партии действия, подчеркивают социально-политический аспект движения Сопротивления, называя его гражданской войной и революцией и уделяя большое внимание участию в нем народных масс. По мнению Г. Сальвемини, без широкой народной поддержки движение Сопротивления было бы невысказанным; он придавал особое значение тому факту, что в этот период впервые в истории Италии крестьянство выступало на стороне прогрессивных сил. Ф. Шабо, бывший в период войны активным членом Партии действия, называл движение Сопротивления «поистине народной войной».

³¹ *Catalano F. Storia del CLNAI. Bari, 1956.*

³² *10 anni dopo. Bari, 1955.*

В то же время историки этого направления полагают, будто представители всех классов в одинаковой степени проявили высокий дух патриотизма и национального сознания. При этом некоторые авторы принижают способности народных масс к самостоятельным действиям. Бывший руководитель Партии действия Ф. Парри писал, что вклад в движение «индивидуальных и интеллектуальных сил, т. е. сил, которые можно назвать идеальными по отношению к вкладу трудящихся масс», имел решающее значение³³.

Иллюзии о способности просвещенной элиты руководить всеми классами привели Партию действия к краху. Однако пристрастие некоторых историков, вышедших из ее рядов, к абстрактной революционности толкает их к неверным выводам о причинах «краха» движения Сопротивления. Так, Л. Вальяни ищет эти причины не в реальной внутренней и международной обстановке того периода, а в том, что руководство движением недостаточно решительно противопоставило себя старому государству, иначе говоря, что ведущие партии страны, в том числе коммунистическая, не проявили достаточной революционной решимости³⁴.

В отличие от историков, близко стоявших к Партии действия и выделяющих в качестве движущих сил Сопротивления стремление народных масс к социальной справедливости, либерально-консервативные историки на первое место выдвигают моральную сторону вопроса. По их словам, не политические партии и требования социального обновления лежали в основе движения, а моральный протест каждого индивидуума против попрания фашистами традиционных буржуазных свобод. Б. Кроче вначале приветствовал движение Сопротивления, но, по мере того как становилось все более очевидным, что в ходе этой борьбы старые либеральные группы оказываются оттесненными на второй план, он стал выражать некоторое недовольство. Он писал, что эта война не является войной за свободу, так как «истинную свободу» невозможно завоевать силой оружия³⁵.

Историки, рассматривающие движение Сопротивления как борьбу только против иностранного гнета, по большей части представляют католическую историографию. Их

³³ Il movimento di liberazione in Italia, 1958, N 52/53, p. 189.

³⁴ 10 anni dopo, p. 338.

³⁵ Croce B. Quando l'Italia era tagliata in due. Bari, 1948.

вклад в разработку проблем национально-освободительной борьбы весьма скуден, так как свою главную задачу они сводят к попытке обосновать историческую закономерность прихода после войны к власти христианско-демократической партии. Эти историки рисуют движение Сопротивления легалитарным, лишенным революционного содержания движением, которое установило «подлинную демократию»; «истинный дух» его они усматривают в моральных, главным образом религиозных, мотивах. Католик П. Мальвестити утверждает даже, что в идеологическом отношении движение Сопротивления было «в гораздо большей степени католическим, нежели коммунистическим»³⁶.

Католическая трактовка Сопротивления наиболее полно отражена в книге Дж. Россини³⁷. Уравнивая понятия «народ» и «католики», автор утверждает, что Сопротивление привело к власти христианских демократов и ликвидировало тем самым разрыв между народом и государством, порожденный либеральным правлением. При этом автор затушевывает роль в движении городского пролетариата и выдвигает на первое место крестьянство, вдохновляемое, по его словам, сельскими священниками. Таким образом, стремление историков католического направления приспособить трактовку движения Сопротивления к политическим требованиям ведет к заведомому искажению фактов.

Для определения исторического значения движения Сопротивления и более глубокого понимания его внутреннего содержания большой интерес представляет дискуссия о закономерности термина «второе Рисорджименто» применительно к национально-освободительной войне 1943—1945 гг. Этот спор ведется в итальянской печати на протяжении многих лет. Среди буржуазных историков наиболее единодушны представители католического течения. Дж. Россини, П. Мальвестити и другие авторы усматривают преемственность между двумя историческими событиями в том, что, являясь «этическими и моральными» движениями, они подготовили приход к власти католической партии.

Л. Сальваторелли, часто выступающий с позиций официальной историографии, ищет связь между Рисорджименто и Сопротивлением в другой области. По его словам,

³⁶ *Malvestiti P. Achtung: Banditi. Milano, 1960.*

³⁷ *Rossini G. Il fascismo e la Resistenza. Roma, 1955.*

поскольку фашизм воплощал в себе «дух антирисорджименто», то антифашистское движение является законным наследником эпохи воссоединения Италии. По его мнению, близость между двумя движениями заключается в том, что они оба были выражением «извечной борьбы за свободу». В то же время из числа наследников Рисорджименто Сальваторелли исключает коммунистов и социалистов как не принадлежащих к «демократической оппозиции»³⁸.

Историки либерально-радикальных взглядов подходят к вопросу менее схематично. Сальвемини, например, видит в Сопротивлении «возобновление духа Рисорджименто», а в партизанской войне — осуществление мечты Мадзини о вооруженном повстанческом движении. Он пишет, что движение Сопротивления было моментом, когда итальянские города в массовом порядке возрождали дух «Пяти дней» Милана³⁹. В то же время некоторые историки, вышедшие из Партии действия, например Д. Ваккарини, склонны подчеркивать различие и между двумя эпохами. Это сторонники «европейского» толкования Сопротивления, которые видят главную отличительную черту Сопротивления в том, что оно превратилось в движение за «единую Европу», в то время как Рисорджименто не пошло дальше принципа национальности⁴⁰.

Ф. Каталано также на первое место ставит моменты, отличающие Сопротивление от Рисорджименто. По его словам, движение за объединение Италии было движением меньшинства, боровшегося не только против старых абсолютистских порядков, но и «против враждебности народных классов, в особенности крестьянства». Что касается движения Сопротивления, то оно, за исключением небольших групп фашистов, объединило в борьбе все классы, в том числе и крестьян. «Во время движения Сопротивления, — отмечает Каталано, — может быть, в первый раз в истории Италия достигла не формального, а действительного единства на основе глубоко осознанных общих идеалов». Таким образом, в трактовке Сопротивления Каталано сближается с теми историками, которые рассматривают его как всеобщее движение, не знавшее классовых различий.

С позиций историзма подходят к проблеме аналогии между двумя эпохами итальянские марксисты. Они ука-

³⁸ Il movimento di liberazione in Italia, 1953, N 22, p. 36.

³⁹ Aspetti della Resistenza in Piemonte. Torino, 1950, p. XIII—XVI.

⁴⁰ Il movimento di liberazione in Italia, 1953, N 22, p. 24.

зывают на целый ряд моментов, сближающих Рисорджименто и Сопротивление: историческую прогрессивность, революционный характер движений, совпадение некоторых общедемократических задач. В то же время историки-коммунисты подчеркивают, что за прошедшее между двумя эпохами столетие произошли коренные изменения в жизни итальянского общества, не позволяющие отождествлять два понятия.

Еще в 1943 г. коммунист Э. Куриель писал: эти различия могут быть сведены к тому, что 100 лет назад единственной реальной категорией был «народ», а затем исторической реальностью стали классы и партии⁴¹. П. Секкья, посвятивший вопросу о термине «второе Рисорджименто» специальное исследование⁴², пишет, что Сопротивление, так же как и Рисорджименто, было движением за независимость, свободу и социальный прогресс. Но эта борьба принимала различные формы, она преодолевала различные препятствия, а главное, ею руководили различные классовые силы. Если в период Рисорджименто борьба проходила под руководством буржуазии, то в новую историческую эпоху, когда прогрессивная роль буржуазии оказалась исчерпанной, безусловным гегемоном движения выступил рабочий класс, действовавший в интересах всей нации.

П. Тольятти указывал, что движение Сопротивления нельзя рассматривать как «вторую» войну за национальное освобождение. Историческая новизна его заключалась в том, что старые руководящие силы потерпели крах вместе с фашизмом и на первый план выдвинулись народные массы, способные самостоятельно решать важнейшие вопросы жизни государства, в том числе и военные⁴³. Вместе с тем, как справедливо писал Р. Батталья, прогрессивные историки не должны уступать понятие «второе Рисорджименто» тем, кто стремится выхолостить революционное содержание этих двух важнейших исторических событий⁴⁴.

1966 г.

⁴¹ *Curiel E. Classi e generazioni nel secondo Risorgimento. Roma, 1955.*

⁴² *Secchia P. Resistenza e Risorgimento. Biella, 1959.*

⁴³ *Rinascita, 1955, N 12, p. 752.*

⁴⁴ *Passato e presente, 1959, N 11, 12, p. 1440.*

ПОЛИТИКА АНГЛИИ И США В ИТАЛИИ В 1943—1945 гг.

Политика правительства Англии и США по отношению к европейскому движению Сопротивления является одной из наиболее острых и политически важных проблем второй мировой войны — достаточно сказать, что ей была посвящена международная конференция по истории Сопротивления, состоявшаяся в 1961 г. в Милане. Разработка этой проблемы постоянно наталкивалась на недостаток документов, ибо архивы английских и американских учреждений, осуществлявших связь с движением Сопротивления, как правило, недоступны для исследователей. Поэтому книга историков-коммунистов П. Секкья и Ф. Фрассати, внимательно обследовавших итальянские архивные фонды⁴⁵, представляет несомненный интерес для всех, занимающихся историей второй мировой войны.

Это первая работа, специально посвященная отношениям между правительствами западных держав и итальянскими антифашистами. Правда, имеются книги американского историка Н. Когэна «Италия и союзники»⁴⁶ и англичанина С. Харриса «Военное управление в Италии»⁴⁷, где затрагивается исследуемый вопрос. Но первая из этих книг посвящена в основном истории официальных отношений между правительствами, а вторая — политике Союзной военной администрации на занятой англо-американскими войсками территории.

В настоящее время большинство ученых, разрабатывающих историю второй мировой войны, в том числе и не принадлежащих к левым кругам, признают, что политика Англии и США, вопреки торжественным заявлениям их правительств в момент вступления Италии в войну против фашистской Германии, не имела ничего общего с национальными интересами Италии. Французский историк А. Мишель, американцы Н. Когэн и М. Сальвадори, итальянцы Ф. Вентури, Ф. Парри и Л. Вальяни сходятся на том, что английские и американские власти хотели предотвратить создание сильной армии национального освобождения на отвоеванной у гитлеровцев территории Италии, стремились ограничить движение Сопротивле-

⁴⁵ *Secchia P., Frassati F. La Resistenza e gli alleati. Milano, 1962, p. 483.*

⁴⁶ *Kogan N. Italy and the Allies. Cambridge, 1956.*

⁴⁷ *Harris C. R. S. Allied Military Government in Italy. L., 1957.*

ния и подчинить его своему контролю. Подобную позицию западных держав эти историки объясняют соображениями дипломатического характера, желанием не допустить превращения Италии в союзное государство.

Но имеется и другая сторона вопроса, которую буржуазные историки игнорируют или относят на второй план,— это опасение англо-американских правящих кругов, что массовое движение Сопротивления может послужить началом глубокого процесса революционного преобразования всего социального и политического строя Италии. Работа Секкьи и Фрассати особенно ярко иллюстрирует именно этот аспект, поскольку она опирается в первую очередь на документы специальных служб, установивших непосредственные сношения с итальянским Сопротивлением, минуя традиционные дипломатические пути.

На первом этапе движения (осень 1943 г.— весна 1944 г.) эти связи осуществлялись почти исключительно через Швейцарию, где обосновались американский резидент А. Даллес и английский — Мак-Кефферы. При первых же контактах итальянским представителям стало ясно, что они столкнулись с совершенно противоположной концепцией партизанского движения, которое, по мысли англичан и американцев, должно было сводиться к действиям небольших групп диверсантов и разведчиков, контролируемых союзными миссиями. Комитет же национального освобождения Северной Италии настаивал на необходимости создания мощной партизанской армии с единым командованием, обладающей полной политической и оперативной самостоятельностью.

Итальянские патриоты пошли не по тому пути, на который их толкали представители английской и американской политики. Этим и объясняется, почему партизаны Италии так долго ждали обещанной помощи, почему так настойчиво англичане и американцы пытались наладить связи с представителями консервативных течений, не входивших в комитеты национального освобождения. Планы представителей Англии и США хорошо передает отрывок из письма Мак-Кефферы Комитету национального освобождения Северной Италии: «Много времени тому назад я вам говорил, что наибольшим военным вкладом, который вы можете внести в дело союзников, является постоянная и разветвленная диверсионная работа. Вы захотели создать отряды... Отряды сражались хорошо, и мы это знаем. Но вы захотели создать армию. Кто

вас просил об этом? Конечно, не мы. Вы это сделали из политических соображений»⁴⁸.

Весной 1944 г., когда наступление англо-американских войск, казалось, предвещало скорое освобождение всей территории страны от гитлеровских войск, интерес США и Англии к итальянскому движению Сопротивления усилился. Союзное командование, конечно, понимало, что активные действия партизан способны существенно ослабить немецкую оборону. Но у него все большее беспокойство вызывало усиление влияния итальянских левых партий. Эти противоречивые соображения постоянно сказывались в политике англо-американцев.

Как пишут авторы рецензируемой книги, официальные обращения союзного командования к партизанам весной 1944 г. и особенно после занятия Рима в июне того же года как будто указывали на стремление более широко использовать военную поддержку партизан. Однако уже к осени стало ясно, что противоположная тенденция одержала верх. Кульминационным моментом этой политики было пресловутое обращение союзного командующего в Италии Александра 13 ноября 1944 г. с предложением партизанам разойтись по домам.

Однако ни отсутствие обещанной помощи, ни начало немецкого контрнаступления против партизан осенью 1944 г., ни послание Александра не могли приостановить развитие итальянского Сопротивления, укрепление его единства и боеспособности. Англо-американское командование все более ясно понимало необходимость официально определить отношения с руководящими органами движения. С этой целью в Рим была приглашена делегация КНО Северной Италии, представлявшая основные антифашистские партии.

П. Секкья и Ф. Фрассати в своей книге показывают, в какой острой обстановке пришлось делегации КНО Северной Италии вести переговоры. Трудности обуславливались не только тем, что итальянские партизаны испытывали всю тяжесть зимнего немецкого контрнаступления, в котором участвовало не менее трети всех гитлеровских дивизий, находившихся в Италии. В меньшей степени позицию делегации ослабляло поведение представителей правых партий, входивших в правительство и группировавшихся вокруг И. Бономи. В дни, когда велись переговоры, эти партии спровоцировали кризис, очевидной

⁴⁸ *Secchia P., Frassati F. Op. cit., p. 99.*

целью которого было удаление из правительства представителей левых сил. Почувяв стремление консервативных элементов расколоть единство антифашистского фронта, англичане и американцы в ходе переговоров значительно изменили тон. Лишь в последний момент делегации партизан удалось добиться официального признания КНО Северной Италии, хотя англо-американские представители обещали рекомендовать это итальянскому правительству с самого начала переговоров.

Заключительные разделы книги свидетельствуют о том, что западные державы до конца военных действий придерживались курса на сдерживание партизанских сил и поддержку консервативных элементов. Весной 1945 г. в адрес КНО Северной Италии и местных партизанских командований одно за другим начали прибывать послания, в которых повторялся все тот же совет заниматься исключительно «диверсиями и сбором информации». В условиях бурного подъема народно-освободительного движения это звучало полным анахронизмом. Только 25 апреля штаб союзников наконец сообщил партизанам, что немцы начали отходить, и призвал «нападать на колонны противника». Но этот призыв запоздал: итальянские партизаны еще накануне получили приказ КНО Северной Италии о начале всеобщей забастовки и народного восстания.

В качестве приложения к книге П. Секкьи и Ф. Фрассати поместили три обширных отчета английской специальной службы о действиях итальянских партизан на заключительном этапе движения Сопротивления. Документы занимают значительную часть текста исследования, и то, что авторы предпочитают говорить языком фактов, придает особую убедительность выводам, к которым они приходят. Книга П. Секкьи и Ф. Фрассати предоставляет в распоряжение историков необходимую документацию по одному из важнейших вопросов итальянского Сопротивления. Это тем более важно, что полемика по данному вопросу долгое время велась на основании незначительного количества источников.

1963 г.

О КНИГЕ МАУРО ГАЛЛЕНИ «СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ В ИТАЛЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ»

Книга итальянского коммуниста Галлени о советских гражданах, сражавшихся бок о бок с итальянскими патриотами в годы движения Сопротивления, является плодом его многолетней работы. Благодаря настойчивости автора, охватившего своими изысканиями все провинции Италии, где шла партизанская борьба, ему удалось установить, что число советских людей в рядах итальянского Сопротивления было значительно большим, чем это считалось до сих пор. Почти 5 тыс. имен называет Галлени, исследовавший партизанские архивы и опросивший руководителей и участников движения. Несмотря на то что ему не удалось провести обследование всех 725 бригад, существовавших в Италии к концу войны, установленные им цифры могут считаться почти исчерпывающими. В конце книги Галлени приводит таблицу распределения советских партизан по областям и провинциям, а также имена 425 советских граждан, погибших в боях за свободу Италии.

О том, что итальянские коммунисты высоко оценили работу, проведенную Галлени, говорит тот факт, что предисловие к книге написал Л. Лонго, в то время генеральный секретарь ИКП. Он отметил в нем, что книга Галлени приводит к двум важным выводам. Первый из них — это широкая симпатия, которой были окружены советские граждане, очутившиеся в Италии. Этот факт особенно знаменателен, поскольку в течение почти 20 лет итальянские фашисты пытались привить населению ненависть ко всему советскому. Второй вывод, который подчеркивает Лонго, — это необходимость продолжения борьбы за мир и справедливость, которую вели бок о бок итальянские и советские патриоты в годы второй мировой войны.

Автор книги указывает два пути, которыми попадали советские граждане в ряды итальянского движения Сопротивления. Первый — это бегство из гитлеровского плена. К моменту начала движения Сопротивления в Италии — осенью 1943 г. — в стране находилось около 80 тыс. военнопленных разных национальностей. После краха фашистского режима многие из них бежали из лагерей, но лишь около 15% присоединялись к партизанам. Исключение

составляли советские граждане — около 90% из них вступали в партизанские отряды.

Галлени начинает свою книгу главой о первых контактах итальянского населения с советскими военнопленными, которые оказались в лагерях на территории Италии весной 1942 г. Он рассказывает несколько ярких эпизодов солидарности итальянцев с советскими людьми, сохранившимися в невыносимо тяжелых условиях. Настоящими героями этого времени были женщины, пишет автор. Именно они, рискуя жизнью, оказывали посильную помощь пленным и укрывали тех, кому удавалось бежать. Он отмечает также, что среди тех, кто активно помогал бежавшим военнопленным, были и рядовые церковнослужители.

Переходя к центральной теме книги — участию советских партизан в движении Сопротивления после 8 сентября 1943 г., автор ведет свой рассказ по географическому принципу, переходя от одной области к другой, с юга на север. Он делает это с большой тщательностью, подробно останавливаясь на наиболее выдающихся эпизодах, но не забывая упомянуть о тех советских людях, о которых в документах или в памяти участников остались даже самые скудные сведения. Имена некоторых участников движения Сопротивления в Италии уже известны советскому читателю: это герой Советского Союза Федор Полетаев, сражавшийся вместе с братьями Черви, Анатолий Тарасов, командир русского батальона Переладов. Наряду с ними Галлени рассказывает о героическом поведении многих советских граждан, о которых ранее ничего или почти ничего не было известно. Иногда ему удается воссоздать, проследить историю группы советских партизан на протяжении длительного периода времени, а в некоторых случаях это лишь один яркий эпизод, героическая смерть или подвиг.

На всем протяжении повествования автор стремится быть предельно точным, он не подвергает рассказы о действиях советских и итальянских партизан никакой беллетристической обработке. Это придает книге документальную достоверность.

Читатель получает доказательство широкого участия советских людей в итальянском Сопротивлении. Не было провинции и даже крупного соединения, в котором не присутствовал бы свой Иван, Николай, Михаил или еще какой-либо партизан, известный часто только по своему имени или псевдониму.

Автор отмечает также горячее стремление советских людей к активной борьбе против гитлеровцев с оружием в руках. В то время как бежавшие из плена англичане, американцы и представители других наций стремились перебраться в Швейцарию или отсидеться в крестьянских хижинах, советские люди искали любой возможности для того, чтобы продолжить борьбу с фашизмом.

Важный момент, который также подчеркивает автор,— особые симпатии итальянского населения к русским. Это объяснялось не только сходностью национальных характеров, но главным образом тем, что советские люди представляли в их глазах страну социализма, с которой итальянцы связывали свои надежды на лучшее будущее.

Советские люди рисуются в книге как смелые, решительные бойцы, многие из которых совершили героические подвиги, известные далеко за пределами своего отряда и оставившие долгую память в душах итальянцев. Патриотизм, стремление высоко держать честь советского человека отличали действия руководителей групп русских партизан. Автор приводит рассказы многих итальянцев о героизме советских партизан.

Наибольшее число русских сражалось в рядах движения Сопротивления в Эмилии, где действовали целые группы бойцов, такие, как батальон Переладова; в Пьемонте, где отряды, состоявшие в основном из грузин, были ударной силой гарибальдийских бригад Москателли, и в Тоскане, где русские присутствовали почти в каждом крупном отряде.

Небольшое заключение, помещенное в конце книги, автор озаглавил «Гордость». Он говорит в нем, что итальянское Сопротивление гордится тем, что в его рядах были русские бойцы, которые отдавали борьбе все, ничего не требуя взамен. Они это делали потому, что сознавали необходимость борьбы с фашизмом. Большое число павших на поле боя, а также награжденных или представленных к награде говорит об их высоком боевом духе и сознательности.

Книга Галлени не является художественным произведением, она строго документальна. Тем не менее ее тема и содержание должно привлечь широкие круги советского читателя.

1968 г.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО АНТИФАШИЗМА

Борьба народов против фашистских режимов в годы второй мировой войны была одним из выдающихся исторических событий нашего века. В этой борьбе за независимость, свободу, демократию и прогресс мужество и инициатива народных масс, их роль главного действующего лица истории проявились особенно наглядно. Поэтому историки и публицисты охотно обращаются к этим ярким страницам истории народов. Литература, посвященная этой теме, весьма многочисленна и разнообразна: наряду с воспоминаниями участников, публикациями документов и исследованиями частных проблем в настоящее время накопилось уже значительное количество обобщающих работ, рисующих развернутую картину движения Сопротивления в различных странах.

В Италии вышел в свет первый том «Энциклопедии антифашизма и Сопротивления»⁴⁹, подготовленный издательством «Ла Пьетра» под руководством видного деятеля национально-освободительной войны Пьетро Секкьи. Энциклопедия рассчитана на пять томов, которые должны дать сводную историю борьбы итальянского народа против фашизма. Сам факт появления такого рода издания свидетельствует о неослабевающем интересе в Италии к изучению истории антифашистской борьбы и ее уроков, актуальных и для наших дней.

Избранная составителями форма энциклопедического словаря позволила привлечь к участию в работе широкий круг квалифицированных авторов — при этом наряду со специалистами-историками в списке авторов значится много имен непосредственных участников событий.

Одна из центральных задач, неизбежно возникающих перед составителями энциклопедического издания, — это определение правильных пропорций, удельного веса каждого факта по отношению к другим и ко всему явлению в целом. Со стороны составителей энциклопедии требовалось большое чувство исторической ответственности и скрупулезное знание всех деталей, для того чтобы избежать упущений, преувеличения заслуг одних и принижения вклада других. В общем эта задача в книге решена успешно. Л. Лонго, бывший одним из главных руководи-

⁴⁹ Enciclopedia dell' antifascismo e della Resistenza. Milano: La Pietra, 1968, vol. 1, p. 743.

телей движения Сопротивления, рецензируя энциклопедию⁵⁰, назвал пропорциональность и соразмерность ее элементов главной характерной чертой издания. Безусловно, в дальнейшем, учитывая, что энциклопедия является первым опытом такого рода, потребуются некоторые уточнения и дополнения в характеристиках, добавление новых имен и сокращение некоторых описательных статей. Но уже сейчас можно сказать, что общая картина антифашистского движения в Италии рисуется в ней с исторической полнотой и достоверностью.

В предисловии к энциклопедии П. Секкья пишет, что по замыслу составителей она должна стать историей идей движения и историей его участников. Вышедший в свет первый том свидетельствует о том, что этот замысел осуществляется также успешно. В него вошли прежде всего статьи о политических партиях, внесших наибольший вклад в движение. Они дают представление о своеобразном лице каждой партии, о различии их идеалов — от утверждения необходимости ограничить свои задачи изгнанием оккупантов и до постановки вопроса о социалистической перспективе, о сложном процессе достижения единства в рядах движения Сопротивления, послужившего залогом победы. Выдающаяся роль, которую сыграла в движении коммунистическая партия, объясняется не только тем, что она создала больше партизанских отрядов, чем другие партии, и мобилизовала рабочих на предприятиях на поддержку вооруженной борьбы, но и тем, что коммунисты выступали наиболее убежденными и последовательными сторонниками единства антифашистских рядов. Общая платформа борьбы вырабатывалась в комитетах национального освобождения, статьи о которых также вошли в первый том энциклопедии.

Что касается «людей Сопротивления», то энциклопедия является поистине уникальным источником информации в этой области. Она не ограничивается сведениями о видных деятелях антифашистского лагеря, а посвящает специальные статьи всем тем, кто сыграл активную роль в военной или политической борьбе того периода. Особое внимание уделяется борцам, отдавшим жизнь за свободу и независимость родины. В статьях о фашистских лагерях смерти содержатся списки итальянцев, погибших как на территории Италии, так и в других странах. В энциклопедию включены также сведения о противниках движения Сопротивления — представителях фашистской верхушки,

⁵⁰ L'Unità, 1969, 5 генн.

гитлеровских генералах, руководивших оккупацией Италии и расправами над патриотами, итальянцах, запятнавших себя предательством. Особенно интересны политически заостренные статьи о представителях крупного капитала — они наглядно раскрывают тесные связи фашизма с монополистическими кругами.

Для того чтобы не упустить ничего, что связано с антифашистским движением в Италии, авторы прибегли к интересному методологическому приему. Многие статьи энциклопедии носят названия городов, провинций или других географических пунктов. В них содержатся краткие общие сведения об этих местах, за которыми следует подробное описание фактов, связанных с антифашистской борьбой. Такой же принцип положен в основу статей о крупнейших предприятиях Италии, служивших центрами борьбы рабочего класса.

Подробно и квалифицированно выполнены статьи, рассказывающие о военной истории Сопротивления; в них описываются сотни сражений, боевых стычек и отдельных операций, проведенных итальянскими патриотами. Эти статьи, как правило, снабжены картами-схемами, облегчающими анализ реального хода боевых действий. Обилие картографического материала, в значительной степени оригинального, является отличительной чертой издания.

Очень уместной детализацией для такого рода целенаправленного труда представляется включение статей, раскрывающих значение основных условных выражений и обозначений, принятых во время движения Сопротивления. В качестве одного из примеров назовем статью под названием «Альдо говорит двадцать шесть на один». Сопровождавший ее текст поясняет, что речь идет об условном сигнале, переданном из центра для начала всеобщего наступления партизан Пьемонта.

Статьи об итальянском антифашизме и движении Сопротивления в Италии составляют основное содержание энциклопедии. Однако руководители издания не склонны рассматривать эти явления изолированно в пространстве и времени. Как справедливо отмечает в своей рецензии Л. Лонго, они считают эти события частью «великого революционного движения нашего века, которому его первый и наиболее мощный толчок дал Октябрь 1917 г. и которое в наши дни находит свое продолжение и развитие в освободительной борьбе, ведущейся народами столь многих стран против империализма»⁵¹.

⁵¹ Ibid., 5 genn.

Связи итальянского движения Сопротивления с более широкими историческими процессами подчеркиваются обогащением тематики энциклопедии по нескольким направлениям. Прежде всего это сделано путем расширения географических рамок основного сюжета. Читатель находит в энциклопедии сведения об антифашистской борьбе и освободительном движении других народов Европы, об основных этапах второй мировой войны. Материалы энциклопедии убедительно свидетельствуют о том, что освободительная борьба народов Европы проходила под решающим воздействием побед Советского Союза на главном фронте борьбы с фашизмом.

Итальянских партизан объединяли с патриотами других стран не только общие идеалы. В ряде случаев эти связи носили более непосредственный характер. Так, например, партизаны Пьемонта сотрудничали с французскими франтирерами, в рядах самих итальянских партизан храбро сражались многие антифашисты из других стран, в том числе советские люди, среди отрядов югославской освободительной армии имелись итальянские части и т. д.

Другая линия, по которой составители энциклопедии углубили проблематику движения Сопротивления,— это тесная связь антифашизма с борьбой итальянского народа за политический и социальный прогресс в предшествующий период истории. Особое место среди статей, посвященных событиям и людям дофашистской Италии, занимает эпоха объединения страны — Рисорджименто. И это понятно, если вспомнить о тех связях, которые породили эти два великих этапа в истории Италии и привели к определению движения Сопротивления термином «второе Рисорджименто». Не случайно коммунистическая партия назвала создаваемые ею бригады именем Гарибальди, а имена Мадзини, Пизакане и других героев прошлого носили многие формирования патриотов по всей Италии.

Наконец, еще одно направление, по которому энциклопедия выходит за пределы итальянского антифашизма,— это история международного рабочего и коммунистического движения. Статьи о выдающихся деятелях международного рабочего движения освещают в первую очередь те стороны их деятельности, которые оказывали влияние на развитие событий в Италии. Подчеркивая значение освободительной борьбы народов в годы второй мировой войны, составители энциклопедии включили в нее много

статей о национально-освободительном движении народов всего земного шара в послевоенные годы.

Вполне естественно, что всякая специализированная энциклопедия — это прежде всего обобщение и систематизация уже накопленных знаний по определенной тематике. Рецензируемая энциклопедия не является исключением из этого правила. Однако в освещении истории итальянского антифашизма еще имеется много белых пятен. Поэтому целый ряд статей энциклопедии носит характер самостоятельных исследований, основанных на неизвестном или малодоступном материале. Всюду, где авторам удастся привлечь неопубликованную документацию, они стремятся предоставить ей максимум места. Кроме того, ряд статей по-новому трактует проблематику Сопротивления, открывая новые направления ее изучения. Таковы, например, статьи «Искусство и Сопротивление», «Кино и Сопротивление», показывающие большое влияние освободительной войны на культуру послевоенной Италии.

Энциклопедия антифашизма и движения Сопротивления представляет собой интересное и полезное издание, необходимый источник достоверной информации для всех, кто занимается и интересуется проблемами истории Италии. Она написана в расчете на самые широкие круги читателей и способна служить хорошим ориентиром для молодых поколений итальянцев, которые найдут в ней ответы на многие вопросы современности. На протяжении долгих лет ей суждено быть одним из фундаментальных источников для ознакомления с историей одной из величайших битв итальянского народа за свободу. В других формах и другими методами эту борьбу продолжает в наши дни итальянский рабочий класс, сплачивая вокруг себя, как и в период национально-освободительной борьбы, широкие народные массы.

1969 г.

БИБЛИОГРАФИЯ ОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ Г. С. ФИЛАТОВА

1954

[Рец.:] Выдающийся труд по истории рабочего и коммунистического движения в Италии: (Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии: Сб. ст. и документов. Пер. с ит./Общ. ред. Пальмиро Тольятти.— М.: Изд-во иностр. лит., 1953.— 678 с.).— *Вопр. истории*, № 2, с. 152—159.

1955

[Рец.:] Батталья Р. История итальянского движения Сопротивления (8 сент. 1943 г.— 25 апр. 1945 г.) / Пер. с ит. Г. Д. Богемского и др.; Под ред. Н. А. Ковальского.— М.: Изд-во иностр. лит., 1954.— 658 с.— *Вопр. истории*, № 3, с. 165—168.

1961

Руководящая роль ИКП в движении Сопротивления (1943—1945 гг.).— В кн.: 40 лет Итальянской коммунистической партии.— М., с. 122—140.

Апрельское восстание.— В кн.: СИЭ, т. 1, стб. 663—664.— Совместно с Г. В. Горшковым.

1962

Бадольо.— В кн.: СИЭ, т. 2, стб. 41—42.

Авт. главы: Антифашистское движение Сопротивления в годы второй мировой войны / Под ред. В. П. Бондаренко, П. И. Резонова.— М.: Соцэкгиз.— 733 с.

Из содерж.: Гл. 15. Италия, с. 591—645.

Журнал по истории итальянского движения Сопротивления.— Новая и новейшая история, № 4, с. 133—145.

Проблемы движения Сопротивления в Италии (1943—1945 гг.) и их отражение в итальянской историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 18 с.

1963

Гарибальдийские бригады.— В кн.: СИЭ, т. 4, стб. 110.

Международная теоретическая конференция.— *Вопр. истории КПСС*, № 3, с. 150—152.

[Рец.:] История первых лет жизни Итальянской компартии (Togliatti P. La formazione del gruppo dirigente del partito comunista italiano.— Roma, 1962).— *Коммунист*, № 5, с. 114—117.

[Рец.:] Из истории движения Сопротивления в Италии (Secchia P., Frassati F. La Resistenza e gli alleati.— Milano, 1962).— *Новая и новейшая история*, № 5, с. 163—164.

[Рец.:] Trent'anni di storia italiana (1915—1945).— Torino: Ed. Einaudi, 1961.— 387 p. (Тридцать лет истории Италии (1915—1945 гг.).— Турин, 1961.— 387 с.).— Новая и новейшая история, № 1, с. 157—160.

Проблема второго Рисорджименто в историографии итальянского Сопротивления.— В кн.: Объединение Италии: 100 лет борьбы не независимость и демократию. Сб. ст./Предисл. К. Мизиано; Рецкол.: С. Д. Сказкин (отв. ред) и др.— М.: Изд-во АН СССР, с. 208—237.

1964

Газете итальянских коммунистов — сорок лет.— Вопр. истории КПСС, № 2, с. 95—98.

Итальянские коммунисты в движении Сопротивления.— М.: Мысль.— 224 с.— Рец.: *Комолова Н. П.* Борьба течений в историографии итальянского движения Сопротивления.— Новая и новейшая история, 1965, № 1, с. 155—156; *Realtà sovietica*, 1965, N 145.

1965

Последние дни Муссолини.— Новая и новейшая история, № 2, с. 76—88, № 3, с. 48—59.

Начинали они так — а вот как кончили.— Неделя, 2—8 мая, № 19, с. 22—23.

Исключительные (чрезвычайные) законы 1926.— В кн.: СИЭ, т. 6, стб. 326.

Итальянская либеральная партия.— В кн.: СИЭ, т. 6, стб. 678.

Итальянская республиканская партия.— В кн.: СИЭ, т. 6, стб. 684—685.

Авт. разделов: Всемирная история: В 10-ти т./ Гл. редакция: Е. М. Жуков (гл. ред.) и др.— М.: Мысль.— Т. 10/ Под ред. В. В. Курасова (отв. ред.).— 727 с.

Из содерж.: Гл. XI, разд. 3, подраздел: Движение Сопротивления в Италии в 1944 г., с. 371—374. Гл. XIV, разд. 2, подраздел: Народное восстание в Северной Италии, с. 460—462.

1966

Историография фашизма и антифашистского движения в Италии.— Новая и новейшая история, № 6, с. 140—150.

Антонио Грамши: (К 75-летию со дня рождения).— Вопр. истории КПСС, № 1, с. 108—112.

За единство рабочего класса капиталистических стран.— В кн.: Против реформизма, за единство рабочего движения: Сб. ст./ Рецкол.: Е. М. Жуков (гл. ред.) и др.— М.: Мысль, с. 13—36.— Совместно с Ш. М. Окропиридзе.

1967

Национально-освободительная война итальянского народа.— В кн.: СИЭ, т. 10, стб. 45—50.

Партия действия.— В кн.: СИЭ, т. 10, стб. 892.

[Рец.:] Дель Бокка А., Джованна М. Сыновья солнца. Полвека фашизма на земном шаре. Милан, 1965.— Новая и новейшая история, № 2, с. 166—168.

Ред.: Борьба коммунистических партий за демократию и социализм: Сборник.— М.: Мысль.— 312 с.

Разгром итальянской экспедиционной армии на советско-германском фронте.— Воен.-ист. журн., № 4, с. 44—54.

Взлет и падение Галеаццо Чиано (Кризис фашистской верхушки в Италии).— Новая и новейшая история, № 4, с. 69—81; № 5, с. 41—51.

Авт. глав: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки: (Учеб. пособие для ист. фак. / Отв. ред. И. С. Галкин).— М.: Изд-во МГУ.— 598 с.

Из содерж.: Ч. I, гл. VII. Итальянская историография, 1918—1945, с. 155—170. Ч. II, гл. XIV. Итальянская историография, 1945—1964, с. 505—526.— Совместно с И. В. Григорьевой.

Авт. раздела: Основные этапы развития мирового революционного процесса после Октября / Под ред. Е. М. Жукова.— М.: Мысль.— 616 с.

Из содерж.: Раздел III. Вторая мировая война и ослабление позиций империализма и реакции, с. 247—360.— Совместно с В. В. Лезиным и Л. М. Минаевым.

Восточный поход Муссолини.— М.: Междунар. отношения. 183 с.— Ред.: Комолова Н. П.— Новая и новейшая история, 1969, № 5, с. 160—164; Серова О. В.— История СССР, 1970, № 1, с. 169—170; Рычков В.— Воен.-ист. журн., 1970, № 2, с. 85—86; Unità, 1969, 7 mar.; Corriere della sera, 1969, 1 mar.; Giorno, 1969, 1 mar. Пер. на ит. яз.: Filatov G. S. La campagna orientale di Mussolini.— Milano: Mursia, 1979.— 220 p. Ред.: Rassegna sovietica, 1980, N 1/2; Tutti libri, 1979, 15 sett.; Giornale nuovo, 1979, 20 sett.; Novantesimo minuto, 1979, 22 ott.; Repubblica, 1979, 16 sett.; Avvenire, 1979, 13 dic.; Resto del Carlino, 1979, 7 nov.; Panorama, 1979, 22 ott.; Corriere della sera, 1979, 14 ott.; Giorno, 1979, 11 ott.; Stampa, 1980, 4 genn.; Gazzettino, 1979, 9 nov.; Volontario d'Italia, 1979, N 9, sett.; Gazzetta del popolo, 1979, 21 ott.; Politica ed economia, 1981, N 1, genn.

1969

«Сало республика».— В кн.: СИЭ, т. 12, стб. 489.

[Ред.:] Энциклопедия итальянского антифашизма (Enciclopedia dell'antifascismo e della Resistenza.— Milano: La Pietra, 1968, vol. 1. А — С; Энциклопедия антифашизма и Сопротивления. Милан: Ла Пьетра, 1968, т. 1. А — С).— Пробл. мира и социализма: Теорет. и информ. журн. ком. и рабочих партий, № 9, с. 93—95.

[Ред.:] Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии (1919—1929 гг.). М.: Наука, 1968.— Вопр. истории, № 11, с. 176—178.

1970

Апрельское восстание 1945.— В кн.: БСЭ. 3-е изд., т. 2, стб. 395—397.— Совместно с Г. В. Горшковым.

Крах фашистского режима в Италии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— М.— 45 с.

Авт. главы: Герои Сопротивления / Сост. А. Я. Манусевич, Ф. А. Молок.— М.: Просвещение.— 210 с.

Из содерж.: Италия, с. 178—215.

То же.— 2-е изд., испр. и доп.— М.: Просвещение, 1977.— 296 с. с ил.,— с. 176—212.

[Рец.:] Комолова Н. П. Новейшая история Италии. М.: Просвещение, 1971.— Новая и новейшая история, № 6, с. 170—172.

Борьба Итальянской коммунистической партии против фашистской диктатуры в годы второй мировой войны (1939—1945).— В кн.: Боевой авангард трудящихся Италии: 50 лет Итальянской коммунистической партии. Сборник / Сост.: С. И. Дорофеев, Ю. Н. Панков.— М.: Политиздат, с. 124—136.

Редкол. и авт. глав: История Италии: В 3-х т. / Редкол.: С. Д. Сказкин и др. М.: Наука. Т. 3. / Под ред. С. И. Дорофеева (отв. ред.) и др.

Из содерж.: Гл. 2. Усиление империалистических тенденций фашистской Италии, с. 88—143. Гл. 2. Вторая мировая война и крах фашистского режима в Италии, с. 144—182.

[Рец.:] Наумов В. К. Коммунисты Италии. М.: Международные отношения, 1972.— Вопр. истории КПСС, № 7, с. 137—140.

[Рец.:] Вопросы революционной стратегии рабочего класса: (Политические битвы в странах капитала / Под ред. С. С. Салычева.— М.: Междунар. отношения, 1971).— Мировая экономика и междунар. отношения, № 1, с. 145—148.

Авт. главы: Новейшая история, 1918—1939: Курс лекций для студентов ист. фак. / Под ред. В. В. Александрова.— М.: Высш. шк.— 584 с.

Из содерж.: Лекция 7. Италия в 1918—1939 гг., с. 177—202.

Итальянский фашизм и его крах.— Новая и новейшая история, № 1, с. 102—120; № 2, с. 109—125; № 3, с. 114—127.

[Рец.:] Komolova N. Storia contemporanea d'Italia. М.: Ed. Prosvescenie, 1961, p. 318 — Realtà sovietica, N 3.

Италия 1918—45.— В кн.: БСЭ. 3-е изд., т. 11, стб. 25—30.

Итальянская историческая наука.— В кн.: БСЭ. 3-е изд., т. 11, стб. 67—69.— Совместно с В. И. Рутенбургом и Л. М. Брагиной.

[Рец.:] Борьба коммунистов капиталистических стран за фундаментальные преобразования: Сборник.— М.: Мысль.— 282 с.

[Рец.:] Жизнь и политика генерала де Голля. (Молчанов Н. Генерал де Голль.— М., 1972).— Междунар. жизнь, № 6, с. 126—128.

Крах итальянского фашизма.— М.: Наука.— 492 с.— Рец.: Бочаров И. Н.— Вопр. истории, 1973, № 9, с. 162—164; Ковальский Н. А.— Новая и новейшая история, 1974, № 1, с. 193—195; Амбарцумов Е.— Лит. газ., 1973, 26 дек.; Risaliti R.— Rassegna sovietica, 1973, N 3, magg.— giugno, p. 162—163; Unità, 1973, 14 dic.; URSS oggi, 1973, N 27. Пер. на пол. яз.: Filatow G. S. Upadek wloskiego faszyzmu.— W-wa: Ksiązka i Wiedza, 1977.— 628 s. Пер. на ит. яз.: Filatov Jurij. La caduta del fascismo / Pref. di A. Scalpelli.— Milano: Teti editore, 1980.— 380 p.

1974

Полвека дипломатических отношений.— Известия, 6 февр.

Правительства «левого центра» и перспективы единства действий итальянского рабочего класса.— В кн.: Опыт и перспективы совместных действий коммунистов и социал-демократов: (Материалы научной конференции, состоявшейся в АОН при ЦК КПСС 18—19 апреля 1973 г.)— М., с. 184—205.— В надзаг.: Академия общественных наук при ЦК КПСС. Каф. междунар. ком. и рабочего движения.

Авт. главы: Новейшая история, 1918—1939: (Учеб. для студентов ист. фак. гос. ун-тов / Редкол.: И. С. Галкин (гл. ред.) и др.— М.: Высш. шк.— 640 с.

Из содерж.: Гл. 9. Италия 1918—1939 гг., с. 343—370.

Шестая конференция советских и итальянских историков.— Вопр. истории, № 8, с. 170—172.— Совместно с А. Н. Чистозвоновым.

Проблемы фашизма и антифашизма в современной итальянской историографии.— В кн.: Критика современной буржуазной и реформистской историографии: Сборник / Отв. ред. А. А. Искендеров.— М.: Наука, с. 137—172.— Совместно с Н. П. Комоловой.

То же.— In: *Kritika súčasnej buržoáznej e reפורmistickej historiografie.*— S. l.: Peter Gregus, 1977.

1975

Отв. ред.: Проблемы итальянской истории: Сборник. М.: Наука.— 258 с.

Авт. глав и разделов: Новейшая история, 1939—1973: (Учеб. для студентов ист. фак. гос. ун-тов / Редкол.: И. С. Галкин (гл. ред.) и др.— М.: Высш. шк.— 624 с.

Из содерж.: Гл. I. Вторая мировая война, разд. II. Главные капиталистические страны в годы войны, с. 32—49.— В соавторстве с Н. В. Сивачевым, Н. Ф. Мочульским, В. П. Смирновым, В. Т. Фоминым. Гл. 12. Италия, 1945—1970 гг., с. 318—351.

1976

Отв. ред.: Коммунисты и проблемы современного молодежного движения: Сборник.— М.: Мысль.— 303 с.

La politica dell'Unione Sovietica nei confronti dell'Italia alla fine della seconda guerra mondiale.— In: *L'Italia dalla liberazione alla repubblica.*— Milano: Feltrinelli Editore, p. 133—144.

Вопросы истории фашизма и современность.— Коммунист, № 13, с. 99—109.

Идеология итальянского неофашизма.— В кн.: Критика идеологии неофашизма / Под ред. Е. Д. Модржинской и др.— М.: Мысль, с. 243—258. Пер. на нем. яз.: *Kritik der Ideologie des Neofaschismus.*— В., 1978, S. 192—203.

1977

Авт. главы: Новейшая история, 1939—1975 гг. Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» / Курс лекций под ред. В. В. Александрова.— М.: Высш. шк.— 624 с.

Из содерж.: Лекция 19. Италия, с. 406—433.

Неофашизм в Италии.— Новая и новейшая история, № 1, с. 100—118, № 2, с. 120—136.

Демократические силы Италии против неофашизма.— М.: Мысль.— 174 с.— Рец.: *Дорофеев С. И.*— Новая и новейшая история, 1978, № 1, с. 189—191; *Галкин А. А.*— Вопр. истории, 1978, № 7, с. 179—184; *Гинцберг Л. И.*— Рабочий класс и современный мир, 1978, № 2, с. 183—184; *Rivista di storia contemporanea*, 1978, genn.

1978

[Рец.:] Левоe студенческое движение в странах капитала / Отв. ред. С. С. Салычев.— М.: Наука, 1976.— Вопр. истории, № 10, с. 165—168.

Отв. ред.: Проблемы итальянской истории: Сборник.— М.: Наука.

Ред.: Великая Октябрьская социалистическая революция и страны Западной Европы.— М.: Наука.— 219 с.— Чл. редкол. совместно с В. Д. Кульбакиным и С. П. Пожарской.

Послесл.: Вершинин Л. А. Отныне и навсегда.— М.: Дет. лит.— 240 с.— с. 234—238.

Die Bedeutung der Arbeiten Antonio Gramscis für die Historiographie des italienischen Faschismus.— In: Antonio Gramsci — Revolutionär und Internationalist.— В.: Dietz Verl., S. 41—54.

Отв. ред., авт. введ. и главы: История фашизма в Западной Европе. Редкол.: Г. С. Филатов (отв. ред.) и др.— М.: Наука.— 613 с.

Из содерж.: Введение, с. 3—13; гл. 3. Фашистский корпоративизм и империализм. Крах фашистского режима в Италии, с. 98—143. Рец.: *Галкин А. А.*— Новая и новейшая история, 1979, № 1; *Галкин И. С.*— Вопр. истории, 1979, № 10, с. 140—143; *Ruge W.*— *Ztschr. Geschichtswiss.*, 27. Jahrgang, 1979, H. 4, S. 368—370.

1979

Основные направления работы сектора новейшей истории капиталистических стран Западной Европы.— Новая и новейшая история, № 6, с. 208—211.

[Рец.:] Serra E. Nitti e la Russia.— Bari: Dedalo libri, 1975 (Серра Э. Нитти и Россия. Бари, 1975).— Новая и новейшая история, № 1, с. 199—201.

1980

Пальмиро Тольятти: выдающийся деятель итальянского и международного коммунистического движения.— Новая и новейшая история, № 4, с. 75—92; № 5, с. 74—84; № 6, с. 85—106.— Совместно с Н. П. Комоловой.

1981

Чл. редкол. и авт. статьи: Фашизм и антидемократические режимы в Европе.— М.: Наука.— 190 с.

Из содерж.: Типология фашистских режимов и особенности итальянского фашизма, с. 9—18.

Die kommunistische Bewegung im Lichte der Beschlüsse des XXVI. Parteitages der KPdSU und des X. Parteitages der SED.— In: Wissenschaftliche Beiträge der Parteihochschule «Karl Marx» beim ZK der SED, H. 2. Wissenschaftliche Konferenz zu den Karl-Marx-Tagen: Die SED — Garant des siegreichen Sozialismus in der DDR, 7. und 8. Mai, 1981, S. 109—114.

Ред. и авт. рец.: Проблемы мирового революционного процесса / Редкол. Ю. А. Красин (отв. ред.) и др.— М.: Мысль.— 300 с.

Из содерж.: [Рец.:] Коммунисты Испании в борьбе с фашизмом (Мещеряков М. Т. Испанская республика и Коминтерн. М.: Мысль, 1981), с. 279—285.

The treat of fascism today.— In: Papers on some problems of political science (to the 12th World Congress of the Intern. Polit. Science Association) / Ed. by D. A. Kerimov. Yu. A. Krasin.— М.: Progress, p. 69—80.

Роль итальянского фашизма в развязывании второй мировой войны.— В кн.: Причины возникновения второй мировой войны.— М.: Наука, с. 49—58.

[Рец.:] Рахмиров П. Ю. Происхождение фашизма.— М., 1981.— Новая и новейшая история, № 5, с. 190—192.

[Рец.:] Кин Ц. И. Италия конца XIX века. Судьбы людей и теорий.— М., 1978; Кин Ц. И. Италия на рубеже веков.— М., 1980.— Новая и новейшая история, № 6, с. 187—189.— Совместно с П. Ю. Рахмировом.

Отв. ред. и авт. статьи: Проблемы итальянской истории: Сборник.— М.: Наука.

Из содерж.: Советско-итальянские дипломатические отношения в 1924—1932 гг., с. 3—28.

Пальмиро Тольятти: Очерк жизни и деятельности.— М.: Политиздат.— 222 с.— Совместно с Н. П. Комоловой.— Рец.: *Богорад В. А.* Выдающийся революционер и мыслитель.— *Коммунист*, 1983, № 5, с. 91—100; *Борисов А.* В авангарде революционной борьбы.— В мире книг, 1983, № 3, с. 4—6; *Risaliti R.*— *Rassegna sovietica*, 1983, N 6, p. 197—198.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ

Г. С. ФИЛАТОВА

Симонов К. Не забыто и не будет забыто.— *Правда*, 1969, 28 февр.

Богорад В. А. Защита докторской диссертации.— *Новая и новейшая история*, 1971, № 4, с. 201—209.

Risaliti R. Il VI convegno degli storici italiani e sovietici.— *Rassegna sovietica*, 1974, N 5; *Idem.*— *Rassegna sovietica*, 1984, N 1.

Лилов Г. Ленинизмъ — творческо обновление на света.— *Антели*, 1980, № 42, 15 окт. На болг. яз.

Адимов В. А., Черкасов Р. Ф. В честь юбилеев коммунистических партий.— *Вопр. истории КПСС*, 1981, № 6, с. 147.

Г. С. Филатов. Некролог.— *Сов. Россия*, 1982, 28 янв.

Г. С. Филатов. Некролог.— *Новая и новейшая история*, 1982, № 3, с. 220—221.

Комолова Н. П. Проблемы новейшей истории Италии в трудах Г. С. Филатова.— В кн.: *Проблемы итальянской истории*. М., 1983, с. 29—63.

Составитель *Н. Г. Филатова*

СОДЕРЖАНИЕ

О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ
Г. С. ФИЛАТОВА

3

1

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ФАШИЗМА И АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЫ

История фашизма и современность

24

Историческое значение разгрома фашизма в Европе
в ходе второй мировой войны

40

2

ИТАЛЬЯНСКИЙ ФАШИЗМ И ЕГО КРАХ

Социальная демагогия и методы господства фашизма

53

Разгром итальянской экспедиционной армии
на советско-германском фронте

87

Взлет и падение Галеаццо Чиано

102

Последние дни Муссолини

136

379

**БОРЬБА ПРОТИВ ФАШИЗМА
ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ ИТАЛИЮ**

**Вклад Антонио Грамши
в изучение итальянского фашизма**

173

**П. Тольятти — организатор борьбы
итальянских коммунистов против фашизма**

184

Г. Димитров и П. Тольятти

196

Итальянское движение Сопротивления

202

Герои Сопротивления

238

**Политика Советского Союза по отношению к Италии
в конце второй мировой войны**

259

День Итальянской республики

273

НЕОФАШИЗМ И БОРЬБА ПРОТИВ ЧЕРНОЙ ОПАСНОСТИ

Неофашизм в Италии

277

**Итальянские демократы
против неофашистской «стратегии напряженности»**

312

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Историография фашизма и антифашистского движения
в Италии

340

Политика Англии и США в Италии в 1943—1945 гг.

360

О книге Мауро Галлени «Советские партизаны
в итальянском движении Сопротивления»

364

Энциклопедия итальянского антифашизма

367

Библиография опубликованных трудов Г. С. Филатова
(Составитель Н. Г. Филатова)

- 372

ГЕОРГИЙ СЕМЕНОВИЧ ФИЛАТОВ

**ФАШИЗМ, НЕОФАШИЗМ
И АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА
В ИТАЛИИ**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории Академии наук СССР
и Академией общественных наук при ЦК КПСС

Редактор издательства Е. А. Мишакова
Художник А. А. Кущенко
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор М. Ю. Соловьева
Корректоры Р. С. Алимова, Г. Г. Петропавловская

ИБ № 28277

Сдано в набор 22.12.83
Подписано к печати 2. 04. 84
Т-02361. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 20,26. Усл. кр. отт. 20,36. Уч.-изд. л. 22,5
Тираж 3350 экз. Тип. зак. 3553
Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7. Москва В-485, Профсоюзная ул. 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 10

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ВЫХОДЯТ КНИГИ**

В. М. Далин

**ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ
ВО ФРАНЦИИ
18 л. 2 р. 50 к.**

Сборник статей одного из крупнейших специалистов по истории Франции представляет большой научный интерес. Он охватывает широкий круг вопросов и продолжительный отрезок времени — от Великой французской революции до 1917 г. Почти все статьи написаны на основе архивных материалов, впервые обнаруженных и использованных автором. Книга открывается статьей, освещающей научный путь автора.

Ю. П. Мадор

**СТАЧКА В БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ
17 л. 2 р. 50 к.**

В монографии анализируется история развития стачечной борьбы рабочего класса при капитализме, социологический и социально-психологический механизм стачечного действия. На обширном фактическом материале дореволюционного российского, западноевропейского и американского рабочего движения дается периодизация стачки, рассматриваются ее формы и функции. Особое внимание уделяется теоретической разработке вопросов массового действия, а также критике немарксистских и антимарксистских концепций. Аналогичного обобщающего исследования нет ни в советской, ни в зарубежной историографии.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192, Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091	Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);	196034	Ленинград, В/О, 9 линия, 18;
370005	Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);	220012	Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
320093	Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);	103009	Москва, ул. Горького, 19а;
734001	Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);	117812	Москва, ул. Вавилова, 55/7;
375002	Ереван, ул. Туманяна, 31;	630076	Новосибирск, Красный проспект, 51;
664033	Иркутск, ул. Лермонтова, 289;	630090	Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
420048	Казань, ул. Достоевского, 53;	142292	Пушино, Московская обл., МР, «В», 1;
252030	Киев, ул. Ленина, 42;	620151	Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
252030	Киев, ул. Пирогова, 2;	700029	Ташкент, ул. Ленина, 73;
252142	Киев, проспект Вернадского, 79;	700100	Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
252030	Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);	700187	Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
277012	Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);	634050	Томск, наб. реки Ушайки, 18;
843900	Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;	450059	Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
660049	Красноярск, проспект Мира, 84;	450025	Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
443002	Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);	720001	Фрунае, бульвар Держинского, 42 («Книга — почтой»);
191104	Ленинград, Литейный проспект, 57;	310078	Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).
199164	Ленинград, Таможенный пер., 2;		

2р.60к.

Г.С. ФИЛАТОВ